Фонд
ИНДЕМ

Г.А. Сатаров, В.Л. Римский, Ю.Н. Благовещенский

Социологическое исследование российской судебной власти

НОРМА

Москва – Санкт-Петербург
2010

УДК 342.565: 340.115.4: 340.115.7: 340.114.5: 316.334.4
ББК 60.5+67.71
С21

Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н.
С21 **Социологическое исследование российской судебной власти.** –
СПб.: Норма, 2010. – 536 с.

ISBN 978-5-87857-171-5

Книга представляет читателю основные социологические результаты проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив», основанные на применении количественных методов. Проект проводился Фондом ИНДЕМ в течение 2007–2009 гг. В основу проекта была положена идея, согласно которой функционирование судебной власти определяется, помимо ее институционального устройства, заданного нормативными актами, другими факторами, среди которых история судебной власти, функционирование взаимосвязанных с ней институтов, неформальные нормы и практики, правосознание судей и клиентов судебной власти и т.п. Это определило высокий удельный вес социологии в проекте. В данной книге, второй в серии книг, выходящих по результатам проекта, читатели найдут подробный анализ данных двух опросов на выборках граждан и предпринимателей, а также анализ результатов экспертизы функционирования судебной власти, проведенной в России и нескольких транзитных странах. Книга предназначена для научных работников – социологов, правоведов, политологов, преподавателей вузов, студентов и аспирантов, а также практических работников в сфере права, государственного и муниципального управления.

ISBN 978-5-87857-171-5

ББК 60.5+67.71

© Г.А. Сатаров, В.Л. Римский,
Ю.Н. Благовещенский, 2010
© Фонд ИНДЕМ, 2010
© Норма, оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

Часть I. Основные результаты анализа данных опросов граждан и предпринимателей 16
Глава 1. Методика исследования 17
1.1. Методика и организация опросов граждан и предпринимателей. Описание выборок 18
1.2. Построение типологий по ответам на вопросы с множественным выбором ответа 25
1.3. Построения типологий по ответам на табличные вопросы . 35
1.4. Социальный интеллект 39
Глава 2. Основные характеристики практик взаимодействия граждан и предпринимателей с судами 41
2.1. Участие граждан и предпринимателей в судебных процессах. 41
2.2. Ожидания респондентов от участия в судебных процессах . 61
2.3. Какие проблемы граждане и предприниматели решают в судах. 73
Глава 3. Особенности взаимодействия граждан и предпринимателей с судами 81
3.1. Причины обращений в суды граждан и предпринимателей 81
3.2. Действия граждан в ситуациях, которые могли быть разрешены в судебных разбирательствах 87
3.3. Оценки респондентами подготовки и проведения судебных разбирательств. 98

3.4. Как исполнялись судебные решения, полученные гражданами и предпринимателями . . . 113
3.5. Оценка предпринимателями уровня взяточничества в судах. . . . 122
3.6. Готовы ли граждане и предприниматели обращаться в суды . . . 127
Глава 4. Потребление информации о работе судов . . . 134
4.1. Интерес к информации о работе судов . . . 134
4.2. Мотивы интереса . . . 138
4.3. Предпочитаемые источники информации . . . 142
4.4. Доступ к информации . . . 144
4.5. Структура интереса . . . 150
Глава 5. Готовность обращаться в суд . . . 158
5.1. Уровень моральной готовности граждан обращаться в суд . 158
5.2. Выбор гражданами внесудебных методов защиты своих интересов . . . 171
5.3. Отказ граждан от обращения в суд в практических ситуациях. . . . 180
Глава 6. Диспозиции граждан и предпринимателей. . . . 193
6.1. Оценка судов и судей. . . . 193
6.2. Доверие судам . . . 212
6.3. Суждения «о сущем и должном» . . . 231
6.4. Сопоставление оценок разных видов судопроизводства . . 251

Часть II. Изучение правосознания граждан и предпринимателей 256

Глава 1. Микроанализ . . . 264
1.1. Поддержка независимости судебной власти . . . 264
1.2. Поддержка концепции естественного права . . . 274
1.3. Законопослушание . . . 279
1.4. Поддержка независимости судебных решений . . . 287
1.5. Нетерпимость к нарушению законов . . . 292

Глава 2. Построение шкал и типологий правосознания . . . 298
2.1. Проверка согласованности . . . 298
2.2. Построение переменных. . . . 301
2.3. Проверка надежности . . . 309
2.4. Проверка валидности . . . 310
Глава 3. Макроанализ . . . 346
3.1. Взаимосвязи между шкалами правосознания . . . 346
3.2. Анализ взаимосвязей: Поддержка независимости судебной власти . . . 354
3.3. Анализ взаимосвязей: Поддержка концепции естественного права . . . 358
3.4. Анализ взаимосвязей: Законопослушание . . . 363
3.5. Анализ взаимосвязей: Поддержка независимости судебных решений . . . 372
3.6. Анализ взаимосвязей: Нетерпимость к нарушению законов . 376

Обсуждение результатов частей I и II . . . 381
Главный вопрос: состоятельность результатов . . . 381
Элементы динамики . . . 384
Обсуждение наших результатов . . . 386
Методические выводы . . . 391

Часть III. Анализ экспертных оценок судебной власти в России и транзитных странах . . . 392

Глава 1. Методика проведения экспертизы и анализа экспертных оценок . . . 394
1.1. Методические предпосылки . . . 394
1.2. Экспертная анкета и ее проведение . . . 395
1.3. Построение индексов . . . 397
Глава 2. Россия: микроанализ. . . . 403
2.1. Анализ отказов от ответа. . . . 403

2.2. Анализ вопросов, не ассоциированных с характеристиками . . . 408
2.3. Анализ вопросов, указывающих на специфичность судебной практики . . . 413
2.4. Анализ вопросов, представляющих самостоятельный интерес . . . 418
Глава 3. Россия: макроанализ . . . 431
3.1. Сопоставление оценок для разных экспертных групп . . . 431
3.2. Сопоставление критериев . . . 436
3.3. Проверка Гипотезы 1 . . . 440
3.4. Портреты профессиональных групп экспертов . . . 446
Глава 4. Изучение шести транзитных стран . . . 459
4.1. Сравнение стран на уровне вопросов. Проверка Гипотезы 2 . . . 460
4.2. Макроанализ. Проверка Гипотез 1 и 3 . . . 467
4.3. Портреты стран . . . 482
Глава 5. Обсуждение полученных результатов и основные выводы . . . 504
5.1. Субъективность экспертных оценок и надежность выводов . . . 504
5.2. Поле права в соотношении с другими субполями власти . . . 508
5.3. Основные выводы . . . 518
Заключение . . . 528
Использованная литература . . . 530
Состав Электронного приложения . . . 532

Предисловие

Вниманию читателя предлагается вторая книга, являющаяся главным итогом большого амбициозного проекта Фонда ИНДЕМ с адекватным проекту сложным названием «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив»[1]. Почему проект так называется, каковы его истоки и содержание, какие работы выполнены в ходе реализации проекта, обо всем этом любопытный читатель может узнать из Вводной главы первой книги, которая вышла ранее, – «Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа». В этой первой книге сосредоточены основные результаты проекта и итоги их осмысления, обобщения. В том числе читатель найдет в ней краткое изложение (сокращенное примерно в три раза) результатов, изложенных в настоящей книге. Можно использовать сокращенное изложение из первой книги в качестве введения к данной работе, в которой мы попытались представить наши социологические результаты более подробно, хотя и не исчерпывающе.

Если наш проект дал какие-то новые полезные результаты, то этим мы обязаны многочисленным экспертам, консультантам и партнерам нашего проекта. Длинный список благодарностей, который мы бы с радостью привели, но сочли назойливым повторять, можно найти в Предисловии к первой книге.

[1] Проект в целом финансировался Фондом Форда. Опрос предпринимателей был осуществлен при поддержке Центра международного частного предпринимательства (CIPE), который помог нам привлечь средства Агентства США по международному развитию (USAID).

В этой книге читатели найдут результаты анализа, местами скрупулезного, даже непривычно скрупулезного, данных двух социологических опросов клиентов поля права[2] – граждан и предпринимателей. Мы рассматриваем их как, еще раз повторим, клиентов поля права, поскольку наша жизнь происходит в этом поле, даже если мы этого не осознаем. Некоторые из наших респондентов оказываются клиентами более узкого поля – юридического поля, когда встают перед необходимостью защищать свои права или когда власть находит необходимым охватывать респондентов своими полномочиями. А некоторые из этих респондентов становятся клиентами судебного поля, по собственной инициативе или помимо таковой.

Прежде всего, нас интересует практика взаимодействия респондентов с юридическим и судебным полями. В связи с этим мы анализируем отношение респондентов к этим взаимодействиям и к их результатам. Функционируя в рамках трех перечисленных полей, их клиенты формируют свои представления, оценки, ожидания, что мы также анализируем, объединяя единым термином – диспозиция. Самостоятельное место в системе диспозиций респондентов относительно трех перечисленных полей мы уделяем правосознанию[3]. Естественно, что мы рассматриваем взаимосвязи между практикой респондентов и их диспозициями.

Несколько методологических замечаний без подробных обоснований[4]. Мы различаем социологические факты и статистические факты. Частота выбора ответа на некоторый вопрос анкеты является статистическим фактом, но не обязательно социологическим. Социологические факты имеют шанс на появление только тогда, когда анализируются взаимосвязи между статистическими фактами (тут возможно использование не только статистических методов, но и аккуратных сопоставлений фактов). Да и то не всякая статистическая зависимость между социологическими переменными является социологической зависимостью. (Типичный пример – зависимости ответов респондентов на некоторые вопросы от возраста.) В указанном смысле Главы 2 и 3 первой части больше тяготеют к изложению статистических фактов. Это оправдано, поскольку речь идет о практике респондентов и ее

[2] Терминологические разъяснения можно найти в нашей первой книге во Вводной главе.

[3] Наше понимание этой категории рассматривается в начале Части 2 настоящей книги.

[4] Для этого сейчас готовится отдельная книга.

зависимости от позиционных переменных или переменных, характеризующих результативность практики. В остальных главах предпринимаются попытки докопаться до социологических фактов и закономерностей. В какой мере это удалось – судить читателю.

Частично в силу указанной причины, ответы на отдельные вопросы, как правило, являются для нас вспомогательным материалом, и часто – исходным строительным материалом для конструирования вторичных переменных, которые, на наш взгляд, имеют более основательную и надежную социологическую интерпретацию. Этот подход пронизывает всю книгу. Поэтому каждая из трех ее частей начинается с методической главы, в которой описываются и обосновываются конструируемые нами вторичные переменные.

Тут возникает одна сложность. Система позиций, практик и диспозиций, которую мы изучаем, образует (при простейшем подходе) некоторую сеть, которая не может быть преобразована в линейную последовательность. Книжный текст всегда линеен, даже если мы применяем ссылки и гиперссылки. Оптимальный порядок изложения не всегда существует. Поэтому неизбежно в тексте книги читатели найдут отсылки к более дальним фрагментам текста. С этим надо смириться. Тут, правда, есть общепринятый в науке выход из положения: книга прочитывается дважды. Первый раз бегло – для общего знакомства с содержанием; второй раз – медленно и вдумчиво. Но это всего лишь рекомендация коллегам, которые сочтут наше исследование достойным такого внимания.

Включенные в книгу результаты анализа двух опросов разделены нами на две части. Вторая часть целиком отведена правосознанию. Мы бы рады сказать, что это сделано для удобства читателей, но у нас нет уверенности в конечном результате. Поэтому честнее будет признать, что это сделано для нашего собственного удобства.

Поставщиками исходных данных для третьей части книги были агенты юридического поля, которые отвечали на вопросы большой экспертной анкеты, распространявшейся в России и еще в пяти странах. Эта анкета в большей степени, нежели анкеты социологических опросов, была сосредоточена на судебном поле. Тем самым мы получили возможность взглянуть на функционирование судебного поля с двух точек зрения – с позиции агентов и с позиции клиентов. Там, где были возможны прямые сопоставления, мы это сделали.

Теперь немного о логике проекта и исследования (за всеми подробностями обращаем к первой книге). Многообразие методов,

подходов, инструментов «склеивалось» в нашем исследовании базовым набором характеристик, через призму которых мы изучали функционирование судебной власти. Вот эти характеристики:

– доступность правосудия;

– справедливость правосудия, трактуемая как процедурная справедливость[5]:

– независимость судебных решений;

– независимость судебной власти как института.

Здесь две первые характеристики имеют смысл главных «потребительских качеств» правосудия, причем довольно независимых. Третья характеристика описывает одно из существенных качеств, способствующих процедурной справедливости. А последняя характеристика – это важнейшее институциональное свойство, поддерживающее возможность независимости судебных решений. Практически все применяемые инструменты в той или иной мере – полностью или частично – касались четырех перечисленных базовых характеристик. Следовательно, на каждую из них, а через них – на правосудие в целом, мы могли взглянуть как с формальной стороны, так и с неформальной, причем глазами теоретиков права, судей, экспертов поля права и его клиентов, а значит, сопоставить и сделать свои заключения более фундированными и надежными. Сразу надо оговориться, что наш взгляд на поле права, его акторов, на судебную власть не ограничивался исключительно перечисленными здесь характеристиками, но последние были, бесспорно, в центре нашего исследовательского интереса.

Мы полагали (и подтвердили свои подозрения), что формально-нормативный взгляд на трансформацию и функционирование судебной власти не только резко заужен, но и попросту опасен, поскольку систематически приводит к негативным последствиям. В более осторожной формулировке первая гипотеза могла бы звучать так:

Гипотеза 1

Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна.

[5] Мы были бы рады рассмотреть и другие аспекты справедливости, но они труднее операционализируются.

Вторая гипотеза родилась в процессе обсуждения нашего проекта с нашими замечательными экспертами до начала проекта, на стадии его уточнения. Тогда ими было довольно единодушно заявлено примерно следующее. Большинство граждан оценивают судебную власть на основании общедоступной информации, циркулирующей в СМИ. А последние, как им и положено, сосредоточены на громких процессах скандального характера, в которых проявляется политическое, административное или коммерческое влияние на процесс, судей, присяжных, решения. Доля таких процессов невелика. Большинство же рутинных дел, находящихся вне сферы внимания СМИ, решаются вполне нормально. Приведенные соображения побудили нас сформулировать для себя еще одну гипотезу.

Гипотеза 2

Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия.

Третья гипотеза касалась такого весьма важного аспекта нашего подхода, как влияние сопряженных институтов. Тут хотелось бы отвлечься чуть в сторону от собственно проекта и прокомментировать эту идею. С момента, когда она была осознана и сформулирована, стала проявляться новая особенность взгляда на институциональное устройство социального порядка. Эти сопряжения между институтами стали нами узнаваться везде (не стоит на таком основании сразу ставить диагноз профессиональной деформации авторов или самовнушения). Вот пример: самый главный институт, сопряженный с высшим образованием, – армия. Сопряжение состоит не в том, что высшее образование поставляет для армии высокопрофессиональные кадры (благо, выпускники попадают не только в армию), а в том, что в вузах российские юноши зачастую прячутся от армии. Отсюда следует, что никакая реформа высшего образования в России не даст результата, пока в стране не будет профессиональной армии.

И подобных примеров много. Они были ясны нам применительно к судебной власти и до начала исследования. Именно по этой причине была сформулирована следующая гипотеза.

Гипотеза 3

Сопряженные с судебной властью институты в большинстве своем оказывают на ее функционирование существенное, недооцениваемое влияние, снижают качество правосудия и искажают цели трансформации судебной власти.

Все три гипотезы очень важны. Подтверждение первой гипотезы влечет резкое расширение задач, мишеней, методов трансформации за пределы формально-нормативной сферы. Подтверждение второй гипотезы позволит менять стратегию «лечения» дисфункций судебной власти. Подтверждение третьей гипотезы побуждает более внимательно отнестись к функционированию институтов, сопряженных с судебной властью. В связи с этим, к примеру, банальный лозунг «Нам нужен независимый суд» обретает новый смысл. Более того, становится очевидной неточность формулировки. Более адекватно звучал бы лозунг «Нам нужна независимость суда», ибо последняя «производится» не только судом, но и другими институтами, формально или неформально сопряженными с судебной властью.

Три перечисленные гипотезы более последовательно проверяются в третьей части книги. В первых двух частях мы иногда обращаемся к ним либо имеем с ними дело косвенно. Причиной тому более широкий диапазон задач социологических опросов – начиная от глубокой разведки поля права и заканчивая практическими задачами разработки индикаторов, которые могли бы использоваться для мониторинга состояния судебного или юридического полей.

Ответственность за разные части текста книги распределена авторами неравномерно. Всякий раз, когда речь идет о статистических процедурах построения вторичных переменных, ответственность лежит на Ю.Н. Благовещенском. В.Л. Римский отвечает за главы 2 и 3 Части I, а также параграф 1.1 той же части. За недостатки остального текста несет ответственность третий из авторов. Однако эта неравномерность касается только текста. Усилия авторов по разработке инструментов и анализу данных распределены много более равномерно.

Каждая часть книги имеет свою нумерацию глав и параграфов внутри глав. Нумерации таблиц и рисунков независимы и свои в каждом параграфе. Первый номер – глава; второй – параграф; третий – порядковый номер внутри параграфа. Когда необходимо сослаться на элементы текста другой части, то просто указываются часть и соответствующие номера элементов.

Мы столкнулись с проблемой приложений, которые весьма объемны в таком проекте. Хотелось бы, чтобы процесс удерживания книги в руках не слишком быстро утомлял читателей. Но с другой стороны, читатели должны иметь доступ к приложениям. В результате мы нашли решение, если не оптимальное, то достаточно современное. На сайте Фонда ИНДЕМ по адресу *www.indem.ru* Вы найдете полный набор материалов проекта, который мы будем рассматривать как Электронное приложение[6] к данной книге. В конце ее – состав Электронного приложения. В нем приложения, которые имеют прямое отношение к тексту книги, выделены шрифтом. Для удобства Вы можете зайти на наш сайт, скопировать нужные приложения и потом обращаться к ним по мере надобности, не заходя в интернет.

Вот, собственно, и все. Мы надеемся на благосклонную критику наших читателей.

[6] Если ниже в тексте используется для краткости термин Приложения, то речь, конечно, идет об Электронном приложении.

Часть I
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ ОПРОСОВ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Название данной части книги означает следующее. Во-первых, в силу важности темы, как указывалось в Предисловии, анализ данных о правосознании респондентов выделен в отдельную часть книги. Во-вторых, хотя наш анализ собранных данных более подробен, чем это принято обычно, он, тем не менее, далек от исчерпывающего. В Части I мы представляем, во-первых, основные результаты анализа практики граждан по взаимодействию с судами и, во-вторых, анализ диспозиций, сопряженных с полем права.

Глава 1
Методика исследования

Эта глава разбивается на две неравные части. Первый параграф представляет читателям описание двух выборок – граждан и предпринимателей, а также некоторые другие вопросы подготовки и организации исследований. В частности, в первом параграфе описаны некоторые переменные, которые строились с помощью объединения (группирования) значений исходных переменных. Остальные параграфы посвящены построению дополнительных переменных с помощью специальных методов, разработанных в Фонде ИНДЕМ и применявшихся нами в других исследованиях.

В соответствии с нашими подходами к анализу социологических данных, анализ собранных данных начинается с построения этих дополнительных социологических переменных. Они строятся на основании совокупности ответов каждого респондента. Эта совокупность ответов образует некоторую однородную группу. В одном случае это могут быть оценки респондентами утверждений (или объектов) из одного табличного вопроса. В другом случае эти ответы определены совокупностью ответов при выборе нескольких ответов, когда респонденты отвечают на вопрос с множественным выбором ответа. Новая переменная должна представлять собой простую номинальную (классификационную) переменную, разбивающую респондентов на небольшое число групп. Часто мы будем описывать эти новые переменные термином типология.

Смысл построения этих переменных состоит в следующем. Во-первых, мы переходим к латентным переменным, которые стоят, как мы можем предполагать, за совокупностью ответов респондентов и характеризуют общественное сознание изучаемой совокупности переменных. Во-вторых, мы получаем набор классов респондентов, образующих одну типологию, обладающих более высокой наполненностью, чем группы респондентов, образованных выбором тех или иных

ответов исходного набора. Это делает более надежным последующий статистический анализ. В-третьих, применение подобных методов решает общую задачу снижения размерности пространства исходных переменных, что упрощает последующий формальный анализ и обостряет исследовательскую интуицию. В-четвертых, методы построения типологий таковы, что эти типологии индуцированы в большей степени логикой ответов респондентов, чем логикой инструмента, предложенного исследователем. Тем самым уменьшается риск получения артефактов.

Ниже описаны методики построения таких переменных-типологий и приведены результаты применения этих методик в данном исследовании. Обе методики для двух типов вопросов таковы, что параллельно строятся классификация респондентов и классификация ответов. Одному классу ответов соответствует один класс респондентов таким образом, что респонденты из данного класса, отвечая на табличный вопрос или вопрос с множественным выбором, выбирают преимущественно ответы из соответствующего класса. Поэтому в данной главе классы респондентов описываются соответствующими классами ответов.

Ниже описаны два алгоритма построения подобных типологий и результаты их применения в наших исследованиях. Методики построения переменных правосознания описаны отдельно в Части II, посвященной анализу правосознания.

1.1. Методика и организация опросов граждан и предпринимателей. Описание выборок

Социологические опросы граждан и предпринимателей проводились в рамках социологического исследования проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив».

Методики проведения опросов граждан и предпринимателей были сходными, позволявшими сравнивать ответы граждан и предпринимателей на вопросы соответствующих анкет. Кроме того, в анкеты включались и вопросы, специфические для анализа взаимодействий с судами как граждан, так и предпринимателей. Определение методов, разработка анкет, параметров репрезентативной выборки

граждан и квот выборки предпринимателей были выполнены специалистами Фонда ИНДЕМ при участии экспертов-правоведов.

Организацией сбора данных формализованного анкетного опроса граждан и вводом этих данных в компьютерный файл по контракту с Фондом ИНДЕМ занимался Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Руководила этими работами А.В. Андреенкова, заместитель директора. Организацией сбора данных формализованного анкетного опроса предпринимателей и вводом этих данных в компьютерный файл по контракту с Фондом ИНДЕМ занимался Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Руководил этими работами С.В. Львов, руководитель управления политических исследований ВЦИОМ.

Сбор данных обоих формализованных анкетных опросов граждан и предпринимателей осуществлялся с 1 по 30 сентября 2008 года. Ввод данных этого опроса в компьютерный файл – с 1 по 13 октября 2008 года. Объемы выборок формализованных анкетных опросов составили: для граждан – 2845 респондентов и для предпринимателей – 602 респондента.

Материальное положение и территориальное распределение респондентов-граждан

В формализованном социологическом опросе респондентам-гражданам задавалось два вопроса об их материальном положении. По разработанной методике проведения опроса сначала их спрашивали: «Каким примерно был совокупный доход всех членов Вашей семьи, которые проживают с Вами, за последний месяц? Учитывайте, пожалуйста, все доходы за этот месяц – зарплаты, пенсии, пособия, доходы от продаж, предоставления услуг, от бизнеса и т.п.?» В ответ на этот вопрос респонденты-граждане должны были указать совокупный месячный доход своей семьи в рублях. Но для большинства из них такой вопрос оказался довольно чувствительным: затруднились с ответом на него 24,4%, а отказались отвечать – 29,5% респондентов-граждан. Следовательно, всего на этот первый вопрос о доходах семей были получены ответы только 46,1% респондентов-граждан. Чтобы расширить возможности последующего анализа данных анкетного опроса тем из них, кто затруднился с ответом или отказался отвечать на этот вопрос, предлагалось по собственной оценке отнести свою семью к одной из следующих категорий по месячному доходу за последний месяц: меньше

10 000 рублей, от 10 000 до 25 000 рублей и более 25 000 рублей. Из этих респондентов-граждан затруднились с ответом на второй вопрос о доходах их семей 8,7%, а отказались от ответов – 12,9%.

Для анализа связей ответов респондентов-граждан с уровнями доходов их семей была сформирована новая переменная по совокупности их ответов на оба соответствующих вопроса с категориями, заданными вторым из них: меньше 10 000 рублей, от 10 000 до 25 000 рублей и более 25 000 рублей. Такое объединение ответов респондентов-граждан на два вопроса о месячных доходах их семей привело к существенному снижению уровня отсутствия их ответов, составившее всего 11,7% от всей выборки. Соответственно, в этой новой переменной оказались определены данные 88,3% респондентов-граждан о месячных доходах их семей по указанным трем категориям. Поэтому именно эта новая переменная была использована для дальнейшего анализа различий по уровням благосостояния их семей ответов респондентов-граждан на вопросы анкеты.

В целом по выборке по расчетам на первый вопрос о месячных доходах семей респондентов-граждан средний такой доход оказался равным 17 874 рублям. При этом средний уровень этого показателя для 10% наиболее бедных был не выше 5 030 рублей, а для 10% наиболее богатых – не ниже 30 000 рублей. При этом минимальный уровень этого показателя был 1500 рублей, а максимальный – 133 500 рублей. Но такие уровни совокупных месячных доходов семей имели немногие респонденты. Кроме того, у 20% респондентов этот показатель был не ниже 25 000 рублей. Поэтому выбор категорий уровней совокупных доходов семей респондентов менее 10 000 рублей, от 10 000 до 25 000 рублей и более 25 000 рублей представляется оправданным для использования в дальнейшем анализе.

Поскольку методика проведения анкетного опроса предполагала такие высокие уровни отказов от описания своего материального положения, в анкету был включен также вопрос о том, каким является уровень потребления семей респондентов: «Если говорить о доходе, к какой из групп, перечисленных на карточке, Вы отнесли бы Вашу семью?» Для ответа на этот вопрос респонденты могли выбрать вариант от «мы едва сводим концы с концами...» до «мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи». Уровень отказов и затруднений с ответом на этот вопрос был всего 3,3%. Поэтому в дальнейшем анализе в качестве основной характеристики материального положения респондентов были выбраны их ответы именно на этот вопрос об уровне потребления их семей.

Таблица 1.1.1

Средние уровни месячных доходов семей респондентов по уровням потребления их семей. Без учета отказов и затруднений с ответами

Варианты ответов на вопрос: «Если говорить о доходе, к какой из групп, перечисленных на карточке, Вы отнесли бы Вашу семью?»	**Средний месячный доход семей респондентов**	**Число респондентов**
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты питания	7 640	126
На продукты денег хватает, но покупка одежды, обуви вызывает финансовые затруднения	11 418	395
Денег хватает на продукты, одежду, обувь. Но покупка вещей длительного пользования, такие как мебель, холодильник, бытовая электроника и др., является для нас проблемой	19 215	576
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи – автомобиль, квартиру, дачу	32 418	197
Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое	47 500	8
В среднем	17 901	1 302

Средние уровни доходов семей респондентов по уровням потребления их семей приведены в таблице 1.1.1.

В связи с высоким уровнем отказов и затруднений с ответом на первый вопрос о совокупном месячном доходе семей приведем отдельно в таблице 1.1.2 доли в процентах респондентов-граждан по каждому из уровней потребления их семей и такие же доли в процентах в зависимости от одного из трех типов семей по уровню совокупных месячных доходов: меньше 10 000 рублей, от 10 000 до 25 000 рублей

Таблица 1.1.2

Проценты ответов респондентов на вопрос «Если говорить о доходе, к какой из групп, перечисленных на карточке, Вы отнесли бы Вашу семью?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=2845[1]	N=755	N=1171	N=552
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты питания	6,7	19,9	2,4	0,4
На продукты денег хватает, но покупка одежды, обуви вызывает финансовые затруднения	25,7	50,6	24,0	4,0
Денег хватает на продукты, одежду, обувь. Но покупка вещей длительного пользования, такие как мебель, холодильник, бытовая электроника и др., является для нас проблемой	44,3	27,3	59,2	41,1
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи – автомобиль, квартиру, дачу	19,0	2,3	14,0	50,9
Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое	1,1	0,0	0,4	3,6
Затрудняюсь ответить	3,3	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] В этой и последующих таблицах значение N в каждом столбце показывает размер выборки или соответствующей социальной группы.

и более 25 000 рублей. При этом в таблице 1.1.2 показаны доли затруднившихся с ответами только по всей выборке в целом.

Данные таблицы 1.1.2 показывают, что высокодоходные категории семей, скорее, имеют высокие уровни потребления, чем менее доходные. Но эта ситуация не может оцениваться вполне однозначно, поскольку, например, 41,1% респондентов с совокупным месячным доходом семей выше 25 000 рублей отнесли себя к категории потребления, для которой характерны затруднения с покупкой товаров длительного пользования.

Методика построения и реализации выборки социологического опроса граждан была такой, что самые бедные и самые богатые российские граждане имели очень малую вероятность в нее попасть. Поэтому весьма вероятно, что крайние категории по уровню потребления, т.е. с самым низким и самым высоким уровнем потребления, оказались слабо наполненными в данных проведенного социологического опроса граждан (6,7% и 1,1%, соответственно). И тем не менее, по данным проведенного исследования, как минимум 25,7% российских граждан могут покупать продукты питания, но уже покупка одежды и обуви для них затруднительна. Еще как минимум 44,3% российских граждан могут покупать продукты питания, одежду и обувь, но покупка товаров длительного пользования является для них проблемой. Такой сравнительно низкий уровень материального обеспечения большинства российских семей учитывался при анализе доступности правосудия.

Группы респондентов-граждан, принадлежащих к одному из трех типов семей по уровню совокупных месячных доходов: меньше 10 000 рублей, от 10 000 до 25 000 рублей и более 25 000 рублей, имеют в большинстве случаев различные практики взаимодействия с судами, которые описаны далее.

Характеристики размера бизнеса респондентов-предпринимателей

В выборку формализованного анкетного опроса предпринимателей были включены представители малого, среднего и крупного бизнеса. При этом самый крупный российский бизнес в выборку не был включен в силу невозможности доступа к ним для интервьюеров. Включение представителей бизнеса разных масштабов проводилось по соответствующим квотам, определяемым по числу занятых в бизнесе

Таблица 1.1.3

Квоты выборки предпринимателей по числу работающих в бизнесе

Число работающих в бизнесе	План		Факт	
	Число	Процент	Число	Процент
1. от 1 до 15	122	20	122	20,3
2. 15–100	330	54	317	52,7
3. 101–250	92	15	93	15,4
4. 251–1000	37	6	37	6,1
5. Более 1000	31	5	33	5,5
Всего	612	100	612	100

респондента. Планировавшиеся и реализованные квоты предпринимателей по этому показателю представлены в таблице 1.1.3.

Квоты предпринимателей по числу работающих в их бизнесах планировались в соответствии с данными государственной статистики. Отбор бизнесменов в сельской местности для проведения опроса не проводился. В соответствии с распространенностью бизнеса как типа занятости в России, более половины бизнесменов опрашивались в городах с населением более одного миллиона человек, остальные – в городах с меньшей численностью населения.

В формализованном социологическом опросе респондентам-предпринимателям задавался также вопрос об их оценке размера своего бизнеса. В таблице 1.1.4 приводятся данные самооценок респондентами-предпринимателями размеров своих бизнесов.

Данные таблицы 1.1.4 примерно соответствуют данным государственной статистики о размерах частных бизнесов. Кроме того, эти данные показывают, что чем меньше размер частного бизнеса, тем легче исследователям получить доступ к его представителям для проведения интервью и заполнения анкет.

При анализе данных анкетного опроса предпринимателей, в соответствии с данными квот по числу работающих и данными таблицы 1.1.4, учитывалось доминирование в выборке мнений и социальных практик малого бизнеса. Для повышения обоснованности выводов проведенного социологического исследования взаимодействий

Таблица 1.1.4

Числа и проценты ответов респондентов на вопрос «Каков по Вашей собственной оценке масштаб Вашего бизнеса?»

Варианты ответов	Число	Процент
Малый бизнес	312	51,8
Средний бизнес	233	38,7
Крупный бизнес	55	9,1
Затрудняюсь ответить	2	0,3
Всего	602	100,0

предпринимателей с судами и выявления различий в их практиках далее систематически проводятся сравнения ответов на вопросы анкет респондентов-предпринимателей, оценивающих свои бизнесы как малые, средние и крупные.

1.2. Построение типологий по ответам на вопросы с множественным выбором ответа

Описание алгоритма

Шаг 1 алгоритма – подсчет переменной «исполнительность» (число выбранных ответов на вопрос) и ее анализ. Задача анализа – убедиться, что доля респондентов, выбирающих при ответе более одного варианта, достаточно высока. Дальше понадобится обозначение si для величины «исполнительность».

Шаг 2 – переход от матрицы ***E*** исходных ответов к матрице различий S между столбцами этой матрицы (ответами). Опыт подобных статистических изысканий подсказывает, что наиболее успешно в подобных задачах работает функция (статистика), которую называют коэффициентом сопряженности Юла (или «Q Юла»).

Шаг 3 – применение процедуры кластерного анализа для полученной нами матрицы $S = [\ s_{ij}\ ]_{n\times n}$. Использование коэффициентов Q Юла позволяет, как показывает опыт, получать наиболее отчетливые,

контрастные кластерные структуры. На основании результатов кластерного анализа выделяется k кластеров C_1, C_2, ..., C_k, где C_j – список ответов, входящих в j-й класс.

Шаг 4. Он состоит в вычислении k новых величин, каждая из которых для каждого респондента показывает, какое число вариантов ответа он выбрал из каждого из полученных нами классов вариантов ответа. Эти k величин определяются простой формулой:

$$S_j^l = \sum_{j \in C_i} \varepsilon_{ij}. \qquad (1)$$

Здесь S_j^l – число вариантов из класса с номером l, выбранных респондентом с номером i. Оно, согласно формуле, получается суммированием всех единиц в i-й строке матрицы E, но не по всем столбцам, а только по столбцам с номерами из множества C_l.

Это нужно, чтобы разбить всех респондентов на k+1 классов. В один класс с номером 0 вносятся все респонденты, про которых нельзя сказать, что их выбор вариантов ответов тяготеет к одному из построенных далее классов. Остальные респонденты будут отнесены к одному из классов, который может быть характеризован так: «в класс респондентов с номером j входят респонденты, которые при выборе вариантов используют, в основном, ответы из класса вариантов ответов с номером j». Например, если некоторый респондент, как правило, использовал варианты из первого класса ответов, то его надо отнести к первому классу респондентов.

Шаг 5. Вводятся еще k (по числу построенных классов вариантов ответа) переменных, которые будут принимать только два значения 0 и 1 и определяются следующим простым способом:

$$I_i^l = \begin{cases} 1, \text{ если } S_i^l > 0, \\ 0 \text{ в противном случае.} \end{cases} \qquad (2)$$

Величина I_i^l = принимает значение 1, если i-й респондент выбрал хотя бы один вариант ответа из класса вариантов с номером l.

Шаг 6. Введем величину следующего вида:

$$g_i = \sum_{l=1}^{k} I_i^l \qquad (3)$$

Здесь k – число классов вариантов ответа, выявленных на шаге 3. А величина g_i – не что иное, как число классов вариантов, к которым принадлежат ответы, выбранные респондентом под номером i.

Шаг 7. Сформируем класс T_0 – респондентов, которых будем называть респондентами без систематического выбора; об этом классе уже говорил j_{cm} выше. Введенные величины позволят коротко и изящно сформулировать критерий отнесения респондентов к этому классу:

Респондент с номером i должен быть отнесен к классу T_0,
если выполняется условие $s_i = g_i$. (4)

Шаг 8. Для каждого респондента вычисляем следующие величины общим числом k, равным числу классов, выявленных на шаге 3:

$$h_i^l = S_i + n_l - 2\,S_i^l. \qquad (5)$$

Шаг 9. Здесь для каждого номера класса l определим две величины: h^l_{min} – наименьшее значение величин h_i^l по всем респондентам для класса C_l, и h^l_{min} – наибольшее значение величин h_i^l по всем респондентам для класса C_l.

Шаг 10. Проделываем с величинами h_i^l следующее преобразование:

$$d_i^l = \frac{h_i^l - h_i^{min}}{h_i^{max} - h_i^{min}}. \qquad (6)$$

Шаг 11. Для каждого респондента, не попавшего в класс T_0, определяем его принадлежность по следующему правилу, задающему его будущий номер класса q:

$$q = \underset{l=1,\,k}{\text{Arg min}}\,(d_i^l). \qquad (7)$$

Описание алгоритма закончено. Теперь рассмотрим результаты применения данного алгоритма к вопросам из анкет нашего исследования.

Типология «Тип предпочитаемых источников информации»

Эта типология строилась на основании ответов на вопрос 14 «Из каких источников вы получаете информацию о работе судов? Укажите все свои источники».

Здесь респонденты классифицировались с помощью кластерного анализа по первым 14 ответам на вопрос. В обеих выборках сходным образом респонденты разбились на две совершенно естественные

категории в соответствии со следующей классификацией вопросов, предпочитаемых респондентами двух выделенных классов:

Тип 1. Профессиональный выбор:

1. Научная литература.
2. Учебная литература.
3. Профессиональные печатные издания о суде.
4. Базы данных правовой информации.
5. Контакты с судами.
11. Сайты судов в сети Интернет.
12. Сайты в сети Интернет, но не сайты судов.

Тип 2. Любительский выбор:

6. Телевизионные информационные программы, программы новостей.
7. Телевизионные программы вроде «Суд идет» или «Час суда...».
8. Радио.
9. Детективные романы и фильмы.
10. Печатные СМИ (газеты, журналы).
13. Контакты с родственниками.
14. Контакты с друзьями, знакомыми.

Среди граждан лишь 1083 (38,1%) воспользовались возможностью выбрать более одного источника информации. Остальные не могли быть расклассифицированы (мы не считаем возможным делать вывод о предпочтениях респондентов на основании единственного ответа). В выборке граждан более одного ответа выбрали 295 респондентов (49%). Только такие респонденты подвергались классифицированию. Следующий рисунок содержит частоты принадлежности респондентов обеих выборок классам построенных типологий. Различия, демонстрируемые диаграммой рисунка 1.2.1, вполне ожидаемые: предприниматели существенно реже делают несистематический (смешанный) выбор и много чаще прибегают к профессиональным источникам о работе судов.

Типология «Цели судебного процесса»

Типология строилась по ответам на вопрос 23 «Что для вас и таких граждан, как вы, является целью судебного разбирательства?» Выберите, пожалуйста, 1, 2 или 3 варианта ответа, лучше всего соответствующих Вашим представлениям».

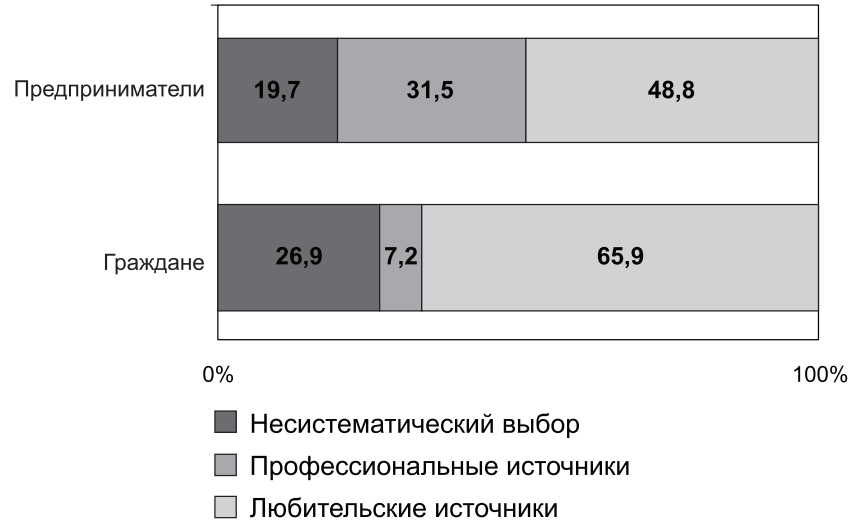


Рисунок 1.2.1. Распределение частот (в процентах) принадлежности респондентов двух выборок классам типологии «Предпочитаемые источники информации»

Выявлена осмысленная и контрастная кластерная структура только для выборки граждан, видимо, в силу большего разнообразия социальной общности граждан по сравнению с предпринимателями.

На выборке предпринимателей кластерные решения были близки, но неустойчивы. Эта структура делит ответы на четыре следующих класса:

Тип 1. Возмещение:

1. Получение положенного законом социального блага (льгот по налогам, снижение ставок арендной платы, льготной пенсии, социального жилья, снижения платы за квартиру и коммунальные услуги и т.п.).
2. Наказание обидчика.
7. Получение материальной компенсации за причиненный ущерб.
8. Получение моральной компенсации за вред, нанесенный правонарушением.

Тип 2. Абстрактные цели:

3. Восстановление справедливости.
4. Восстановление законности.

Тип 3. Защита:

5. Защита нарушенных прав и законных интересов граждан.
6. Защита от незаконного или необоснованного обвинения, недобросовестного или неквалифицированного расследования (дознания, следствия).
10. Восстановление доброго имени невинно обвиненного или оклеветанного физического или юридического лица.

Тип 4. Процедурная справедливость:

9. Выявление всех обстоятельств дела, истины.
11. Объективное рассмотрение дела.
12. Обеспечение равноправия сторон обвинения и защиты.
13. Обеспечение наказания, соразмерного с характером правонарушения и личностью подсудимого.

Частоты распределения респондентов по классам полученной типологии содержатся в нижней строке приведенной ниже таблицы 1.2.1. Если говорить о процедурной стороне дела, то уместно обратить внимание на тот факт, что объем класса не зависит от числа ответов, склонностью к которым определяется данный класс. Это видно на примере класса «Абстрактные цели», которому принадлежат 17,1% респондентов, хотя класс определяется только двумя ответами. Если говорить о содержательной стороне дела, то примечательно наличие почти 10% респондентов, образующих класс «Процедурная справедливость». Следует иметь в виду, что 18,5% выбрали менее двух ответов (из них пять процентов респондентов не смогли указать цель судебного процесса); 37,2% респондентов делали несистематический выбор.

Мы приводим таблицу 1.2.1, чтобы показать на данном примере, как «работает» построенная классификация. В таблице для каждого выделенного класса приведены частоты выбора каждого из ответов внутри этих классов. Затенены клетки таблицы, если для данного класса (столбец) ответ (строка) соответствует данному классу. Мы отчетливо видим резкое повышение частот выбора ответа, соответствующего классу, когда ответ участвует в образовании этого класса, что указывает на состоятельность построенной классификации.

Типология «Методы защиты нарушенных прав»

Типология строилась по ответам на вопрос 25 «Как вы обычно поступаете, когда необходимо защитить ваши нарушенные права и свободы? Выберите 1, 2 или 3 варианта ответа».

Первый вариант ответа на данный вопрос предлагал формулу «Мои права и свободы никто не нарушает и не нарушал раньше». Таких счастливцев обнаружилось 25,8% на выборке граждан и 23,1% на выборке предпринимателей (статистически весьма близко). Понятно, что классификации строились на респондентах, которые не выбирали первый ответ. Осмысленная и контрастная классификация ответов выявилась только на выборке предпринимателей:

Тип 1. Активисты:

2. Выхожу на митинги, демонстрации, пикеты.
6. Обращаюсь в органы исполнительной власти.
12. Просто терплю.
8. Обращаюсь к правозащитникам.

Тип 2. Законники:

3. Обращаюсь в суд.
4. Обращаюсь в прокуратуру.
5. Обращаюсь в милицию.

Тип 3. Неформалы:

7. Обращаюсь к родственникам, друзьям.
9. Обращаюсь в ассоциации бизнеса.
10. Обращаюсь к авторитетным людям.
11. Справляюсь с проблемой сам.

Может показаться нелогичным наличие ответа 12 – «Просто терплю» в типе «Активисты». Однако надо иметь в виду, что классы образуются по наиболее распространенным сочетаниям выбора ответов. Для респондентов это означает совокупный ответ примерно в следующей логике: «В зависимости от ситуации я поступаю так, или так, или так...» Следовательно, наличие ответа 12 в первом типе означает примерно следующее: «Довольно часто респондент, принадлежащий типу «Активисты», в зависимости от ситуации либо терпит, либо выбирает какой-либо другой (другие) метод действия, представленный ответами типа 1». Из общего числа предпринимателей одна пятая выбрали не более двух ответов. Остальные 80% были классифицированы. Результаты классификации приведены на диаграмме рисунка 1.2.2.

Частоты выбора ответов на вопрос 23 «Что для вас и таких граждан, построенной типологии. Затенены клетки таблицы, если для данного

№	Варианты ответа на вопрос	
		Халтурщики
1	Получение положенного законом социального блага (льгот по налогам, снижение ставок арендной платы, льготной пенсиии и т.п.)	7,2
2	Наказание обидчика	6,1
3	Восстановление справедливости	24,2
4	Восстановление законности	8,6
5	Защита нарушенных прав и законных интересов граждан	10,5
6	Защита от незаконного или необоснованного обвинения, недобросовестного или неквалифицированного расследования (дознания, следствия)	2,5
7	Получение материальной компенсации за причиненный ущерб	1,9
8	Получение моральной компенсации за вред, нанесенный правонарушением	1,0
9	Выявление всех обстоятельств дела, истины	1,5
10	Восстановление доброго имени невинно обвиненного или оклеветанного физического или юридического лица	1,1
11	Объективное рассмотрение дела	5,3
12	Обеспечение равноправия сторон обвинения и защиты	1,0
13	Обеспечение наказания, соразмерного с характером правонарушения	1,9
Объемы классов		**18,5**

Таблица 1.2.1

как Вы, является целью судебного разбирательства?» внутри классов класса (столбец) ответ (строка) соответствует данному классу

Классы типологии					**Вся выборка**
Возмещение	**Абстрактные цели**	**Защита**	**Процедурная справедливость**	**Несистематический выбор**	
47,4	5,5	10,4	3,1	21,0	16,7
70,2	23,2	8,1	4,2	24,7	23,6
33,6	100,0	25,4	25,3	57,2	50,8
12,3	100,0	11,0	17,2	20,7	30,1
13,2	21,6	83,2	14,9	34,5	26,5
7,9	4,1	78,0	5,7	17,2	13,8
63,7	2,9	4,0	2,3	11,8	13,4
26,6	1,4	1,2	2,3	4,9	5,7
5,0	2,9	4,0	57,9	15,4	12,7
2,6	3,9	45,1	6,1	9,8	8,2
6,7	10,5	11,6	72,4	29,9	22,0
2,0	1,8	3,5	35,2	5,6	6,3
2,9	2,7	7,5	42,9	10,7	9,5
12,0	**17,1**	**6,1**	**9,2**	**37,2**	

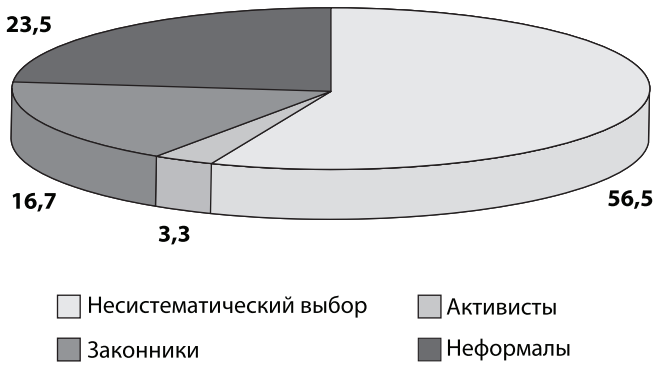


Рисунок 1.2.2. Распределение частот (в процентах) принадлежности респондентов-предпринимателей классам типологии «Методы защиты нарушенных прав»

Приведенные проценты исчислены от количества респондентов, отнесенных к тому или иному классу.

Мы видим из диаграммы рисунка 1.2.2, что более половины респондентов-предпринимателей делают несистематический выбор ответов. Из оставшихся более половины предпочитают неформальные методы, а «активистов» оказывается меньшинство.

На примере данной классификации мы хотели бы пояснить важное соображение об использовании подобных типологий, в которых, как в данном случае, более половины респондентов не могут быть отнесены к тому или иному «содержательному классу».

Мы не считаем, что главная задача подобных социологических исследований состоит в описании частот выбора тех или иных ответов. Причина очевидна – многовариантность возможных причин выбора конкретного ответа. Мы можем, к примеру, рассмотреть несколько механизмов выбора ответов в ситуации, подобной анализируемой. Первый – случайный выбор «халтурщиков». Они, разумно предположить, попадают у нас в класс «Несистематический выбор». Второй – честный ответ на основании рефлексии своего опыта («У меня бывало так-то и так-то, все диктовала ситуация»). Скорее всего, такие респонденты попадут в тот же класс. Третий механизм – наличие устойчивой сформированной стратегии поведения (вариант – устойчивой

«жизненной позиции»), порождающей выбор нескольких ответов. Мы подозреваем, что в наши «содержательные» классы попадают именно такие респонденты. И описываемые нами техники направлены на выявление таких респондентов. Есть еще один механизм – выбор «правильных» ответов, рефлексируемых респондентами как социально одобряемые. В нашем случае может оказаться так, что класс «Законники» будут состоять из смеси тех, кто прибегает к соответствующим институтам осознанно, и тех, кто рассматривает эти ответы как «правильные». Тут уж – как повезет. Но при том подходе, который мы пытаемся развивать, можно ставить задачу разделения этой смеси. Так или иначе, при попытках устанавливать взаимосвязи или объяснять одни социальные факты через другие принадлежность респондентов тем или иным классам конструируемых нами типологий является более надежным и интерпретируемым фактом, чем принадлежность группе выбравших некоторый ответ на некоторый вопрос.

1.3. Построения типологий по ответам на табличные вопросы

Под табличными вопросами мы понимаем вопросы типа 5 (см. Электронное приложение, тексты анкет), когда респонденты некоторой однородной группе объектов должны приписывать баллы по единой шкале. Примеры – степень согласия с некоторыми утверждениями или степень доверия различным органам власти.

Описание алгоритма

Шаг 1. Ответы «Затрудняюсь ответить» и им подобные перекодируются в число, соответствующее середине шкалы баллов.

Шаг 2. Строится новая переменная ***sum***, в которой каждому респонденту ставится в соответствие сумма баллов по всем данным им ответам.

Шаг 3. В два отдельных класса выделяются примерно по пять процентов респондентов, которым соответствуют наименьшие в первом случае и наибольшие во втором случае значения переменной ***sum***. Тем самым выделяются две группы респондентов, тяготеющих

к крайним оценкам «без разбора». Дальше анализу подвергаются оставшиеся за пределами этих двух классов респонденты.

Шаг 4. На базе матрицы евклидовых расстояний между векторами, соответствующими строкам табличного вопроса (оцениваемым объектам), решается задача кластерного анализа и выделяется некоторое число классов ответов.

Шаг 5. Определяется один из полюсов балльной шкалы для построения «эталона».

Шаг 6. Для каждого респондента и каждого класса объектов (строк табличного вопроса) определяется мера различия между ответами респондента и эталоном следующим образом. Пусть u, ... , x, ..., z – номера ответов из некоторого класса ответов общим числом k; пусть теперь r_x – балл, выбранный данным респондентом для оценки произвольного ответа x из данного класса. Пусть, наконец, b – выбранный в качестве эталона балл, относящийся к одному из полюсов шкалы. Тогда упомянутая выше мера различия определяется по формуле:

$$d = \frac{1}{k} \sum_{x=u}^{z} |r_x - b|.$$

Шаг 7. Для каждого респондента по всем мерам его отличия от эталонов каждого класса определяется номер класса, обеспечивающий минимальное значение меры отличия от эталона. Классу с полученным номером приписывается данный респондент.

Описание алгоритма закончено.

Типология «Тип институтов, пользующихся доверием»

Эта типология строилась по результатам анализа ответов респондентов на вопрос 5 обеих анкет: 5 «Насколько вы доверяете следующим государственным и общественным институтам?»

Варианты ответов:

Полностью доверяю.

Доверяю, но не во всем.

Не доверяю.

Безразличен.

Для обеих выборок по результатам кластерного анализа получена логичная классификация, в соответствии с которой институты объединялись по общему функциональному основанию:

1. Гражданская власть («вертикаль»):

1. Администрация Президента РФ.
2. Правительство РФ.
3. Государственная Дума РФ.
15. Назначаемые президентом руководители регионов РФ.
16. Мэры, администрации городов, районов.

2. Силовики:

5. Прокуратура.
6. Милиция.
7. ФСБ.

3. Суды:

8. Конституционный Суд РФ.
9. Верховный Суд РФ.
10. Высший Арбитражный Суд РФ.
11. Суды общей юрисдикции разных уровней (региональные, городские, районные).
12. Мировые судьи.
13. Арбитражные суды разных уровней.

4. НГО:

18. Церковные организации, зарегистрированные в России.
19. Экологические организации.
20. Правозащитные организации.

5. СМИ:

21. Телевидение.
22. Радио.
23. Газеты.

Армия и Церковь выделились в отдельные маргинальные кластеры. Результаты классификации респондентов по классам этой типологии приведены ниже в параграфе 6.2 Части I на диаграмме рисунка 6.2.3.

Типология «Удовлетворенность ходом процесса»

Данная типология строилась по ответам респондентов обеих выборок на вопрос 60 (анкета граждан, для анкеты предпринимателей – 53):

«Скажите, пожалуйста, были или не были такие факты в том судебном процессе?»

Варианты ответов:

1. Было.
2. Не было.
0. Затрудняюсь ответить.

Результаты кластерного анализа данных обеих выборок дали один и тот же ожидаемый результат. Утверждения о ходе процесса разбились на две группы. В одну вошли позитивные, а в другую – негативные утверждения. Мы не приводим списки утверждений, поскольку они легко идентифицируются своими формулировками. Отметим, что в данном случае классифицировались только респонденты, которые отвечали на указанный вопрос. Небольшой процент респондентов (в пределах 6%) из них не классифицировался в силу неконсистентности ответов. Результаты классифицирования респондентов по классам типологии можно увидеть на диаграмме следующего рисунка (приведены проценты от совокупности респондентов, попавших в один из двух классов – «Довольные» или «Недовольные»).

Здесь наблюдается троекратное превосходство доли довольных над долей недовольных в обеих выборках. Такой результат – не артефакт. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на таблицы частот выбора ответов для данных вопросов в Электронном приложении. Мы увидим систематическое превосходство частот выбора ответа «Согласен» для позитивных утверждений над соответствующими частотами для негативных утверждений. Конечно, важно помнить, что в нашу выборку не попадают осужденные в уголовных процессах и отбывающие свой срок в заключении. Это, как уже упоминалось, смещает оценку, хоть и не критично.

В данном и предыдущем параграфах описано построение переменных, которое было замышлено на этапе планирования анализа данных опросов. Ниже в тексте книги будут появляться другие подобные переменные, построение которых было побуждено логикой получаемых результатов в процессе анализа.

Рисунок 1.3. Распределение частот (в процентах) принадлежности респондентов двух выборок классам типологии «Предпочитаемые источники информации»

1.4. Социальный интеллект

Данная переменная стоит несколько особняком. Наш опыт ее использования подтверждает ее важность и объясняющую силу. Построение, интерпретация и использование данной переменной опирается на работу одного из авторов этой книги[2]. Социальный интеллект здесь трактуется как способность индивида ориентироваться в социальном пространстве (или некоторой его сфере). Он характеризует респондентов с точки зрения наличия у них ясного интереса к той или иной жизненной сфере, способности выносить самостоятельные суждения о ней, нередко – активной вовлеченности в нее. Этот показатель делит респондентов на классы по уровню социального интеллекта, исходя из следующих их свойств (скорректированы на изучаемую сферу):

– интерес к проблемам права и правоприменения;
– потребление информации о судах и праве;

[2] Сатаров. Г.А. Социальный интеллект и динамика диспозиций. М.: Фонд ИНДЕМ, 2003.

– объем и точность знаний о сфере права;

– активность в выражении своей позиции относительно данной сферы;

– понимание сути событий и явлений в этой сфере.

Как было показано в цитированной выше работе, ***эффективным индикатором социального интеллекта может служить число использований респондентом ответа «Затрудняюсь ответить»*** при ответах на вопросы анкеты. Чем реже респондент прибегает к ответу «Затрудняюсь ответить», тем больше вероятность, что он является обладателем высокого социального интеллекта. В обоих опросах нашего исследования эта величина систематически подсчитывалась. Она фигурировала как числовая переменная и как номинальная переменная, полученная разбиением респондентов по квартильным интервалам первой переменной (числа использований ответа «Затрудняюсь ответить»). Весь диапазон изменения исходной величины разбивался на четыре интервала таким образом, чтобы в каждый интервал попадала примерно четверть респондентов. Первый квартильный интервал трактовался как интервал, в который попадали респонденты с высоким социальным интеллектом; второй – выше среднего; третий – ниже среднего; четвертый – низкий социальный интеллект. Такая номинальная переменная дает возможность исследовать сопряженность социального интеллекта с другими свойствами, представленными в исследованиях номинальными переменными. Для сопоставления социального интеллекта в разных опросах исходная числовая переменная преобразовывалась в нормированную форму путем деления каждого значения, приписанного респондентам, на общее число возможных использований ответа «Затрудняюсь ответить» в данном опросе. Это дает возможность сравнивать социальный интеллект респондентов из разных опросов (выборок).

Читатель может убедиться в том, что этот, на первый взгляд, странный способ построения переменной «работает» из наличия следующих зависимостей (на выборке граждан для примера). В группе респондентов с высоким социальным интеллектом респонденты в семь раз чаще выражают интерес к информации о работе судов, чем в группе респондентов с низким социальным интеллектом. Другая зависимость: в группе респондентов с высоким социальным интеллектом в три раза чаще появляются респонденты, предпочитающие профессиональные источники информации о работе судов, чем в группе респондентов с низким социальным интеллектом.

Глава 2
Основные характеристики практик взаимодействия граждан и предпринимателей с судами

По результатам проведенного исследования взаимодействие граждан и предпринимателей с судами оказалось возможным сравнивать, во-первых, в таких сферах, в которых и те, и другие решают проблемы личные или своих семей, а во-вторых, по типам отношения к судам и судебным процедурам, их оценкам и закономерностям участия в судебных разбирательствах. Многое в практиках взаимодействий с судами у граждан и предпринимателей оказалось сходным, даже общим, но были выявлены и существенные различия.

2.1. Участие граждан и предпринимателей в судебных процессах

В формализованных социологических опросах граждан и предпринимателей анализировались сюжеты, связанные с последними случаями их участия в судебных процессах, обращений в суды с целями разрешения тех или иных проблем, а также с решениями проблем, которые можно было бы решить в судах, без обращений в них. Эти сюжеты были представлены в анкетах последовательностями вопросов, начиная от того, например, участвовал ли когда-либо предприниматель или его представитель в таком судебном разбирательстве,

и заканчивая тем, насколько он был удовлетворен судебным решением, и было ли оно исполнено. Объемы выборок позволяли анализировать частоты участия граждан и предпринимателей в судебных процессах, а также получать некоторые количественные оценки того, как эти процессы проходили.

И граждане, и предприниматели сравнительно редко бывали участниками судебных заседаний в любом качестве, даже в качестве просто зрителей. Для граждан доля имеющих такой опыт составляет примерно 35,3%, но только у 28,1% респондентов когда-либо в жизни возникала ситуация, которая могла быть разрешена в суде. Из этих респондентов-граждан только 64,2% обращались в подобной ситуации в суд, т.е. проявляли инициативу такого рода, когда судебные разбирательства состоялись. В пересчете на всю выборку получается, что, по данным проведенного исследования, только 18,1% респондентов обращались когда-либо в суды для разрешения каких-то проблем и затем участвовали в соответствующих судебных разбирательствах. При этом некоторые респонденты тоже могли иметь опыт судебных разбирательств, когда не они обращались в суды, а их вынуждали участвовать в судебных разбирательствах противоположные стороны. Но такого рода ситуации в силу ограниченности ресурсов исследования в проведенном анкетном опросе не изучались.

Предприниматели существенно чаще других граждан участвовали в судебных разбирательствах с целями решений тех или иных проблем. Доля предпринимателей, участвовавших в судебных разбирательствах по делам их бизнесов – 33,4%, а по их личным или семейным делам – 30,7%, т.е. несколько реже. И тем не менее, даже доля предпринимателей, имеющих опыт судебных разбирательств личных и семейных проблем, существенно выше доли других граждан, решавших свои проблемы в судах.

В таблице 2.1.1 представлены данные проведенного опроса граждан о том, какие доли их в целом по выборке и по размерам совокупных доходов их семей участвовали когда-либо в судебных разбирательствах в любых качествах.

На основе данных таблицы 2.1.1 видно, что интенсивность опыта взаимодействия с судами не меняется статистически значимо в зависимости от уровня материального обеспечения респондентов.

В таблице 2.1.2 представлены результаты проведенного опроса предпринимателей о том, какие доли их в целом по выборке и по размерам их бизнесов участвовали когда-либо в судебных разбирательствах

по делам их бизнесов. При этом участие могло быть личным, через адвоката или другого законного представителя предпринимателя.

Таблица 2.1.1

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Были ли Вы когда-либо участником судебного разбирательства – в любом качестве, даже просто зрителя?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=2845[3]	N=765	N=1187	N=561
Да, неоднократно	13,2	11,9	14,0	15,5
Да, один раз	22,1	24,6	21,7	24,8
Нет	62,0	59,3	62,1	58,5
Затрудняюсь ответить, не помню	2,7	4,2	2,3	1,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 2.1.2

Проценты ответов респондентов на вопрос «Сначала уточним, когда-либо принимали Вы лично, Ваш адвокат или Ваш законный представитель участие в судебном разбирательстве по решению проблемы своего бизнеса?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=602	N=312	N=233	N=55
Да	33,4	26,9	35,2	63,6
Нет	65,1	71,5	63,5	34,5
Затрудняюсь ответить	1,5	1,6	1,3	1,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

[4] В этой и последующих таблицах значение N в каждом столбце показывает размер выборки или соответствующей социальной группы.

Таблица 2.1.3

Проценты ответов респондентов на вопрос «Сначала уточним, когда-либо принимали Вы лично, Ваш адвокат или Ваш законный представитель участие в судебном разбирательстве, затрагивающем Ваши личные интересы или интересы Вашей семьи (но не интересы бизнеса)?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=602	N=312	N=233	N=55
Да	30,7	29,2	30,0	43,6
Нет	67,4	69,6	67,8	52,7
Затрудняюсь ответить	1,8	1,3	2,1	3,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

В целом по выборке только примерно одна треть предпринимателей (33,4%) когда-либо участвовала в судебных разбирательствах по делам их бизнесов. Но эти доли существенно зависят от размеров их бизнесов. Представители крупного бизнеса (63,6%, уровень значимости не выше 3x10–5%) существенно чаще принимали участие в судебных разбирательствах по делам их бизнесов, а представители малого бизнеса – существенно реже (26,9%, уровень значимости не выше 0,02%). Представители среднего бизнеса (35,2%) принимали участие в судебных разбирательствах по делам их бизнесов примерно столь же часто, как в целом по выборке. Сравнительно невысокие средние показатели по выборке в целом связаны с тем, что в ней доминирует малый бизнес, который сравнительно редко решает свои проблемы в судебных разбирательствах. Напротив, крупный бизнес так поступает довольно часто, но его доля в выборке невелика.

В таблице 2.1.3 представлены данные проведенного опроса предпринимателей о том, какие доли их в целом по выборке и по размерам их бизнесов участвовали когда-либо в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей. При этом участие могло быть личным, через адвоката или другого законного представителя предпринимателя.

Таблица 2.1.4

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «В рамках каких видов судопроизводства Вам когда-либо приходилось участвовать?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=2845	N=765	N=1187	N=561
Конституционного	1,6	1,8	1,7	1,3
Уголовного	37,2	37,6	40,4	32,3
Гражданского	55,7	53,8	55,6	60,6
Арбитражного	4,4	2,5	4,5	6,2
Административного	11,3	10,8	9,5	14,6
Вы затрудняетесь указать вид судопроизводства	5,6	7,5	4,5	3,1

По данным таблице 2.1.3 в целом по выборке только менее трети предпринимателей (30,7%) когда-либо участвовали в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей, но эти доли существенно зависят от размеров их бизнесов. Представители крупного бизнеса (34,6%, уровень значимости не выше 1,4%) существенно чаще принимали участие в судебных разбирательствах по делам их бизнесов, чем представители малого (29,2%) и среднего бизнеса (30,0%). Различия между малым и средним бизнесами в этом отношении оказались статистически незначимыми. Сравнительно невысокие средние показатели по выборке в целом связаны с тем, что в ней доминирует малый бизнес, который сравнительно редко решает свои проблемы в судебных разбирательствах. Напротив, крупный бизнес так поступает довольно часто, но его доля в выборке невелика.

Респондентов-граждан, которые указали, что принимали участие в тех или иных судебных процессах, затем спрашивали, в каких видах судопроизводства они участвовали. В таблице 2.1.4 представлены данные их ответов на соответствующий вопрос анкеты в целом по выборке и отдельно по размерам совокупных месячных доходов

респондентов. Респондент мог отметить любое число ответов, поэтому сумма процентов в столбцах этой таблицы не равна 100. Проценты в ее столбцах вычислены от числа респондентов, указавших, что они когда-либо принимали участие в судебных процессах.

По данным проведенного исследования в целом по выборке и по всем категориям граждан по уровням их благосостояния, если респонденты-граждане принимали участие в судебных процессах, то наиболее часто в рамках гражданского судопроизводства (55,7%). Наблюдаемый рост доли граждан, принимавших участие в гражданских судебных разбирательствах, в соответствии с ростом уровня месячных доходов их семей, не является статистически значимым. Немногим более 1/3 респондентов-граждан принимали участие в судебных разбирательствах в рамках уголовного судопроизводства (37,2%). При этом граждане, имеющие уровни месячных доходов семей свыше 25 000 рублей, существенно реже (уровень значимости не превышает 2,9%) других участвовали в уголовных судебных процессах. В среднем сравнительно немногие граждане принимали участие в судебных разбирательствах в рамках административного судопроизводства (11,3%), причем самые обеспеченные граждане делали это чаще других (21,0%). Этот вывод также подтверждается на уровне значимости не выше 2,9%. И очень немногие граждане принимали участие в судебных разбирательствах в рамках конституционного судопроизводства (1,6%).

Респондентам-предпринимателям в проведенном опросе задавалась серия вопросов об одном конкретном судебном деле, связанном с их бизнесом. Среди этой серии вопросов был и вопрос о том, в рамках какого судопроизводства разбиралось это дело. Данные ответов на этот вопрос приведены в таблице 2.1.5.

По данным таблицы 2.1.5 чаще всего предприниматели решают проблемы своих бизнесов в рамках арбитражного судопроизводства (62,7%). При этом крупный бизнес существенно чаще других использует арбитражное судопроизводство для решения проблем своих бизнесов (74,3% при уровне значимости не выше 5,5%). В этом отношении различия между малым и средним бизнесом оказались статистически незначимыми.

Некоторые проблемы своих бизнесов предприниматели решают в гражданском (23,9%) и административном (8,0%) судопроизводстве, а в ряде случаев – и в уголовном (3,0%). Статистически значимые различия по размерам бизнесов по этим видам судопроизводств были обнаружены только в отношении административного судопроизводства.

Таблица 2.1.5

Проценты ответов респондентов на вопрос «В рамках какого вида судопроизводства разбиралось это дело?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=201	N=84	N=82	N=35
Конституционного	0,0	0,0	0,0	0,0
Уголовного	3,0	1,2	4,9	2,9
Гражданского	23,9	25,0	26,8	14,3
Арбитражного	62,7	58,3	62,2	74,3
Административного	8,0	13,1	2,4	8,6
Затрудняюсь ответить	2,5	2,4	3,7	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Представители малого бизнеса существенно чаще других решают свои проблемы в административном судопроизводстве (13,1% при уровне значимости не выше 1,1%), среднего бизнеса – существенно реже (2,4% при уровне значимости не выше 0,8%), а представители крупного бизнеса примерно столь же часто, как в целом по выборке.

Вполне возможно, что представители малого бизнеса не имеют ресурсов обойти решение возникающих у них административных проблем в судах, а представители среднего и крупного бизнеса такие ресурсы имеют, потому и решают административные проблемы в судах реже. Некоторое превышение частоты обращений с такими проблемами в суды у представителей крупного бизнеса в сравнении со средним может быть вызвано тем, что у представителей крупного бизнеса эти проблемы возникают несколько чаще или они чаще решают их правовыми методами в судах. Некоторые подтверждения отмеченных гипотез были получены в ходе проведения фокус-групп и экспертных интервью. Желательно эти гипотезы проверить в последующих исследованиях.

Таблица 2.1.6

Проценты ответов респондентов на вопрос
«В рамках какого вида судопроизводства разбиралось это дело?»
в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=185	N=91	N=70	N=24
Конституционного	0,5	1,1	0,0	0,0
Уголовного	13,0	11,0	18,6	4,2
Гражданского	68,6	64,8	68,6	83,3
Административного	16,2	19,8	12,9	12,5
Затрудняюсь ответить	1,1	2,2	0,0	0,0
Нет ответа	0,5	1,1	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Респондентам-предпринимателям в проведенном опросе задавалась серия вопросов об одном конкретном судебном деле, связанном с решением их личных проблем и проблем их семей. Среди этой серии вопросов был и вопрос о том, в рамках какого судопроизводства разбиралось это дело. Данные ответов приведены в таблице 2.1.6.

По данным таблицы 2.1.6 свои личные дела или дела своих семей предприниматели разбирают более чем в $^2/_3$ случаев в гражданском судопроизводстве (68,6%). Существенно чаще, чем в среднем по выборке, в гражданском судопроизводстве такие дела разбирают представители крупного бизнеса (83,3% при уровне значимости не выше 4,5%). В административном судопроизводстве (16,2%) предприниматели в среднем разбирают свои личные и семейные дела существенно реже, чем в гражданском. Видимые в таблице 2.1.6 различия процентов участия по таким делам представителей разных по размерам бизнесов не являются статистически значимыми. Наиболее вероятно, что такая структура рассмотрения личных дел или дел их семей предпринимателями в разных видах судопроизводства определяется содержанием проблем, решаемых в судах. Естественно, что большинство этих проблем относится к сфере гражданского судопроизводства, а к административному судопроизводству респондентам-предпринимателям при решениях личных или семейных проблем приходится прибегать существенно реже.

Описание опыта участия респондентов-граждан в судебных разбирательствах дополняется данными о том, в каких судах им доводилось это делать. В таблице 2.1.7 представлены данные ответов респондентов-граждан на вопрос о том, в каких судах им доводилось участвовать в судебных разбирательствах в любых качествах. Респондент мог отметить любое число ответов, поэтому сумма процентов по столбцам не равна 100. Проценты вычислены от числа респондентов, указавших, что они когда-либо принимали участие судебных процессах.

По данным проведенного исследования в целом по выборке и по всем категориям граждан по уровням их благосостояния, если респонденты-граждане принимали участие в судебных процессах, то наиболее часто – в нижестоящих судах общей юрисдикции (38,4%) и у мировых судей (25,9%). В таблице 2.1.7 заметно, что наиболее обеспеченные граждане с месячными доходами семей свыше 25 000 рублей существенно реже среднего участвовали в судебных разбирательствах в судах общей юрисдикции (32,3%, уровень значимости не выше 0,8%) и существенно чаще – в нижестоящих арбитражных судах (12,4%, уровень значимости не выше 0,01%) и у мировых судей (35,0%, уровень значимости не выше 0,03%). Эту закономерность желательно проверить в последующих социологических исследованиях, потому что полученный в проведенном исследовании результат может быть связан с относительно небольшим числом обеспеченных граждан в его выборке.

Почти четверть граждан (24,4%), принимавших участие в судебных разбирательствах, не смогли ответить, в каком суде это происходило. Среди наименее обеспеченных граждан такая доля существенно выше – 26,9% (уровень значимости не выше 2,9%), а среди наиболее обеспеченных – несколько ниже – 21,8% (уровень значимости не выше 5,5%). Следовательно, примерно четверть граждан, а среди малообеспеченных и больше, даже побывав в судебных заседаниях, не получают какого-то определенного опыта понимания того, как осуществляется правосудие. Ведь они оказались даже не способными понять, в каких судах они присутствовали на судебных разбирательствах.

Таблица 2.1.7

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «В каких судах Вам когда-либо доводилось участвовать в судебных разбирательствах?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=2845	N=765	N=1187	N=561
Конституционный суд РФ	8,6	9,0	8,0	9,7
Уставный или Конституционный суд субъекта Федерации	3,0	3,6	2,1	4,0
Верховный суд РФ	2,1	1,4	2,4	0,9
Нижестоящий суд общей юрисдикции (по отношению к Верховному суду РФ)	38,4	40,1	41,8	32,3
Высший Арбитражный суд РФ	1,0	1,4	0,5	1,3
Нижестоящий Арбитражный суд (по отношению к Высшему арбитражному суду РФ)	6,7	4,7	5,4	12,4
Мировой судья	25,9	20,8	25,3	35,0
Вы затрудняетесь ответить, в каком суде Вы участвовали	24,4	26,9	22,5	19,0

В проведенном исследовании осуществлялся анализ того, насколько часто предприниматели участвуют в судебных разбирательствах по делам бизнеса, а также каковы их оценки судебных разбирательств такого рода. По данным таблицы 2.1.8, в которой представлены ответы респондентов-предпринимателей на вопрос о том, в каком суде разбиралось дело, в котором решалась проблема их бизнеса, в среднем

Таблица 2.1.8

Проценты ответов респондентов на вопрос «В каком суде разбиралось это дело?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=195	N=80	N=82	N=33
Конституционный суд РФ	1,0	1,2	1,2	0,0
Уставный или Конституционный суд субъекта Федерации	1,0	0,0	1,2	3,0
Верховный суд РФ	0,5	1,2	0,0	0,0
Нижестоящий суд общей юрисдикции (по отношению к Верховному суду РФ)	20,5	13,8	25,6	24,2
Высший арбитражный суд РФ	7,7	7,5	8,5	6,1
Нижестоящий арбитражный суд (по отношению к Высшему арбитражному суду РФ)	51,8	48,8	52,4	57,6
Мировой судья	10,3	16,2	6,1	6,1
Затрудняюсь ответить	3,6	6,2	2,4	0,0
Нет ответа	3,6	5,0	2,4	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

более половины предпринимателей решают проблемы своих бизнесов в нижестоящих арбитражных судах (51,8%). В частоте таких действий не было обнаружено существенных статистических отличий в зависимости от размеров бизнесов респондентов.

Немалая доля предпринимателей решает проблемы своих бизнесов в судах общей юрисдикции (20,5%), а представители малого бизнеса поступают так существенно реже других (13,8% при уровне значимости не выше 2,3%). Небольшая, но заметная доля предпринимателей решает проблемы своих бизнесов у мировых судей (10,3%).

Таблица 2.1.9

Проценты ответов респондентов на вопрос «Вы лично принимали участие в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=201	N=84	N=82	N=35
Да	71,6	71,4	73,2	68,6
Нет	28,4	28,6	26,8	31,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Представители малого бизнеса поступают так существенно чаще других (16,2% при уровне значимости не выше 1,1%), что соответствует специфике судебных дел, разбираемых мировыми судьями.

По данным проведенных ранее фокус-групп предприниматели обосновывают свои обращения к мировым судьям тем, что они быстрее проводят судебные разбирательства, у них можно быстрее получить решения проблем своих бизнесов. Мировые судьи, как известно, имеют существенные ограничения на размеры исков (до 30 000 рублей) и подсудности им категорий судебных дел. Поэтому средний и крупный бизнес не всегда могут обращаться в мировой суд для решений проблем своих бизнесов. Для малого бизнеса некоторые из этих ограничений не очень значимы, а быстрота получения судебных решений является принципиально важной. Поэтому представители малого бизнеса существенно чаще, чем представители среднего и крупного бизнеса, решают проблемы своих бизнесов у мировых судей.

В таблицах 2.1.9 и 2.1.10 представлены данные ответов респондентов-предпринимателей на вопросы о том, участвовали ли они лично в судебных разбирательствах по делам их бизнесов и кто представлял их интересы в этом судебном разбирательстве.

По данным таблицы 2.1.9 подавляющее большинство предпринимателей (в среднем 71,6%) лично принимали участие в судебных разбирательствах по делам их бизнесов. Такое поведение характерно даже для крупного бизнеса (68,6%), и в этом не было обнаружено существенных статистических различий между представителями

Таблица 2.1.10

Проценты ответов респондентов на вопрос «Кто представлял Ваши интересы в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=196	N=81	N=82	N=33
Я сам без адвоката	38,3	32,1	43,9	39,4
Адвокат, предоставленный мне бесплатно судом	0,5	1,2	0,0	0,0
Адвокат, нанятый мной для этого судебного процесса	20,9	28,4	18,3	9,1
Мой постоянный (семейный) адвокат	2,0	3,7	0,0	3,0
Штатный юрисконсульт моего предприятия, фирмы	29,1	21,0	30,5	45,5
Нанятый мной представитель из юридической фирмы (но не адвокат)	1,5	1,2	2,4	0,0
Иной нанятый мной представитель (но не адвокат)	2,6	4,9	1,2	0,0
Затрудняюсь ответить	1,0	1,2	1,2	0,0
Нет ответа	4,1	6,2	2,4	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

бизнесов различных размеров. Но при этом по данным таблицы 2.1.10 только в 38,3% случаев предприниматели самостоятельно представляют свои интересы в судебных разбирательствах по делам их бизнесов. Видимые в этой таблице различия процентов ответов представителей бизнесов различных размеров оказались статистически незначимыми.

По данным таблицы 2.1.10 чаще всего предприниматели участвуют в судебных процессах по делам своих бизнесов со своими представителями, которыми в большинстве случаев бывают штатные юрисконсульты предприятий или фирм (29,1%), а также нанятые адвокаты (20,9%). При этом представители крупного бизнеса существенно чаще других используют для целей представительства их интересов в судах штатных юрисконсультов (45,5% при уровне значимости не выше 1,1%). А нанятых адвокатов существенно чаще других использует малый бизнес (28,4% при уровне значимости не выше 1,4%). По-видимому, малый бизнес не может в большинстве случаев содержать штатных юрисконсультов, а потому его представители вынуждены нанимать адвокатов для представления их интересов в судебных разбирательствах по делам их бизнесов. Крупный бизнес, напротив, специально включает в свои штаты юрисконсультов, одной из важных задач которых является представительство интересов своих бизнесов в судах. Определенные подтверждения этих гипотез были получены при проведении фокус-групп и экспертных интервью, но нужно отметить, что желательно проверить их в последующих исследованиях.

По данным таблицы 2.1.10 предприниматели для решений в судах проблем своих бизнесов очень редко прибегают как к услугам постоянных или семейных адвокатов (2,0%), так и к услугам иных нанятых представителей, не являющихся адвокатами (1,5%). По-видимому, даже обладающие высоким уровнем материального обеспечения представители крупного бизнеса весьма редко в условиях России имеют постоянных или семейных адвокатов, но почти половина из них (45,5%) пользуется услугами постоянных, штатных юрисконсультов для представительства интересов их бизнесов в судебных разбирательствах.

В таблице 2.1.11 представлены данные ответов респондентов-предпринимателей о том, в каком суде разбиралось то дело, о котором рассказывали респонденты как о последнем случае их участия в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей.

По данным таблицы 2.1.11 чаще всего судебные разбирательства по личным делам или делам семей предпринимателей проводились в судах общей юрисдикции (53,8%) и у мировых судей (32,6%). При этом представители малого бизнеса существенно чаще других решали свои личные и семейные проблемы у мировых судей (39,6% при уровне значимости не выше 2,3%), а представители среднего

Таблица 2.1.11

Проценты ответов респондентов на вопрос «В каком суде разбиралось это дело?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=184	N=91	N=70	N=23
Конституционный суд РФ	1,6	2,2	1,4	0,0
Уставный или Конституционный суд субъекта Федерации	1,6	0,0	4,3	0,0
Верховный суд РФ	0,0	0,0	0,0	0,0
Нижестоящий суд общей юрисдикции (по отношению к Верховному суду РФ)	53,8	47,3	62,9	52,2
Мировой судья	32,6	39,6	22,9	34,8
Затрудняюсь ответить	8,7	8,8	7,1	13,0
Нет ответа	1,6	2,2	1,4	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

бизнеса – в нижестоящих судах общей юрисдикции (62,9% при уровне значимости не выше 2,9%). Возможно, такое поведение представителей малого бизнеса связано с тем, что мировые судьи разбирают гражданские иски, размеры которых не превышают 30 000 рублей. У малого бизнеса такие размеры исков по личным и семейным делам, по-видимому, существенно чаще встречаются, чем у среднего и крупного.

В судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей предприниматели, в подавляющем большинстве случаев, принимали участие лично. По данным таблицы 2.1.12 в среднем это происходило в 89,7%. Такая закономерность характерна для представителей всех видов бизнеса по их размерам, в этом отношении между ними не было обнаружено существенных статистических различий.

Таблица 2.1.12

Проценты ответов респондентов на вопрос «Вы лично принимали участие в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=184	N=91	N=69	N=24
Да	89,7	87,9	92,8	87,5
Нет	9,8	12,1	7,2	8,3
Затрудняюсь ответить	0,5	0,0	0,0	4,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Личное участие в судебном разбирательстве для респондентов-предпринимателей не исключало, а в некоторых случаях предполагало участие в них тех или иных представителей. Соответствующие данные приведены в таблице 2.1.13.

По данным этой таблицы в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей предприниматели в большинстве случаев отказывались от услуг адвокатов и других юристов, представляли свои интересы в судебных разбирательствах самостоятельно (56,4% в целом по выборке).

Такая закономерность обнаруживается в ответах представителей всех видов бизнеса по их размерам. Правда, для малого бизнеса такой показатель существенно меньше среднего (44,9% при уровне значимости не выше 0,02%), что может быть связано просто с небольшим объемом выборки проведенного исследования, не позволившей статистически достоверно обосновать отмеченную выше закономерность. Но эта закономерность подтверждается и тем, что адвокатов для участия в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей предприниматели нанимают примерно в ¼ случаев (23,8%). Видимая в таблице 2.1.13 зависимость процентов таких ответов респондентов-предпринимателей от размеров их бизнесов не является статистически значимой.

Использование предпринимателями в таких судебных разбирательствах услуг постоянных адвокатов или штатных юрисконсультов

Таблица 2.1.13

Проценты ответов респондентов на вопрос «Кто представлял Ваши интересы в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=181	N=89	N=70	N=22
Я сам без адвоката	56,4	44,9	64,3	77,3
Адвокат, предоставленный мне бесплатно судом	3,3	3,4	4,3	0,0
Адвокат, нанятый мной для этого судебного процесса	23,8	27,0	22,9	13,6
Мой постоянный (семейный) адвокат	1,7	3,4	0,0	0,0
Штатный юрисконсульт моего предприятия, фирмы	3,3	4,5	2,9	0,0
Нанятый мной представитель из юридической фирмы (но не адвокат)	2,2	2,2	2,9	0,0
Иной нанятый мной представитель (но не адвокат)	1,1	1,1	0,0	4,5
Затрудняюсь ответить	2,8	5,6	0,0	0,0
Нет ответа	5,5	7,9	2,9	4,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

предприятий, фирм встречается довольно редко. Для штатных юрисконсультов предприятий, фирм это может быть оправдано тем, что предприниматели должны разделять дела своих бизнесов и свои личные. Весьма редкое использование услуг постоянных адвокатов в таких судебных разбирательствах, по-видимому, показывает, что постоянные адвокаты есть у меньшинства российских предпринимателей, даже у тех, кто занимается крупным бизнесом.

Таблица 2.1.14

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Вы лично принимали участие в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Да	94,4	95,4	94,7	90,7
Нет	5,6	4,6	5,3	9,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Несмотря на более высокий уровень благосостояния в сравнении с другими гражданами России, предприниматели в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей в некоторых случаях прибегают к услугам адвокатов, бесплатно предоставленных им судами. По данным проведенного исследования, такие факты не отмечены для представителей крупного бизнеса, но бывают для представителей малого бизнеса (3,4%) и среднего бизнеса (4,3%) (различия этих процентов ответов не являются статистически значимыми).

По данным проведенного опроса, подавляющее большинство граждан принимали личное участие в судебных разбирательствах в тех случаях, когда они сами обращались в суды для разрешения каких-то проблем и соответствующие судебные разбирательства состоялись (94,4%), что лишь немного выше аналогичной доли предпринимателей, представленной в таблице 2.1.12. При этом участие граждан в судебных разбирательствах могло быть личным, через адвоката или другого законного представителя. Соответствующие данные представлены в таблице 2.1.14.

По данным таблицы 2.1.14 уровень личного участия респондентов-граждан в судебных разбирательствах, которые состоялись после их обращений в суды, очень высок при любом уровне доходов их семей. Но заметно и некоторое снижение этого уровня при повышении уровня доходов семей. Такие различия процентов ответов не являются

Таблица 2.1.15

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Кто представлял Ваши интересы в этом судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Я сам без адвоката	42,6	48,3	42,7	34,6
Адвокат, предоставленный мне бесплатно судом	10,9	12,6	11,1	8,4
Адвокат, нанятый мной для этого судебного процесса	23,2	19,9	21,8	30,8
Мой постоянный (семейный) адвокат	0,2	0,0	0,4	0,0
Штатный юрисконсульт моего предприятия, фирмы	0,8	0,0	0,9	1,9
Нанятый мной представитель из юридической фирмы (но не адвокат)	1,6	2,0	0,0	3,7
Иной нанятый мной представитель (но не адвокат)	1,2	0,7	1,3	1,9
Затрудняюсь ответить	19,6	16,6	21,8	18,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

статистически значимыми, замеченную закономерность желательно проверить в последующих исследованиях.

Личное участие в судебном разбирательстве для респондентов-граждан не исключало, а в некоторых случаях предполагало участие в них тех или иных представителей. Соответствующие данные приведены в таблице 2.1.15.

По данным таблицы 2.1.15 в судебных разбирательствах, которые проводились по их обращениям в суды для решений тех или

иных проблем, респонденты-граждане довольно часто отказывались от услуг адвокатов и других юристов, а представляли свои интересы в судебных разбирательствах самостоятельно (42,6% в среднем по выборке). Существенно чаще, чем в среднем по выборке, так поступали малообеспеченные граждане с ежемесячными доходами семей до 10 000 рублей (48,3%, уровень значимости не выше 4,5%), имеющие ежемесячные доходы семей от 10 000 до 25 000 рублей (42,7%) и существенно реже имеющие ежемесячные доходы семей свыше 25 000 рублей (34,6%, уровень значимости не выше 2,9%).

Адвокатов для представительства своих интересов в судебных разбирательствах респонденты-граждане нанимают в среднем менее чем в четверти случаев (23,2%), что почти совпадает с аналогичной долей для респондентов-предпринимателей, когда они участвуют в судебных разбирательствах по их личным делам или делам их семей (23,8%). По данным таблицы 2.1.15, чем выше уровень месячного дохода семей, тем чаще респонденты-граждане нанимают адвокатов. Но статистически значимыми превышениями среднего уровня по выборке являются только проценты граждан, имеющих ежемесячные доходы семей свыше 25 000 рублей (30,8%, уровень значимости не выше 1,8%) и нанимающих адвокатов. Интересы в судебных разбирательствах еще примерно 10,9% граждан представляют адвокаты, бесплатно направленные им судами. Заметные по таблице 2.1.15 различия граждан по доступу к бесплатным адвокатам в зависимости от уровня месячного дохода их семей не являются статистически значимыми. В определенном смысле такое положение означает дискриминацию граждан по уровню благосостояния их семей, поскольку малообеспеченные граждане чаще других должны были бы прибегать к услугам бесплатных адвокатов для представления своих интересов в судебных разбирательствах. Этот вывод желательно уточнить в последующих исследованиях.

Использование в таких судебных разбирательствах услуг постоянных адвокатов, штатных юрисконсультов предприятий, фирм, а также представителей юридических фирм, но не адвокатов, встречается в практике и граждан, и предпринимателей довольно редко, причем для граждан – независимо от уровня их благосостояния. Редкое использование гражданами штатных юрисконсультов предприятий, фирм может быть оправдано тем, что предприниматели крайне редко встречаются в репрезентативных выборках, а выборка проведенного исследования именно такая. Весьма редкое использование услуг постоянных адвокатов в таких судебных разбирательствах, по-видимому,

показывает, что постоянные адвокаты бывают только у очень немногих российских граждан, даже сравнительно хорошо обеспеченных.

Данные таблиц 2.1.13 и 2.1.15 согласованно показывают, что в судебных разбирательствах и предприниматели, и граждане если и используют услуги юристов, то существенно чаще – услуги адвокатов, чем представителей иных юридических фирм. Естественно предположить, что в настоящий период на рынке юридических услуг по представительству интересов в судах по личным и семейным делам доминируют адвокаты и адвокатские конторы.

2.2. Ожидания респондентов от участия в судебных процессах

В формализованных социологических опросах граждан и предпринимателей анализировались сюжеты, связанные с последними случаями их участия в судебных процессах, обращений в суды с целями разрешения тех или иных проблем. Последние случаи реального обращения респондентов в суды использовались для достижения максимально возможного уровня конкретизации их ответов, для определенности описания ими ситуаций судебного разбирательства. Эти сюжеты были представлены в анкетах последовательностями вопросов, начиная с того, когда было последнее обращение респондента в суд или его участие в судебном разбирательстве, и заканчивая тем, насколько он был удовлетворен судебным решением и было ли оно исполнено.

И гражданам, и предпринимателям задавались вопросы о том, чего они ожидали от участия в судебных разбирательствах, в которых принимали участие в качестве сторон. Для корректности ожидания граждан от своего участия в судебных разбирательствах сравниваются ниже с ожиданиями предпринимателей от участия в судебных разбирательствах по делам личным или их семей.

Данные ответов респондентов-граждан на вопросы об их ожиданиях от судебных разбирательств по личным или семейным проблемам представлены в таблице 2.2.1, в которой ожидания отсортированы по убыванию долей их выбора респондентами. Каждый респондент оценивал каждое из возможных ожиданий. В таблице приводятся проценты только согласий респондентов с этими ожиданиями, поэтому сумма долей ответов не равна 100%.

Таблица 2.2.1

Проценты ответов респондентов-граждан, обратившихся в суд, на вопрос «Чего Вы ожидали от своего обращения в суд в тот последний раз?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514[4]	N=151	N=225	N=107
Решение своей проблемы	97,1	98,0	96,4	100,0
Объективное рассмотрение своего дела	91,1	88,7	91,6	94,4
Восстановление справедливости	90,1	87,4	91,1	89,7
Восстановление законности	89,1	88,1	91,1	86,0
Защита своих нарушенных прав и свобод	76,1	72,2	77,3	79,4
Выявление всех обстоятельств своего дела	76,1	70,2	79,1	79,4
Наказание обидчика или обидчиков	56,6	55,6	60,4	50,5
Возмещение материального ущерба	53,7	52,3	56,4	51,4
Восстановление своего доброго имени	43,8	37,1	48,4	46,7
Защита от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения	38,9	37,1	41,8	37,4
Получение компенсации за причиненный моральный вред	37,5	33,1	44,9	30,8

[4] В этой и последующих таблицах значение N в каждом столбце показывает размер выборки или соответствующей социальной группы.

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514[4]	N=151	N=225	N=107
Я был(а) виноват(а), но хотел(а), чтобы наказание соответствовало степени моей вины	7,4	9,9	4,4	8,4
Вы ожидали какого-то другого результата	0,0	0,0	0,0	0,0

По данным таблицы 2.2.1 первыми шестью наиболее значимыми ожиданиями респондентов-граждан от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, являются следующие:

– Решение своей проблемы.
– Объективное рассмотрение своего дела.
– Восстановление справедливости.
– Восстановление законности.
– Защита своих нарушенных прав и свобод.
– Выявление всех обстоятельств своего дела.

После этих вопросов респондентам-гражданам задавались и вопросы о том, оправдались ли в этих судебных разбирательствах их ожидания. Соответствующие данные представлены в таблице 2.2.2, в которой ожидания отсортированы по убыванию долей того, насколько они оправдались для респондентов. Каждый респондент должен был дать ответ по каждому возможному своему ожиданию от судебного разбирательства. Результаты в этой таблице отсортированы по убыванию ответов «Полностью оправдалось».

По данным таблицы 2.2.2 первыми шестью полностью оправдавшимися ожиданиями респондентов-граждан от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, являются следующие:

– Решение своей проблемы.
– Восстановление законности.
– Объективное рассмотрение своего дела.
– Восстановление справедливости.
– Выявление всех обстоятельств своего дела.
– Защита своих нарушенных прав и свобод.

Таблица 2.2.2

Проценты ответов респондентов-граждан, обратившихся в суд, на вопрос «Какие из этих Ваших ожиданий в итоге оправдались – полностью или частично?»

Варианты ответов	Доли в процентах			
	Полностью оправдалось	Частично оправдалось	Не оправдалось	Затрудняюсь ответить
Решение своей проблемы	54,1	17,2	11,6	17,0
Восстановление законности	51,7	16,6	12,9	18,8
Объективное рассмотрение своего дела	50,4	19,4	11,5	18,6
Восстановление справедливости	49,5	19,2	13,4	17,9
Выявление всех обстоятельств своего дела	47,8	17,1	12,8	22,3
Защита своих нарушенных прав и свобод	47,1	17,6	13,8	21,5
Восстановление своего доброго имени	38,2	14,7	11,1	36,0
Наказание обидчика или обидчиков	37,8	20,3	14,8	27,1
Я был(а) виноват(а), но хотел(а), чтобы наказание соответствовало степени моей вины	36,8	42,1	7,9	13,2
Защита от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения	31,0	14,0	12,5	42,5
Возмещение материального ущерба	28,6	22,1	21,0	28,3
Получение компенсации за причиненный моральный вред	17,6	19,2	24,4	38,9
Вы ожидали какого-то другого результата	0,0	0,0	0,0	0,0

Для респондентов-граждан в судебных разбирательствах по их оценкам чаще оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: списки шести важнейших ожиданий (таблица 2.2.1) и шести полностью оправдавшихся ожиданий (таблица 2.2.2) от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, совпадают. Главным ожиданием граждан было решение их проблем, и именно это ожидание чаще всего оправдывалось. Однако для граждан восстановление справедливости по ожиданиям стояло выше восстановления законности, но восстановление законности по результатам судебных разбирательств оправдывалось несколько чаще, чем восстановление справедливости. Но различия в процентах ответов о том, насколько эти два ожидания оправдались, статистически незначимы, их можно считать мало отличающимися. При этом статистически значимы различия ожиданий и того, насколько они оправдались: что для каждого ожидания существенно больше респондентов-граждан высказывали его желательность (от 76,1% до 97,1% для важнейших шести ожиданий), чем то, что оно оправдалось по результатам судебного разбирательства (от 47,1% до 54,1% для тех же важнейших шести ожиданий).

Насколько оправдывались ожидания, существенно зависело от того, выиграл судебный процесс респондент или проиграл: у выигравших граждан ожидания оправдывались чаще. В тех случаях, когда судебные решения были приняты в пользу респондентов, они существенно чаще отвечали, что оправдались их ожидания от этих судебных разбирательств, суд принял во внимание их доказательства, правильно их оценил и хорошо разобрался в их делах. В последующих таблицах приводятся данные проведенного исследования, обосновывающие этот вывод. Следовательно, невозможно считать, что респонденты-граждане более или менее объективно оценивали судебные разбирательства по личным или семейным проблемам, в которых принимали участие. В этом оценки ожиданий респондентов являлись очень субъективными.

Данные о том, в чью пользу выносились судебные решения, в зависимости от размеров совокупных месячных доходов семей респондентов-граждан приводятся в таблице 2.2.3.

По данным таблицы 2.2.3 примерно в 52,3% случаев судебные решения по их обращениям выносились в пользу респондентов-граждан, и существенных отличий в этом в зависимости от месячных доходов семей не было. Именно здесь в максимальной степени

Таблица 2.2.3

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «В чью пользу было вынесено тогда судебное решение?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
В Вашу пользу	52,3	55,0	51,6	51,4
Частично в Вашу пользу	17,9	14,6	17,3	22,4
Не в Вашу пользу	11,9	16,6	10,7	8,4
Затрудняюсь ответить	17,9	13,9	20,4	17,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

сказывается смещение в наших данных, порождаемое принципиальным дефектом выборки: в ней нет респондентов, проигравших в уголовном процессе и вследствие этого отбывающих наказания в местах заключения. Кроме того, наблюдающаяся асимметрия между решениями в пользу или против респондента объясняется значимой долей дел, в которых второй стороной процесса являлся орган власти или иные организации (работодатели, производители товаров и т.п.).

Необходимо еще отметить, что респонденты-граждане, имеющие ежемесячные доходы семей до 10 000 рублей, существенно чаще среднего по выборке получали судебные решения не в свою пользу: 16,6% для этих респондентов при средней 11,9% дает такой вывод при уровне значимости 1,8%. Вывод желательно проверить в последующих исследованиях. Если он получит подтверждение, то это будет означать наличие определенной дискриминации в получении судебных решений в пользу граждан, семьи которых имеют низкий уровень материального благосостояния.

В таблице 2.2.4 приводятся проценты ответов респондентов-граждан о том, что их ожидания от судебных разбирательств полностью оправдались в зависимости от совокупных месячных доходов их семей. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том,

Таблица 2.2.4

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Какие из этих Ваших ожиданий в итоге оправдались – полностью или частично?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Решение своей проблемы	52,5	49,7	48,9	61,7
Восстановление законности	46,1	47,0	43,6	48,6
Объективное рассмотрение своего дела	45,9	43,7	44,0	54,2
Восстановление справедливости	44,6	43,7	41,8	50,5
Выявление всех обстоятельств своего дела	36,4	33,1	35,6	43,9
Защита своих нарушенных прав и свобод	35,8	36,4	32,0	43,0
Наказание обидчика или обидчиков	21,4	21,9	20,9	21,5
Восстановление своего доброго имени	16,7	13,9	15,1	25,2
Возмещение материального ущерба	15,4	14,6	15,1	16,8
Защита от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения	12,1	11,3	8,9	19,6
Получение компенсации за причиненный моральный вред	6,6	4,6	7,1	8,4
Я был(а) виноват(а), но хотел(а), чтобы наказание соответствовало степени моей вины	2,7	2,6	1,3	3,7
Вы ожидали какого-то другого результата	0,0	0,0	0,0	0,0

в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не учитываются. Результаты отсортированы по убыванию ответов «Полностью оправдалось».

По данным таблицы 2.2.4 хорошо заметно, что наиболее важные для респондентов-граждан ожидания от судебных разбирательств существенно чаще оправдывались для более обеспеченных из них, чем для менее обеспеченных. В частности, решения своих проблем в судах респонденты с месячным доходом своих семей до 10 000 рублей получали в 49,7% случаев, с месячным доходом своих семей от 10 000 до 25 000 рублей – в 48,9% случаев, а с месячным доходом своих семей свыше 25 000 рублей – в 61,7% случаев. Последний процент на уровне значимости не выше 2,3% заметно превышает проценты для двух остальных групп по месячным доходам семей. У респондентов, имеющих месячный доход свыше 25 000 рублей, также существенно выше других групп процент восстановления своего доброго имени (25,2%, уровень значимости не выше 0,5%), защиты от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения (19,6%, уровень значимости не выше 0,04%), получения компенсации за причиненный моральный вред (8,4%, уровень значимости не выше 4,5%). Такие преимущества хорошо обеспеченных респондентов-граждан в реализации их ожиданий в судебных разбирательствах, скорее всего, означает нарушение принципа равенства граждан перед законом и судом. Эту гипотезу желательно проверить в последующих исследованиях.

Аналогичные вопросы задавались предпринимателям. По данным таблицы 2.2.5, в которой каждый респондент-предприниматель должен был дать ответ по каждому возможному своему ожиданию от судебного разбирательства, первыми шестью наиболее значимыми ожиданиями предпринимателей от судебных разбирательств по их личным или семейным проблемам являются следующие:

– Решение своей проблемы.
– Восстановление справедливости.
– Объективное рассмотрение своего дела.
– Восстановление законности.
– Защита своих нарушенных прав и свобод.
– Выявление всех обстоятельств своего дела.

Эти шесть наиболее значимых ожиданий от судебных разбирательств предпринимателей полностью совпадают с шестью наиболее значимыми ожиданиями граждан. Следует отметить, что уровень ожиданий восстановления справедливости у предпринимателей при

Таблица 2.2.5

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Что Вы ожидали от результатов своего участия в судебном разбирательстве?» (при решениях в судах личных или семейных проблем)

Ожидания	Доли в процентах		
	Ожидал	Не ожидал	Затрудняюсь ответить
Решение своей проблемы	81,5	17,3	1,2
Восстановление справедливости	76,5	22,2	1,2
Объективное рассмотрение своего дела	74,2	23,9	1,9
Восстановление законности	70,2	29,2	0,6
Защита своих нарушенных прав и свобод	63,5	34,6	1,9
Выявление всех обстоятельств своего дела	53,6	44,4	2,0
Возмещение материального ущерба	44,3	53,8	1,9
Наказание обидчика или обидчиков	42,3	55,8	1,9
Защита от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения	33,3	63,3	3,3
Восстановление своего доброго имени	32,7	65,3	2,0
Получение компенсации за причиненный моральный вред	24,8	73,2	2,0
Иное	10,0	76,7	13,4
Я был(а) виноват(а), но хотел(а), чтобы наказание соответствовало бы степени моей вины	7,8	85,1	7,1

решениях в судах личных или семейных проблем (76,5%) существенно выше, чем при решениях проблем их бизнесов (68,5%). И, тем не менее, ожидание справедливости от судебных разбирательств у граждан еще выше (90,1%). По-видимому, предприниматели в судебных разбирательствах по делам бизнеса существенно чаще, чем в судебных разбирательствах по личным и семейным делам, ожидают от судов выполнения функций решений проблем (87,3% и 81,5%, соответственно), ставших предметами судебных разбирательств. Ожидание восстановления справедливости для предпринимателей существенно менее значимо (68,5% и 76,5%, соответственно). Отчасти это функциональное отношение к судебным разбирательствам переносится предпринимателями и на решения в судах личных и семейных проблем. Но для большинства граждан при высокой значимости функционального отношения к судебным разбирательствам, т.е. ожиданий решений своих проблем в судах (97,1%), лишь немного менее значимым является восстановление справедливости (90,1%).

Поскольку в этом блоке вопросов анкеты обсуждалось состоявшееся судебное разбирательство, респондентам-предпринимателям задавались и вопросы о том, оправдались ли в этих судебных разбирательствах их ожидания. Соответствующие данные представлены в таблице 2.2.6, в которой ожидания отсортированы по убыванию долей того, насколько они оправдались для респондентов-предпринимателей. На соответствующий вопрос каждый респондент-предприниматель должен был дать ответ по каждому возможному своему ожиданию от судебного разбирательства.

Таблица 2.2.6

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какие из ожиданий, указанных Вами в предыдущем вопросе, оправдались полностью или частично?» (при решениях в судах личных или семейных проблем)

Ожидания	Доли в процентах			
	Полностью оправдалось	Частично оправдалось	Не оправдалось	Затрудняюсь ответить
Восстановление справедливости	46,2	19,6	22,4	11,9

Ожидания	Доли в процентах			
	Полностью оправдалось	Частично оправдалось	Не оправдалось	Затрудняюсь ответить
Решение своей проблемы	43,8	22,9	22,2	11,1
Объективное рассмотрение своего дела	43,4	20,9	20,9	14,7
Защита своих нарушенных прав и свобод	41,2	11,8	26,9	20,2
Восстановление законности	37,7	22,3	23,8	16,2
Выявление всех обстоятельств своего дела	35,5	14,5	21,8	28,2
Наказание обидчика или обидчиков	30,3	15,2	19,2	35,4
Восстановление своего доброго имени	28,0	11,8	15,1	45,2
Защита от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения	27,2	15,2	15,2	42,4
Возмещение материального ущерба	26,0	19,2	20,2	34,6
Получение компенсации за причиненный моральный вред	15,9	14,8	21,6	47,7
Я был(а) виноват(а), но хотел(а), чтобы наказание соответствовало бы степени моей вины	9,7	4,2	5,6	80,6
Иное	0,0	9,1	4,5	86,4

Таблица 2.2.7

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «В чью пользу было вынесено судебное решение в тот раз?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=170	N=82	N=67	N=21
В мою пользу	47,6	48,8	44,8	52,4
Частично в мою пользу	27,1	26,8	28,4	23,8
Не в мою пользу	18,2	17,1	20,9	14,3
Затрудняюсь ответить	7,1	7,3	6,0	9,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 2.2.6 первыми шестью полностью оправдавшимися ожиданиями предпринимателей от судебных разбирательств по их личным или семейным проблемам являются следующие:

– Восстановление справедливости.
– Решение своей проблемы.
– Объективное рассмотрение своего дела.
– Защита своих нарушенных прав и свобод.
– Восстановление законности.
– Выявление всех обстоятельств своего дела.

Для предпринимателей в судебных разбирательствах по их оценкам оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: списки шести важнейших ожиданий (таблица 2.2.5) и шести полностью оправдавшихся ожиданий (таблица 2.2.6) от судебных разбирательств по личным или семейным проблемам совпадают. Правда, для предпринимателей главным ожиданием было решение их проблем, а его полное исполнение оказалось не на первом, а на втором месте по значимости. На первом же месте по тому, насколько оправдались ожидания респондентов, оказалось восстановление справедливости. Кроме того, для каждого ожидания существенно больше респондентов-предпринимателей высказывали его желательность, чем указывали, что оно реализовалось в судебном разбирательстве.

Данные о том, в чью пользу выносились судебные решения у респондентов-предпринимателей, приводятся в таблице 2.2.7.

По данным таблицы 2.2.7 примерно в 47,6% случаев судебные решения по их личным или семейным делам выносились в пользу респондентов-предпринимателей, причем не было обнаружено существенных статистических отличий процентов ответов на этот вопрос анкеты у представителей бизнесов разных размеров. Мы видим здесь ту же асимметрию, что и в таблице 2.2.3. Естественно предположить, что причины, ее объясняющие, похожи (тяжбы против органов власти и других организаций).

2.3. Какие проблемы граждане и предприниматели решают в судах

Сферы жизни, относившиеся к судебным разбирательствам, в которых граждане когда-либо принимали участие в любом качестве, были очень разнообразны. В таблице 2.3.1 представлены данные ответов респондентов-граждан на соответствующий вопрос анкеты. Доли выбора респондентами-гражданами вариантов ответов, не приведенных в таблице, оказались существенно ниже ошибки выборки, т.е. встречаются довольно редко, и потому соответствующие проценты ответов респондентов не указывают на устойчивые закономерности. Как видно из данных таблицы 2.3.1, важнейшими сферами жизни граждан, к которым относятся судебные разбирательства с их участием, являются разводы, причинение телесных повреждений и вреда здоровью, возмещение ущерба собственности, взыскание вреда, причиненного преступлениями, а также споры имущественные, трудовые, по делам об административных правонарушениях (включая нарушения правил дорожного движения) и взыскания алиментов на детей. В ответах на вопрос таблицы 2.3.1 респондент мог отметить любое число ответов, поэтому сумма процентов не равна 100. Проценты в этой таблице вычислены от числа респондентов, указавших, что они когда-либо принимали участие в судебных процессах, т.е. от 1005 респондентов.

В таблице 2.3.2 разнообразие проблем, к которым относились судебные разбирательства, в которых граждане когда-либо принимали участие в любом качестве, сведено в несколько более крупных категорий. В таблице строки отсортированы по убыванию процентов ответов респондентов в целом по всей выборке. В данных этой таблице

Таблица 2.3.1

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «К каким сферам жизни относились судебные разбирательства, в которых Вы когда-либо принимали участие?»

Варианты ответов	Проценты
Развод	20,6
Причинение телесных повреждений	12,8
Причинение вреда здоровью	10,3
Возмещение ущерба собственности	9,4
Взыскание вреда, причиненного преступлением	7,5
Имущественный спор, проблемы прав собственности (не интеллектуальной)	7,4
Раздел имущества	7,1
Взыскание алиментов на детей	6,4
Трудовой спор (восстановление на работе, прием на работу, проблемы оплаты труда, отпусков и т.п.)	6,0
По делам об административных правонарушениях (нарушение правил дорожного движения и т.п.)	5,2
Защита чести и достоинства	4,6
Споры с жилищно-коммунальными службами	4,1
Споры по поводу земельных участков	4,1
Взыскание имущественного ущерба (в том числе за залив)	3,9
Наследственные споры	3,5
Иные категории дел по защите собственности	3,3
Взыскание компенсации морального вреда	3,3
Затрудняюсь ответить, не помню	3,3
Лишение родительских прав	3,1
Взыскание алиментов на супругу (супруге)	2,8

Таблица 2.3.2

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «К каким сферам жизни относились судебные разбирательства, в которых Вы когда-либо принимали участие?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=1005[5]	N=279	N=423	N=226
Имущественные проблемы	33,3	36,2	35,9	27,0
Семейные проблемы	27,4	26,2	26,0	31,0
Проблемы, связанные со здоровьем	21,0	20,8	22,0	17,7
Споры с органами власти	13,3	9,3	12,8	15,9
Другие проблемы	9,0	9,0	8,5	9,7
Проблемы прав личности	7,9	5,4	8,0	9,3
Взыскание вреда, причиненного преступлением	7,5	6,1	9,5	6,2
Трудовые споры	7,4	7,5	7,3	8,0
Споры с финансовыми и страховыми организациями	4,0	3,2	4,0	5,3

учитывается, что на соответствующий вопрос респондент мог дать любое число ответов, поэтому сумма процентов не равна 100. Одновременно в таблице учитывается месячный доход семей.

По данным таблиц 2.3.1 и 2.3.2 сферы жизни, к которым относились судебные разбирательства, в которых граждане когда-либо принимали участие в любом качестве, весьма разнообразны, но в целом российские граждане сравнительно редко решают свои проблемы в судах. Даже те сферы жизни, по которым респонденты-граждане

[5] В этой и последующих таблицах значение N в каждом столбце показывает размер выборки или соответствующей социальной группы.

чаще всего участвовали в судебных разбирательствах, отмечались ими в среднем не более чем в трети случаев (имущественные проблемы).

По данным таблицы 2.3.2 только два из заметных различий частот судебных разбирательств по отдельным сферам жизни оказались значимыми в зависимости от месячных доходов семей респондентов. К ним относится то, что хорошо обеспеченные респонденты-граждане с месячными доходами семей свыше 25 000 рублей принимали участие в судебных разбирательствах существенно реже других по имущественным проблемам (уровень значимости не выше 0,6%) и существенно чаще других по спорам с органами власти (уровень значимости не выше 3,6%). Эти ситуации желательно проанализировать глубже в последующих исследованиях. Предварительно для объяснения представленных различий можно высказать гипотезы о том, что хорошо обеспеченные граждане существенно реже других решают свои имущественные проблемы в судах, потому что у них есть иные ресурсы для решений таких проблем. Но у этой категории граждан существенно чаще других возникают проблемы с органами власти, которые в соответствии с нормами российского законодательства в большинстве случаев необходимо решать в судах.

Проблемы, которые предприниматели решали в судебных разбирательствах по делам личным или своих семей, очень разнообразны, некоторое представление о них дают данные таблицы 2.3.3. В силу сравнительно небольшого размера выборки (602 респондента) и большого разнообразия проблем, которые предприниматели решали в таких судебных разбирательствах, доли ответов по каждому конкретному их варианту оказались недостаточными для получения статистически обоснованных выводов. Тем не менее, оказалось возможным установить, какие проблемы чаще всего решали предприниматели в судебных разбирательствах, список таких проблем приведен в таблице в порядке убывания частоты. В таблице 2.3.3 проценты приводятся от 185 респондентов-предпринимателей, которые указали, что участвовали в судебных процессах. Каждый респондент мог отметить любое число вариантов ответа.

В таблице 2.3.4 разнообразие проблем, которые предприниматели решают в судебных разбирательствах по делам личным или их семей, сведено в несколько более крупных категорий и анализируется в зависимости от масштаба бизнеса. Чаще всего такими проблемами являются имущественные проблемы (48,6%), споры с органами власти (16,8%), семейные проблемы (9,2%), проблемы прав личности (8,1%) и проблемы, связанные со здоровьем (7,0%).

Таблица 2.3.3

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «К какой сфере жизни относилось это судебное разбирательство?». Вопрос относился к сфере личной или семейной

Варианты ответов	Проценты
Взыскание имущественного ущерба	16,8
Имущественный спор, проблемы прав собственности (не интеллектуальной)	15,1
Споры по поводу земельных участков	6,5
Развод	5,9
Раздел имущества	5,4
По делам об административных правонарушениях (нарушение правил дорожного движения и т.п.)	4,9
Споры с жилищно-коммунальными службами	4,9
Взыскание алиментов на детей	4,3
Защита чести и достоинства	4,3
Причинение вреда здоровью	4,3
Причинение телесных повреждений	4,3
Споры, проистекающие из договоров	4,3
Взыскание компенсации морального вреда	3,8
Трудовой спор (восстановление на работе, прием на работу, проблемы оплаты труда, отпусков и т.п.)	3,8

По данным таблицы 2.3.4 предприниматели в личной и семейной сферах довольно редко решают в судебных разбирательствах споры с финансовыми и страховыми организациями (3,8%) и проблемы прав потребителей (3,2%). В сравнении с другими обобщенными категориями судебных дел нечасто решают предприниматели в судах споры, проистекающие из договоров (4,3%), и трудовые споры (4,3%), хотя в сравнении с отдельными категориями судебных дел такие дела не столь и редки, как было показано выше. В силу небольшого объема

Таблица 2.3.4

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «К какой сфере жизни относилось это судебное разбирательство?» в зависимости от размеров их бизнесов. Этот вопрос относился к сфере личной или семейной

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=185	N=91	N=70	N=24
Семейные проблемы	9,2	9,9	7,1	12,5
Имущественные проблемы	48,6	44,0	54,3	50,0
Проблемы прав личности	8,1	7,7	7,1	12,5
Проблемы, связанные со здоровьем	7,0	7,7	8,6	0,0
Споры с органами власти	16,8	16,5	17,1	16,7
Споры с финансовыми и страховыми организациями	3,8	4,4	2,9	4,2
Проблемы прав потребителей	3,2	1,1	5,7	4,2
Споры, проистекающие из договоров	4,3	4,4	12,9	4,2
Трудовые споры	4,3	4,4	2,9	8,3
Другие проблемы	5,4	9,9	1,4	0,0

выборки и низких уровней значимости, не являются статистически существенными видимые в таблице 2.3.4 различия процентов ответов респондентов-предпринимателей, имеющих бизнесы разных размеров.

Проблемы, которые предприниматели решали в судебных разбирательствах по делам своих бизнесов, очень разнообразны, некоторое представление о них дают данные таблицы 2.3.5. В силу сравнительно небольшого размера выборки (602 респондента) и большого разнообразия проблем, которые предприниматели

Таблица 2.3.5

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какого типа проблема Вашего бизнеса решалась в том судебном разбирательстве?»

Варианты ответов	Проценты
Отношения с клиентами Вашего бизнеса: пользователями услуг или покупателями	21,9
Обжалование действий и постановлений налоговых органов	10,9
Отношения с наемными работниками Вашего бизнеса	8,0
Имущественный спор, проблемы прав собственности (не интеллектуальной)	6,5
Спор о взыскании обязательных платежей и санкций (недоимок по налогам, обязательных платежей и т.п.)	6,0
Взыскание ущерба, причиненного имуществу	5,5
Спор о возмещении ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением или неисполнением договора	5,5
Споры с иными контролирующими органами	5,0

решали в судебных разбирательствах по делам их бизнесов, доли ответов по каждому конкретному варианту проблемы оказались недостаточными для получения статистически обоснованных выводов. Тем не менее, стало возможным установить, какие проблемы чаще всего решали предприниматели в судебных разбирательствах, список таких проблем приведен в таблице 2.3.5. Проценты приводятся от 201 респондента, которые указали, что принимали участие в судебных процессах. Каждый респондент мог отметить любое число вариантов ответа.

В таблице 2.3.5 разнообразие проблем, которые предприниматели решают в судебных разбирательствах по делам их бизнесов, сведено в несколько более крупных категорий. Чаще всего такими проблемами являются взаимоотношения в среде бизнеса (35,8%), взаимоотношения с органами власти (29,9%), проблемы собственности (20,4%) и проблемы договорных отношений (10,9%).

Таблица 2.3.6

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какого типа проблема Вашего бизнеса решалась в том судебном разбирательстве?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=201	N=91	N=70	N=24
Взаимоотношения в среде бизнеса	35,8	32,1	37,8	40,0
Проблемы инфраструктуры бизнеса	4,5	4,8	4,9	2,9
Взаимоотношения с органами власти	29,9	31,0	28,0	31,4
Проблемы собственности	20,4	20,2	22,0	17,1
Проблемы договорных отношений	10,9	10,7	9,8	14,3
Проблемы банкротств	0,5	1,2	0,0	0,0
Защита деловой репутации	2,5	2,4	2,4	2,9
Другие проблемы	6,5	4,8	8,5	5,7

По данным таблицы 2.3.6 предприниматели довольно редко решают в судебных разбирательствах проблемы инфраструктуры бизнеса (4,5%), защиты деловой репутации (2,5%) и банкротств (0,5%). Эти проблемы либо относительно редко возникают у российского бизнеса, либо их решения осуществляются вне судебных разбирательств. В силу небольшого объема выборки и низких уровней значимости, не являются статистически существенными видимые в таблице 2.3.6 различия процентов ответов респондентов-предпринимателей, имеющих бизнесы различных размеров.

Глава 3
Особенности взаимодействия граждан и предпринимателей с судами

3.1. Причины обращений в суды граждан и предпринимателей

В формализованных социологических опросах изучались причины, по которым граждане и предприниматели обращались в суды, когда у них возникали ситуации, которые по их субъективным оценкам можно было разрешить в судах. В таблице 3.1.1 приводятся данные о том, какие доли респондентов-граждан обращались в суды в таких ситуациях или отказывались от возможности.

По данным таблицы 3.1.1 оказались значимыми в зависимости от месячных доходов семей респондентов только два из заметных различий частот ответов респондентов-граждан на вопрос о том, обратились ли они в суд для решений соответствующих проблем. Оказалось, что хорошо обеспеченные респонденты-граждане с месячными доходами семей свыше 25 000 рублей существенно реже других обращались для решений проблем в суды, и они выносили решения по их делам (уровень значимости не выше 0,4%), и, соответственно, существенно чаще других вообще не обращались в суды (уровень значимости не выше 5,5%). Это еще одно подтверждение выводов, полученных при анализе того, какие проблемы решают в судах российские граждане. Но, тем не менее, для подтверждения или опровержения этих выводов желательно получить дополнительные аргументы в последующих исследованиях. Предварительно для объяснения представленных различий можно высказать гипотезу о том, что хорошо

Таблица 3.1.1

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Скажите, пожалуйста, Вы обратились в суд для решения этой проблемы?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=800[6]	N=214	N=344	N=183
Вы обратились в суд, и суд вынес решение по Вашему делу	52,9	58,4	55,8	45,4
Вы обратились в суд, но решения по Вашему делу еще нет	3,8	3,3	2,6	6,0
Вы пришли в суд, но отказались подавать заявление	0,5	0,5	0,6	0,5
Вы подали заявление (иск), но потом его отозвали	2,8	0,9	3,2	3,8
Вы не стали обращаться в суд	37,6	33,2	36,2	41,5
Затрудняюсь ответить	2,5	3,7	1,5	2,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

обеспеченные граждане существенно реже других решают свои проблемы в судах потому, что для этого у них есть иные ресурсы.

Респондентам-гражданам, реально обратившимся в суд в ситуации, которая могла быть в нем разрешена, далее задавался вопрос о том, по какой причине они так поступили. Соответствующие данные приведены в таблице 3.1.2. Каждый респондент мог отметить один или два варианта ответа, поэтому сумма их долей не равна 100%.

По данным таблицы 3.1.2 чаще всего, в среднем примерно в 61,0% случаев, респонденты-граждане объясняли свое обращение в суд при возникновении у них ситуации, которая могла быть разрешена в нем,

[7] В этой и последующих таблицах значение N в каждом столбце показывает размер выборки или соответствующей социальной группы.

Таблица 3.1.2

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «По какой причине Вы решили в этой ситуации обратиться именно в суд?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=479	N=135	N=214	N=102
Эту проблему можно было решить только в судебном порядке	61,0	64,4	59,3	56,9
Обратился в суд с последней надеждой решить свою проблему после попыток решить другими способами	16,7	19,3	14,0	17,6
Это нормально, я почти всегда обращаюсь в суд с такими проблемами	0,8	0,0	0,5	2,9
Чиновник имел право решить мою проблему, но отказался и сказал, чтобы я ее решил в суде	2,1	1,5	2,8	2,0
Обратился в суд, потому что хотел разрешить спорную ситуацию	6,9	9,6	4,7	8,8
Обратился в суд, потому что был уверен, что найду в суде справедливость	7,7	7,4	6,1	12,7
Обратиться в суд мне посоветовали юристы	4,8	1,5	7,0	5,9
Обратиться в суд мне посоветовали родственники, друзья или знакомые	6,9	5,2	7,0	6,9
Вы затрудняетесь назвать причину обращения в суд	11,9	9,6	15,0	10,8

тем, что такую проблему можно было решить только в суде. Еще примерно 16,7% респондентов-граждан в этой ситуации обратились в суд с последней надеждой решить свои проблемы, а предварительно они пытались решить их иными способами. Остальные причины обращений респондентов-граждан в суды оказались малозначимыми. Особенно редко респонденты-граждане отмечали, что они почти всегда обращаются в суды с такими проблемами (0,8%). Наблюдаемые в таблице 3.1.2 различия процентов ответов в зависимости от уровня месячных доходов респондентов-граждан являются малозначимыми в силу небольшого числа соответствующих ответов респондентов или высоких уровней статистической значимости, что означает высокие вероятности ошибок принятия гипотез о существовании наблюдаемых различий.

Следовательно, чаще всего, граждане обращаются в суды потому, что их к этому принуждает ситуация: либо их проблему можно разрешить только в суде, либо они пытались разрешить ее другими способами, но это им не удалось. Стереотип обращения в суды при возникновении ситуаций, которые могут быть в них разрешены, у российских граждан пока не сформирован.

Данные о причинах обращений респондентов-предпринимателей в суды для решений личных и семейных проблем представлены в таблице 3.1.3. В ней представлены только суммарные данные по всем типам респондентов, независимо от размеров их бизнесов. Причина в том, что в силу сравнительно небольшого объема выборки проведенного исследования не было обнаружено статистически значимых различий между группами респондентов по вопросу о причине их обращения в суд. Проценты приводятся от 185 респондентов-предпринимателей, участвовавших в судебных разбирательствах по решениям своих личных или семейных проблем. Данные в этой таблице отсортированы по убыванию процентов ответов респондентов-предпринимателей. Каждый респондент мог отметить один или два варианта ответа.

Сравнение данных таблиц 3.1.2 и 3.1.3 показывает, что во многом причины обращений в суды у граждан и у предпринимателей являются сходными. И те, и другие чаще всего обращаются в суды потому, что их к этому принуждает ситуация: в основном, потому, что их проблему можно разрешить только в суде, или потому, что респондент пробовал ее решить другими способами, но не сумел. Для предпринимателей к этим часто указываемым причинам добавляется получение повестки

Таблица 3.1.3

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «По какой причине Вы решили обратиться в суд или Вам пришлось участвовать в судебном разбирательстве?». Этот вопрос относился к сфере личной или семейной

Варианты ответов	Проценты
Эту проблему можно было решить только в судебном порядке	36,2
Это была инициатива противоположной стороны	21,6
Получил повестку с вызовом в суд	17,3
Обратился в суд с последней надеждой решить свою проблему после попыток решить другими способами	11,4
Обратился в суд, потому что хотел разрешить спорную ситуацию	11,4
Обратился в суд, потому что был уверен, что найду в суде справедливость	5,4
Чиновник имел право решить мою проблему, но отказался и сказал, чтобы я ее решил в суде	2,7
Затрудняюсь ответить	2,7
Это нормально, я почти всегда обращаюсь в суд с такими проблемами	2,2
Обратиться в суд мне посоветовали юристы	1,6
Обратиться в суд мне посоветовали родственники, друзья или знакомые	0,0
Другое	0,0

в суд, что тоже является для них ситуацией вынуждения участвовать в судебных разбирательствах. Стереотип обращения в суды при возникновении ситуаций, которые могут быть в них разрешены, и у российских граждан, и у предпринимателей при решениях ими личных или семейных проблем пока не сформирован.

Аналогичные закономерности проявляются в совокупности причин, по которым респонденты-предприниматели обращаются в суды для решений проблем своих бизнесов. Эти данные представлены

Таблица 3.1.4

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «По какой причине Вы решили обратиться в суд или Вам пришлось решать эту проблему бизнеса именно в суде?»

Варианты ответов	Проценты
Эту проблему можно было решить только в судебном порядке	35,8
Это была инициатива противоположной стороны	25,9
Обратился в суд с последней надеждой решить свою проблему после попыток решить другими способами	13,9
Получил повестку с вызовом в суд	11,4
Это нормально, я почти всегда обращаюсь в суд с такими проблемами	11,4
Обратился в суд, потому что хотел разрешить спорную ситуацию	11,4
Обратился в суд, потому что был уверен, что найду в суде справедливость	5,0
Чиновник имел право решить мою проблему, но отказался и сказал, чтобы я ее решил в суде	3,0
Обратиться в суд мне посоветовали юристы	2,5
Затрудняюсь ответить	2,0
Обратиться в суд мне посоветовали родственники, друзья или знакомые	0,0
Другое	0,0

в таблице 3.1.4. Проценты приводятся от 201 респондента-предпринимателя, участвовавших в судебных разбирательствах по делам их бизнесов. Каждый респондент мог отметить один или два варианта ответа.

В таблице 3.1.4 представлены только суммарные данные по всем размерам бизнесов респондентов. Были обнаружены некоторые зависимости процентов ответов респондентов от размеров их бизнесов. Представители малого бизнеса существенно чаще других отмечали в качестве причины обращения в суд инициативу противоположной стороны (33,3% при уровне значимости не выше 2,3%), что чиновник

имел право решить их проблему, но отказался и сказал, чтобы ее решали в суде (6,0% при уровне значимости не выше 1,8%), обращение в суд с надеждой найти в нем справедливость (8,3% при уровне значимости не выше 1,8%) и реже других – что это нормально, они почти всегда обращаются в суды с такими проблемами (6,0% при уровне значимости не выше 2,9%). Для остальных причин обращений респондентов-предпринимателей в суды зависимости от размеров их бизнесов не было выявлено.

По результатам анализа данных таблицы 3.1.4 можно сделать вывод о том, что представители малого бизнеса чаще других категорий предпринимателей бывают вынуждены обращаться в суды для решений проблем своих бизнесов и при этом чаще надеются найти в суде справедливость. При этом стереотип решения в судах проблем своих бизнесов у российских предпринимателей, а особенно у представителей малого бизнеса, не сформирован, поэтому для них обращение в таких случаях в суд не может считаться принятой нормой поведения.

3.2. Действия граждан в ситуациях, которые могли быть разрешены в судебных разбирательствах

В формализованных социологических опросах граждан изучался опыт их действий в ситуациях, которые могли быть разрешены в судебных разбирательствах, но респонденты этой возможностью не воспользовались. Аналогичные серии вопросов респондентам-предпринимателям не задавались в силу ограниченности ресурсов проведенного исследования. Из таблицы 3.1.1 мы видели, что 37,6% респондентов отказались обращаться в суд в последней ситуации, требующей защиты их прав в суде. Далее им задавался вопрос о том, удалось ли разрешить свою проблему без помощи суда. Соответствующие данные приведены в таблице 3.2.1.

По данным таблицы 3.2.1 удалось разрешить свою проблему подавляющему большинству респондентов-граждан, в среднем более чем $^2/_3$ из них, отказавшимся от участия в судебных разбирательствах в ситуациях, которые могли быть разрешены в судах. При этом не было обнаружено статистически существенных различий в частоте решений

Таблица 3.2.1

Числа и проценты ответов респондентов, не обратившихся в суд, на вопрос «Удалось ли Вам разрешить Вашу ситуацию без помощи суда?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=326	N=74	N=137	N=84
Да	66,9	60,8	66,4	70,2
Нет	33,1	39,2	33,6	29,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

проблем без помощи судов респондентами-гражданами в зависимости от уровней месячных доходов их семей. Высокий уровень успешности решений проблем гражданами без обращений в суды поддерживает в российском обществе соответствующий стереотип социального поведения и обращений в суды только в крайних случаях.

Далее респондентам-гражданам задавался вопрос о том, каким образом им удалось разрешить свою ситуацию без помощи суда. Соответствующие данные приведены в таблице 3.2.2, в которой возможные варианты действий отсортированы по убыванию долей их выбора респондентами. Каждый респондент мог отметить несколько вариантов ответов.

Таблица 3.2.2

Проценты ответов респондентов, не обратившихся в суд и сумевших разрешить свою ситуацию, на вопрос «А каким образом Вы разрешили эту Вашу ситуацию?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=218	N=45	N=91	N=59
Сам, без посредников, договорился с противоположной стороной	42,2	35,6	42,9	49,2

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=218	N=45	N=91	N=59
Ничего не стал делать, проблема постепенно стала неактуальной	25,2	26,7	25,3	18,6
Договорился с противоположной стороной с помощью посредника	10,1	6,7	9,9	13,6
Обратился к влиятельным людям	6,0	13,3	3,3	5,1
Обратился к адвокату	3,7	0,0	3,3	6,8
Обратился в юридическую консультацию	3,7	0,0	6,6	3,4
Обратился в правозащитную организацию	3,7	6,7	3,3	1,7
Не помнит, что сделал, затруднился ответить	3,2	4,4	4,4	1,7
Договорился с конкретным чиновником, и проблема была решена	2,3	4,4	1,1	3,4
Обратился в орган исполнительной власти и официально получил решение своей проблемы	1,8	2,2	1,1	1,7
Оказал давление на противоположную сторону, используя свои связи в органах власти	1,8	0,0	1,1	1,7
Обратился к депутату	0,9	0,0	2,2	0,0
Обратился в СМИ	0,9	0,0	2,2	0,0
Обратился в третейский суд	0,0	0,0	0,0	0,0
Обратился в другую общественную или некоммерческую организацию	0,0	0,0	0,0	0,0
Сделал что-то другое	0,0	0,0	0,0	0,0

Как видно из данных таблицы 3.2.2, чаще всего в таких случаях респонденты-граждане договариваются с противоположными сторонами конфликтов без помощи или с помощью посредников, либо ничего не делают, ждут, когда проблема сама собой станет неактуальной. Можно обнаружить некоторые видимые различия в методах разрешения проблем без обращений в суды среди граждан с разными уровнями месячных доходов семей. Но в силу небольшого числа ответов респондентов-граждан по каждому из уровней таких доходов эти различия не являются статистически значимыми. Тем не менее, можно предположить, что хорошо обеспеченные граждане чаще других решают свои проблемы, договариваясь без посредников или с помощью посредников с противоположной стороной, и чаще обращаются к адвокатам. А малообеспеченные граждане чаще ничего не делают, ожидая, что проблема сама собой станет неактуальной, либо обращаются к влиятельным людям и в правозащитные организации.

В следующей таблице разнообразие вариантов действий респондентов-граждан, отказавшихся решать свои проблемы в судах, сведено в несколько более крупных категорий. При этом в таблице 3.2.3 возможные варианты действий отсортированы по убыванию долей их выбора респондентами. Каждый респондент мог отметить несколько вариантов ответов.

По данным таблицы 3.2.3 из всех вариантов действий респондентов-граждан, отказавшихся решать свои проблемы в судах, которые могли быть в них разрешены, они чаще всего используют неформальные методы решений проблем (в основном, договариваются с противоположными сторонами без посредников или с посредниками – 54,1%) или ничего не делают (25,2%). Крайне редко в таких ситуациях респонденты-граждане используют легальные методы решений проблем (обращаются в органы исполнительной власти, к своим депутатам, в правозащитные организации, в СМИ и т.п.) и давление на противоположные стороны конфликтов. То, что российские граждане довольно редко используют для решений своих проблем давление на противоположные стороны, показывает сохранение в российском обществе возможностей коммуникации между представителями различных социальных групп и является фактором поддержания стабильности социальных отношений. С другой стороны, возможно, нежелание без крайней необходимости обращаться в органы власти переносится, в частности, и на суды. Российские граждане не видят существенных отличий судов от органов исполнительной

Таблица 3.2.3

Проценты ответов на вопрос «А каким образом Вы разрешили эту Вашу ситуацию?» респондентов, не обратившихся в суд и сумевших разрешить свою ситуацию, в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=218	N=45	N=91	N=59
Используют неформальные методы	54,1	46,7	53,8	64,4
Ничего не делают	25,2	26,7	25,3	18,6
Используют легальные методы	10,6	6,7	14,3	8,5
Используют давление на противника	7,3	13,3	4,4	6,8
Обращаются к власти	2,8	2,2	3,3	1,7

или законодательной власти, поэтому примерно одинаково редко и, как правило, в крайних случаях, обращаются к ним для решений своих проблем. Следовательно, российские граждане в большинстве своем предпочитают разрешать возникающие у них проблемы, скорее, с помощью неформальных, чем формальных процедур, включая судебные. И чем более обеспечены российские граждане, тем чаще они применяют неформальные методы решений своих проблем.

Большинство предпринимателей, как и граждан, никогда не обращались в суды. По результатам проведенного исследования, как показано в предыдущих разделах, было установлено, что по делам бизнеса никогда не обращались в суды 65,1%, а по личным или семейным делам 67,4% респондентов-предпринимателей. Трудно предположить, что примерно у $^{2}/_{3}$ предпринимателей никогда не возникало ситуаций, которые могли бы быть решены в судебных разбирательствах. Поэтому в анкетном опросе предпринимателей им задавалась серия вопросов о том, были ли у них такие случаи и как они решали свои проблемы или спорные ситуации без обращений в суды в последнем таком случае. Последний такой случай анализировался только для

определенности ответов респондентов. По анализу их ответов оказалось возможным сделать некоторые заключения относительно того, насколько часто предприниматели решают свои проблемы, которые можно было бы решить в судебных разбирательствах без обращений в суды, а также получить некоторые количественные оценки их отношения к решениям проблем такими способами.

Проблемы бизнесов, которые предприниматели могли решить в судебных разбирательствах, но решали без обращений в суды, очень разнообразны, некоторое представление о них дают данные таблицы 3.2.4. В силу сравнительно небольшого размера выборки (602 респондента) и большого разнообразия таких проблем, доли ответов по каждому конкретному их варианту оказались недостаточными для получения статистически обоснованных выводов. Тем не менее, оказалось возможным установить, какие проблемы чаще всего предприниматели могли решить в судебных разбирательствах, но решали без обращений в суды (приведены статистически значимые частоты). В таблице 3.2.4 проценты приводятся от 173 респондентов-предпринимателей, которые указали, что решали свои проблемы, которые можно было решить в судах, без обращений в них. Строки этой таблицы отсортированы по убыванию процентов ответов респондентов. Каждый из них мог отметить до трех вариантов ответов.

Мы видим, что примерно треть случаев возникновения проблем бизнеса, которые предприниматели могли решить в судебных разбирательствах, но решали без обращений в суды, была случаями, связанными с отношениями с их клиентами, пользователями услуг или покупателями (33,5%). Все остальные случаи такого рода в практике бизнеса у предпринимателей встречаются существенно реже.

В таблице 3.2.5 разнообразие проблем бизнесов, которые предприниматели решают без обращений в суды, сведено в несколько более крупных категорий. Чаще всего такими проблемами являются: взаимоотношения в среде бизнеса (50,3%), взаимоотношения с органами власти (31,8%), проблемы собственности (15,6%) и проблемы договорных отношений (11,6%). Список этих проблем фактически совпадает с тем, которые предприниматели решают в судебных разбирательствах.

По данным таблицы 3.2.5 было выявлено только две статистически существенные зависимости процентов ответов респондентов-предпринимателей от размеров их бизнесов. Крупный бизнес существенно реже, чем малый и средний, решает без обращений в суды

Таблица 3.2.4

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какого типа проблема Вашего бизнеса решалась в том случае, когда Вы не обратились в суд?»

Варианты ответов	Проценты
Отношения с клиентами Вашего бизнеса: пользователями услуг или покупателями	33,5
Отношения с наемными работниками Вашего бизнеса	9,2
Отношения с конкурентами Вашего бизнеса	8,7
Споры с иными контролирующими органами	7,5
Отношения с банками, финансово-кредитными организациями	6,9
Обжалование действий и постановлений налоговых органов	6,9
Спор о взыскании обязательных платежей и санкций (недоимок по налогам, обязательных платежей и т.п.)	6,9
Взыскание ущерба, причиненного имуществу	5,8
Спор об изменении условий договора	5,8
Спор о возмещении ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением или неисполнением договора	5,8
Отношения с акционерами или собственниками Вашего бизнеса	5,2

проблемы взаимоотношений в среде бизнеса (22,2% при уровне значимости не выше 0,7%), но существенно чаще – проблемы договорных отношений (27,8% при уровне значимости не выше 1,1%).

Респондентам-предпринимателям задавался вопрос о том, удалось ли им решить свою проблему без обращения в суд. Большинство предпринимателей (86,7%) либо успешно решают проблемы своих бизнесов без обращений в суды (63,0%), либо решают их частично (23,7%). Эта закономерность практически не зависит от размеров бизнесов респондентов в силу небольшого числа соответствующих ответов респондентов-предпринимателей или высоких уровней статистической значимости, что означает высокие вероятности ошибок принятия гипотез о существовании наблюдаемых различий.

Таблица 3.2.5

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какого типа проблема Вашего бизнеса решалась в том случае, когда Вы не обратились в суд?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=173	N=76	N=78	N=18
Взаимоотношения в среде бизнеса	50,3	52,6	53,8	22,2
Взаимоотношения с органами власти	31,8	36,4	26,9	33,3
Проблемы собственности	15,6	16,9	14,1	16,7
Проблемы договорных отношений	11,6	9,1	10,3	27,8
Проблемы инфраструктуры бизнеса	9,2	7,7	9,0	11,1
Другие проблемы	3,5	2,6	3,8	5,6
Защита деловой репутации	1,7	1,3	1,3	5,6
Проблемы банкротств	1,2	0,0	2,6	0,0

Вслед за этим респондентам-предпринимателям задавался вопрос о том, какие методы они использовали, чтобы решить свою проблему без обращения в суд. В силу сравнительно небольшого размера выборки (602 респондента) и большого разнообразия применяемых предпринимателями методов решений проблем своих бизнесов без судов, доли их выборов каждого конкретного варианта методов оказались недостаточными для получения статистически обоснованных выводов. Тем не менее, оказалось возможным установить, какие методы чаще всего предприниматели используют для решений проблем своих бизнесов без обращений в суды. Список таких методов следующий:

– Сам, без посредников, договорился с противоположной стороной (65,3%).

Таблица 3.2.6

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Какие методы решений этой своей проблемы Вы применяли в тот раз?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=173	N=76	N=78	N=18
Для решений проблем без судов обращаются к власти	15,0	16,4	16,2	25,0
Для решений проблем без судов используют легальные методы	9,8	9,2	10,1	25,0
Для решений проблем без судов используют неформальные методы	74,0	83,1	77,6	52,9
Для решений проблем без судов используют давление на противника	27,7	24,6	37,7	37,5

– Договорился с противоположной стороной с помощью посредника, медиатора (18,5%).

– Обратился к влиятельным людям (17,9%).

– Оказал давление на противоположную сторону, используя свои связи в органах власти (14,5%).

– Обратился в орган исполнительной власти и официально получил решение своей проблемы (12,1%).

Только для двух методов решений проблем бизнесов были обнаружены статистически значимые различия процентов ответов респондентов-предпринимателей в зависимости от размеров их бизнесов. Представители крупного бизнеса существенно реже, чем малого и среднего, сами, без посредников, договаривались с противоположными сторонами (41,2% при уровне значимости не выше 0,4%). А представители среднего бизнеса существенно чаще представителей малого оказывали давление на противоположные стороны, используя свои связи в органах власти (23,2% при уровне значимости не выше 2,3%).

По-видимому, этот же метод должны достаточно часто использовать и представители крупного бизнеса, но проверить эту гипотезу оказалось невозможным в силу малого числа выбора ими таких ответов. По этой же причине не удалось обосновать на приемлемом уровне статистической значимости то, что представители крупного бизнеса чаще других обращаются за решениями проблем своих бизнесов без судов в ассоциации бизнеса.

В таблице 3.2.6 разнообразие методов решений проблем, которые предприниматели применяют без обращений в суды, сведено в несколько более крупных категорий. Следует помнить, что по построению переменной респонденты могут попадать в более чем одну категорию.

Можно предположить, что представители крупного бизнеса несколько чаще представителей малого и среднего бизнеса используют для этих целей легальные методы и реже используют неформальные. Но одновременно представители крупного бизнеса чаще используют обращение в органы власти и давление на противника. Эти гипотезы не удалось подтвердить в проведенном исследовании в силу небольшой доли представителей крупного бизнеса в выборке, их желательно проверить в последующих исследованиях. Но в любом случае представители крупного бизнеса не являются существенно более цивилизованными и склонными к использованию легальных методов решений проблем своих бизнесов в сравнении с представителями малого и среднего бизнеса. Следовательно, в практике решений проблем их бизнесов без обращений в суды предприниматели, независимо от размеров их бизнесов, примерно одинаково часто используют внесудебные легальные методы медиации и нелегальные, даже криминальные методы воздействия на противоположные стороны.

В проведенном исследовании изучалось, насколько результативными оказались методы решений проблем их бизнесов респондентами без обращений в суды. Соответствующие данные в зависимости от размеров бизнесов представлены в таблице 3.2.7.

Хотя представительство в выборке крупных предпринимателей, отвечавших на этот вопрос, по количеству незначительно, можно предположить, что для крупного бизнеса реже малого и среднего результативными бывают самостоятельные договоренности с противоположными сторонами, но чаще – обращения к влиятельным людям. В проведенном исследовании эти гипотезы не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть на приемлемом уровне статистической

Таблица 3.2.7

Проценты выбора варианта ответа респондентов-предпринимателей «метод полностью решил проблему» на вопрос «По Вашему мнению, какие методы решений этой Вашей проблемы оказались результативными, привели к решению проблемы полностью или частично?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=173	N=76	N=78	N=18
Обратился к депутату	1,2	0,0	1,3	5,6
Обратился в орган исполнительной власти и официально получил решение своей проблемы	5,8	6,6	6,4	0,0
Обратился в СМИ	0,6	0,0	1,3	0,0
Обратился в третейский суд	0,0	0,0	0,0	0,0
Обратился в ассоциацию бизнеса	3,5	2,6	2,6	11,1
Обратился в правозащитную организацию	1,2	0,0	2,6	0,0
Обратился в другую общественную или некоммерческую организацию	0,0	0,0	0,0	0,0
Договорился с противоположной стороной с помощью посредника, медиатора	10,4	9,2	10,3	11,1
Сам, без посредников, договорился с противоположной стороной	48,0	48,7	52,6	27,8
Оказал давление на противоположную сторону, используя свои связи в органах власти	11,0	3,9	17,9	11,1
Обратился к влиятельным людям	10,4	9,2	10,3	16,7

значимости, поэтому их желательно проверить в последующих исследованиях. И тем не менее, анализ данных проведенного исследования позволяет утверждать, что за исключением использования медиации, которая пока в России очень слабо применяется, наиболее эффективными методами решений предпринимателями, независимо от размеров их бизнесов, проблем их бизнесов без обращений в суды являются неформальные методы, в некоторых случаях связанные с совершением криминальных действий.

Анализ ответов о степени удовлетворенности предпринимателей решением своих проблем без обращения в суд показал, что не более 7% в той или иной степени не удовлетворены достигнутым результатом. Это в равной степени относится к бизнесам разного масштаба.

3.3. Оценки респондентами подготовки и проведения судебных разбирательств

В проведенном исследовании респондентам задавались вопросы о том, как они оценивают те или иные события и факты периода подготовки и проведения судебных разбирательств, в которых они участвовали в качестве сторон последний раз. Эти вопросы были сформулированы как серия утверждений о подготовке и ходе судебного процесса, про каждое из которых респондент должен был указать, верны они или нет применительно к его последнему опыту. Набор утверждений формировался с учетом ранее проводившихся глубинных интервью с агентами юридического поля и фокус-групп, участниками которых были клиенты – граждане и предприниматели. Одинаковые серии таких утверждений предъявлялись в анкетах как респондентам-гражданам, так и респондентам-предпринимателям. Различие состояло только в том, что граждан спрашивали обо всех возможных типах судебных разбирательств, в которых они были сторонами, а предпринимателей в силу недостатка ресурсов проведенного исследования – только о судебных разбирательствах по делам их бизнесов. И тем не менее, полученные результаты по некоторым характеристикам оказалось возможным сопоставить. Частоты утвердительных ответов (подтверждающих наличие события) приведены ниже для выборки граждан в таблице 3.3.1 по выборке в целом и в зависимости от доходов.

По данным таблицы 3.3.1 только 37,7% респондентов-граждан указали, что работники суда помогли им составить иск, заявление в суд. Видимое в этой таблице снижение процентов респондентов-граждан, которым работники суда помогли составить иск или заявление в суд, при росте уровней месячных доходов их семей не является статистически значимым. Вполне логично предположить, что такая услуга действительно существенно чаще требуется малообеспеченным гражданам, но эта закономерность в проведенном исследовании не получила статистически значимого подтверждения. Желательно проверить эту гипотезу в последующих исследованиях.

Респонденты-граждане довольно часто отмечали, что в ходе проведения судебного разбирательства происходили такие позитивные для них события:

– Судья внимательно выслушивал аргументы сторон (66,1%).

– Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам (62,8%).

– Судья убедительно обосновал свое решение (60,5%).

– Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон (60,1%).

– Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле (49,0%).

– В этом деле мне очень хорошо помогал адвокат (26,3%).

Примерно столь же часто респонденты-граждане отмечали, что были такие позитивные для них результаты судебных разбирательств:

– Я своевременно получил текст судебного решения (60,3%).

– Решение судьи было справедливым (59,5%).

– Я доволен судебным решением (53,7%).

– Моя проблема была решена полностью (52,1%).

В оценках респондентами-гражданами всех этих позитивных для них событий в ходе проведения судебных разбирательств и их результатов обнаруживается одна и та же закономерность: чем более обеспеченными материально являлись респонденты-граждане, тем чаще они указывали на то, что соответствующие события и результаты были в их судебных процессах. По-видимому, эта закономерность является индикатором сложившегося в российских судах неравноправия граждан: чем более они обеспечены материально, тем чаще они получают уважительное отношение к себе при подаче заявлений в суды, со стороны судей в самом судебном процессе и справедливых решений своих

Таблица 3.3.1

Проценты утвердительных ответов респондентов-граждан на вопрос «Сейчас я зачитаю Вам несколько утверждений, а Вы скажите мне, пожалуйста, по каждому был или не был такой факт в этом судебном процессе?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Работники суда помогли мне составить иск, заявление	37,7	43,0	36,9	34,6
Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято	48,1	43,7	50,2	54,2
Чтобы приняли заявление (иск), меня заставили обратиться в конкретную указанную мне юридическую консультацию	22,8	22,5	24,4	19,6
Судебный процесс долго не начинался по разным причинам	30,5	29,8	29,8	31,8
Судебный процесс шел неоправданно долго	23,7	24,5	21,3	27,1
Судебный процесс закончился неоправданно быстро	15,4	17,2	16,0	14,0
Судья внимательно выслушивал аргументы сторон	66,1	68,2	64,9	70,1
Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон	60,1	62,3	57,3	65,4
Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	62,8	59,6	61,3	70,1

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000–25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Судья был явно предубежден против одной из сторон	13,8	17,2	12,9	11,2
Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле	49,0	47,7	50,7	51,4
Судья убедительно обосновал свое решение	60,5	61,6	58,7	65,4
В этом деле мне очень хорошо помогал адвокат	26,3	22,5	22,7	37,4
Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	11,7	7,9	13,3	8,4
Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально	20,0	23,8	18,2	15,9
Решение судьи было справедливым	59,5	60,3	57,3	65,4
Судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон	11,5	14,6	8,4	13,1
Я своевременно получил текст судебного решения	60,3	56,3	59,6	70,1
Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат	13,8	11,9	15,1	12,1
Моя проблема была решена полностью	52,1	51,7	51,1	59,8
Я доволен судебным решением	53,7	52,3	52,0	62,6
В следующий раз я вряд ли обращусь в суд	18,3	23,2	13,3	21,5

проблем по их результатам. И тем не менее, эта гипотеза в проведенном исследовании подтвердилась не полностью, а частично. Следует учесть, впрочем, что подтверждающие эту гипотезу суждения неоднократно и по различным поводам высказывали участники фокус-групп.

Данные и фокус-групп, и формализованного анкетного опроса подтверждают гипотезу о том, что судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам существенно чаще для обеспеченных респондентов-граждан с месячными доходами семей свыше 25 000 рублей, чем для других. В целом по выборке это происходило в 62,8% случаев, а у таких граждан – в 70,1% случаев (уровень значимости не выше 3,6%).

Хорошо обеспеченные респонденты-граждане существенно чаще других отмечали, что они своевременно получали тексты судебных решений: в целом по выборке – 60,3%, а для таких граждан – 70,1% случаев (уровень значимости не выше 1,4%), что их проблемы в судебных разбирательствах были решены полностью (соответственно, 52,1%, 59,8% при уровне значимости не выше 5,5%) и что они довольны судебными решениями (соответственно, 53,7%, 62,6% при уровне значимости не выше 2,9%).

По данным таблицы 3.3.1 более обеспеченным гражданам чаще малообеспеченных хорошо помогают адвокаты. Следовательно, адвокатская деятельность поддерживает неравноправие граждан в судебных разбирательствах, потому что по их оценкам качество адвокатской помощи тоже определяется уровнем благосостояния граждан. Действительно, респонденты-граждане с месячными доходами их семей свыше 25 000 рублей существенно чаще других отмечали, что в их судебном разбирательстве им хорошо помогал адвокат: в целом по выборке – 26,3%, для обеспеченных граждан – 37,4% (уровень значимости не выше 0,1%).

Негативные для себя события в судебных разбирательствах респонденты-граждане отмечали существенно реже:

– Судебный процесс долго не начинался по разным причинам (30,5%).

– Судебный процесс шел неоправданно долго (23,7%).

– Чтобы приняли заявление (иск), меня заставили обратиться в конкретную указанную мне юридическую консультацию (22,8%).

– Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально (20,0%).

– Судебный процесс закончился неоправданно быстро (15,4%).

– Судья был явно предубежден против одной из сторон (13,8%).

– Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен (11,7%).

– Судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон (11,5%).

Для большинства этих негативных для респондентов-граждан событий обнаружена такая закономерность: чем менее обеспечены респонденты, тем чаще они указывали на то, что такие события в их судебных разбирательствах были, а чем более обеспечены – тем реже. Эта закономерность, так же как и предыдущие, является индикатором сложившегося в российских судах неравноправия граждан по уровню их материального обеспечения. В частности, по данным таблицы 3.3.1 малообеспеченные респонденты-граждане с месячными доходами их семей меньше 10 000 рублей существенно чаще других отмечали, что судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально: в целом по выборке – 20,0%, а для таких граждан – 23,8% случаев (уровень значимости не выше 5,5%).

Поскольку для респондентов-граждан позитивные события в судах происходят существенно чаще негативных, вполне логичными являются их сравнительно редкие указания на то, что «Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат» (13,8%) и что «В следующий раз я вряд ли обращусь в суд» (18,3%). Следовательно, не столь редкими являются случаи (от 13 до 23% для представителей разных социальных групп), когда личный опыт участия в судебных разбирательствах приводит респондентов-граждан к выводу о том, что более предпочтительным для них в аналогичных случаях будет получение решений своих проблем без обращений в суды.

Все эти гипотезы о различиях по уровням материального обеспечения граждан в отношении к ним судей и работников судов было бы желательно проверить в последующих исследованиях.

Естественно предположить, что оценки хода судебного процесса могут зависеть от его результата (в чью пользу было принято судебное решение). Это предположение подтверждается данными следующей таблицы.

Различия в оценках респондентов, получивших решение в свою пользу или не получивших, весьма велики и статистически значимы с крайне малыми значениями доверительных вероятностей. Было бы удивительно, если бы результат был иным. Интересно в таблице 3.3.2 другое: в группе проигравших респондентов, тем не менее, довольно значительны доли позитивных оценок хода судебного процесса:

Таблица 3.3.2

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Сейчас я зачитаю Вам несколько утверждений, а Вы скажите мне, пожалуйста, по каждому – был или не был такой факт в этом судебном процессе?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=514	N=269	N=92	N=61
Работники суда помогли мне составить иск, заявление	37,7	51,3	41,3	26,2
Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято	48,1	64,3	53,3	36,1
Чтобы приняли заявление (иск), меня заставили обратиться в конкретную указанную мне юридическую консультацию	22,8	26,4	29,3	29,5
Судебный процесс долго не начинался по разным причинам	30,5	30,1	46,7	50,8
Судебный процесс шел неоправданно долго	23,7	20,8	38,0	49,2
Судебный процесс закончился неоправданно быстро	15,4	18,6	9,8	31,1
Судья внимательно выслушивал аргументы сторон	66,1	88,8	70,7	50,8
Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон	60,1	87,4	54,3	31,1
Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	62,8	82,2	68,5	55,7

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=514	N=269	N=92	N=61
Судья был явно предубежден против одной из сторон	13,8	9,3	15,2	52,5
Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле	49,0	73,6	41,3	21,3
Судья убедительно обосновал свое решение	60,5	85,9	64,1	29,5
В этом деле мне очень хорошо помогал адвокат	26,3	31,6	38,0	24,6
Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	11,7	7,1	16,3	41,0
Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально	20,0	17,1	18,5	62,3
Решение судьи было справедливым	59,5	90,7	55,4	13,1
Судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон	11,5	5,2	16,3	49,2
Я своевременно получил текст судебного решения	60,3	79,6	65,2	54,1
Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат	13,8	8,9	25,0	39,3
Моя проблема была решена полностью	52,1	85,1	32,6	9,8
Я доволен судебным решением	53,7	88,8	34,8	3,3
В следующий раз я вряд ли обращусь в суд	18,3	15,2	20,7	54,1

– Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято (36,1 %).

– Судья внимательно выслушивал аргументы сторон (50,8 %).

– Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон (31,1 %).

– Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам (55,7 %).

– Судья убедительно обосновал свое решение (29,5 %).

На этом основании можно утверждать, что мы имеем дело не только с ожидаемой субъективностью оценок, но и с неожиданной объективностью.

Респондентам-предпринимателям задавались аналогичные вопросы об их оценках отдельных элементов судебных разбирательств по делам их бизнесов. Для этой выборки результаты, аналогичные представленным в таблице 3.3.1, приведены ниже в таблице 3.3.3.

По данным таблицы 3.3.3 оценки событий, которые могли происходить в ходе судебных разбирательств, отмеченные респондентами-предпринимателями малого, среднего и крупного бизнеса, не столь сильно различались между собой, как оценки, данные представителями различных по уровням доходов семей групп граждан. Но интересны результаты сравнения оценок граждан и предпринимателей.

Только 10,0% респондентов-предпринимателей указали, что работники суда помогли им составить иск, заявление в суд. Эта доля существенно ниже аналогичной доли респондентов-граждан (37,7%). По-видимому, представители бизнеса, практически независимо от их размеров, существенно лучше граждан готовились к подаче исков и заявлений в суды, поэтому такая помощь работников суда требовалась им довольно редко. Чуть более трети респондентов-предпринимателей (34,3%), что существенно ниже аналогичной доли для респондентов-граждан (48,1%), согласились с тем, что работники суда проявляли к ним уважительное отношение и помогали, чтобы их заявления в суды были приняты. Предприниматели в два раза чаще жалуются, что судье было ясно решение заранее, а потому он вел процесс формально. Примечательны, однако, не только различия, но и совпадения в результате обеих выборок. Например, предельно близкие частоты согласия с утверждением «В следующий раз я вряд ли обращусь в суд».

Представители малого бизнеса (43,4% при уровне значимости не выше 1,8%) существенно чаще представителей среднего (22,2% при уровне значимости не выше 0,1%) указали на уважительное отношение к ним работников судов, а аналогичное сравнение с оценками

крупного бизнеса оказалось невозможным в силу небольшого числа ответов их представителей. И тем не менее, можно сделать вывод, что предпринимателям, практически независимо от размеров их бизнесов, существенно реже граждан требовалась помощь в принятии заявлений или исков в суды.

Представители малого бизнеса существенно чаще других отмечали, что их судебные процессы шли неоправданно долго (30,1% при уровне значимости не выше 3,6%). В этом можно обнаружить некоторую дискриминацию малого бизнеса в сравнении со средним и крупным в судебных разбирательствах.

Представители среднего бизнеса существенно реже других отмечали, что судья внимательно выслушивал аргументы сторон (70,4% при уровне значимости не выше 3,6%). По-видимому, только малое число ответов представителей крупного бизнеса на соответствующий вопрос не позволило провести статистически значимое сравнение в этом аспекте участия в судебных разбирательствах и с крупным бизнесом. В последующих исследованиях желательно уточнить, имеется ли существенное различие в своевременности получения судебных решений представителями бизнесов разных размеров, поскольку приходится считать, что в проведенном исследовании никакой соответствующей гипотезы ни подтвердить, ни опровергнуть не удалось.

Представители малого бизнеса существенно чаще других отмечали, что их судебные процессы стоили им неоправданно больших затрат (24,1% при уровне значимости не выше 2,3%). В этом можно обнаружить некоторую дискриминацию малого бизнеса в сравнении со средним и крупным в судебных разбирательствах, но необходимо учитывать, что на неоправданно большие затраты на судебные разбирательства указывали немногие респонденты-предприниматели: даже среди представителей малого бизнеса таких было менее ¼, а в целом по выборке – всего 17,7%. Поэтому для большинства предпринимателей, независимо от размеров их бизнесов, затраты на судебные процессы не являются неоправданно большими.

О том, что они после участия в своем судебном разбирательстве вряд ли обратятся в следующий раз в суд, существенно чаще указывали представители малого бизнеса (27,7% при уровне значимости не выше 0,2%), существенно реже – представители среднего (12,3% при уровне значимости не выше 3,6%) и крупного бизнеса (8,8% при уровне значимости не выше 5,5%). По-видимому, специфика малого бизнеса такова, что его представители могут многие свои проблемы решать без обращений в суды, а участие в судебном разбирательстве

Таблица 3.3.3

Проценты утвердительных ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с такими утверждениями о том судебном процессе?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=198	N=83	N=81	N=34
Работники суда помогли мне составить иск, заявление	10,1	13,3	9,9	2,9
Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято	34,8	43,4	22,2	44,1
Чтобы приняли заявление (иск), меня заставили обратиться в конкретную указанную мне юридическую консультацию	9,1	8,4	11,1	5,9
Судебный процесс долго не начинался по разным причинам	23,1	25,3	19,8	25,7
Судебный процесс шел неоправданно долго	23,6	30,1	18,5	20,0
Судебный процесс закончился неоправданно быстро	13,6	15,7	11,1	14,7
Судья внимательно выслушивал аргументы сторон	76,8	79,5	70,4	85,3
Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон	66,2	66,3	69,1	58,8
Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	74,7	75,9	72,8	76,5

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=198	N=83	N=81	N=34
Судья был явно предубежден против одной из сторон	13,1	14,5	12,3	11,8
Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле	53,0	49,4	59,3	47,1
Судья убедительно обосновал свое решение	60,4	63,4	60,5	52,9
В этом деле мне очень хорошо помогал адвокат	36,9	43,4	32,1	32,4
Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	15,2	15,7	18,5	5,9
Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально	20,7	21,7	19,8	20,6
Решение судьи было справедливым	63,6	65,1	61,7	64,7
Судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон	8,6	10,8	7,4	5,9
Я своевременно получил текст судебного решения	79,8	85,5	71,6	85,3
Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат	17,7	24,1	12,3	14,7
Моя проблема была решена полностью	55,1	55,4	53,1	58,8
Я доволен судебным решением	62,1	65,1	60,5	58,8
В следующий раз я вряд ли обращусь в суд	18,2	27,7	12,3	8,8

Таблица 3.3.4

Числа и проценты ответов респондентов-предпринимателей «согласны» на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с такими утверждениями о том судебном процессе?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=198	N=113	N=45	N=32
Работники суда помогли мне составить иск, заявление	10,1	13,3	4,4	9,4
Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято	34,8	38,9	31,1	28,1
Чтобы приняли заявление (иск), меня заставили обратиться в конкретную указанную мне юридическую консультацию	9,1	8,8	11,1	6,3
Судебный процесс долго не начинался по разным причинам	23,1	23,7	20,0	28,1
Судебный процесс шел неоправданно долго	23,6	24,6	15,6	31,3
Судебный процесс закончился неоправданно быстро	13,6	12,4	11,1	25,0
Судья внимательно выслушивал аргументы сторон	76,8	84,1	71,1	59,4
Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон	66,2	80,5	53,3	34,4
Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	74,7	80,5	68,9	65,6

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=198	N=113	N=45	N=32
Судья был явно предубежден против одной из сторон	13,1	8,8	15,6	28,1
Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле	53,0	68,1	44,4	25,0
Судья убедительно обосновал свое решение	60,4	74,1	51,1	34,4
В этом деле мне очень хорошо помогал адвокат	36,9	38,9	40,0	31,3
Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	15,2	8,8	24,4	25,0
Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально	20,7	15,0	28,9	34,4
Решение судьи было справедливым	63,6	88,5	42,2	15,6
Судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон	8,6	6,2	6,7	21,9
Я своевременно получил текст судебного решения	79,8	79,6	77,8	87,5
Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат	17,7	17,7	13,3	25,0
Моя проблема была решена полностью	55,1	85,0	20,0	12,5
Я доволен судебным решением	62,1	92,9	33,3	6,3
В следующий раз я вряд ли обращусь в суд	18,2	18,6	15,6	21,9

более четверти таких предпринимателей показалось по каким-то причинам неэффективным для решений этих проблем. Подавляющее большинство представителей среднего и крупного бизнеса уже не могут заниматься предпринимательством без обращений в суды для получения решений возникающих у них проблем, а потому и не собираются отказываться от обращений в суды в будущем.

Все остальные различия процентов ответов респондентов-предпринимателей на вопросы о том, что происходило при подготовке и в ходе их судебных разбирательств, оказались статистически незначимыми в отношении размеров их бизнесов. Следовательно, явного неравноправия в судах представителей бизнеса по их размерам в проведенном исследовании обнаружено не было. Кроме того, предприниматели значительно чаще отмечали осуществление позитивных для себя событий в судебных заседаниях, чем негативных. Следовательно, предприниматели, скорее, позитивно, чем негативно, оценивали отдельные элементы судебных разбирательств, в которых принимали участие.

Данные таблицы 3.3.4 также представляют оценки, которые респонденты-предприниматели дали отдельным элементам судебных разбирательств по делам их бизнесов, но теперь в зависимости от того, выиграл респондент-предприниматель судебное разбирательство или проиграл. В этой таблице представлены проценты ответов респондентов, согласных с утверждениями каждой ее строки, т.е. с теми или иными характеристиками судебных разбирательств, в которых участвовали предприниматели.

По данным таблицы 3.3.4, как и у граждан, получается, что позитивные оценки элементам судебных разбирательств чаще дают респонденты-предприниматели, которые получили судебные решения в свою пользу. В выборке оказалось существенно больше таких предпринимателей, чем тех, которые получили судебные решения не в их пользу. Этим во многом определяется доминирование позитивных оценок элементов судебных разбирательств, которые дали в проведенном опросе респонденты-предприниматели. Но, тем не менее, как и в случае выборки граждан, наряду с явной субъективностью оценок, мы должны у честь и долю объективности – позитивные оценки хода процесса проигравшими предпринимателями.

Как показало проведенное исследование, у респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей очень близки структуры оценок того, какие события осуществляются при подготовке

и проведении судебных разбирательств. Различия в процентах ответов респондентов-граждан и предпринимателей на вопросы о том, какие события происходили в исследуемых ситуациях, скорее, связаны со спецификой деятельности предпринимателей и ее отличиями от тех видов деятельности, которые приводили в суды граждан, предпринимателями не являвшихся.

3.4. Как исполнялись судебные решения, полученные гражданами и предпринимателями

В проведенном нами исследовании проводился анализ того, как исполнялись судебные решения, которые получали граждане и предприниматели. В таблице 3.4.1 представлены данные о том, были ли исполнены судебные решения, полученные респондентами-гражданами в судебных разбирательствах, в которых они участвовали, в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей.

Мы видим, что судебные решения довольно быстро исполняются у большинства респондентов-граждан (53,3%), обратившихся в суд и получивших судебные решения. Статистически значимых различий в характере исполнения судебных решений между группами с разным доходом не установлено.

В среднем по выборке 6,4% респондентов-граждан указали, что их судебное решение так и не было исполнено, хотя его можно было исполнить. В такую ситуацию существенно чаще попадали респонденты-граждане из малообеспеченных семей с месячным доходом до 10 000 рублей (11,3%, уровень значимости не выше 0,3%). Существенно реже не выполнялись судебные решения у респондентов-граждан из семей с уровнем месячного дохода свыше 25 000 рублей (2,8%, уровень значимости не выше 3,6%). Следовательно, в большинстве ситуаций, с которыми респонденты-граждане обращаются в суды, они получают судебные решения, и эти решения исполняются, правда, в некоторых случаях с задержками (68,9%). Но не исполняются судебные решения значимо чаще для малообеспеченных граждан. Следовательно, нормы законов не применяются на практике одинаково ко всем гражданам при исполнении судебных решений, что приводит к определенной дискриминации малообеспеченных граждан.

Таблица 3.4.1

Проценты ответов респондентов на вопрос «Было ли исполнено судебное решение в том случае?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 руб.	10 000-25 000 руб.	Свыше 25 000 руб.
	N=514	N=151	N=225	N=107
Судебное решение было исполнено довольно быстро	53,3	53,0	53,3	57,0
Судебное решение долго не исполнялось, но потом было исполнено	15,6	15,2	15,1	13,1
Судебное решение было таким, что его невозможно было исполнить, и оно не было исполнено	2,1	2,6	1,3	2,8
Судебное решение так и не было исполнено, хотя его можно было исполнить	6,4	11,3	5,3	2,8
Я не знаю, было ли исполнено это судебное решение	1,4	2,0	0,9	1,9
Затрудняюсь ответить	21,2	15,9	24,0	22,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

В таблице 3.4.2 представлены данные о том, были ли исполнены судебные решения, полученные респондентами-гражданами в судебных разбирательствах, в которых они участвовали, но теперь в зависимости от того, выиграли они эти судебные разбирательства или проиграли. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не показаны.

Данные таблицы 3.4.2 указывают на наличие весьма значимой зависимости от типа решения (в чью пользу). Непросто объяснить, почему меньше претензий к исполнению решений у тех, в чью пользу были приняты решения. Еще интереснее, что именно проигравшие тяжбу

Таблица 3.4.2

Проценты ответов респондентов на вопрос «Было ли исполнено судебное решение в том случае?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение.

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=514	N=269	N=92	N=61
Судебное решение было исполнено довольно быстро	53,3	75,8	43,5	42,6
Судебное решение долго не исполнялось, но потом было исполнено	15,6	16,0	32,6	11,5
Судебное решение было таким, что его невозможно было исполнить, и оно не было исполнено	2,1	1,5	1,1	8,2
Судебное решение так и не было исполнено, хотя его можно было исполнить	6,4	4,8	9,8	18,0
Я не знаю, было ли исполнено это судебное решение	1,4	0,0	2,2	8,2
Затрудняюсь ответить	21,2	1,9	10,9	11,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

граждане чаще других указывают на неисполнение как исполнимых, так и неисполнимых решений, такие результаты дают основания для дальнейшего тщательного анализа.

Тем респондентам-гражданам, которые сообщили, что полученные ими судебные решения были в итоге выполнены либо довольно быстро, либо через некоторый промежуток времени, далее задавался вопрос о том, добровольно или принудительно было исполнено это судебное решение. Более $^2/_3$ (68,6%) судебных решений, полученных респондентами-гражданами, было исполнено добровольно, и еще примерно $^1/_5$ (21,5%) судебных решений было исполнено в принудительном порядке в результате действий судебных приставов. Крайне

Таблица 3.4.3

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Если судебное решение было исполнено, то добровольно той стороной, которую обязал суд, или нет?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=354	N=247	N=70	N=33
Добровольно	68,6	71,3	65,7	57,6
В принудительном порядке, в результате действий судебных приставов	21,5	20,2	24,3	24,2
В принудительном порядке после обжалования в суде действий судебных приставов	1,7	0,4	2,9	9,1
Затрудняюсь ответить	8,2	8,1	7,1	9,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

редко респондентам-гражданам было необходимо обжаловать в суде действия судебных приставов (1,7%), чтобы полученные ими судебные решения были исполнены. Здесь какой-либо зависимости от достатка не обнаружено. Но выявлена зависимость от того, в чью пользу было вынесено решение.

Таблица 3.4.3 содержит данные о том, добровольно или принудительно были исполнены судебные решения, полученные респондентами-гражданами, в зависимости от того, в чью пользу было это решение. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не показаны.

Мы видим, что респонденты-граждане, получившие судебные решения в их пользу, причем эти решения были выполнены, существенно чаще отмечали, что они были выполнены добровольно (71,3%, уровень значимости не выше 5,5%), чем получившие судебные решения частично в их пользу (65,7%) и не в их пользу (57,6%).

Но уровни значимости отличий двух последних процентов от средних выше 5,5%, поэтому соответствующую гипотезу необходимо проверить в последующих исследованиях. В принудительном порядке в результате действий судебных приставов судебные решения, полученные респондентами-гражданами, исполняются практически одинаково часто (21–24% случаев) независимо от того, в чью пользу эти решения были получены. Но исполнение судебных решений в принудительном порядке после обжалования в суде действий судебных приставов производится существенно реже у тех респондентов-граждан, которые получили эти судебные решения в свою пользу (0,4%, уровень значимости не выше 0,2%), и существенно чаще у тех, кто получил эти судебные решения не в свою пользу (9,1%, уровень значимости не выше 0,02%).

Обнаружена, следовательно, существенная зависимость добровольного исполнения судебного решения от того, в чью пользу оно было вынесено. Это является дополнительным подтверждением гипотезы о том, что респонденты-граждане существенно чаще добровольно исполняют решения, вынесенные в их пользу, несколько реже – решения, вынесенные частично в их пользу, и существенно реже – решения, вынесенные не в их пользу. Следует вспомнить, что граждане чаще всего принимают участие в гражданском судопроизводстве (55,7%), а решения в уголовном судопроизводстве почти всегда выполняются органами власти. Следовательно, можно предположить, что именно в гражданском судопроизводстве российские граждане в большинстве своем добровольно выполняют судебные решения, вынесенные в их пользу, но существенно реже делают это для судебных решений, вынесенных не в их пользу.

В таблице 3.4.4 представлены данные о том, были ли исполнены судебные решения, которые предприниматели получили в судебных разбирательствах по их личным или семейным проблемам, в зависимости от того, в чью пользу были получены эти судебные решения. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не показаны.

По данным таблицы 3.4.4 большинство судебных решений по личным или семейным делам респондентов-предпринимателей исполняются (81,1%), причем чаще всего – быстро (62,9%), но бывает, что и с задержками (18,2%). Оценки респондентов-предпринимателей того, было ли исполнено принятое по их личному или семейному

Таблица 3.4.4

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Было ли исполнено судебное решение в том случае, о котором мы беседовали?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=170	N=81	N=46	N=31
Судебное решение было исполнено довольно быстро	62,9	76,5	47,8	58,1
Судебное решение долго не исполнялось, но потом было исполнено	18,2	13,6	32,6	12,9
Судебное решение было таким, что его невозможно было исполнить, и оно не было исполнено	5,9	3,7	8,7	6,5
Судебное решение так и не было исполнено, хотя его можно было исполнить	4,1	4,9	2,2	6,5
Я не знаю, было ли исполнено это судебное решение	1,8	0,0	4,3	3,2
Затрудняюсь ответить	7,1	1,2	4,3	12,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

делу судебное решение, можно считать независимыми от того, в чью пользу было принято это решение. Также не установлено зависимости от размера бизнеса.

Тем респондентам-предпринимателям, кто сообщил, что полученные ими судебные решения по их личным или семейным делам были в итоге выполнены либо быстро, либо через некоторый промежуток времени, задавался вопрос о том, добровольно или принудительно было исполнено это судебное решение. Таблица 3.4.5 содержит данные о том, добровольно или принудительно было исполнено судебное решение в зависимости от того, в чью пользу было

Таблица 3.4.5

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Если судебное решение было исполнено, то добровольно той стороной, которую обязал суд, или нет?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=139	N=73	N=37	N=23
Добровольно	67,6	64,4	64,9	78,3
В принудительном порядке, в результате действий судебных приставов	25,2	28,8	29,7	13,0
В принудительном порядке после обжалования в суде действий судебных приставов	1,4	1,4	2,7	0,0
Затрудняюсь ответить	5,8	5,5	2,7	8,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

это решение. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в таблице не показаны.

В таблице 3.4.6 данные ответов предпринимателей на тот же вопрос приводятся в зависимости от размеров их бизнесов. Некоторые респонденты затруднились с ответом на этот вопрос, что сократило число их ответов и по отдельным категориям бизнеса.

По данным таблиц 3.4.5 и 3.4.6 предприниматели добровольно выполняют решения судов по своим личным или семейным делам довольно часто – в 67,6% случаев; причем это происходит практически независимо от размеров их бизнесов (отклонения долей на 3–4% находятся в пределах ошибки выборки). Кроме того, решения, принятые судами не в пользу предпринимателей, выполняются ими чаще, чем принятые в их пользу (78,3% против 64,4%).

В принудительном порядке, в результате действий судебных приставов выполняются еще примерно 25,2% судебных решений. В 1,4%

Таблица 3.4.6

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Если судебное решение было исполнено, то добровольно той стороной, которую обязал суд, или нет?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=139	N=68	N=54	N=17
Добровольно	67,6	70,6	64,8	64,7
В принудительном порядке, в результате действий судебных приставов	25,2	19,1	29,6	35,3
В принудительном порядке после обжалования в суде действий судебных приставов	1,4	1,5	1,9	0,0
Затрудняюсь ответить	5,8	8,8	3,7	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

случаев предпринимателям приходится обжаловать действия судебных приставов для того, чтобы судебные решения по их личным или семейным делам были выполнены. И этих действий практически не приходится производить крупному бизнесу.

Теперь рассмотрим исполнение судебных решений в случае тяжб предпринимателей по делам их бизнесов. В таблице 3.4.7 представлены данные о том, были ли исполнены судебные решения по проблемам их бизнесов, которые респонденты-предприниматели получили в описанных выше судебных разбирательствах, в зависимости от того, в чью пользу были получены эти судебные решения. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не показаны.

По данным таблицы 3.4.7 большинство судебных решений по делам бизнесов респондентов исполняются (64,3%), но быстро исполняется только 46,7% принятых судами решений. Респонденты-предприниматели, получившие судебные решения в свою пользу, существенно чаще других указывали, что их судебные решения

Таблица 3.4.7

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Было ли исполнено судебное решение в том случае, о котором мы беседовали?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение (по делам бизнеса)

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=199	N=114	N=45	N=32
Судебное решение было исполнено довольно быстро	46,7	52,6	40,0	43,8
Судебное решение долго не исполнялось, но потом было исполнено	17,6	22,8	17,8	3,1
Судебное решение было таким, что его невозможно было исполнить, и оно не было исполнено	7,0	3,5	8,9	18,8
Судебное решение так и не было исполнено, хотя его можно было исполнить	12,1	12,3	15,6	3,1
Я не знаю, было ли исполнено это судебное решение	5,0	2,6	6,7	9,4
Затрудняюсь ответить	11,6	6,1	11,1	21,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

исполнялись довольно быстро (52,6% при уровне значимости не выше 2,9%) или долго не исполнялись, но потом были исполнены (22,8% при уровне значимости не выше 1,4%). Поэтому у респондентов-предпринимателей, получивших судебные решения в свою пользу, эти решения исполняются существенно чаще, чем у других (75,4% быстро или через некоторый промежуток времени). А респонденты-предприниматели, получившие решения не в свою пользу, существенно чаще других отмечали, что принятые судебные решения по их делам просто невозможно было исполнить (в среднем – 7,0%, получившие решения не в их пользу – 18,8% при уровне значимости не выше 0,3%).

Вполне возможно, что таким образом предприниматели оправдывали свои отказы от исполнения решений судов, которые были не в их пользу, противоречили их интересам. Статистически значимой зависимости качества исполнения судебного решения от размера бизнеса не выявлено.

Тем респондентам-предпринимателям, кто сообщил, что полученные ими судебные решения по проблемам их бизнесов были в итоге выполнены либо быстро, либо через некоторый промежуток времени, задавался вопрос о том, добровольно или принудительно было исполнено это судебное решение. Распределение частот добровольных и принудительных исполнений решений по делам бизнеса статистически неразличимо с таким же распределением для дел личного характера. Не выявлено существенных зависимостей от того, в чью пользу было принято решение, и от размера бизнеса.

3.5. Оценка предпринимателями уровня взяточничества в судах

В опросе предпринимателей изучалась проблема взяточничества в судах, а гражданам соответствующие вопросы не задавались. Респондентам-предпринимателям при этом не задавались и прямые вопросы о том, давали ли они лично такие взятки. Причина в том, что подобные вопросы являются для предпринимателей, как и для многих граждан, очень чувствительными. Они понимают, что признание в даче взятки означает признание в участии в совершении уголовного преступления, а кроме того, для большинства из них участие во взяточничестве является социально неодобряемым поведением. Поэтому честные и открытые ответы на такие чувствительные вопросы для многих респондентов затруднительны: признаваться в совершении уголовного преступления им не хотелось бы, но не хотелось бы и говорить неправду, отвечая на вопросы анкеты. В такой ситуации многие респонденты предпочитают либо затрудниться с ответом, либо отказаться отвечать на вопросы такого рода. При этом отказы респондентов от ответов на вопросы о взяточничестве в судах могли привести к их отказам от продолжения ответов на последующие вопросы анкеты.

С целью получить оценки респондентов на вопросы о взяточничестве в судах и максимально возможно снизить случаи затруднений

Таблица 3.5.1

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, распространено взяточничество в российских судах?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=602	N=312	N=233	N=55
С помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата	30,2	28,2	35,2	21,8
Взяточничество в судах встречается, но не слишком часто	36,7	35,9	34,8	47,3
Взяточничества в судах нет за исключением единичных случаев	10,5	11,2	9,9	9,1
Затрудняюсь ответить	22,6	24,7	20,2	21,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

с ответами и отказы от ответов, соответствующий блок вопросов был помещен в конец анкеты, а вопросы, предлагавшиеся респондентам-предпринимателям, были только косвенные, исключавшие ситуацию морального выбора их признаний в том, что они были участниками уголовных преступлений. Такие косвенные вопросы о взяточничестве в российских судах задавались всем респондентам, независимо от того, решали они свои проблемы в судах или нет. В таблице 3.5.1 представлены данные ответов предпринимателей на косвенный вопрос о том, насколько, по их мнению, распространено взяточничество в российских судах.

Мы видим, что только 10,5% респондентов-предпринимателей уверенно отвечают, что взяточничества в судах нет за исключением единичных случаев. При этом весьма высокая доля респондентов-предпринимателей (22,6%) затруднились с ответом на этот вопрос, что свидетельствует о его чувствительности для них, а косвенно – о нежелании признавать наличие взяточничества в российских судах. Была выявлена только одна существенная зависимость ответов респондентов-предпринимателей от размеров их бизнесов: представители среднего

бизнеса существенно чаще других отвечали, что с помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата (35,2% при уровне значимости не выше 1,8%). Возможное объяснение: у малого бизнеса не всегда есть достаточно финансовых средств для взяток в судах, а крупный бизнес старается решать свои проблемы в судах более основательными методами незаконного влияния.

Можно высказать гипотезу о том, что довольно высокий уровень убежденности предпринимателей в распространенности взяточничества в российских судах (66,9% ответов суммарно о том, что взяточничество в российских судах распространено или встречается не слишком часто) поддерживается общим высоким уровнем коррупции в органах российской власти и деятельностью СМИ. Эта гипотеза подтверждается мнениями, высказанными экспертами в беседах и предпринимателями на фокус-группах, проведенных в рамках нашего проекта. Следует отметить, однако, что не установлено зависимости от мнений о коррупции в судах от опыта и типа предпочитаемых источников информации о работе судов.

Респондентам-предпринимателям, которые указали, что на том или ином уровне взяточничество в российских судах существует, задавался вопрос о том, на чем основана их уверенность в таких оценках. Этот вопрос задавался только тем 403 респондентам, которые указали, что «с помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата» или «взяточничество в судах встречается, но не слишком часто». Соответствующие данные приведены в таблице 3.5.2.

Около трети респондентов-предпринимателей (30,8%) указали, что со взяточничеством в российских судах сталкивались их родственники или знакомые, причем видимые различия процентов ответов респондентов-предпринимателей в зависимости от размеров их бизнесов (32,3% – малый, 30,9% – средний, 21,1% – крупный бизнес) не являются статистически значимыми. Примерно четверть респондентов-предпринимателей (25,3%) узнает о взяточничестве из СМИ, лишь немного выше (27,0%) доля тех, кто уверен, что во всех органах власти берут взятки, суды не могут быть исключением. И для этих вариантов ответов респондентов-предпринимателей видимые различия их процентов зависимости от размеров их бизнесов не являются статистически значимыми.

Опыт личного столкновения со взяточничеством в судах у респондентов-предпринимателей сравнительно небольшой: в среднем его имеют 13,6%. Причем такого опыта существенно меньше, чем в целом

Таблица 3.5.2

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, распространено взяточничество в российских судах?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=403	N=201	N=162	N=38
Лично сталкивался со взяточничеством в судах	13,6	8,0	19,1	21,1
Мои родственники или знакомые сталкивались со взяточничеством	30,8	32,3	30,9	21,1
Постоянно узнаю о взяточничестве в судах из СМИ	25,3	27,4	21,0	31,6
Во всех органах власти берут взятки, суды – не могут быть исключением	27,0	28,4	25,9	26,3
Затрудняюсь ответить	3,2	4,0	3,1	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

по выборке у предпринимателей малого бизнеса (8,0% при уровне значимости не выше 0,04%), и существенно больше у предпринимателей среднего бизнеса (19,1% при уровне значимости не выше 0,5%).

По результатам анализа данных таблицы 3.5.2 в качестве гипотезы можно предположить, что довольно высокий уровень убежденности предпринимателей о наличии взяточничества в судах сформирован в их сознании социальным окружением и СМИ. В ответе на вопрос об основании такой убежденности респонденты-предприниматели, не имея четких представлений о том, как она сформировалась, пытались отрефлексировать причину таких своих оценок. Поскольку подобные оценки стали уже довольно устойчивыми для большинства предпринимателей, их связь с причинами формирования таких оценок в сознании предпринимателей не является ни прочной, ни определенной. Поэтому в ответах респондентов на вопрос таблицы 3.5.2 не было выявлено каких-то доминирующих вариантов выбора. Это косвенно

Таблица 3.5.3

Проценты ответов респондентов-предпринимателей на вопрос «Готовы ли бизнесмены, которые ведут бизнес, похожий на Ваш, давать взятки в судах для получения нужных Вам решений?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=602	N=312	N=233	N=55
Да, это простой и эффективный способ решений проблем	15,0	16,3	13,7	10,9
Да, если это предложит адвокат и сам все сделает	15,8	18,9	12,0	14,5
Да, если они будут уверены в полном решении своих проблем	27,4	27,2	29,6	20,0
Да, если поймут, что другого способа решений проблем нет	40,7	37,2	44,2	45,5
Нет, они не будут давать взятки, потому что не захотят совершать преступления	6,1	5,8	6,9	5,5
Нет, они не будут давать взятки, потому что не умеют или просто стесняются это делать	1,8	2,9	0,9	0,0
Нет, они не будут давать взятки, потому что не хотят нарушать справедливость в суде	3,2	4,2	2,6	0,0
Нет, они не будут давать взятки, потому что у них нет на это денег	2,2	2,9	1,7	0,0
Нет, они не будут давать взятки, потому что не захотят унижаться перед судьей	2,7	4,5	0,9	0,0
Затрудняюсь ответить	21,3	21,8	19,3	27,3

свидетельствует о сравнительно высоком уровне распространенности убеждений предпринимателей в существовании взяточничества в российских судах и об устойчивости у них таких убеждений.

Ответы на вопрос анкеты о том, готовы ли другие предприниматели давать взятки в судах, косвенно отражал уровень готовности респондентов-предпринимателей признать взятки допустимыми в их собственных взаимодействиях с судами. Лишь явное меньшинство предпринимателей (13,3%) по тем или иным причинам категорически отказывается от дачи взяток в судах. Эти данные представлены в таблице 3.5.3. Респонденты могли дать один, два или три варианта ответа, поэтому суммы процентов их ответов не равны 100.

По данным таблицы 3.5.3 оценка готовности даже не их самих, а других предпринимателей давать взятки в судах приводит к затруднению с ответом большую долю респондентов-предпринимателей (21,3%), чем при их ответах на менее чувствительные вопросы. Видимые различия процентов респондентов, затруднившихся с ответом на этот вопрос в зависимости от размеров их бизнесов, не являются статистически значимыми. Вполне правдоподобной является гипотеза о том, что вопрос о готовности давать взятки в судах является примерно одинаково чувствительным для представителей любых бизнесов.

Также бросается в глаза существенное различие в частотах ответов, признающих возможность дать взятку по тем или иным причинам и отрицающих такую возможность. Немалые доли предпринимателей (от 15–16% до 40–41%) готовы давать взятки в судах для обеспечения решений своих проблем, и лишь явное их меньшинство не будут давать взятки, поскольку не захотят принимать участие в совершении уголовных преступлений (6,1%). Вполне обоснованной оказывается гипотеза о том, что признание взяток уголовно наказуемыми преступлениями не является для российских предпринимателей значимым фактором отказа от дачи взяток в российских судах.

3.6. Готовы ли граждане и предприниматели обращаться в суды

Проведенное исследование позволило сравнить готовность граждан и предпринимателей обращаться в суды как реакция на их последний опыт взаимодействия с судом (апостериорная или

практическая готовность обращаться в суд). Для выявления такой диспозиции и гражданам, и предпринимателям в конце серии вопросов, касавшихся последнего опыта, задавался вопрос о готовности снова обращаться в суд.

По данным проведенного исследования, предприниматели существенно чаще, чем граждане, выражали готовность обращаться в суды для решений тех или иных проблем. Но и для граждан, и для предпринимателей существенным мотивом обращений в суды является вынуждение их к этому теми или иными обстоятельствами, если у них не будет другого выхода.

Таблица 3.6.1 содержит данные о том, готовы ли респонденты-граждане в будущем обращаться в суды в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей. На такую готовность всегда при возникновении соответствующей необходимости указали в среднем по выборке сравнительно немного респондентов (14,0%), и эта готовность практически не зависит от уровня месячных доходов семей респондентов-граждан. Существенно больше оказалось тех, кто утверждал, что готов обратиться в суд, но только если у него не будет другого выхода (33,5%). В зависимости от месячных доходов семей проценты таких ответов респондентов-граждан существенно различались: имеющие месячные доходы семей до 10 000 рублей высказывали такую готовность существенно реже (30,1%, уровень значимости не выше 0,5%), а имеющие месячные доходы семей свыше 25 000 рублей – существенно чаще (40,1%, уровень значимости не выше 0,02%), чем в целом по выборке.

По данным таблицы 3.6.1 немногим более трети респондентов утверждали, что они, возможно, обратятся в суды в зависимости от складывающейся ситуации (35,6%). При этом респонденты-граждане, имеющие месячные доходы семей до 10 000 рублей, существенно реже среднего по выборке (32,2%, уровень значимости не выше 0,6%).

Сравнительно немногие респонденты-граждане категорически утверждали, что не намерены обращаться в суды в будущем (11,1%). Представители семей с совокупными месячными доходами до 10 000 рублей существенно чаще отказывались обращаться в суды в будущем (16,9%, уровень значимости не выше 10–7%), а представители семей более обеспеченных материально – существенно реже (для семей с ежемесячным доходом от 10 000 до 25 000 рублей – 8,8% при уровне значимости не выше 0,04%, а для семей с ежемесячным доходом свыше

Таблица 3.6.1

Числа и проценты ответов респондентов на вопрос «Если в будущем Вы столкнетесь с ситуацией, которую можно было бы разрешить в суде, готовы ли Вы обратиться в суд?» в зависимости от размеров совокупных месячных доходов их семей

Варианты ответов	В целом	До 10 000 рублей	10 000-25 000 рублей	Свыше 25000 рублей
	N=2845	N=765	N=1187	N=561
Готовы всегда, когда возникнет такая необходимость	14,0	12,4	14,7	14,3
Готовы, но только если не будет другого выхода	33,5	30,1	33,3	40,1
Возможно, обратитесь, но это будет зависеть от ситуации	35,6	32,2	38,8	34,0
Не намерены обращаться в суд в будущем	11,1	16,9	8,8	8,0
Затрудняюсь ответить	5,9	8,5	4,4	3,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

25 000 рублей – 8,0% при уровне значимости не выше 0,5%). Следовательно, представители малообеспеченных семей существенно чаще отказываются от обращений в суды в будущем, чем представители семей с более высоким уровнем материального обеспечения.

Этот вопрос задавался всем респондентам-гражданам, независимо от того, принимали ли они участие в судебных разбирательствах в качестве сторон. В предыдущей таблице частоты определялись от всей выборки. В следующей таблице по очевидным причинам проценты подсчитывались от числа респондентов, чей последний опыт инициативного обращения в суд обсуждался в конце анкеты. Таблица 3.6.2 содержит данные о том, готовы ли респонденты-граждане в будущем обращаться в суды в зависимости от того, в чью пользу было полученное ими судебное решение.

Результат очевиден: готовность респондентов-граждан обращаться в суды в будущем всегда существенно выше у тех, кто получил

Таблица 3.6.2

Проценты ответов респондентов-граждан на вопрос «Если в будущем Вы столкнетесь с ситуацией, которую можно было бы разрешить в суде, готовы ли Вы обратиться в суд?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=514	N=269	N=92	N=61
Готовы всегда, когда возникнет такая необходимость	24,3	29,7	23,9	19,7
Готовы, но только если не будет другого выхода	36,0	31,2	43,5	36,1
Возможно, обратитесь, но это будет зависеть от ситуации	27,4	29,0	19,6	19,7
Не намерены обращаться в суд в будущем	8,6	6,7	7,6	23,0
Затрудняюсь ответить	3,7	3,3	5,4	1,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

судебные решения в свою пользу (29,7%, уровень значимости не выше 0,2%), чем у получивших решения частично в их пользу (23,9%) и не в их пользу (19,7%). При этом существенно чаще не намерены обращаться в суды в будущем те, кто получил судебные решения не в их пользу (23,0%, уровень значимости не выше 9x10–4%) в сравнении с теми, кто получил их в свою пользу (6,7%) или частично в свою пользу (7,6%). Поэтому получение судебного решения в свою пользу существенно повышает мотивацию граждан и в будущем обращаться в суды.

Таблица 3.6.3 содержит данные о том, готовы ли респонденты-предприниматели в будущем обращаться в суды в зависимости от размеров их бизнесов. По данным этой таблицы, чем крупнее бизнес, тем чаще его представители готовы обращаться в суды всегда в случае необходимости (малый бизнес – 42,2%; средний бизнес – 58,0%; крупный бизнес – 65,7%).

Таблица 3.6.3

Числа и проценты ответов респондентов на вопрос «Готовы ли Вы в будущем обращаться в суд?» в зависимости от размеров их бизнесов

Варианты ответов	В целом	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
	N=199	N=83	N=81	N=35
Готов всегда в случае необходимости	52,8	42,2	58,0	65,7
Готов, если не будет другого выхода	32,7	39,8	25,9	31,4
Возможно, обращусь, но это будет зависеть от ситуации	12,6	14,5	14,8	2,9
Не намерен обращаться	1,5	3,6	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	0,5	0,0	1,2	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 3.6.3 не намерены обращаться в будущем в суды явное меньшинство предпринимателей: вообще никогда – 1,5%, в зависимости от ситуации – еще 12,6%, причем для крупного бизнеса такая ситуация представляется практически невозможной. Подавляющее же большинство предпринимателей не отказываются априори от возможности обращения в суды для решений проблем своих бизнесов. При этом готовы обращаться в суды в случае необходимости: малый бизнес существенно реже (42,2% при уровне значимости не выше 0,7%), а крупный бизнес – существенно чаще (65,7% при уровне значимости не выше 4,5%), чем в целом по выборке. Но уровень готовности обращаться в суды в будущем у предпринимателей существенно выше, чем у граждан. Представители малого бизнеса чаще других предпринимателей обращаются в суды, если их вынуждает ситуация, либо вообще отказываются решать свои проблемы в судах.

Таблица 3.6.4 содержит данные о том, готовы ли респонденты-предприниматели в будущем обращаться в суды в зависимости от того, в чью пользу было полученное ими судебное решение. Респонденты могли затрудниться с ответом на вопрос о том, в чью пользу было вынесено судебное решение, но такие ответы в этой таблице не показаны.

Таблица 3.6.4

Числа и проценты ответов респондентов на вопрос «Готовы ли Вы в будущем обращаться в суд?» в зависимости от того, в чью пользу было вынесено судебное решение

Варианты ответов	В целом	В их пользу	Частично в их пользу	Не в их пользу
	N=199	N=114	N=45	N=32
Готов всегда в случае необходимости	52,8	60,5	42,2	43,8
Готов, если не будет другого выхода	32,7	30,7	40,0	31,3
Возможно, обращусь, но это будет зависеть от ситуации	12,6	8,8	15,6	18,8
Не намерен обращаться	1,5	0,0	2,2	6,3
Затрудняюсь ответить	0,5	0,0	0,0	0,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

По данным таблицы 3.6.4 готовность респондентов-предпринимателей обращаться в суды в будущем существенно выше у тех, кто получил судебные решения в свою пользу, чем у других (60,5% при уровне значимости не выше 0,7%). Еще примерно 32,7% респондентов-предпринимателей готовы обратиться в суд, если не будет другого выхода, и это возможное решение предпринимателей практически не зависит от того, выиграли они свои судебные процессы или проиграли. Возможно, обратятся в суд в будущем, но это будет зависеть от их ситуации, еще примерно 12,6% респондентов-предпринимателей, но эта доля существенно ниже у тех, кто получил судебные решения в свою пользу (8,8% при уровне значимости не выше 2,9%). Респонденты-предприниматели, получившие судебные решения в свою пользу, практически не выбирали вариант ответа «не намерен обращаться» (0,0% при уровне значимости не выше 2,3%), а получившие судебные решения не в свою пользу выбирали этот вариант ответа существенно чаще других (6,2% из них

не намерены обращаться в суды при уровне значимости не выше 0,9%). Следовательно, для предпринимателей существенным стимулом обращения в суд в будущем является получение судебного решения в свою пользу.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что более чем для 50% предпринимателей суд уже стал институтом, который они используют для решений проблем своих бизнесов. Для подавляющего большинства граждан ситуация существенно иная – только примерно 14% из них готовы всегда, когда это будет необходимо обращаться в суд, а все остальные будут стараться решать свои проблемы без обращений в суды, которые остаются для них сферой чрезвычайных обстоятельств.

Глава 4
Потребление информации о работе судов

Взаимодействие с судебной властью ее клиентов во многом определяется той информацией о ее работе, которую получают клиенты. Этот коммуникативный аспект взаимодействия имеет различные стороны, которые мы структурировали следующим образом: интерес к подобной информации, мотивы этого интереса, источники информации, доступность нужной информации и структура интереса к информации (а что, собственно, интересует клиентов судебной власти). Все эти аспекты отражены в вопросах блока анкеты, посвященного потреблению информации о судах. В этом порядке и будет ниже дан анализ ответов на эти вопросы.

4.1. Интерес к информации о работе судов

Диаграмма рисунка 4.1.1 позволяет нам сделать вывод о том, что предприниматели имеют больший интерес к информации о работе судов, чем граждане. Среди предпринимателей 45% признались, что «практически не интересуются» информацией о работе судов, а среди граждан таких равнодушных существенно больше – 58,2%. Естественно, интересно понять, а чем отличаются респонденты с разным уровнем интереса к информации о работе судов. Мы удовлетворим наше любопытство, прибегая к анализу таблиц сопряженности, что позволит нам построить социальные портреты респондентов, выбравших разные варианты ответов на вопрос 12 отдельно для выборок граждан и предпринимателей.

Рисунок 4.1.1. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей на вопрос 12 анкеты «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?»

Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что выбор ответов на вопрос 12, т.е. степень интереса к информации о работе судов, почти исключительно определяется позиционными характеристиками респондентов. Единственное исключение составляет переменная правосознания «Поддержка независимости судебных решений». Из всех позиционных переменных более всего влияет на интерес к информации о работе судов наличие опыта участия в судебных процессах. Взаимосвязь между этими двумя переменными характеризуется доверительной вероятностью, равной 2,68E-37. Среди тех, кто интересуется информацией о работе судов, 43,3% респондентов неоднократно были участниками судебного процесса. А среди тех, кто совершенно не интересуется информацией о работе судов, регулярных участников судебных процессов только 9,4%.

Теперь рассмотрим аналогичные социальные портреты для выборки предпринимателей. Они приведены в таблице 4.1.2.

Мы снова видим, что степень интереса предпринимателей к информации о работе судов определяют позиционные переменные (при единственном исключении). И снова наиболее важной переменной

Таблица 4.1.1

Социальные портреты групп респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответа на вопрос 12 анкеты «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?». В скобках даны значения приведенных стандартизированных остатков

Очень интересуюсь
Жители Дальневосточного ФО (4,5); имеют юридическое образование (8,5) или являются практикующими юристами (8,4); неоднократно были участниками судебного разбирательства (7,1); бывали в ситуации, которая могла бы быть разрешена в суде (4,0); в будущем готовы обращаться в суд всегда, когда возникнет необходимость (3,7); высокий социальный интеллект (3,6).
Интересуюсь, но не очень
Имеют юридическое образование (4,4); служащие правоохранительных органов (3,0); неоднократно (6,9) или один раз (3,6) были участниками судебного разбирательства; бывали в ситуации, которая могла бы быть разрешена в суде (8,1); в будущем готовы обращаться в суд всегда, когда возникнет необходимость (6,6); в судах решают имущественные проблемы (4,9), проблемы прав личности (4,4) или проблемы здоровья (2,9); высокий социальный интеллект (3,5); высокая поддержка независимости судебных решений (3,0).
Интересуюсь в небольшой степени
Жители Южного ФО (3,3); один раз были участниками судебного процесса (3,6); тип института, пользующегося доверием, – суды (3,3); поддержка независимости судебных решений выше средней (3,0).
Совершенно не интересуюсь
Жители Сибирского ФО (5,7); рабочие (4,5); низкая моральная готовность обращаться в суд (5,5); никогда не были участникамм судебного разбирательства (11,2); никогда не бывали в ситуации, которая могла бы быть разрешена в суде (8,5); в будущем не намерены обращаться в суд (5,5) или обратятся в зависимости от ситуации (4,8); низкий социальный интеллект (5,1); противники независимости судебных решений (4,5).

Таблица 4.1.2

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей, выбравших разные варианты ответа на вопрос 12 анкеты «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?». В скобках даны значения приведенных стандартизированных остатков

Очень интересуюсь
Предприниматели из Южного ФО (4,3); жители городов-миллионников (но не Москвы или Санкт-Петербурга) (3,7); имеют юридическое образование (11,7); практикующие юристы (13,7); владельцы частного бизнеса (3,7); масштаб бизнеса – средний (3,0) или крупный (3,7); владельцы предприятий с числом работающих 250–1000 (3,1) или более 1000 человек (4,1); хотя бы раз участвовали в судебном разбирательстве по личным вопросам (3,0); хотя бы раз участвовали в судебном разбирательстве по проблемам своего бизнеса (7,5); лично сталкивались со взяточничеством в судах (5,3); используют легальные методы для решения проблем своего бизнеса (5,0); поддерживают независимость судебной власти (5,9).
Интересуюсь, но не очень
Предприниматели из Южного ФО (3,5); хотя бы раз участвовали в судебном разбирательстве по проблемам своего бизнеса (3,4).
Интересуюсь в небольшой степени
Оценивают свой бизнес как не очень успешный с некоторыми проблемами (3,8); используют активные методы для решения проблем своего бизнеса (4,0).
Совершенно не интересуюсь
Предприниматели Центрального ФО (3,7), или Москвы, или Санкт-Петербурга (4,3); ни разу не участвовали в судебном разбирательстве по личным вопросам (4,1); ни разу не участвовали в судебном разбирательстве по проблемам своего бизнеса (8,3).

оказывается наличие опыта участия в судебных разбирательствах. Естественно, что на этот раз важнее опыт решения проблем бизнеса, а не личных проблем. Интересно, что группа предпринимателей, выразивших отсутствие интереса к информации о работе судов, отличается от остальных повышенной концентрацией в своих рядах коллег, не имевших опыта участия в судебных разбирательствах ни по личным делам, ни по делам своего бизнеса. Наконец, важно еще раз подчеркнуть, что скромное появление в клетках таблиц 4.1.1 и 4.1.2 диспозиционных переменных не носит, видимо, закономерного характера, но, напротив, объясняется случайными обстоятельствами. Совершенно ясно, что интерес к информации о работе судов объясняется практикой, жизненными обстоятельствами респондентов. Можно с весомой уверенностью утверждать, что необходимость, сталкивающая людей с судебной властью, в первую очередь побуждает их интересоваться последней и информацией о ней.

4.2. Мотивы интереса

Теперь рассмотрим мотивы интереса к информации о работе судов с помощью анализа ответов респондентов на вопрос 13 «Чем вызван Ваш интерес к судебной информации?». Сопоставление гистограмм для выборок предпринимателей и граждан приведено на диаграмме рисунка 4.2.1.

Мы видим, что структуры мотивов у предпринимателей и граждан различаются существенно. Для предпринимателей самый главный мотив – их профессиональная деятельность. Более половины респондентов указали на него. Мотив «ресурса на будущее» (...может пригодиться...) – у них на втором месте, в то время как у граждан он ведущий. На втором месте у граждан мотив досужего интереса (...острые материалы...). Неудивительно, что разные мотивы сопряжены с разной степенью интереса. Так, для выборки граждан профессиональная деятельность и учеба порождают сильный интерес: соответствующие приведенные стандартизированные остатки при анализе сопряженностей равны, соответственно, 7,2 и 2,9. Мотивы «Запас на будущее» и «Интерес к проблематике» дают значения остатка 4,1 и 3,2, соответственно. А мотив досужего интереса связан с самым низким уровнем интереса (4,1). У предпринимателей эти зависимости выглядят несколько

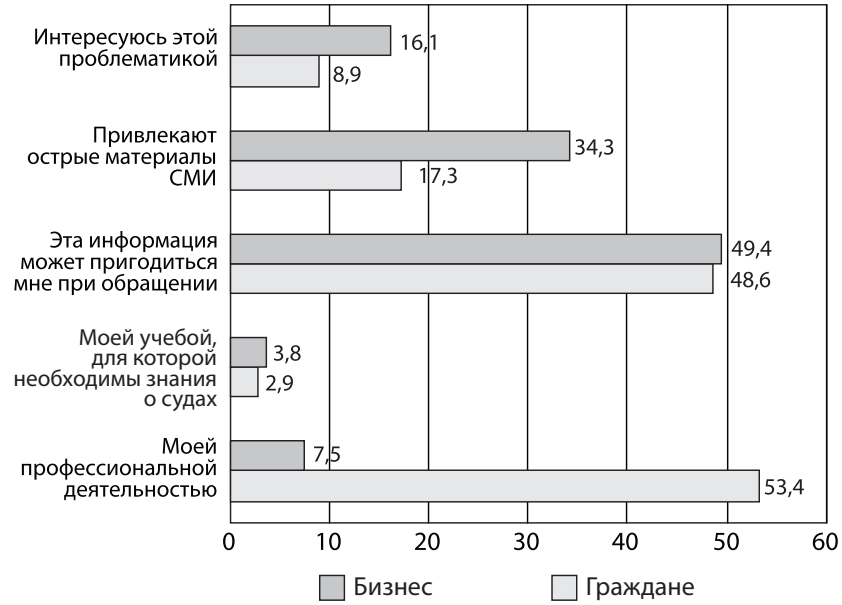


Рисунок 4.2.1. Распределения частот (в процентах от числа отвечавших) ответов респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей на вопрос 13 анкеты «Чем вызван Ваш интерес к судебной информации?» от числа ответивших на этот вопрос. (Допускается выбор двух ответов)

иначе. Мотив профессиональной деятельности связан с высоким (11,7) или ограниченным (8,6) интересом. Мотив учебы не специфицируется уровнями интереса. Мотив ресурса на будущее сопряжен с ограниченным (8,0) или небольшим (8,8) интересом. То же самое касается мотива досужего любопытства (4,5; 6,0). Мотив «Интерес к проблематике» связан с малым интересом (4,4).

Теперь выясним, что собой представляют респонденты, имеющие различные мотивы. Мы рассмотрим только те мотивы, которые представлены достаточным числом респондентов. Начнем с мотива «Запас на будущее». Самое интересное, что предприниматели, указавшие на этот мотив, не выделяются никакими портретными чертами. Иными словами, данный мотив случайно распределен

в социальном пространстве, в котором находятся предприниматели. Иное дело – граждане. В этой выборке для носителей мотива «Запас на будущее» характерны проживание в городах (4,6); обращение в суд для защиты своих прав (4,3); попадание в ситуацию, которая могла бы быть разрешена в суде (5,9) независимо от того, обратился ли респондент в последней такой ситуации в суд или нет; юридическое образование (3,7); предпочтение любительских источников информации о судах (4,4); высокий социальный интеллект (3,4). Характерны зависимость только от практики и отсутствие зависимости от диспозиционных переменных.

Теперь рассмотрим еще два мотива. Первый из них – профессиональный мотив у предпринимателей. Такие респонденты чаще встречаются в городах-миллионниках (без Москвы и Санкт-Петербурга) (4,4); имеют высшее образование (3,6); имеют юридическое образование (10,4); являются практикующими юристами (12,5); владеют средним (2,9) или крупным (4,7) бизнесом; в их фирмах более 250 сотрудников; они имеют опыт участия в судебных процессах по личным делам (3,9); лично сталкивались со взяточничеством в судах (5,0); предпочитают профессиональные источники о работе судов (6,4) и легальные методы защиты своих интересов (5,2). В судах они урегулируют взаимоотношения в среде бизнеса (5,3) или с органами власти (5,5), решают проблемы собственности (3,6) и договорных отношений (2,9). Здесь также представлены предприниматели, отказывающиеся решать в суде проблемы, порожденные взаимоотношениями в среде бизнеса (4,5). Эти респонденты из всех институтов более других доверяют судам (3,0); они поддерживают независимость судебной власти (4,2) и судебных решений (3,6).

Мы видим очень подробный портрет группы, в котором ясно проступают черты среднего и крупного бизнеса, стремящегося к легальности и, в частности, активно прибегающего к услугам судебной власти. Впервые в настоящем разделе мы видим, что эта группа выделяется и своими диспозициями. Но в таком контексте и в таком сочетании с позиционными переменными есть веские основания утверждать, что выявленный комплекс диспозиций индуцирован практикой данной группы респондентов-предпринимателей. Итак, на примере данной группы мы видим, как стремление бизнеса к легальности склоняет его к поддержке независимости судов и судебных решений.

Теперь рассмотрим группу респондентов-граждан, чей мотив интереса к информации о работе судов описывается текстом ответа

«Привлекают острые материалы СМИ». Таких респондентов более трети среди тех, кто в той или иной степени интересуется информацией о работе судов. Анализ таблиц сопряженности показал, что социальный портрет данной группы много скуднее описанного выше. Это уже само по себе любопытно, ибо раньше мы сталкивались с противоположными ситуациями, когда социальные портреты групп респондентов-граждан были существенно подробнее. Рассмотрим полученный набросок. Респонденты, которых «привлекают острые материала в СМИ» о судах, чаще других живут в маленьких городках с численностью менее 20 тыс. (3,0) или в деревнях (3,3). При защите своих прав они избегают обращаться в суды (4,4), но скорее обращаются к родственникам или друзьям (3,0). Это подтверждает тот факт, что им, как правило, чужд практический интерес к судам. Естественно, у них нет опыта участия в судебных разбирательствах (3,8) и они ни разу не попадали в ситуацию, которая могла бы быть разрешена в суде, если бы они прибегли к этой возможности (3,1). Способ определения данной социальной группы корреспондируется (что ожидаемо) с тем, что ее члены пользуются, в основном, любительскими источниками информации о судах (6,3).

Выводы: мотив «Привлекают острые материалы в СМИ» не связан ни с практикой взаимодействия с судами, ни с установками в отношении судов. Похоже, в данном случае мы наблюдаем группу людей, использующих СМИ как средство развлечения независимо от того, что является источником развлечения (как сведения о работе судов в данный момент). Характерно, что, имея в виду в данном случае людей, подверженных явному влиянию СМИ, мы не наблюдаем результатов этого влияния в виде каких-либо выраженных установок в отношении судов, будь то положительных или отрицательных. Коль скоро это так, то напрашивается следующий вывод. Искаженная информация относительно некоторого объекта, поступающая через СМИ, не влияет на формирование устойчивых диспозиций относительно этого объекта, если он – всего лишь один в ряду многих других. Эта информация формирует диспозиции, если данный объект выделен респондентом из ряда других. Такое выделение может осуществляться предшествующей практикой, ожиданиями, установкой, сформированной ранее. Именно к такому классу ситуаций относились те, с которыми мы сталкивались ранее, когда фиксировали наличие взаимосвязей между потреблением информации о судах через СМИ и формируемыми ими установками в отношении судов.

4.3. Предпочитаемые источники информации

Теперь рассмотрим различные источники информации, к которым прибегают респонденты, проявляющие в разной степени интерес к информации о работе судов. Результаты обычного частотного анализа приведены в таблице 4.3.1. Рассмотрим их подробнее.

Мы видим в таблице 4.3.1 признаки как сходств, так и различий в предпочтениях респондентов двух выборок. Например, респонденты обеих выборок относят на предпоследнее место научную литературу. А вот использование учебной литературы гражданами и предпринимателями, при сходстве процентов, занимает различные места в иерархии предпочтений источников: в выборке граждан ей отводится 9-е место, а предприниматели ее относят на последнее место. Это различие очевидно; оно порождено разницей в возрастных структурах двух выборок. Но есть более существенные различия, порожденные разницей образов жизни или габитусов. К таковым относится, например отношение к телевизионным программам (7-й ответ): респонденты-граждане выдвинули его на первое место, а предприниматели отодвинули на седьмое. Подобное, но еще более впечатляющее различие проявилось в отношении такого источника, как базы данных правовой информации, которые являются третьими на выборке предпринимателей и десятыми на выборке граждан.

Если обобщать анализ различий, то напрашивается вывод: на выборке граждан более высокие места занимают обычные СМИ, а на выборке предпринимателей – профессиональные источники информации. Это позволяет осуществить переход к анализу типологии респондентов «Предпочитаемый тип источников информации», построенной в Главе 1. Согласно этой типологии, все респонденты, проявляющие в той или иной степени интерес к информации о работе судов, делятся на три категории. Первая – «Несистематический выбор». К ней принадлежат респонденты, у которых нет одного из двух указанных ниже типов предпочтения источников информации; они «всеядны». Часто к этой категории относятся респонденты, отвечавшие практически случайно. Вторая категория – «Любительские источники». К ней отнесены респонденты, которые при ответе чаще указывали на обычные СМИ, электронные или печатные, как на источники информации, которыми они пользуются. Туда же попадали родственники или детективные фильмы. Третья категория – «Профессиональные источники».

Таблица 4.3.1

Частоты выбора ответов (в процентах от числа отвечавших) на вопрос 14 «Из каких источников Вы получаете информацию о работе судов?» (допускается любое число ответов). Приведены ранги частот; чем выше частота, тем ниже ранг

№	Источники	Граждане		Бизнес	
		Процент	Ранг	Процент	Ранг
1	Научная литература	5,0	13	7,7	13
2	Учебная литература	6,6	9	6,3	14
3	Профессиональные печатные издания о суде	5,2	12	15,4	9
4	Базы данных правовой информации	5,5	10	36,2	3
5	Контакты с судами	11,3	8	29,0	5
6	Телевизионные информационные программы, программы новостей	49,1	2	31,5	4
7	Телевизионные программы вроде «Суд идет» или «Час суда…»	59,6	1	21,7	7
8	Радио	14,2	7	10,6	11
9	Детективные романы и фильмы	16,5	6	8,3	12
10	Печатные СМИ (газеты, журналы)	37,8	3	41,0	2
11	Сайты судов в сети Интернет	3,9	14	27,5	6
12	Сайты в сети Интернет, но не сайты судов	5,5	11	19,4	8
13	Контакты с родственниками	18,9	5	11,5	10
14	Контакты с друзьями, знакомыми	35,2	4	42,1	1

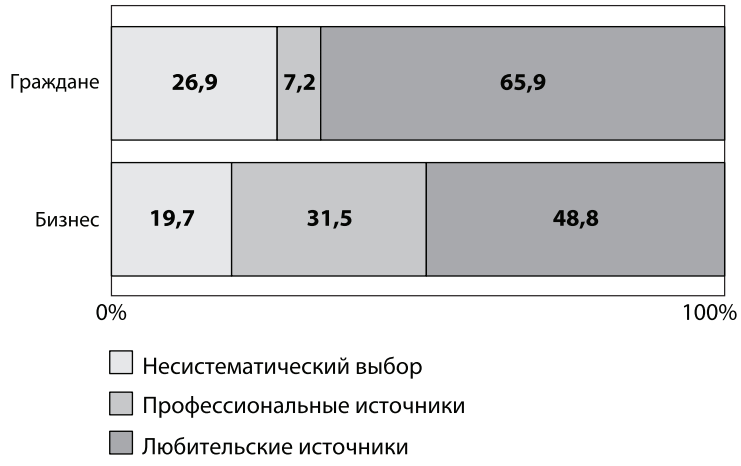


Рисунок 4.3.1. Распределения частот (в процентах от числа отвечавших) принадлежности респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей классам типологии «Предпочитаемый тип источников информации»

В нее попали респонденты, которые чаще всего указывали на специальные источники информации о работе судов вроде сайтов судов или профессиональные печатные издания.

Ниже на диаграмме рисунка 4.3.1 приведены распределения частот принадлежности респондентов трем описанным категориям (типам, классам).

Диаграмма рисунка 4.3.1. представляет вполне ожидаемый результат: предприниматели более чем в четыре раза чаще принадлежат классу пользователей профессиональных источников информации, нежели граждане, что согласуется с данными таблицы 4.3.1.

4.4. Доступ к информации

Проблеме доступности информации были посвящены два вопроса, касавшихся степени доступности и причин недоступности. Сравним ответы на эти вопросы граждан и предпринимателей с помощью диаграммы рисунка 4.4.1 и таблицы 4.4.1.

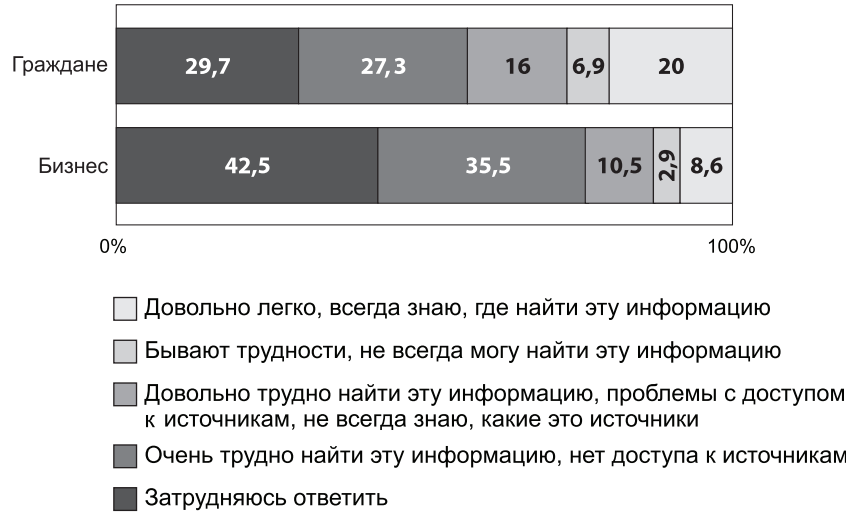


Рисунок 4.4.1. Распределения частот (в процентах от числа отвечавших) ответов граждан и предпринимателей на вопрос 15 анкеты «Насколько для Вас трудно найти нужную информацию о работе судов?»

Рисунок 4.4.1 демонстрирует вполне ожидаемые результаты: предприниматели оценивают доступность информации о работе судов существенно выше, чем граждане. Если принять, что позитивная оценка доступности дается двумя первыми вариантами ответа, то легко подсчитать, что на выборке граждан 57% от числа интересующихся информацией о судах не жалуются на доступность. А на выборке предпринимателей таких 78%. Это вполне объяснимо и потребностями, и возможностями предпринимателями.

Теперь обратимся к таблице 4.4.1. Из нее можно сделать следующие выводы. Во-первых, наиболее распространенные проблемы у предпринимателей и граждан различны. Предпринимателей более всего волнует недоступность нужной им информации (27,9 %), а граждан – трудность имеющейся информации для понимания (21,0 %). Во-вторых, что отрадно, респонденты обеих выборок не относят к числу трудностей дороговизну информации. В-третьих, еще одно ключевое различие двух выборок состоит в разной оценке интернет-ресурсов. Граждане не относят их к проблемам, а предприниматели поставили ее на третье место по важности. Причина тому

Таблица 4.4.1

Частоты выбора ответов (в процентах от числа отвечавших) респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей на вопрос 16 анкеты «С какими сложностями Вы сталкиваетесь при поиске информации о работе судов?» (возможно два ответа). Ответы упорядочены по убыванию частоты выбора ответа респондентами-предпринимателями

Варианты ответов	Граждане	Бизнес
Интересующая информация недоступна широкой аудитории	16,5	27,9
Информации слишком много, трудно найти необходимую	17,6	21,8
На сайтах судов мало интересующей информации	4,2	19,3
Затрудняюсь ответить	11,3	18,5
Сложно разобраться в источниках информации	17,1	18,3
Информация сложна для понимания	21,0	10,8
Дорого стоит доступ к источникам информации	5,0	1,0

вполне ясна: предприниматели пользуются интернетом много чаще и, главным образом, в практических целях. Их оценка требует к себе внимательного отношения.

Вполне естественно, что оценка доступа к информации о судах корреспондируется с другими аспектами потребления этой информации. Чем больше интерес граждан к информации, тем положительнее они оценивают доступ к ней. Те, чей интерес к информации мотивирован профессиональной деятельностью или учебой, чаще оценивают доступ к информации как довольно легкий. Для тех, кому информация о судах может пригодиться на будущее, ближе оценки «Бывают трудности...» (5,0) или «Довольно трудно найти эту информацию...» (5,2). Вполне естественно, что респонденты-граждане, предпочитающие профессиональные источники информации, также склоняются к оценке доступности «Довольно легко» (4,6). А вот для выборки предпринимателей подобные зависимости не зафиксированы.

Также наличествует взаимосвязь между выбором ответов на вопрос 16 «С какими сложностями Вы сталкиваетесь при поиске информации о работе судов?» и оценкой степени доступности информации о работе судов. Рассмотрим сначала результаты анализа сопряженностей на данных выборки граждан. Здесь респонденты, отвечая на вопрос 15, указывали на небольшие затруднения («Бывают трудности, не всегда могу найти эту информацию»), чаще называли в качестве препятствий следующие: «Сложно разобраться в источниках информации» (5,2); «Информация сложна для понимания» (5,2); «Информации слишком много, трудно найти необходимую» (6,7). Респонденты, сталкивающиеся с более значительными трудностями («Довольно трудно найти эту информацию, проблемы с доступом к источникам, не всегда знаю, какие это источники»), указывают на два из трех перечисленных выше препятствий: «Сложно разобраться в источниках информации» (5,7); «Информация сложна для понимания» (7,1). В случае выборки предпринимателей обнаружена одна единственная взаимосвязь, содержательно и статистически не очень существенная.

Теперь обратимся снова к технике социальных портретов и попробуем набросать их для групп респондентов, по-разному оценивающих степень доступности информации о работе судов.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что в группах респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей, оценивших позитивно (1-й вариант ответа) доступ к информации о работе судов, выше, чем в других группах, представлены юристы. Удивительно другое: ведь это представительство могло бы быть существенно больше. Интересно в портретах из таблицы 4.4.2 и еще одно обстоятельство: обе группы, выбравших отрицательную оценку доступности информации о судах (4-й ответ), низко оценивают качество правосудия. Что бы мы ни думали о возможных направлениях причинной статистической связи, трудно усомниться в том, что среди наличествующих здесь потоках причин и следствий имеется и такое: затруднения в доступе к информации о судах снижают их оценку клиентами. У граждан к этому добавляется и нежелание иметь дело с судебной властью. И напротив, представление о доступности информации о работе судов сопрягается с высокой моральной готовностью обращаться в суд. Практический вывод напрашивается сам собой: положительной оценке качества правосудия и росту готовности обращаться в суд будет способствовать высокое насыщение информацией о работе судов, облегчение доступа к ней.

Таблица 4.4.2

Социальные портреты групп респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей, выбравших различные полярные варианты ответа на вопрос 15 анкеты «Насколько для Вас трудно найти нужную информацию о работе судов?» В скобках приведены значения приведенных стандартизированных остатков

Граждане	**Предприниматели**
1. Довольно легко, всегда знаю, где найти эту информацию	
Жители Центрального ФО (5,3); имеют юридическое образование (5,0); высокая моральная готовность обращаться в суд (4,5); высокий социальный интеллект (3,5).	Имеют юридическое образование (4,6); являются практикующими юристами (4,6).
4. Очень трудно найти эту информацию, нет доступа к источникам	
Жители Сибирского ФО (4,1); не намерены в будущем обращаться в суд (3,5); низко оценивают качество правосудия (3,2).	Прибегают к активным методам для защиты своих интересов (3,1); низко оценивают качество правосудия (3,1).

Наконец, рассмотрим, каковы корреляты указаний респондентов на конкретные сложности, возникающие при поиске информации о работе судов и работе с этой информацией. Анализ сопряженностей не выявил здесь многочисленных зависимостей. Но те, что установлены, вполне осмысленны. Сначала проанализируем сопряженности, полученные для выборки граждан. Характерно, что респонденты с неоднократным опытом участия в судебных процессах чаще других жалуются на то, что интересующая их информация недоступна широкой аудитории (4,1). Это вполне естественно. Ведь чем выше активность взаимодействия с судами, тем шире потребности в информации о судах. Те выше шанс, что клиенты судебной власти захватывают ту информацию, которая еще не представлена в широком и удобном доступе. Далее, выявлена сопряженность (3,5) между препятствием 3 «Сложно разобраться в источниках информации»

и практикой обращения в юридические консультации при защите своих прав. К этой взаимосвязи примыкает другая. Оценка 4 «Информация сложна для понимания» сопрягается с практикой обращения к родственникам или друзьям при защите своих прав (4,1). Напрашивается вывод, который может претендовать на статус гипотезы. Юридические консультации дают конечные решения, но не помогают в формировании понимания, что люди компенсируют в сфере обыденной коммуникации. Коль скоро это верно, то можно сформулировать еще одну практическую рекомендацию: комфортная информационная среда, которая должна формироваться судебной властью для клиентов, должна ориентироваться не только на информирование, но и на понимание.

По результатам анализа сопряженностей данных выборки предпринимателей выявилась совершенно иная картина. Здесь наиболее прописанный социальный портрет получен для респондентов, которые в качестве препятствия выбрали ответ 1 на вопрос 16: «На сайтах судов мало интересующей информации». Напомним, что это препятствие занимает у предпринимателей почетное третье место и на него указали почти 20% респондентов. Рассмотрим теперь социальный портрет данной группы. Здесь, прежде всего, руководители собственники предприятий с численностью работающих от 250 до 1000 человек (3,6); относят себя к среднему бизнесу (3,3). Они имеют опыт участия в судебных процессах по защите интересов своего бизнеса (4,9). Имеют юридическое образование (7,2); являются практикующими юристами (7,9). В этой группе смесь тех, кто чаще других решает в судах проблемы взаимоотношений в среде бизнеса (4,0), и тех, кто избегает решать эти проблемы (3,3), как и проблемы договорных отношений (3,4). В этой группе повышено представительство респондентов нижней возрастной страты от 20 до 30 лет (3,4). Последнее не случайно, поскольку именно данная категория чаще пользуется интернетом и имеет высокие стандарты требований к соответствующим информационным ресурсам.

Еще одну группу респондентов-предпринимателей со слегка прорезающимися собственными чертами образуют те, кто выбрал при ответе на вопрос 16 ответ 2 «Интересующая информация недоступна широкой аудитории». В этой группе повышена доля респондентов, чаще других практикующих активные методы при защите интересов собственного бизнеса (3,8) и решающих в судах проблемы договорных отношений (3,0).

4.5. Структура интереса

«На десерт» оставлен весьма любопытный сюжет о том, что же именно интересует клиентов, взыскующих информации о работе судов. Для этого в анкете задавался вопрос 17 с неограниченным выбором ответов «Что Вас интересует в той информации о работе судов, которую Вы ищете». В таблице 4.5.1 сравниваются частоты ответов на этот вопрос респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей.

Мы видим, что ранжировки частот ответа для выборок граждан и предпринимателей похожи в общих чертах; коэффициент ранговой корреляции Спирмена между ними равен 0,733. Это соответствует трехпроцентному доверительному уровню. Частоты ответов предпринимателей в среднем почти в полтора раза выше, что свидетельствует о более активном выборе ответов. Вместе с тем, имеются отдельные различия. Граждане на первое место ставят ответ 1 «Общая информация о работе судов», а предприниматели отводят ему лишь четвертое место. В отношении ответа 9 «Описания различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов» ранги меняются местами. Отдельно надо отметить интересный факт – процессуальный аспект процесса (ответ 5) интересует и граждан, и предпринимателей гораздо меньше, чем наказания и санкции за те или иные нарушения и преступления (ответ 5). Последняя сфера интереса делит второе-третье места в обеих выборках с ответом 6 – «Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация».

Рассмотрим, как связан выбор ответов на вопрос 17 с другими аспектами потребления информации о работе судов. Соответствующие результаты анализа таблиц сопряженности представлены ниже в таблицах 4.5.2 и 4.5.3. В этих таблицах приняты следующие обозначения для столбцов таблицы:

- вариант ответов на вопрос 12 об интересе к информации о работе судов 12.1 «Очень интересуюсь»;
- варианты ответов на вопрос 13 о причинах интереса к информации о судах:

13.1 «Моя профессиональная деятельность»,
13.2 «Моей учебой, для которой необходимы знания о судах»,
13.3 «Эта информация может пригодиться мне при обращении в суд»,

Таблица 4.5.1

Частоты выбора ответов (в процентах от числа выбравших хотя бы один ответ) на вопрос 17 анкеты «Что Вас интересует в той информации о работе судов, которую Вы ищете?» (допускается любое число ответов) для выборок граждан и предпринимателей. Приведены ранги частот; чем выше частота, тем ниже ранг

№	Варианты ответа	Граждане		Бизнес	
		%	Ранг	%	Ранг
1	Общая информация о работе судов	37,4	1	32,5	4
2	Информация о порядке работы конкретного суда	8,4	9	23,8	6
3	Формы заполнения документов, необходимых для обращения в суд	23,8	5	31,5	5
4	Законы и кодексы, определяющие наказания, санкции, возмещение ущерба (вреда)	29,8	3	37,1	2
5	Процессуальные кодексы, регламентирующие порядок рассмотрения дел в судах	8,5	7	17,2	8
6	Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация	31,2	2	36,4	3
7	Рекомендации по подготовке к судебным процессам	10,1	6	19,9	7
8	Рекомендации по поведению на судебных процессах	8,5	8	15,2	9
9	Описания различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов	25,4	4	38,7	1

Таблица 4.5.2

Результаты анализа сопряженностей между ответами на вопрос 17 анкеты «Что Вас интересует в той информации о работе судов, которую Вы ищете?» (строки таблицы) и ответами на предшествующие вопросы о потреблении информации о работе судов (столбцы, обозначения расшифрованы на предыдущей странице) по данным выборки граждан. В клетках таблицы – приведенные стандартизированные остатки

Ответы на вопрос 17	13.2	13.3	13.4	проф.	любит.	15.1	15.2	15.3	16.2	16.3	16.4	16.5
1. Общая информация о работе судов						5,0						
2. Информация о порядке работы конкретного суда	3,8	3,7						3,1	3,5			
3. Формы заполнения документов, необходимых для обращения в суд		8,4			3,4		3,8	4,8		3,2	6,3	
4. Законы и кодексы, определяющие наказания, санкции, возмещение ущерба (вреда)		4,7					3,2					
5. Процессуальные кодексы, регламентирующие порядок рассмотрения дел в судах		4,2		3,5					3,5			3,3
6. Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация					3,1		3,0					
8. Рекомендации по подготовке к судебным процессам		3,3		5,1			3,2					3,6
9. Рекомендации по поведению на судебных процессах							3,4					5,0

Таблица 4.5.3

Результаты анализа сопряженностей между ответами на вопрос 17 анкеты «Что Вас интересует в той информации о работе судов, которую Вы ищете?» (строки таблицы) и ответами на предшествующие вопросы о потреблении информации о работе судов (столбцы, обозначения расшифрованы на предыдущей странице) по данным выборки предпринимателей. В клетках таблицы – приведенные стандартизированные остатки

Ответы на вопрос 17	12.1	13.1	13.3	13.4	проф.	любит.	16.1	16.3
1. Общая информация о работе судов			3,0			3,4		
2. Информация о порядке работы конкретного суда	3,3	3,7			4,4		3,1	
3. Формы заполнения документов, необходимых для обращения в суд			3,7					
4. Законы и кодексы, определяющие наказания, санкции, возмещение ущерба (вреда)						3,0		3,5
6. Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация				3,8				2,8
9. Описания различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов	4,6	4,4				5,8	2,8	

13.4 «Привлекают острые материалы СМИ»;

• классы типологии «Предпочитаемый тип информации о судах»:
«проф.» – профессиональные источники
«любит.» – любительские источники;

• варианты ответа на вопрос 15 о степени трудности поиска информации:

15.1 «Довольно легко, всегда знаю, где найти эту информацию»,

15.2 «Бывают трудности, не всегда могу найти эту информацию»,

15.3 «Довольно трудно найти эту информацию, проблемы с доступом к источникам, не всегда знаю, какие это источники»;

• варианты ответа на вопрос 16 о степени трудности поиска информации:

16.1 «На сайтах судов мало интересующей информации»,

16.2 «Интересующая информация недоступна широкой аудитории»,

16.3 «Сложно разобраться в источниках информации»,

16.4 «Информация сложна для понимания»,

16.5 «Информации слишком много, трудно найти необходимую».

В таблицах 4.5.2 и 4.5.3 заполнены лишь те клетки, которым соответствуют взаимосвязи с высоким уровнем значимости. Соответственно, в обеих таблицах имеются только столбцы и строки, содержащие минимум одну заполненную клетку. В связи с этим сразу обратим внимание на то, что, по данным выборки граждан, отсутствует взаимосвязь между интенсивностью интереса к информации о работе судов и объектами этого интереса. А в случае выборки предпринимателей выбор объектов интереса не взаимосвязан со степенью доступности соответствующей информации.

Данные таблиц позволяют выявить узлы (пучки) взаимосвязей между точками интереса в информации о работе судов и другими характеристиками потребления этой информации. Посмотрим сначала на таблицу 4.5.2. Мы видим в ней два наиболее наполненных столбца. Они указывают на свойства потребления информации, которые в наибольшей степени определяют сферы интереса к информации о судах. В данном случае это оказывается, во-первых, столбец 13.3 – мотив «Эта информация может пригодиться мне при обращении в суд».

В максимальной степени этот мотив взаимосвязан с таким объектом интереса, как «Формы заполнения документов, необходимых для обращения в суд». Второй такой узел представлен столбцом 15.2. Это одна из оценок степени доступности информации о судах «Бывают трудности, не всегда могу найти эту информацию».

Анализируя таблицу 4.5.2 по строкам, мы можем составить представления об «информационном профиле» различных сфер интереса граждан. Например, процессуальные кодексы (строка 5) чаще являются предметом интереса «впрок»; востребуются теми, кто преимущественно пользуется профессиональными источниками информации; часть респондентов полагает, что эта информация недоступна широкой публике, а для других затруднен ее поиск среди обилия прочей информации.

Если обратиться к таблице 4.5.3, то легко убедиться, что здесь взаимосвязи и меньше, и скуднее. Обращаясь к столбцам таблицы, мы можем увидеть, к примеру, что предприниматели, прибегающие преимущественно к любительским источникам информации, интересуются общей информацией о работе судов, законами и кодексами, определяющими наказания, санкции, возмещение ущерба (вреда), но более всего – писаниями различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов.

Теперь перейдем к составлению социальных портретов групп респондентов, интересующихся различными сферами, которые описываются информацией о работе судов. Мы сосредоточимся на анализе четырех наиболее популярных в обеих выборках ответов на вопрос 17, которые одновременно представляют разные типы интереса к информации о работе судов, что подтверждается результатами кластерного анализа. Это ответы 1, 4, 6 и 9. Сведем немногочисленные результаты анализа таблиц сопряженности в одну таблицу 4.5.4.

Мы видим из данных таблицы, что взаимосвязи между различными сферами интереса к информации о работе судов и всевозможными переменными, описывающими в нашем исследовании поле права, немногочисленны и невелики. Нередко фиксация этих взаимосвязей в пределах установленной нами зоны доверительности представляются случайными. Однако есть и вполне логичные взаимосвязи. К примеру, клиенты граждане, практикующие обращение в юридические консультации одновременно ищут консультационную информацию сами. Не менее логично, что законы и кодексы интересуют тех, кто уже вовлечен в практику взаимодействия

Таблица 4.5.4

Социальные портреты групп респондентов-граждан и респондентов-предпринимателей, выбравших различные полярные варианты ответа на вопрос 17 анкеты «Что Вас интересует в той информации о работе судов, которую Вы ищете?». В скобках приведены значения приведенных стандартизированных остатков

Граждане	Предприниматели
1. Общая информация о работе судов	
Жители небольших городков с населением менее 20 тыс. человек (3,1) или деревень (5,5); высокий уровень поддержки независимости судебной власти (3,3).	*Нет специфических черт*
4. Законы и кодексы, определяющие наказания, санкции, возмещение ущерба	
Относят себя к группе, имеющих возможность приобретать вещи длительного пользования (3,6); попадали в ситуацию, которая могла быть разрешена в суде (3,3); при защите своих прав практикуют обращаться в прокуратуру (3,6); умеренная моральная готовность обращаться в суд (3,2); высокое законопослушание (4,4).	Практикующие юристы (3,2); акционеры частного бизнеса (3,1); предпочитают легальные методы для решения проблем своего бизнеса (2,9).
6. Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация	
Жители Северо-Западного ФО (3,0); при защите своих прав практикуют обращаться в юридическую консультацию (2,9).	*Нет специфических черт*
9. Описания различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов	
Жители Санкт-Петербурга (3,5).	Женщины (3,7); имеют юридическое образование (4,7); являются практикующими юристами (4,7); число работающих – от 250 до 1000 человек (3,5); участвовали в судебных разбирательствах по делам своего бизнеса (3,6).

с судами. Примечательно также, что предприниматели, имеющие опыт взаимодействия с судами и чьи профессиональные интересы связаны с такими взаимодействиями, интересуются описанием конкретных дел. Кстати, этот факт корреспондируется с данными таблицы 4.5.3.

В целом есть определенные основания для вывода о том, что структура сфер интересов относительно информации о работе судов пока находится в стадии становления, что и отражается в небогатой и не интенсивной сети взаимосвязей с переменными, характеризующими поле права.

Глава 5
Готовность обращаться в суд

Важный аспект функционирования судебной власти – готовность (и неготовность) граждан и предпринимателей по собственной инициативе прибегать к услугам этого важнейшего института обеспечения справедливости в обществе. Он важен, поскольку, по нашему мнению, является серьезным индикатором и функционирования судебной власти, и отношения к ней. Поэтому в данном исследовании этот аспект правосудия анализируется с двух точек зрения. Первая – диспозиционная. Под ней понимается моральная (априорная) готовность прибегать к этому институту защиты. Вторая – практическая (апостериорная). Здесь готовность прибегать к судебной защите проверяется на фиксируемой в анкете личной практике респондентов. Мы изучаем оба аспекта по отдельности и, конечно, устанавливаем ожидаемую связь между ними. Напоминаем, что второго (практического) аспекта мы впервые коснулись в Главе 3 настоящей части.

5.1. Уровень моральной готовности граждан обращаться в суд

Для изучения моральной готовности прибегать к судебной защите в анкету граждан была включена серия из четырех пар вопросов (с 26-го по 33-й)[6] (в анкете предпринимателей подобного блока вопросов не было). Каждая пара вопросов предлагала респондентам некоторую гипотетическую ситуацию ущемления конкретных прав граждан. Респонденту предлагалось ответить, готов ли он обратиться

[6] Эти вопросы, как и весь блок вместе с его идеей, были разработаны М.А. Красновым.

Таблица 5.1.1

Описание предлагавшихся респондентам ситуаций

№	Ситуация
1	Вам на работе объявили выговор, который Вы считаете незаконным
2	Директор средней школы отказал в поступлении Вашего ребенка в школу вашего микрорайона. Вы обратились в городской (районный) отдел образования, но также получили отказ
3	Законодательный орган вашего региона принял закон, разрешающий жилищно-коммунальным службам поддерживать зимой температуру в жилых домах не ниже 14 градусов, что существенно ниже прежнего уровня
4	Правительство России издало постановление, ущемляющее Ваши жилищные права

в суд соответствующего уровня, адекватного данной ситуации, чтобы восстановить ущемленные права. Для тех, кто ответил отрицательно, второй вопрос предлагал респондентам указать, какой метод внесудебной защиты они бы выбрали. Тут, конечно, хотелось бы, чтобы для всех ситуаций список возможных ответов был един. Но, к сожалению, это невозможно из-за различия ситуаций. Поэтому некоторые различия были неизбежны. Список ситуаций приведен в следующей таблице. Они описаны с помощью цитирования соответствующих вопросов.

Сначала мы разберемся отдельно с готовностью (неготовностью) обращаться в суд, а потом займемся способами решать свои проблемы без суда. Начнем с того, что посмотрим на частоты выбора ответов на вопросы о готовности обратиться в суд в каждой из перечисленных ситуаций. У респондентов были возможности выбирать между тремя ответами: «Да», «Нет» и «Затрудняюсь ответить». Частоты ответов сведены ниже в таблице 5.1.2.

Первое, что бросается в глаза, это рост готовности обратиться в суд по мере роста номера ситуации. Понятно, что от ситуации к ситуации у нас растет уровень суда, который должен рассматривать действия должностных лиц, ущемивших права граждан. Возможно, что это означает и рост неких параметров ущемления права – острота ущемления, трудность «найти управу» и т.п. Это предстоит выяснить ниже.

А сейчас интересно проверить, насколько искренни ответы граждан. Ведь мы видим, что частота положительного ответа довольно велика – в среднем порядка 35%. Подсчитаем сначала для каждого респондента число случаев выбора ответа «Да» по всем четырем ситуациям. Результаты расчетов – частоты выбора разного числа положительных ответов – представлены на следующей диаграмме.

Главное, что нам нужно сейчас из результатов этих незамысловатых расчетов, – доля респондентов, ни разу не выразивших готовность обратиться в суд. Мы вправе, с некоторой степенью приближения, толковать эту частоту как оценку доли людей, которые ни при каких условиях не станут обращаться в суд[7]. Стало быть, таких, как видим, чуть более 40%. Именно эту величину мы и будем сейчас верифицировать. Для этого в анкете есть вопрос 40 «Скажите, пожалуйста, была ли у Вас когда-нибудь в жизни ситуация, которая могла быть разрешена в суде? Эта ситуация могла быть связана с любой сферой Вашей жизни. В этой ситуации Вы могли обратиться в суд, а могли и не делать этого». (Положительный ответ дали 28,1%.) А вслед ему идет вопрос 43 «Скажите, пожалуйста, Вы обратились в суд для решения этой проблемы?». И вот тут мы обнаруживаем, что 37,6% респондентов, оказавшихся перед необходимостью судебной защиты своих прав, не идут в суд. А тут еще и 2,5% воздержавшихся частично увеличивают эту долю и приближают ее к 40%. В итоге, получаем, что в случае возникновения каких-либо проблем около 40% граждан обращаться в суд не решились, и эта величина статистически неразличима от доли людей, ни разу не давших ответа «Да», реагируя на предложенные в анкете ситуации. Следовательно, мы получили подтверждение возможности доверять полученным данным.

Теперь воспользуемся только что описанными расчетами и построим новую переменную, которая делит всех респондентов на три группы: первая – те, кто ни разу не выбрал ответа «Да»; вторая – те, кто выбрал 1 или 2 ответа; третья – те, кто выбрал 3 или 4 ответа. Эти три группы мы будем именовать, соответственно, следующим образом: «отсутствие готовности», «умеренная готовность», «высокая готовность. Используя переменную, которую будем называть «Готовность

[7] Эту долю можно рассматривать как косвенный, но, надо полагать, довольно надежный измеритель доверия различных социальных групп к суду. Недостаток такого индикатора в том, что он неприменим (в силу «грубости») к отдельному человеку. Но зато вполне применим к социальным группам, и в этом смысле это действительно чисто социологический показатель.

Таблица 5.1.2

Частоты (в процентах) выбора ответов на вопросы о готовности обратиться в суд в каждой из ситуации (столбцы таблицы), представленной в таблице 5.1.1

Ответ	Номер ситуации			
	1	2	3	4
Да	20,0	35,1	39,6	44,2
Нет	64,9	52,0	44,8	37,7
Затрудняюсь ответить	15,1	12,9	15,6	18,1

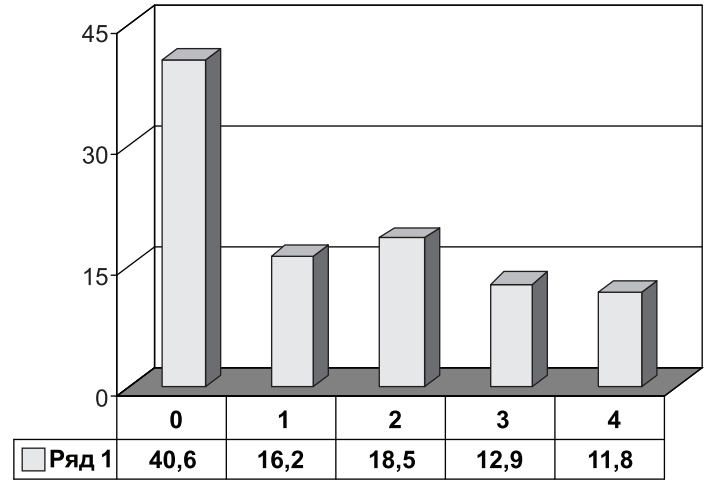


Рисунок 5.1.1. Доля (в процентах) респондентов в выборке граждан, выбравших различное число ответов «Да» по всем четырем вопросам о готовности восстановить свои права в суде в различных ситуациях

к обращению в суд», составим описание этих трех различных групп с помощью техники социального портрета. Эти описания сосредоточены в двух таблицах, первая из которых содержит портреты в терминах позиционных переменных (с добавлением социального интеллекта), а вторая – диспозиционных.

Таблица 5.1.3

Социальные портреты трех групп респондентов, выбравших различное число ответов «Да» в четырех вопросах о готовности обратиться в суд для защиты своих прав. Использованы позиционные переменные. (В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков)

Отсутствие готовности	Умеренная готовность	Высокая готовность
Живут в городке 50–100 тыс. жителей (3,7); работают в бюджетной организации (3,1); совершенно не интересуются информацией о работе судов (5,5); их права и свободы никто не нарушает (4,5); при защите своих прав не обращаются в суд (9,9), но обращаются к «авторитетным людям» (3,4) либо справляются с проблемой сами (3,9) или терпят (3,1); ни разу не были участниками судебного разбирательства (6,8); низкий социальный интеллект (9,3).	Москвичи (4,0); живут в мегаполисе (4,3) или городе 250–500 тыс. жителей (3,4); при защите своих прав обращаются в юридическую консультацию (4,6), или в суд (3,1), или в милицию (2,9); один раз были участниками судебного разбирательства (2,8).	Живут в городе 100–250 тыс. жителей (6,1); при защите своих прав обращаются к адвокату (2,9), или в суд (7,8), или в милицию (4,9); или в прокуратуру (5,4); или к правозащитникам (2,8); неоднократно были участниками судебного разбирательства (4,7); высокий социальный интеллект (6,0).

Основные выводы, которые можно сделать, рассматривая портреты из таблицы 5.1.3, таковы. Во-первых, бросается в глаза богатство красок. Во-вторых, весьма богат подбор красок из той части палитры, которая связана с описанием практики взаимодействия респондентов с судом. В-третьих, отчетливо видно, что портреты первой и третьей групп напоминают, за исключением редких деталей, негатив и позитив одного и того же фотопортрета. Вторая группа располагается аккуратно между первой и третьей.

Если всмотреться в детали, то можно увидеть немало интересного. Пожалуй, самым важным следует признать установление весьма высокой зависимости между готовностью обращения в суд и опытом взаимодействия с судом (доверительная вероятность равна 3,18E-12). Форма этой зависимости представлена на диаграмме рисунка 5.1.2.

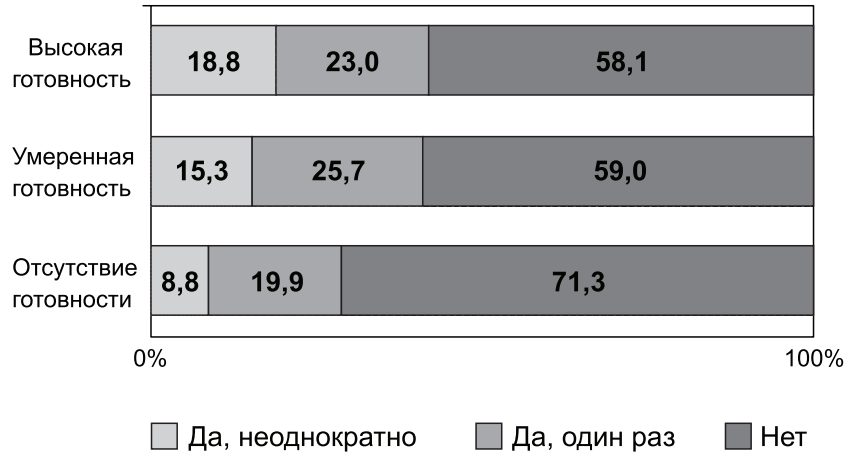


Рисунок 5.1.2. Частоты (в процентах) респондентов-граждан, выбравших разные ответы на вопрос 34 анкеты «Были ли Вы когда-либо участником судебного разбирательства? (в любом качестве, даже просто зрителя)» внутри групп респондентов с разным уровнем готовности обратиться в суд для защиты своих интересов

Мы видим, что готовность обращаться в суд сопряжена с наличием опыта общения с судом: рост опыта корреспондируется с ростом моральной готовности. В связи с этим встает вопрос о наличии причинной статистической связи. Попытки выявить направление зависимости методом частных корреляций и с привлечением дополнительных переменных не дали результатов. Видимо, взаимосвязь здесь обоюдная, что вполне естественно, и состоит из пучков разнонаправленных причинных связей, прямых и опосредованных.

Еще одна небезынтересная деталь приведенных в таблице 5.1.3 портретов это наличие осмысленной зависимости между готовностью обращаться в суд и ответами на вопрос 25 о привычных методах защиты своих интересов. Эта связь очевидна, но она важна как подтверждение консистентности ответов респондентов, которая, в свою очередь, подтверждает наличие такого объекта, как правовое сознание.

Теперь обращаемся к анализу сопряженностей между готовностью обращаться в суд и диспозициями респондентов. Результаты этого анализа представлены в таблице 5.1.4.

Таблица 5.1.4

Социальные портреты трех групп респондентов, выбравших различное число ответов «Да» в четырех вопросах о готовности обратиться в суд для защиты своих прав. Использованы диспозиционные переменные. (В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков)

Отсутствие готовности	Умеренная готовность	Высокая готовность
Низко оценивают качество правосудия (3,6); тип института, пользующийся доверием, – СМИ (4,2).	Суд присяжных нужно вводить осторожно (3,9); тип института, пользующийся доверием, – НГО (2,7); высокая нетерпимость к нарушению законов (3,1).	Вполне можно жить, не нарушая законы (3,6); суды в России, скорее, независимы от руководства страны (3,1); в России все равны перед судом (3,4); полностью доверяют суду (5,2); суд присяжных очень нужен (4,2); мировые судьи должны назначаться законодательными органами; суды должны быть подконтрольны руководству страны (3,8); поддерживают позитивистскую концепцию права (3,4),

Прежде чем комментировать содержимое таблицы 5.1.4, отметим то, что в ней не отражено непосредственно. Заметим, что таблица не содержит упоминания обо всех остатках с высокими по абсолютной величине отрицательными значениями. Если бы они были приведены, то мы бы увидели воспроизведение того же эффекта, что был зафиксирован при анализе позиционных переменных. Это эффект негативного и позитивного изображений. Он проявился бы в том, что в тех случаях, когда для группы с высокой готовностью мы наблюдаем большое положительное значение остатка по некоторому ответу на вопрос, по тому же ответу у группы «отсутствие готовности» фиксируется большое отрицательное значение. Особенно это проявляется в вопросах, относящихся к суждениям о должном. И еще один интересный эффект наблюдается в противопоставлении позитивного

и негативного изображения первой и третьей групп. Очень часто линия, отделяющая негатив от позитива выстраивается не за счет выбора противоположных вариантов ответа, а за счет одного из ответов, который с повышенной частотой выбирается в одной группе и с пониженной – в другой. Например, когда респонденты оценивали высказывания о судах в вопросе 2, где они могут выбирать между тремя вариантами ответов: «Согласен», «Не согласен» и «Затрудняюсь ответить», наблюдается следующее. Как правило, размежевание реализуется только (реже – преимущественно) по одному варианту ответов. Причем, что любопытно, если высказывания комплиментарны в отношении суда, то размежевание идет по ответу «Согласен», а если высказывание негативно, то по ответу «Не согласен». Подобный эффект наблюдается и в некоторых других вопросах. Возможно, объяснение этому эффекту состоит в том, что в группе «Отсутствие готовности» повышена доля респондентов с низким социальным интеллектом. А это значит, по методу построения этой переменной, респонденты из группы «Отсутствие готовности» чаще прибегают к ответу «Затрудняюсь ответить».

Что касается социальных портретов из таблицы 5.1.4, то главный результат состоит в проявляющемся идеологическом лице группы «Высокая готовность», который в третьей части книги вновь возникнет при исследовании переменных правосознания. Это чуть наивное, слегка ригидное лицо людей, верящих «во все хорошее». Заслуживает упоминания еще один факт, извлекаемый из социального портрета группы «Отсутствие готовности». В этом портрете доверие СМИ сочетается с низкой оценкой правосудия. В сочетании с другими наблюдениями мы можем трактовать данный факт как еще одно подтверждение влияния СМИ на формирование негативного образа правосудия.

Теперь проанализируем сопряженность готовности обращаться в суд в каждой из четырех ситуаций с другими позиционными и диспозиционными переменными. Пожалуй, неудивительно, что в общих чертах общая структура взаимосвязей, выявляющаяся при таком анализе, близка той, что была выявлена выше при анализе сопряженностей с переменной «Готовность к обращению в суд». Но есть интересные отличия и особенности для каждой ситуации.

Прежде вспомним об описанном чуть выше интересном эффекте проявления различий между группами респондентов, не готовых обращаться в суд, и, напротив, в высокой степени готовых обращаться

в суд, который был выявлен при анализе сопряженностей переменной «Готовность к обращению в суд» с оценками суждений о судах. При анализе отдельных ситуаций этот эффект не наблюдался. Напротив, для всех ситуаций и для подавляющего большинства суждений различия между группами ответивших «Согласен» и «Не согласен» (с суждениями) выглядели вполне импозантно и традиционно. Если для одной группы были велики положительные значения остатков при ответе «Согласен», то для другой были велики положительные значения остатков при ответе «Не согласен» (и наоборот). Это опровергает выдвинутую выше гипотезу о том, что упомянутый эффект объясняется наличием ответа «Затрудняюсь ответить», что заставляет думать о поисках альтернативного объяснения.

Теперь перейдем к описанию интересной закономерности, выявляемой при совместном изучении результатов анализа сопряженностей для всех четырех ситуаций. Все они, что неудивительно в силу общего определяющего контекста принятия решения об обращении в суд, имеют в своих социальных портретах некоторые общие признаки, но проявляемые в большей или меньшей степени. В некоторых случаях эти различия образуют определенную монотонную, что важно, тенденцию. Давайте посмотрим на диаграмму рисунка 5.1.3. На нем степень взаимосвязи представлена значениями приведенных стандартизированных остатков, которые характеризуют степень локальной сопряженности не между переменными в целом, а между значениями переменных, сопряженность между которыми анализируется.

Диаграмма рисунка 5.1.3 демонстрирует три зависимости, монотонные номеру ситуации. Мы видим, что с ростом номера растут также значения остатков, например, для социального интеллекта. Это означает, что чем больше номер ситуации, тем больше шанс того, что среди респондентов, готовых в такой ситуации прибегнуть к судебной защите, окажутся носители высокого социального интеллекта. Это можно выразить и по-другому: чем больше номер ситуации, тем важнее наличие высокого социального интеллекта для приятия решения обращаться в суд. Такая формулировка удобна для описания ситуации, но представляет собой некоторую вольность, ибо может быть интерпретирована как наличие причинной связи для конкретного человека: чем выше у человека социальный интеллект, тем больше шансов, что он примет решение обращаться в суд. А это будет уже подменой: мы изучаем не психологию принятия решений, а явления социальные. Кроме того, возможно, что наблюдаемый нами рост

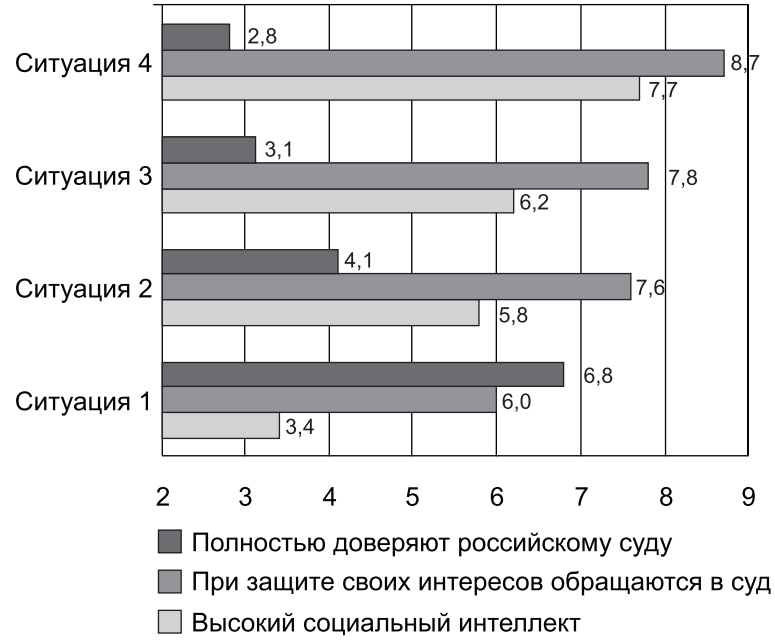


Рисунок 5.1.3. Значения приведенных стандартизированных остатков как измерителей локальной сопряженности между выбором ответа «Да» на вопросы о готовности обратиться в суд в каждой из четырех анализируемых ситуаций и значением переменной «Социальный интеллект» и ответами на вопросы о степени доверия суду и о практикуемых методах защиты своих интересов

социального интеллекта есть обстоятельство, сопутствующее росту другого важного, но неучтенного нами фактора. Но это отступление, что называется – a propo, лишь для ограничения вольности в интерпретациях. В указанном только что смысле мы видим, кроме того, что с ростом номера ситуации растет также важность наличия практики прибегать к суду при защите своих интересов, но одновременно падает важность полного доверия судебной власти.

Отдельного комментария требует взаимосвязь с социальным интеллектом. Начнем с того что рост взаимосвязи с наличием высокого социального интеллекта подтверждается появлением в социальных

портретах взаимосвязей с практиками, конституирующими социальный интеллект. И, что интересно, при этом в таблице 5.1.2 отсутствует подобная монотонная зависимость между номером ситуации и процентом выбравших ответ «Затрудняюсь ответить». Последнее важно, ибо подчеркивает, что мы не имеем дело с артефактом, вызванным способом подсчета величины «Социальный интеллект». Вернемся к конституирующим практикам. В ситуации 1, помимо высокого социального интеллекта, в портрете группы респондентов, выбравших ответ «Да», появляется признак: очень интересуется информацией о работе судов (3,8). Правда, в ситуации 2 эта черта несколько смазывается; сопутствующим признаком становится другой: в некоторой степени интересуются информацией о работе судов (3,2). Но уже в ситуации 4 последний признак дополняется еще одним: пользуется профессиональными источниками о работе судов (3,0). Появление всех этих признаков практик респондентов говорит нам о том, что участие в зависимостях социального интеллекта не является артефактом.

Скорее всего, зависимости, представленные на рисунке 5.1.3, отражают некоторые различия между ситуациями, которые влияют на принятие решения о готовности прибегнуть к судебной защите. Это должно позволить выявить данные различия. Но мы вернемся к этой задаче позже, когда проанализируем различия в способах внесудебного решения проблем в каждой из ситуаций. Ведь такие различия наверняка дополнят те, которые мы выявили сейчас.

Посмотрим еще на одно важное различие между ситуациями – это взаимосвязь с переменными правосознания, которая различна от ситуации к ситуации. Кроме того, мы увидим различия во взаимосвязях между группами респондентов, готовых и неготовых идти в суд в каждой из ситуаций. Это выстраивает мостик к следующему фрагменту, где мы сосредоточимся на тех, кто отказывается идти в суд. К пяти основным переменным, с помощью которых мы описывали правосознание, добавим доверие суду и качество оценки правосудия.

Первый контрастный факт, который обнаруживается при данном анализе, таков. Переменные блока правосознания тесно связаны с неготовностью обращаться в суд, но слабо связаны с выбором ответа «Да», с готовностью обращаться в суд. Опишем сначала структуру этой слабой зависимости для последнего случая. Все, что можно зафиксировать, легко перечислимо. Во-первых, полностью (для всех ситуаций) отсутствует связь для трех переменных: «Поддержка независимости судебной власти», «Законопослушание» и «Нетерпимость к нарушению

законов». Во-вторых, поддержка позитивистской концепции права показала наличие зависимости в ситуации 1 (остаток равен 3,1), а в ситуации 2 прорезалась несколько повышенная концентрация противников независимости судебных решений (3,5). Связь с высокой оценкой качества правосудия обнаружилась в ситуациях 2 (3,1) и 3 (3,0). Наконец, в-четвертых, наличие в данной группе полного доверия правосудию проявило зависимость, как мы видели на диаграмме рисунка 5.1.3, во всех четырех ситуациях. Причем по мере роста номера ситуации концентрация полностью доверяющих падает. Итак, мы можем констатировать, что правосознание на решение защитить свои нарушенные права не влияет. Иными словами: группа респондентов, проявляющих готовность защищать свои нарушенные права в суде, слабо отличается по особенностям своего правосознания от населения в целом. Единственное отличие – доверие суду, и то не являющееся решающим фактором.

А вот группы респондентов, которые в каждой ситуации не выражают готовности обращаться в суд, обладают конкретными особенностями правосознания, причем выраженными довольно подробно и убедительно. Эти результаты заслуживают полной презентации в таблице 5.1.5. Строки таблицы соответствуют пяти основным и двум вспомогательным переменным правосознания, столбцы – четырем ситуациям. В клетках располагаются значения приведенных стандартизированных остатков. Для первых пяти переменных они всегда соответствуют четвертой квартили переменной.

Итак, мы видим следующую интересную картину. Во-первых, во всех четырех ситуациях проявляется локальная зависимость с диспозициями двух переменных правосознания: высокая поддержка концепции естественного права и оценка качества правосудия как низкая. В таблице 5.1.4 мы видели частичное проявление той же зависимости, а именно – влияние низкой оценки качества правосудия. При отдельном анализе ситуаций добавляется поддержка концепции естественного права. Во-вторых, интересно, что в первой ситуации мы наблюдаем полный набор зависимостей со всеми переменными. Самое главное, что следует констатировать, состоит в следующем: совокупный портрет правосознания групп респондентов, не готовых обращаться в суд в различных ситуациях, весьма привлекателен. И это прискорбно: люди, осмысленно и в определенной степени объективно относящиеся к суду, менее других готовы прибегать к его услугам.

Таблица 5.1.5

Приведенные стандартизированные остатки, характеризующие локальные сопряженности между переменными правосознания и выбором ответов «Нет» в четырех вопросах о готовности обратиться в суд для защиты своих прав. Не заполнены клетки со статистически незначимыми остатками

Переменная правосознания	Ситуация 1	Ситуация 2	Ситуация 3	Ситуация 4
Поддержка независимости судебной власти	4,0	3,1		
Поддержка концепции естественного права	4,3	4,1	3,3	3,9
Законопослушание	3,3	3,4		
Поддержка независимости судебных решений	4,0			2,9
Нетерпимость к нарушению законов	2,8			
Оценка качества правосудия	Низко 4,1	Низко 5,3	Низко 4,4	Низко 4,7
Доверие правосудию	Скорее нет 4,5	Скорее нет 2,8		

В заключение кратко остановимся на результатах анализа позиционных переменных. Главное состоит в том, что не зафиксировано зависимостей с переменными, описывающих индивидуальные свойства респондентов: пол, возраст и т.п. Но оказываются значимы ситуационные переменные. Например, наемные работники частных предприятий не рассчитывают, видимо, выиграть в суде у своих хозяев. Поэтому они в большей концентрации представлены в первой ситуации среди тех, кто не выразил готовности обратиться в суд. Исключением может показаться ситуация 2. Здесь выявилась взаимосвязь с возрастом. Но в данной ситуации – отказ ребенку быть принятым в школу – эта индивидуальная характеристика естественным образом оборачивается ситуативной. В данном случае установленная взаимосвязь довольно экстравагантного вида. Респондентов в возрасте от 18 до 26 лет с большей вероятностью можно обнаружить

среди тех, кто проявил готовность обратиться в суд. Одновременно респонденты старше – в возрасте 37–48 лет – чаще, чем во всей выборке, обнаруживаются среди тех, кто не выразил готовность прибегать к помощи суда. Респонденты из промежуточного возрастного интервала амбивалентны по отношению к решению, предлагаемому вопросом. Такой результат представляется алогичным. Именно поэтому он приводится. Тем не менее, некая объяснительная спекуляция тут возможна. Можно было бы предположить, что относительно молодые люди, для которых ситуация со школой и ребенком может мыслиться только как гипотетическая, готовы защищать интересы ребенка в суде. Те же, для кого по возрасту такая ситуация вполне реальна, не решаются обострять отношения, опасаясь того, что решение конфликта в суде может повредить ребенку. Такое объяснение подтверждается наличием соответствующей ему зависимости между готовностью воспользоваться судом для защиты интересов ребенка и наличием детей. Однако нет оснований утверждать, что это единственное объяснение.

Еще один интересный факт: в случае первых двух ситуаций в группу выразивших согласие входят чаще, чем по выборке в целом, жители городов средних размеров. А в двух последних ситуациях к ним присоединяются жители Москвы и других мегаполисов.

5.2. Выбор гражданами внесудебных методов защиты своих интересов

Теперь мы переходим к анализу ответов респондентов на вопросы 27, 29, 31 и 33, которые задавались респондентам, заявившим об отсутствии готовности искать защиту в суде. Эти вопросы имели единый вид: «А как бы Вы поступили в такой ситуации?», т.е. респондентов спрашивали, какой бы метод решения своей проблемы они выбрали; предполагался единственный ответ. Как упоминалось в начале данной главы, списки ответов несколько отличались, что диктовало различия в ситуациях и, соответственно, возможности адекватных реакций на них. Частоты ответов на эти четыре вопроса приведены в Электронном приложении. Но для дальнейшего анализа будут использоваться сгруппированные ответа, в соответствие с той схемой группировки, которая представлена в следующей таблице.

Таблица 5.2.1

Схема унифицированной перегруппировки ответов на вопросы анкеты граждан 27, 29, 31 и 33. В клетках таблицы приведены номера вопросов, образующих группу. Пустые клетки соответствуют вариантам ответов, отсутствующих в соответствующих вопросах в силу специфики каждой ситуации

Варианты сгруппированных ответов	27	29	31	33
1. Полюбовное соглашение	1	1		
2. Влияние через связи	2	2		
3. Замена	4	3	2	
4. Юридическая помощь	5, 6	4, 5	3, 4	2, 3
5. Общественная поддержка (правозащитники, СМИ, профсоюзы)	7, 11, 21	6, 9	5, 11	4, 10
6. Властная альтернатива	8, 9, 10, 12	7, 8, 10	6, 7, 8, 9, 10, 11	5, 6, 7, 8, 9
7. Массовый протест			12	11
8. Пассивность, терпение	13		1	1
9. Вышестоящее начальство	3			
10. Затрудняюсь ответить	0	0	0	0

Дотошный читатель, заглянув в Приложение, может сверить номера исходных вопросов с номерами в таблице и убедиться в осмысленности введенного группирования вопросов.

Частоты новых группированных вариантов ответа приведены в следующей таблице одновременно для всех ситуаций.

Сначала проанализируем содержимое таблицы 5.2.2. Обратим внимание на рост частоты использования ответа «Затрудняюсь ответить» с номером ситуации. Можно предположить, что это связано с важным различием между четырьмя анализируемыми ситуациями. По мере роста номера ситуации меняются три важных их свойства. Первое – растет степень общности нарушаемых интересов. Выговор на работе касается отдельного работника. Отказ от места в школе

Таблица 5.2.2

Частоты (в процентах) выбора группированных ответов на вопросы анкеты «А как бы Вы поступили в такой ситуации?» для всех четырех ситуаций. Частоты исчисляются от числа граждан, выбравших ответ «Нет» на соответствующие вопросы о готовности обратиться в суд в каждой из ситуаций. Пустые клетки соответствуют вариантам ответов, отсутствующих в соответствующих вопросах в силу специфики каждой ситуации

Варианты ответов	1	2	3	4
1. Полюбовное соглашение	21,6	22,1		
2. Влияние через связи	6,3	13,4		
3. Замена	15,6	46,8	37,2	
4. Юридическая помощь	6,8	4,3	7,6	18,2
5. Общественная поддержка (правозащитники, СМИ, профсоюзы)	1,8	2,1	7,3	11,2
6. Властная альтернатива	1,9	5,3	15,3	15,3
7. Массовый протест			11,4	13,0
8. Пассивность, терпение	23,9		12,3	27,1
9. Вышестоящее начальство	18,1			
10. Затрудняюсь ответить	3,9	6,1	8,9	15,3

связан, например, с дефицитом мест, и это обстоятельство задевает интересы не только человека, «нарвавшегося» на этот отказ, но и других подобных ему родителей. Решение региональных властей, погружающее в холод жителей региона, задевает их всех. А в последней ситуации решение правительства касается всех граждан страны. Наше предположение подтверждается данными из другой строки таблицы, а именно той, которая касается общественной поддержки. Мы видим, как отчетливо растет востребованность общественной поддержки по мере роста номера ситуации. Это представляется вполне естественным: чем выше «охват» ущемления прав, тем больше потребность в координированных усилиях, которые предоставляются институтами гражданского общества. Но тут речь об абстрактной

закономерности. Интересно то, что она проявляется на практике, что может свидетельствовать об общественном осознании этой закономерности через формирование соответствующих потребностей в совместном действии.

Второе свойство – по мере роста номера ситуации растет уровень, на котором должно приниматься судебное решение. В связи с этим может срабатывать другой тип стратегии решения проблем – апелляция к власти. Эта стратегия порождена особенностями патриархального сознания, в котором царит стереотип: чем выше уровень власти, тем больше проблем она может решить и тем надежнее апелляция к ней. Это предположение подтверждается закономерностью, которая в таблице 5.2.2 прослеживается в строке «Властная альтернатива». Мы видим, как растет частота выбора с номером ситуации.

Третье свойство – чем выше уровень властного решения, тем больше сомнение в том, что проблема вообще может быть решена. Видимо, именно это третье обстоятельство порождает выбор ответа «Затрудняюсь ответить» с ростом частоты ответа по мере роста номера ситуации.

Все три примера являют собой картины смеси влияния на реакцию специфики ситуации с наличием возможных постоянно действующих стратегий, которые могут применять респонденты по мере необходимости в разных ситуациях. Однако их существование не очевидно. Разнообразие реакций респондентов на разные ситуации может включать, помимо этого, просто случайный немотивированный выбор. Интересно соотношение между этими различными компонентами в наших данных.

Прежде всего, убедимся в том, что стратегии существуют. Это можно обнаружить предельно просто, осуществив анализ сопряженностей между четырьмя переменными, содержащими сгруппированные ответы на вопросы о способах решения проблем без суда в четырех ситуациях. Наличие постоянных стратегий будет проявляться в высокой сопряженности между этими переменными, т.е. в высокой доле респондентов, выбиравших одинаковые ответы в разных ситуациях. Результаты анализа сопряженностей между четырьмя переменными показаны в следующей таблице, в которой степень сопряженности представлена доверительной вероятностью (вероятностью ошибки при отвержении нулевой гипотезы о независимости между переменными).

Таблица 5.2.3

Результаты анализа сопряженностей между четырьмя переменными, содержащими сгруппированные ответы на вопросы о способах решения проблем без суда в четырех ситуациях. Приведены доверительные вероятности (чем ниже доверительная вероятность, тем выше сопряженность)

	Номер ситуации			
	1	**2**	**3**	**4**
1		9,14E-85	3,30E-30	2,57E-23
2	9,14E-85		1,05E-43	3,00E-21
3	3,30E-30	1,05E-43		3,53E-125
4	2,57E-23	3,00E-21	3,53E-125	

Мы видим по таблице 5.2.3, что сопряженность между переменными предельно высока. И это подтверждает существование искомых стратегий, проявляющееся в выборе одинаковых реакций у части респондентов, доля которых существенно выше ожидаемой при случайном выборе. Интересно, что сопряженность гораздо выше у соседних по номерам пар переменных. Особенно это касается пар: первая и вторая ситуации, третья и четвертая ситуации. Это отражает очевидные контекстные различия между ситуациями. Значит, мы снова наблюдаем смесь из двух типов реакций на ситуации: ситуационная (контекстная) зависимость и ответы, порожденные постоянными стратегиями. И то, и другое свидетельствует о консистентности ответов респондентов.

Прежде чем перейти к описанию групп респондентов, предпочитающих различные способы решения проблем без суда, мы найдем еще одно подтверждение консистентности ответов респондентов. Для этого рассмотрим сопряженность между сгруппированными ответами респондентов для каждой ситуации и ответами респондентов на вопрос 25 анкеты «Как Вы обычно поступаете, когда необходимо защитить Ваши нарушенные права и свободы?» с множественным выбором ответов. Сразу следует подчеркнуть, что данный вопрос касался любых ситуаций, связанных с нарушением прав граждан, а в настоящем разделе мы анализируем только четыре, причем таких, которые

Таблица 5.2.4

Результаты анализа сопряженностей между ответами на вопрос 27 (первый столбец) и ответами на вопрос 25 (второй столбец). Сопряженность измеряется значениями приведенных стандартизированных остатков (третий столбец)

Ответы на вопрос 27	Ответы на вопрос 25	Остаток
4. Юридическая помощь	3. Вы обращаетесь за консультацией к адвокату	5,6
4. Юридическая помощь	4. Вы обращаетесь в юридическую консультацию	7,4
6. Властная альтернатива	6. Вы обращаетесь в прокуратуру	4,4
2. Влияние через связи	12. Вы обращаетесь к авторитетным людям	5,7
8. Пассивность, терпение	14. Вы просто терпите	7,5

встречаются довольно редко. Тем не менее, соответствие между ответами устанавливается. В следующей таблице приведены отдельные результаты анализа сопряженностей между сгруппированными ответами на вопрос 27 (первая ситуация) и ответами на вопрос 25.

Мы находим в таблице 5.2.4 свидетельства существования весьма значимых зависимостей. Наименьшая из них – связь между выбором властной альтернативы при ответе на вопрос 27 и обращением в прокуратуру при ответе на вопрос 25. Но это неудивительно, поскольку вариант «властная альтернатива» включает в себя пучок возможностей, из которых обращение в прокуратуру – только один из вариантов.

В целом, данные таблицы 5.2.4 подтверждают как консистентность ответов респондентов, так и существование постоянно действующих стратегий защиты своих интересов. Важно подчеркнуть, что «постоянство» здесь, конечно, относительное. Очевидно, что возможны ситуации, которые будут диктовать человеку решения, отличающиеся от предпочитаемых им способов решения проблем. Поэтому под постоянной стратегией следует понимать наличие предпочитаемых способов решения различных проблем.

Что касается остальных трех ситуаций, то при аналогичном анализе сопряженностей мы видим сохранение структуры связей, представленной в таблице 5.2.4, но степень зависимости уменьшается.

Это естественно, ибо каждая следующая ситуация становится все менее типовой. В этом, естественно, отражается ситуативное, контекстное влияние на решения о выборе метода защиты своих интересов. Но есть важное исключение: это стратегия терпения, пассивности. Для ситуации 3 она дает связь со значением остатка 7,9; а в ситуации 4 значение того же остатка равно 5,4. Это позволяет сделать вывод о том, что данная стратегия не только одна из самых распространенных, но и самая устойчивая.

Теперь мы перейдем к анализу социальных портретов групп респондентов, склонных к выбору той или иной стратегии. Для этого анализа строились новые переменные, каждая из которых соответствовала одной из возможных реакций. Каждая переменная принимала три значения (помимо системных пропусков): 0 – данная реакция не выбрана, 1 – реакция выбрана только один раз из всех возможных, 2 – реакция выбрана более одного раза. Последний случай рассматривается как индикатор наличия соответствующей стратегии. Задача состояла в том, чтобы с помощью анализа таблиц сопряженностей дать портреты социальных групп – носителей выявленных стратегий. Эти портреты сведены ниже в таблице 5.2.5.

Первое общее наблюдение, которое можно сделать, глядя на данные таблицы 5.2.5, состоит в том, что группы крайне различаются по подробности описания. Есть основания предполагать, что это связано с сочетанием влияния (отдельно или совместно) двух факторов: первый – недостаток статистических данных (в некоторых случаях респондентов, обладающих признаками наличия конкретной стратегии маловато); второй – в некоторых случаях стратегии как устойчивой социальной практики еще не сформировалось.

Второе общее наблюдение – во многих случаях социальные портреты лишены признаков, связанных с диспозиционными переменными (стратегии 4, 5, 7). Не исключено, что такой факт свидетельствует о том, что в данном случае стратегия не сформирована, а выбор определяется, главным образом, ситуацией. В таких случаях разнообразие диспозиций велико и не специфично.

Третье общее наблюдение – неоднократно выделенные связи работают на подтверждение консистентности ответов респондентов. Это происходит при ответе на вопрос о способе решения проблемы, когда респондента спрашивают о последней реальной ситуации, при которой респондент мог обратиться в суд, но не сделал этого. Тогда его спрашивают, какой способ решения проблемы он выбрал (вопрос

Таблица 5.2.5

Социальные портреты групп респондентов-носителей различных стратегий решения своих проблем без обращения в суд. (В скобках даны значения приведенных стандартизированных остатков)

№	Стратегия	Описание
1	Полюбовное соглашение	Пол: мужской (3,3). Метод решения своей проблемы при последнем случае отказа обращаться в суд – договоренность с конкретным чиновником (3,4). В будущем готовность идти в суд: не намерены (3,6).
2	Влияние через связи	Жители Южного ФО (4,7). Полагают, что их права и свободы никто не нарушает (3,7). При защите своих прав обращаются к авторитетным людям (5,6) или справляются сами (3,6). Сторонники концепции естественного права (3,3) и независимости судебных решений (3,6).
3	Замена	Жители мегаполисов (3,4). Наемные работники (3,2). Совершенно не интересуются информацией о работе судов (4,2). При защите своих прав справляются сами (3,3). В будущем готовность идти в суд: не рвутся прибегать к судебной защите. Очень низко оценивают качество правосудия (4,2).
4	Юридическая помощь	Южный ФО (3,4). При защите своих прав обращаются к адвокату (3,4) или в юридическую консультацию (3,7).
5	Общественная поддержка	Города 500 тыс. – 1 млн.
6	Властная альтернатива	Сибирский ФО (4,9), городки с населением менее 20 тыс. человек или деревня (5,0). Работники сельского хозяйства (3,6) в колхозе или совхозе (3,8). Не доверяют никаким институтам (2,9). Низкий доход (5,7). Социальный интеллект ниже среднего (4,2). Считают суд присяжных ненужным (3,4). Поддерживают независимость судебной власти (4,0), концепцию естественного права (4,2) и независимость судебных решений (3,5); законопослушны (2,8). Сторонники абстрактных целей судебного процесса (4,0).

№	Стратегия	Описание
7	Массовый протест	От 49 до 57 лет (3,8). При защите своих прав обращаются к авторитетным людям (3,7). Работники творческих профессий (4,8).
8	Пассивность, терпение	Центральный ФО (3,8). Городки с населением от 20 до 50 тыс. человек. Пенсионеры (3,0). Вдовец или вдова (4,6). Старше 49 лет (3,0). Считают, что едва сводят концы с концами (4,9). Совершенно не интересуются информацией о работе судов (4,9). При защите своих прав просто терпят (10,9). В будущем готовность идти в суд: не пойдут (8,3). Полностью не доверяют российскому суду (3,8). Низко оценивают качество правосудия (3,0).

анкеты граждан 48). Мы наблюдаем наличие таких зависимостей в строках таблиц 1, 2, 3, 4, 7, 8). В случае стратегии 7 под «авторитетными людьми» следует, видимо, понимать общественные (политические) авторитеты.

Теперь о не столь общих наблюдениях. В тех случаях, когда устанавливаются связи с оценкой своего последнего опыта столкновения с судом, наблюдается однообразная реакция – люди не рвутся повторить этот опыт. Наконец, когда устанавливается связь с политическим сознанием, то проявляется один и тот же типаж: это респонденты, поддерживающие независимость судебной власти и судебных решений, концепцию естественного права. Часто это дополняется недоверием к суду и (или) низкой оценкой качества правосудия.

Теперь перейдем к краткой интерпретации отдельных стратегий (в тех случаях, когда есть основания предполагать, что такая стратегия существует). Начнем с одного замечания. Всегда отрадно обнаруживать в сложных социологических построениях отзвуки реальной жизни (или наших представлений о ней). Именно с таким случаем мы сталкиваемся, когда обнаруживаем, что носители стратегии «Влияние через связи» чаще обнаруживаются в Южном ФО. Не менее интересен случай стратегии «Пассивность, терпение», которая отчетливо локализуется в Центральном ФО – регионе страны, наиболее пораженном в прошлом крепостным правом.

Отчетливо прослеживаются в социальных портретах типажи носителей стратегий «Властная альтернатива» и «Пассивность, терпение». В обоих случаях речь идет о небогатых или бедных людях, находящихся на социальной периферии, включенных в патриархальную практику взаимоотношений с властью и, видимо, обладающих признаками патриархального сознания. При второй из этих стратегий мы имеем дело с людьми, которые, в силу возраста, ограничены в своей активности, а потому склоняются к терпению. Не исключено, что одним из свойств упомянутой социальной периферии, сопряженной с географической, является затрудненный доступ к правосудию. Стратегия «Замена» распространяется на жителей мегаполисов, где шире возможности поиска альтернативных решений, не сопряженных с обращением к власти. К числу стратегий, которые обладают признаками сформированности, можно отнести также стратегии 1 и 2.

5.3. Отказ граждан от обращения в суд в практических ситуациях

Полученные в предыдущем параграфе важные результаты побуждают снова обратиться к социологическим подробностям отказа граждан обращаться в суд в реальных ситуациях. Выше этот сюжет анализировался в параграфе 3.2.

В анкетах граждан и предпринимателей в их части, связанной с изучением практики взаимодействия с судом, имелся общий блок, в котором респондентов спрашивали о последнем опыте отказа от обращения в суд в ситуации, когда были такая потребность и возможность. Изучались также причины отказа от обращения в суд и решение проблем без суда. (В анкете граждан это вопросы 45–48.) Начнем наш анализ с небольшой числовой ориентации (еще раз) в этой части социального пространства. Итак, по ответам на вопрос 34 мы знаем, что 35,3% респондентов хотя бы раз бывали участниками судебного разбирательства в любом качестве. Соотнесем этот результат с ответами на первый базовый вопрос данного блока: «40. Скажите, пожалуйста, была ли у Вас когда-нибудь в жизни ситуация, которая могла быть разрешена в суде? Эта ситуация могла быть связана с любой сферой Вашей жизни. В этой ситуации Вы могли обратиться в суд, а могли и не делать этого». Выясняется, что таких респондентов меньше – только

28,1% (800 человек). Это неудивительно по разным причинам, в том числе и той, что в суд люди попадают и помимо своей воли. Но также нужно предполагать, что есть те, кто не всегда способен распознать, что вставшая проблема может быть разрешена в суде. К сожалению, этот эффект отследить очень трудно. Наконец, с помощью вопроса 43 мы выясняем, что из выделенных выше 800 респондентов 301 не стали обращаться в суд для решения их проблемы. Это больше трети – 37,6%. Наша задача объяснить: почему люди не обращаются в суд и что их отличает от тех, кто не упускает такой возможности.

Начнем с поиска ответа на естественный вопрос: в каких ситуациях и при возникновении каких проблем граждане чаще всего отказываются от обращения в суд? В нашем исследовании это легко сделать, «скрестив» вопрос 43 с предшествующим вопросом 42 о проблеме, которая побудила или не побудила гражданина обратиться в суд. В результате мы отобрали 6 ситуаций-проблем, о которых мы можем со статистически значимой уверенностью сказать, что в этих ситуациях граждане чаще, чем это могло бы быть, избегают обращаться в суд. Количественные характеристики такого отбора представлены в таблице 5.3.1.

Эти данные производят удручающее впечатление. Во-первых, большинство указанных ситуаций выделяет один общий признак: неравный статус сторон. По одну сторону «рядовой обыватель», а по другую – сторона более могущественная – от ЖЭКа до органа власти. Во-вторых, лидером является проблема защиты чести и достоинства. Если учесть, что посягнуть на них могут не только «начальники», то возникает подозрение, что отказ защищать честь и достоинство в суде может быть объяснен низкой ценностью и того, и другого. В-третьих, реальная судебная статистика показывает, что в некоторых из приведенных в таблице 5.3.1 ситуаций суды явно стоят на стороне истцов, обычных граждан. Это касается и трудовых споров, и защиты прав потребителей. Тут, видимо, как мы не раз убеждались в этом и выше, прослеживается влияние негативной установки в отношении судов, наводимой информационным фоном.

Теперь посмотрим, как влияют на решение идти или не идти в суд позиционные и диспозиционные характеристики респондентов. Самый интересный результат анализа сопряженностей, предпринятого для решения сформулированной задачи, таков: на решение об обращении в суд не влияют диспозиционные характеристики респондентов. Исключение составляет построенная нами и описанная выше переменная «Готовность обращаться в суд», но она отражает

Таблица 5.3.1

Проблемы, в которых граждане чаще обычного избегают обращаться в суд. Приведены (помимо номера ответа и названия проблемы) для каждой проблемы: процент обратившихся в суд (a), процент не обратившихся в суд (b), приведенный стандартизированный остаток для не обратившихся в суд (c); разница приведенных стандартизированных остатков для не обратившихся и обратившихся в суд (d)

№	Проблема	a	b	c	d
18	Защита чести и достоинства	21,9	75,0	4,5	8,0
33	Споры, вытекающие из закона о защите прав потребителей	19,0	81,0	4,2	7,3
29	По делам об административных правонарушениях	17,6	70,6	2,8	5,8
15	Возмещение ущерба собственности	39,6	52,8	2,4	4,4
34	Трудовой спор	42,0	54,0	2,5	4,1
9	Споры с жилищно-коммунальными службами	39,0	53,7	2,2	4,0

не столько диспозиции, сколько поведенческий стандарт. Да и зависимость не шибко выразительная: связь между практическим отказом идти в суд и моральной неготовностью идти в суд характеризуется приведенным стандартизированным остатком, равным 3,1. Посмотрим на влияние других позиционных переменных.

Шанс обращения в суд, фиксируемого вопросом 43, несколько снижается, если у респондента был предшествующий опыт обращения в суд и решение суда было либо не в его пользу (остаток равен -2,9) или лишь частично в его пользу (-3,8). (Этот результат и особенно значения остатков побуждают выдвинуть гипотезу: половинчатые решения хуже влияют на престиж суда, чем отрицательные решения.) Полученная зависимость дополняется смежной с ней: если по результатам предшествующего опыта респондент принимает решение не обращаться в суд, то это, естественно, влияет на практическое решение, когда реально возникает необходимость подобного решения. Сопряженность

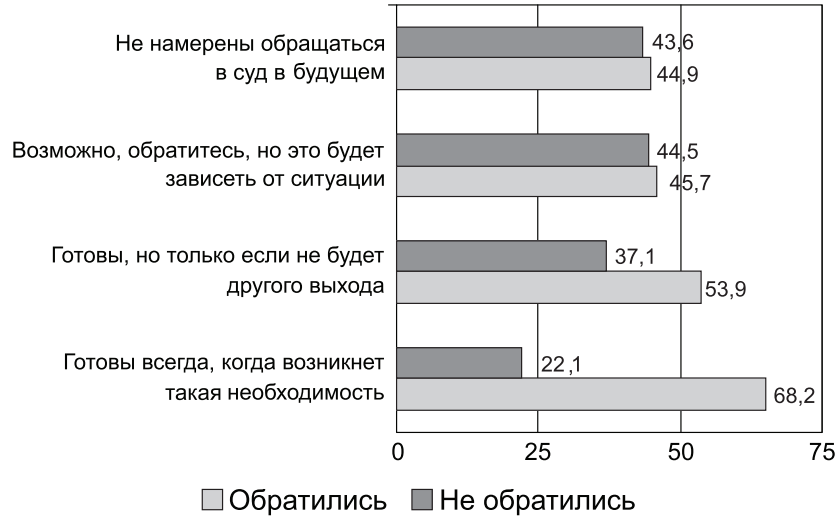


Рисунок 5.3.1. Частоты (в процентах) обращения или не обращения в суд, в зависимости от установки на повторное обращение в суд по результатам последнего судебного разбирательства

между ответами на вопросы 43 и 66 характеризуется доверительной вероятностью сумме, равной 5,0E-05. А форма этой зависимости, представленная на рисунке 5.3.1, весьма показательна для наших дальнейших размышлений. Мы видим, что если по результатам судебного разбирательства формируется положительная установка на повторный опыт общения с судом, то это существенно влияет на принятие решения в последующей практической ситуации в пользу обращения в суд. Но если же сформирована отрицательная установка, то ее наличие создает равновероятные условия для обращения или не обращения в суд в последующей практической ситуации, т.е. наличие отрицательной установки не влияет на практическое решение, в отличие от наличия позитивной установки.

Данная зависимость дополняется еще одной – взаимосвязью между решением об обращении в суд и оценкой хода своего последнего процесса, определяемой синтезированной переменной, построенной по ответам на вопрос 60 (см. Главу 1). Здесь зависимость проявляется еще более локально (остаток равен -4,3): недовольство ходом процесса

снижает шанс повторного обращения в суд на четверть от уровня всей выборки. А вот удовлетворение от хода процесса не связано статистически значимо с решением о повторном обращении.

Наконец, осталось упомянуть еще об одной установленной взаимосвязи. Выяснилось, что шанс обратиться в суд для решения своей проблемы увеличивается с возрастом в интервале от 40 до 60%. Мы видим, что основное влияние на решение об обращении в суд оказывают практика и формируемые ею поведенческие стратегии. Из всех индивидуальных характеристик именно возраст может входить в этот комплекс, поскольку индивидуальные поведенческие практики формируются в процессе повседневной жизни, в ходе которой тратится этот невосполнимый ресурс под названием возраст.

Таблица 5.3.2

Частоты (в процентах) выбора ответов на вопрос о причинах отказа от обращения в суд, упорядоченные по убыванию. Приведены номера классов, на которые разбиты ответы (столбец Q): 4 – процедурные препятствия, 5 – неформальные препятствия, 6 – негативная установка

№	Способ решения проблемы	частота	Q
27	Я нашел способ решить свою проблему без суда	35,88	3
3	Слишком много времени надо было потратить на участие в процессе	22,26	4
16	Мой вопрос решился до суда	18,60	2
14	Слишком велики затраты времени, сил, всего на свете. Не оправданно	17,28	6
4	Мне объяснили друзья и знакомые, что все равно ничего не добьешься	15,95	5
13	В суд надо обращаться только в самом крайнем случае, а этот случай не был таким	13,29	6
11	Я простой человек, а таким в судах справедливости не найти	11,30	6
5	Мне объяснили юристы, что все равно ничего не добьешься	9,63	5

№	Способ решения проблемы	частота	Q
8	У нас в стране бесполезно судиться против власти	8,97	6
9	Надо было платить много всяких пошлин, сборов и т.п.	7,97	4
15	У меня не было такого опыта, было непонятно и боязно	7,97	6
25	Дело было не однозначное, поэтому имелось мало шансов на решение в мою пользу	7,97	6
22	Очень трудно было подготовить все необходимые документы, не хватило юридических знаний	5,65	4
24	Практически невозможно было собрать все требуемые справки	5,65	4
19	Мой противник был влиятельнее	4,65	5
12	Я знал, что надо будет заплатить взятку, а денег на нее у меня нет	4,32	5
1	У меня уже был неудачный опыт	3,99	1
26	Не хотел, чтобы меня считали сутяжником	3,99	6
20	Моим противником был представитель власти	2,99	5
21	Мне намекнули, что у меня будут неприятности	2,99	5
2	Суд расположен далеко, неудобно. Трудно туда ездить	2,33	4
17	Мне не хватило денег нанять адвоката	2,33	4
18	Мой противник был богаче	2,33	5
6	Трудно было найти информацию о порядке работы суда	1,66	4
10	У нас суды не присуждают справедливую компенсацию	1,66	6
7	У меня не приняли заявление, иск	1,33	4
23	Очередь для подачи иска была слишком велика	0,66	4

Следующий вопрос, который задавался респондентам, касался причин, по которым респонденты отказывались обращаться в суд. В вопросе 46 «Почему вы отказались от судебного разбирательства в той ситуации?» предлагалось 27 вариантов выбора ответа, из которых респонденты могли выбрать не более пяти. Следующая таблица представляет частоты выбора ответов на этот вопрос, упорядоченные по убыванию частоты ответа, а также классификатор групп ответов, выделенных для дальнейшего анализа.

Тут необходимо пояснение. Как было указано выше, только 301 респондент отметили, что отказались от услуг правосудия, когда в нем была нужда. Это значит, что для дальнейшего статистического анализа необходимо объединять респондентов, отвечавших на данный вопрос, в некоторые группы по выбору однотипных ответов. Иными словами – нужна укрупненная классификация респондентов по ответам на вопрос 46. Точнее, речь идет не о классификации, а о «покрытии», о выделении шести пересекающихся классов респондентов. Они построены следующим образом. В первый класс вошли все респонденты, выбравшие ответ 1 о негативном опыте. Хотя таких немного, но эта группа чрезвычайно важна. Второй класс образован респондентами, выбравшими (помимо прочих) ответ 16. Наконец, в третий класс вошли респонденты, указавшие ответ 27. Понятно, почему образованы классы 2 и 3: во-первых, ответы 16 и 27 весьма популярны; во-вторых, оба ответа крайне важны содержательно. Классы 4, 5 и 6 образовывались по единому простому алгоритму. Респондент относился, к примеру, к классу 4, если в его наборе ответов фигурировал хотя бы один ответ, отнесенный в таблице 5.3.2 к классу 4 в столбце Q. Подобным образом формируются классы 5 и 6. Названия этих трех классов очевидны, они легко соотносимы с содержанием вопросов, отнесенных к каждому из классов. Дальнейшая работа будет вестись с выделенными таким образом группами респондентов.

Но прежде вернемся к основному содержанию таблицы 5.3.2. Обращает на себя внимание тот факт, что в первую десятку наиболее популярных ответов входят четыре ответа из группы «Негативная установка», что уже говорит о важности этого мотива отказа от обращения в суд. Подобным образом в последней десятке наименее популярных ответов половину составляют ответы из группы 4 «Процедурные препятствия». Это означает, что основные сегодняшние проблемы не лежат в сфере доступности правосудия.

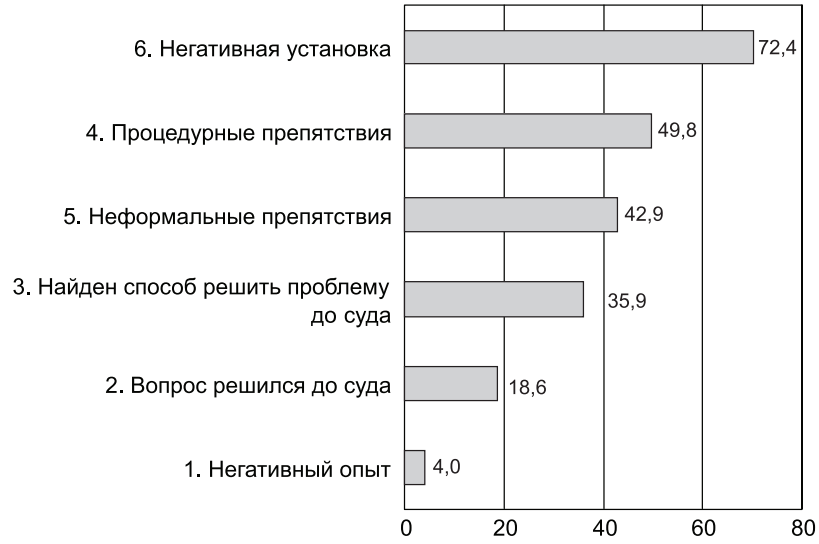


Рисунок 5.3.2. Частоты (в процентах) принадлежности респондентов выделенным группам по типу ответов на вопрос 46 о причинах отказа обратиться в суд

Теперь вернемся к описанным выше группам респондентов. На следующем рисунке 5.3.2 приведены частоты принадлежности описанным группам. Мы видим на диаграмме рисунка, что больше всего респондентов – почти три четверти – выбирали хотя бы один раз ответы из группы «Негативная установка». Это подтверждает сделанное выше наблюдение о том, что негативная установка в отношении судов является одним из главных оснований для отказа от обращения за судебной помощью. Интересно при этом, что на предшествующий негативный опыт ссылаются только 4% респондентов (12 человек). Надо сказать – неожиданно низкий результат! Поскольку мы анализируем вопрос с множественным выбором ответа, то респонденты, ссылавшиеся на свой печальный опыт, могли указывать и другие причины их нежелания идти в суд для решения своей проблемы. Анализ показывает, что в структуре взаимосвязей между ответами первый ответ о негативном опыте стоит особняком. Единственный сопрягающийся с ним ответ из группы «Негативная установка», это ответ 8 «У нас в стране бесполезно судиться против власти», который вместе

с ответом 1 появляется в два раза чаще, чем в целом по выборке. Еще три ответа, подобным образом сопряженные с ответом один, касаются препятствий иной природы: нехватка денег на адвоката, противник был богаче и противник оказался представителем власти.

Интересно, что принадлежность респондентов шести выделенным группам очень слабо корреспондируется с различными позиционными и диспозиционными переменными. В частности, для групп 3, 5 и 6 не выявлено ни одной значимой взаимосвязи. По остальным группам картина такова. Сославшиеся на предшествующий негативный опыт (поскольку таковых мало, при анализе сопряженностей использовался метод Монте-Карло) чаще, чем по выборке в целом, обнаруживаются в Дальневосточном ФО (3,1); они чаще других указывают, что в судах решают проблемы защиты прав личности (5,1); качество правосудия они оценивают ниже среднего (3,3). Среди тех, у кого проблема разрешилась до суда, больше респондентов в возрасте от 49 до 57 лет. Видимо, это тот благословенный возраст, в котором активность сочетается с обилием социальных связей. В группе 4 «Процедурные препятствия» снова несколько богаче представлены респонденты из того же Дальневосточного ФО. Ниже мы увидим, что картина с взаимосвязями не так мрачна, как она описана на данный момент.

Теперь перейдем к следующему вопросу 47, который задавался тем, кто ранее сказал, что не стал обращаться в суд: «Удалось ли Вам разрешить Вашу ситуацию без помощи суда?» Положительно на этот вопрос отвечают 66,9% респондентов – две трети – из числа отказавшихся обращаться в суд. Для сравнения: из тех, кто все-таки рискнул обратиться в суд, только 11,9% респондентов считают, что решение было вынесено не в их пользу; на неисполнение судебного решения пожаловались около 10%; неготовность снова обратиться в суд выразили 18,3%. Довершая данное сопоставление, сравним успешность решения возникавших перед гражданами проблем либо помимо суда, либо при его посредничестве в тех ситуациях, к которым граждане относятся наиболее скептически и которые отражены в таблице 5.3.1. Результат этого сравнения представлен в таблице 5.3.3. Мы видим из таблицы, что оба способа решения проблем сопоставимы при некотором преимуществе судов.

Когда мы переходим к изучению влияния ситуаций-проблем на возможность решения этих проблем помимо суда, снова появляется интересный результат: статистически значимых взаимосвязей не выявляется. В тех нескольких случаях, когда остатки приближаются

Таблица 5.3.3

Успешность решения проблем без обращения в суд и в результате обращения в различных проблемах-ситуациях, характеризуемая двумя показателями: (a) – доля (в процентах) респондентов, решивших свою проблему из числа отказавшихся обратиться в суд; (b) – доля получивших положительное или частично положительное решение из числа обратившихся в суд

№	Проблема	a	b
18	Защита чести и достоинства	73,3	87,4
33	Споры, вытекающие из закона о защите прав потребителей	100,0	91,8
29	По делам об административных правонарушениях	66,7	71,4
15	Возмещение ущерба собственности	76,5	79,6
34	Трудовой спор	50,0	82,5
9	Споры с жилищно-коммунальными службами	75,0	74,0

к границам более или менее значимых отклонений от независимости, то речь идет только об уменьшении шанса решить проблему. Единственное исключение составили взаимосвязи с выделенными выше шестью группами респондентов по видам препятствий. Понятно, что существует крайне высокая взаимосвязь, артефактическая, «по построению», с группами 2 и 3. Менее тривиальный результат таков. Если респонденты принадлежат группе «Негативная установка», то шанс решения проблемы без суда снижается с 67% до 54,5% (остаток равен 4,3). Еще больше падает шанс решить проблему – до 44%, в полтора раза, – если респондент принадлежит группе «Неформальные препятствия» (5,6).

Серия вопросов, задаваемых респондентам, которые отказались обращаться в суд, заканчивается вопросом 48 «А каким образом Вы разрешили эту Вашу ситуацию?». Список возможных ответов, из которых можно было выбирать любое количество, приведен в Электронном приложении вместе с частотами выбора этих ответов. Из соответствующей таблицы видно, что подавляющее число респондентов использовали ответы «Сам, без посредников, договорился с противоположной стороной» и «Ничего не стал делать,

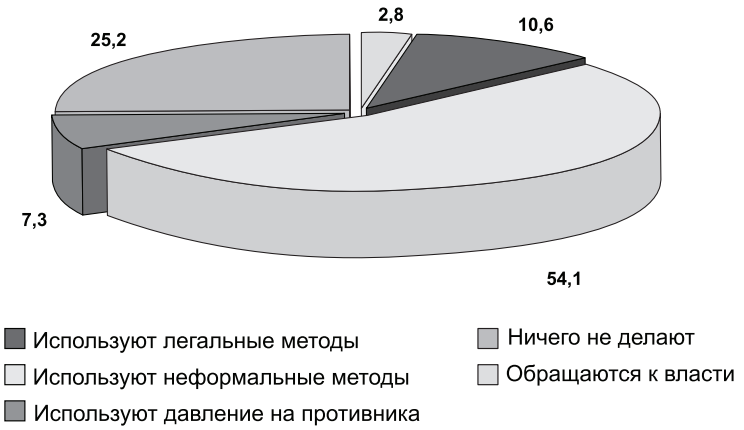


Рисунок 5.3.3. Частоты (в процентах) принадлежности респондентов выделенным группам с различными стратегиями решения проблем без обращения в суд

проблема постепенно стала неактуальной». Остальные ответы использовались небольшим числом респондентов. Чтобы дальнейшее изучение стало возможным, мы использовали тот же прием укрупнения групп респондентов, объединяя сходные ответы. Для этого было сформировано пять групп вопросов, внутри каждой группы вопросы были схожи по некоторой базовой стратегии; по выбору ответов из этих групп формировались пять пересекающихся групп респондентов. На рисунке 5.3.3 приведены названия этих групп и указаны доли респондентов в каждой группе от числа ответивших на этот вопрос. Мы видим на диаграмме этого рисунка, что более половины респондентов прибегают к неформальным методам решения проблем (54,1%). К власти обращается исчезающе малое меньшинство (2,8%). Использование давления на противника (7,3%) конкурирует с легальными методами (10,6%). И в центральной части частотного спектра (25,2%) располагается группа респондентов, избирающих пассивную стратегию.

Теперь изучим ситуационные особенности использования различных стратегий решения проблем без обращения в суд. Анализ сопряженностей представленных стратегий решения проблем с ответами на вопрос 42 о типах проблем-ситуаций, с которыми столкнулся

респондент, проводился, в силу ограниченности выборки, с использованием метода Монте-Карло и дал следующие результаты. Пятая стратегия «Ничего не делают» не показала никаких особенностей, характеризуемых сопряженностью с отдельными ситуациями. В этом нет ничего удивительного в силу несомненной универсальности данной стратегии. Стратегия 1 «Обращаются к власти» показала сопряженность с вопросом 42, характеризуемую доверительной вероятностью, попадающей в 99% доверительный интервал (0,034; 0,044). Локальные положительные зависимости продемонстрированы следующими ситуациями: «9. Споры с жилищно-коммунальными службами» (остаток 4,6); «26. Оспаривание правовых актов органов государственной власти» (3,3); «39. Проблемы, связанные с защитой окружающей среды» (6,0). Стратегия 2 «Используют легальные методы» показала сопряженность с доверительной вероятностью, накрываемой доверительным интервалом (0,005; 0,010). Установлена локальная зависимость с единственной ситуацией «29. Дела об административных правонарушениях» (4,5). Стратегия 3 «Используют неформальные методы» продемонстрировала сопряженность с вопросом 42 с доверительной вероятностью в интервале (0,023; 0,032). Применение неформальных методов оказалось более популярным в ситуации «6. Раздел имущества» (2,8). Наконец, четвертая стратегия «Используют давление на противника» взаимосвязана с доверительной вероятностью, находящейся в интервале (0,113; 0,130). А единственная ситуация, значимо сопряженная с данной стратегией, это ситуация «24. Споры с неналоговыми контролирующими органами» (3,6). Установленные взаимосвязи представляются вполне логичными. Тем не менее, можно констатировать, что в основной массе перечисленные стратегии, как правило, амбивалентны относительно типов проблем, с которыми сталкиваются респонденты, т.е. достаточно универсальны и взаимозаменяемы.

Следующий вопрос, который может возникнуть, таков: зависит ли выбор способа решения проблем без суда от причин, которые респонденты называют, обосновывая свой отказ обратиться в суд. В целом можно сказать, что такой зависимости не установлено: не найдено ни одной доверительной вероятности ниже заданного в исследовании порога, а пара случаев околопороговых значений вполне могут рассматриваться как случайные.

Попытка набросать социальные портреты пяти групп респондентов, использующих различные стратегии решения проблем без

обращения в суд, не привела к созданию галереи. Для первых двух стратегий не обнаружено никаких взаимосвязей. Для трех остальных есть редкие исключения, иногда курьезного свойства, для которых доверительные вероятности близки к пороговому значению. Так, респонденты, использующие неформальные методы решения проблем, чаще встречаются в Москве и реже в Сибирском ФО. Респонденты, прибегающие к давлению на противника, полностью не доверяют российскому суду и не доверяют никаким институтам вообще (действительно, что им еще остается?). А вот среди юристов и лиц, занимающихся юридической практикой, чаще, чем в выборке в целом, встречаются респонденты, практикующие стратегию пассивности (как говорится, специалистам виднее).

Глава 6
Диспозиции граждан и предпринимателей

В данном разделе излагаются результаты анализа диспозиций граждан за изъятием самостоятельной темы правосознания, которой посвящен представленный выше раздел. Тему диспозиций мы делим на три сюжета: оценка судов, доверие судам и представления о «сущем и должном». Ниже мы будем не только представлять структуру диспозиций, но и пытаться объяснить их следующими факторами: правосознание, интерес к информации о судах и используемые источники информации, практика взаимодействия с судами. Естественно, будет проводиться систематическое сравнение диспозиций граждан и предпринимателей.

6.1. Оценка судов и судей

В анкетах граждан и предпринимателей оценка судов и судей проводилась с помощью табличного вопроса 2, отвечая на который респонденты должны были указывать, согласны или не согласны они с каждым из девяти приведенных суждений. Важно, что этот вопрос задавался гражданам и предпринимателям в двух больших исследованиях Фонда ИНДЕМ по коррупции в 2001 и 2005 годах. Поэтому мы начнем с анализа частот ответов в трех исследованиях. Эти частоты приведены ниже в таблице 6.1.1.

Прежде всего, обратим внимание на частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить». Для удобства сравнения мы вычислили средние частоты выбора этих ответов по девяти суждениям отдельно для граждан и предпринимателей по всем трем опросам. Результаты расчетов приведены на диаграмме следующего рисунка.

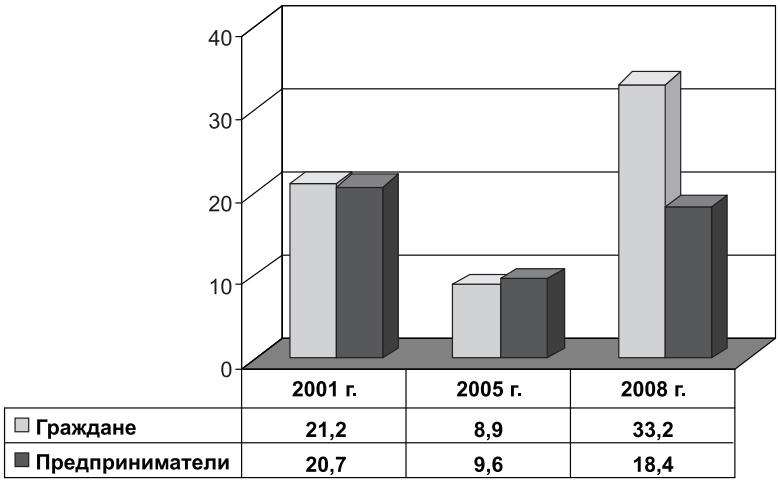
Частоты (в процентах) ответов при оценке суждений и предпринимателей в 2001, 2005 и 2008 гг. (С – «Согласен»,

№	Суждения
	Граждане
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты
9	Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела
	Предприниматели
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты
9	Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела

Таблица 6.1.1

из вопроса 2 анкет в опросах граждан
Н – «Не согласен», З/О – «Затрудняюсь ответить»)

2001 г.			2005 г.			2008 г.		
С	**Н**	**З/О**	**С**	**Н**	**З/О**	**С**	**Н**	**З/О**
46,0	36,3	17,1	37,6	56,1	6,3	16,3	32,5	51,2
75,0	12,4	12,2	84,3	11,5	4,2	11,6	71,5	16,9
10,1	63,3	26,2	18,9	69,2	11,9	24,8	23,3	51,9
64,8	13,8	21,0	79,0	12,7	8,3	15,7	65,9	18,4
17,1	61,2	21,4	28,0	63,1	8,9	19,1	40,2	40,7
39,2	32,8	27,6	52,8	34,1	13,2	21,8	39,5	38,8
78,6	10,6	10,4	83,6	12,8	3,6	8,8	75,0	16,2
72,2	11,2	16,3	82,7	11,2	6,1	11,7	74,7	13,6
23,2	38,0	38,5	29,4	53,1	17,5	29,3	19,2	51,5
51,9	32,2	15,9	41,3	54,9	3,9	23,4	62,3	14,3
71,2	13,5	15,2	78,1	14,9	7,1	58,6	24,3	17,1
8,6	68,5	22,8	12,4	77,0	10,6	16,6	65,3	18,1
65,4	14,5	20,0	70,4	18,0	11,7	59,5	21,1	19,4
17,5	61,5	21,0	28,5	60,8	10,7	36,5	44,2	19,3
29,1	42,7	28,2	41,3	46,2	12,5	31,6	44,9	23,6
80,5	9,7	9,7	81,2	14,6	4,3	72,3	18,4	9,3
60,1	18,9	21,0	72,2	18,6	9,1	54,8	26,7	18,4
26,1	41,0	32,9	26,3	57,4	16,3	18,3	56,0	25,7



	2001 г.	2005 г.	2008 г.
Граждане	21,2	8,9	33,2
Предприниматели	20,7	9,6	18,4

Рисунок 6.1.1. Средние частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить» при оценках суждений из вопроса 2 о судьях и судах отдельно для граждан и предпринимателей в исследованиях 2001, 2005 и 2008 гг.

Мы видим из диаграммы рисунка 6.1.1, что в 2001 и 2005 гг. респонденты выборок граждан и предпринимателей были весьма близки по частоте использования ответов «Затрудняюсь ответить». При этом в 2005 г. респонденты были более категоричны в ответах: средняя частота упала более чем в два раза. В 2008 г. уровень использования уклончивых ответов восстановился у предпринимателей, а у граждан резко возрос и более чем в полтора раза превзошел уровень 2001 г. Такой рост требует объяснения. Трудность оценки может возникать в условиях наличия противоречивой информации. В нашем случае это может быть связано, к примеру, противоречиями между практикой и информационным фоном.

Интересно, что различия в частотах выбора ответа «Затрудняюсь ответить» примерно сходны в разные годы и на выборках граждан и предпринимателей. Наименьшие сомнения респонденты проявляют, когда суждения открыто и недвусмысленно негативны: это суждения 2, 4 и 7. А чаще всего ответ «Затрудняюсь ответить» применяется респондентами при оценке суждений 3, 6 и 9. Это, как представляется, объяснимо: в первом случае предлагается выразить согласие с весьма позитивным в отношении судов утверждением. Во втором случае

приходится оценивать утверждение, в котором, по сути, предлагается отнестись и к произволу, и к независимости как причине произвола. В третьем случае дело касается такой тонкой материи, как профессионализм, который в глазах общественного мнения может не зависеть, к примеру, от морали. Однако важно другое: сами по себе анализируемые частоты ответов довольно велики, особенно для граждан в 2008 г., а это затрудняет использование для анализа такого простого индикатора, как частоты выбора ответа «Согласен». Проблему усугубляет тот факт, что для одной выборки от утверждения к утверждению частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить» колеблются в весьма широких пределах – примерно в четыре раза. Поэтому предлагается рассмотреть в качестве индикатора поддержки утверждения следующую величину: V = p («Согласен») / [p («Согласен») + p («Не согласен»)]. Ниже вычисленные таким образом индикаторы степени согласия V с суждениями из вопроса 2 собраны в таблице 6.1.2.

Общая тенденция, которая проглядывает при беглом просмотре данных из таблицы 6.1.2, очевидна: степень согласия с утверждениями близка и у граждан, и у предпринимателей в 2001 и 2005 гг., а в 2008 г. происходят изменения, причем они различны по уровню и структуре у граждан и предпринимателей. Это различие настолько существенно и важно, что в нем целесообразно разобраться более тщательно. Но сначала мы предпримем агрегированное сравнение граждан и предпринимателей в динамике. Для этого мы проделаем две манипуляции. Поскольку среди девяти суждений вопроса 2 семь сформулированы в негативном ключе, а два – третье и пятое – в позитивном, то сначала значения индикатора V изменяются простым преобразованием 100 – x. Тем самым для двух этих суждений уровень поддержки позитивных суждений превращается в уровень поддержки негативных суждений, отрицающих данные позитивные суждения. В результате значения индикаторов V для всех суждений приобретают одинаковую «ориентацию». После этого значения индикатора V можно усреднять по всем суждениям для ответов респондентов выборки граждан и предпринимателей по всем трем исследованиям 2001, 2005 и 2008 гг. Результаты этих вычислений представлены на диаграмме рисунка 6.1.2.

Здесь мы видим общую тенденцию постепенного снижения среднего значения индикатора V, сначала медленно в промежутке с 2001 по 2005 гг., а затем быстрее в следующем четырехлетии. Причем для граждан последнее снижение много существеннее, чем для бизнеса.

Таблица 6.1.2

Значения индикаторов V степени согласия с утверждениями из вопроса 2 анкет в опросах граждан и предпринимателей в 2001, 2005 и 2008 гг.

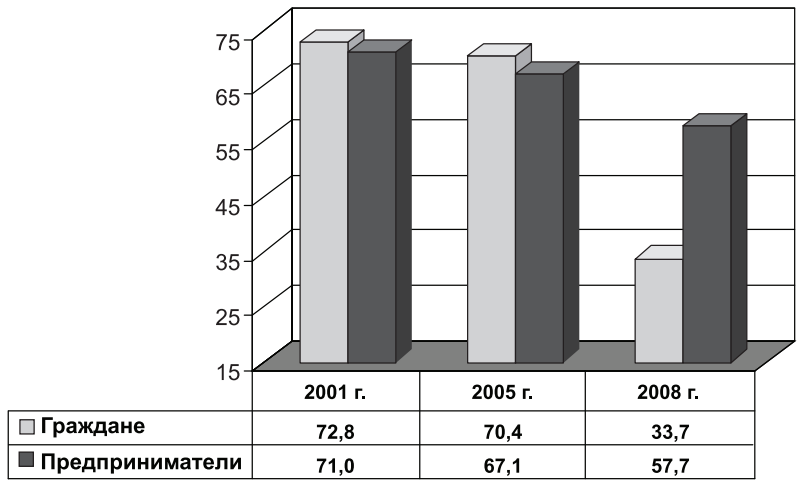
№	Суждения	Граждане			Предприниматели		
		2001	2005	2008	2001	2005	2008
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	55,9	40,1	33,4	61,7	42,9	27,3
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	85,8	88,0	14,0	84,1	84,0	70,7
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	13,8	21,5	51,6	11,2	13,9	20,3
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	82,4	86,2	19,2	81,9	79,6	73,8
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	21,8	30,7	32,2	22,2	31,9	45,2
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	54,4	60,8	35,6	40,5	47,2	41,3

№	Суждения	Граждане			Предприниматели		
		2001	2005	2008	2001	2005	2008
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	88,1	86,7	10,5	89,2	84,8	79,7
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	86,6	88,1	13,5	76,1	79,5	67,2
9	Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела	37,9	35,6	60,4	38,9	31,4	24,6

По смыслу индикатора V это означает рост позитивной оценки судов и судей, что, конечно, весьма отрадно. Однако более существенные различия в динамике мы увидим, когда взглянем на нее более пристально. Для этого будем сравнивать не средние, а сами значения индикаторов V.

Сначала посмотрим на рисунок 6.1.3. На нем представлены значения индикатора V для всех суждений, оценивавшихся предпринимателями по данным трех исследований. Для удобства сравнения суждения упорядочены по возрастанию значения индикатора V. Обратите внимание, как сходны упорядочения значений V по всем трем годам. Мы видим, что респонденты-предприниматели в максимальной степени поддерживают суждения (приводится первая тройка): «2. У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит», «3. Неверно, что “наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система”» и «7. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость».

Три суждения с наименьшей поддержкой: «1. Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них



	2001 г.	2005 г.	2008 г.
Граждане	72,8	70,4	33,7
Предприниматели	71,0	67,1	57,7

Рисунок 6.1.2. Средние значения индикатора V поддержки негативных суждений из вопроса 2 о судьях и судах отдельно для граждан и предпринимателей в исследованиях 2001, 2005 и 2008 гг.

начинают брать взятки», «6. У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно» и «9. Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела».

Теперь рассмотрим такую же диаграмму, построенную по данным выборки граждан. Она представлена на рисунке 6.1.4.

Мы видим на рисунке 6.1.4 картину, разительно отличающуюся от представленной выше на рисунке 6.1.3. Сходство проявляется в данных 2001 и 2005 гг. При этом почти совпадают наборы суждений, пользующихся наибольшей и наименьшей поддержкой.

А вот в 2008 г. мы видим совершенно иную тенденцию. Попробуем разобраться в ней и в причинах различий. Но перед этим проведем сравнение граждан и предпринимателей. Диаграмма, подобная представленным выше, располагается на рисунке 6.1.5. Она содержит сравнение значений индикатора V по данным за 2001 г. Мы видим на диаграмме существенное сходство упорядочений оценивавшихся предпринимателями и гражданами суждений по значениям индикатора V. Имеющиеся отклонения вполне понятны. Высказывание 8 «Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком

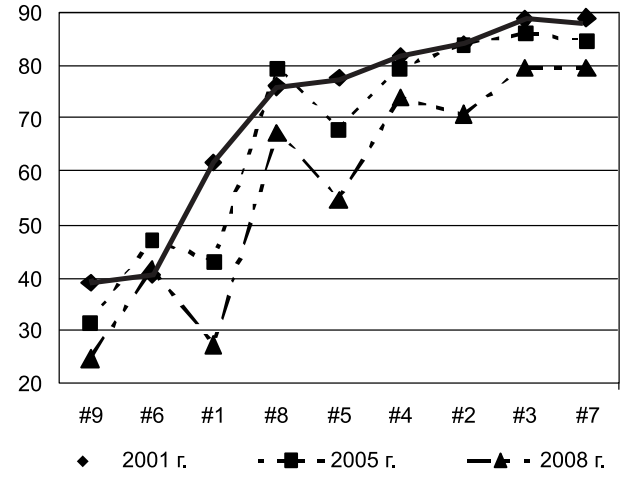


Рисунок 6.1.3. Значения индикатора V поддержки респондентами-предпринимателями негативных суждений из вопроса 2 о судьях и судах отдельно по исследованиям 2001, 2005 и 2008 годов. Номера суждений упорядочены по возрастанию значений V по данным 2001 г.

дороги неофициальные затраты» пользуется большей поддержкой со стороны граждан, нежели предпринимателей. Это естественно, ибо взятки для предпринимателей – вид издержек, которые могут компенсироваться повышением цены товаров (услуг) или иными способами. У граждан таких возможностей нет, поэтому они более негативно относятся к «неформальным затратам» и оценивают их как более высокие.

Также объяснимо и другое различие в значениях индикатора V для суждения 6 «У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно». Обратим внимание на то, что согласие с утверждением 6 одновременно означает выражение негативного отношения к независимости судей. Если, забегая вперед, обратиться к данным части о правосознании, то мы увидим, что предприниматели в значительно большей степени поддерживают независимость судов и судебных решений. Именно это и объясняет разницу в оценке суждения 6, наблюдаемую здесь на рисунке 6.1.5. Следует отметить, что проведенный анализ отклонений свидетельствует в пользу консистентности ответов респондентов обеих выборок.

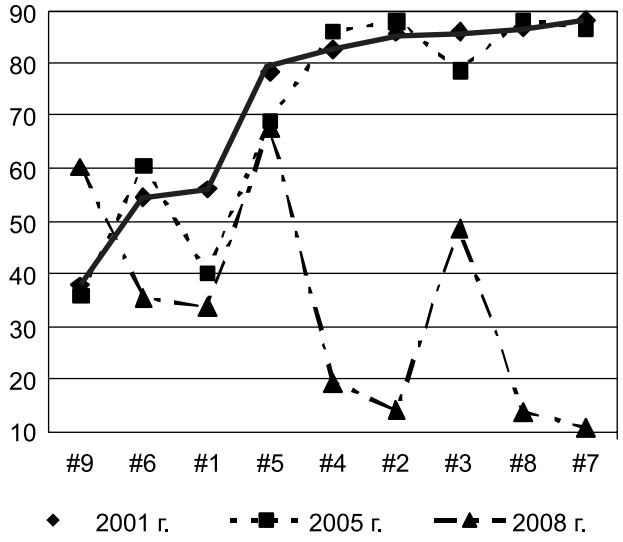


Рисунок 6.1.4. Значения индикатора V поддержки респондентами-гражданами негативных суждений из вопроса 2 о судьях и судах отдельно по исследованиям 2001, 2005 и 2008 гг. Номера суждений упорядочены по возрастанию значений V по данным 2001 г.

Мы не приводим диаграмму, аналогичную представленной на рисунке 6.1.5, для данных 2005 г., поскольку она снова демонстрирует сходство упорядочений значений индикатора V для предпринимателей и граждан. Более того, отклонения в значениях между результатами выборок предпринимателей и граждан точно такие же и для тех же вопросов. Это еще раз подтверждает надежность полученных данных и консистентность ответов респондентов.

Тем внимательнее нужно отнестись к результатам 2008-го года, представленным ниже на диаграмме рисунка 6.1.6. Разница впечатляющая, как это видно было и на рисунке 6.1.4. Она вряд ли объяснима случайными причинами или артефактической природой данных. Следует, например, учесть, что мы несколько раз зафиксируем структурное сходство компонент правового сознания предпринимателей и граждан.

Кроме того, мы видим на диаграмме рисунок 6.1.6 различную динамику для двух групп суждений. В одну группу входят суждения 8, 2, 4 и 7, а в другую – 9, 1, 6, 5 и 3. Если обратиться к таблице 6.1.1, то последний ее столбец указывает на явное различие: все оценки суждений

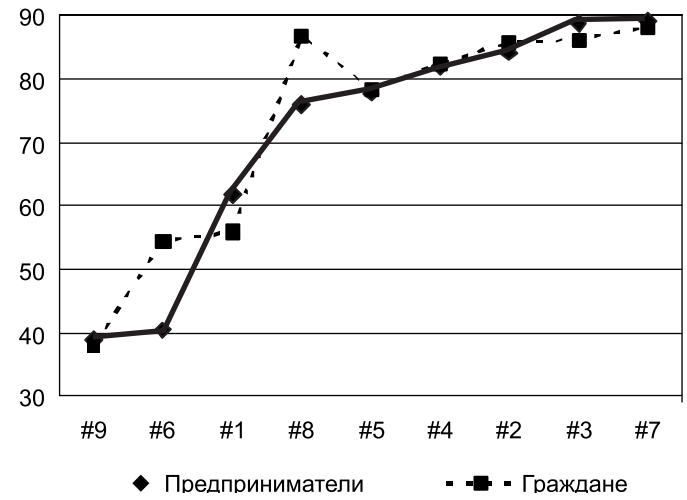


Рисунок 6.1.5. Значения индикатора V поддержки респондентами-предпринимателями и респондентами-гражданами негативных суждений из вопроса 2 о судьях и судах по данным исследования 2001 г. Номера суждений упорядочены по возрастанию значений V по данным выборки предпринимателей

из первой группы имеют низкую частоту выбора ответа «Затрудняюсь ответить», а все суждения из второй группы – высокую. Роль ответа «Затрудняюсь ответить» в наблюдаемой нами динамике весьма велика. В случае выборки граждан мы наблюдаем важную и быструю смену установок. Процесс смены установок всегда сопровождается разрушением старой структуры сознания и формированием новой. А это, в свою очередь, затрудняет генерирование суждений, что и приводит к росту частот ответов «Затрудняюсь ответить». При позитивной динамике в отношении качества судов чаще всего должна наблюдаться смена негативной установки на позитивную. Такая смена должна, как мы уже констатировали, приводить к затруднению в генерировании ответов и, следовательно, к повышению частоты использования ответа «Затрудняюсь ответить». Естественно предположить, что смене негативной установки на позитивную может способствовать свежий позитивный опыт взаимодействия с судом. Следуя нашей логике, мы должны наблюдать взаимосвязь следующего вида: среди респондентов с позитивным опытом взаимодействия с судом должны повышаться

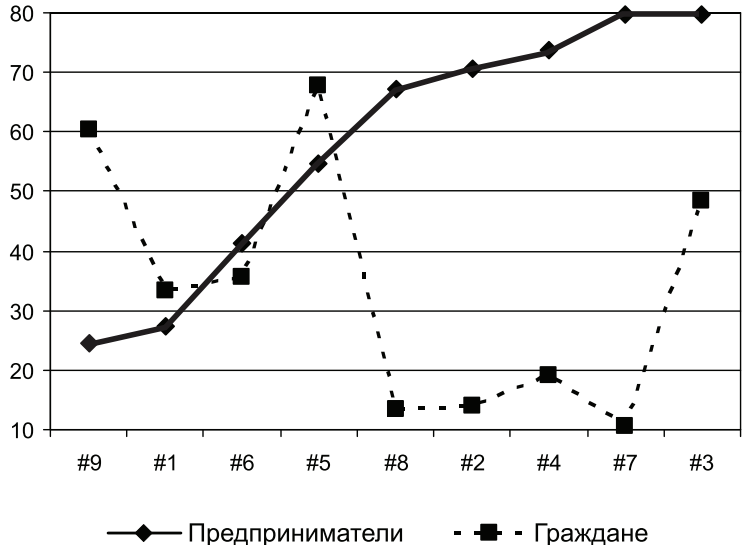


Рисунок 6.1.6. Значения индикатора V поддержки респондентами-предпринимателями и респондентами-гражданами негативных суждений из вопроса 2 о судьях и судах по данным исследования 2008 г. Номера суждений упорядочены по возрастанию значений V по данным выборки предпринимателей

частота использования ответа «Затрудняюсь ответить». Иными словами, эти респонденты будут затрудняться дать позитивную оценку, пока они не разрешили противоречие между прежней негативной установкой и новым позитивным практическим опытом.

Для поиска частичного подтверждения приведенных соображений мы введем новый индикатор. Воспользуемся тем, что значения индикатора V для данных 2001 и 2005 гг. близки, а потому вычислим их среднее для каждого суждения. Будем рассматривать такие средние в качестве «базового» уровня индикатора V, относительно которого в промежутке с 2005 по 2008 гг. происходил упомянутый сдвиг. Затем вычтем из этого базового значения значение индикатора V для данных 2008 г. В результате получим величину S, характеризующую сдвиг в оценках респондентов по каждому суждению в сторону позитивных оценок: чем больше значение величины S, тем больше позитивный сдвиг. Фактически, введенный индикатор переводит в числовую

Таблица 6.1.3

Значение индикатора S сдвига оценок респондентов суждений вопроса 2 в позитивную сторону для выборок предпринимателей и граждан по данным 2008 г.

№	Суждения	Бизнес	Граждане
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	22,9	16,8
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	14,8	71,5
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	5,2	36,5
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	8,7	63,3
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	18,6	5,5
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	9,4	15,2
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	7,5	76,7
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	15,3	69,0
9	Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела	11,3	-24,4

форму графическую информацию о динамике оценок респондентов, представленную выше на рисунках 6.1.3 и 6.1.4. Таблица 6.1.3 представляет результаты расчетов величины S для обеих выборок.

За единственным исключением суждения 9 для выборки граждан, мы видим везде сдвиг в положительную сторону. Причем у граждан он существенно больше, несмотря на негативный вклад суждения 9. Средний сдвиг для предпринимателей равен 12,6, а для граждан – 36,7.

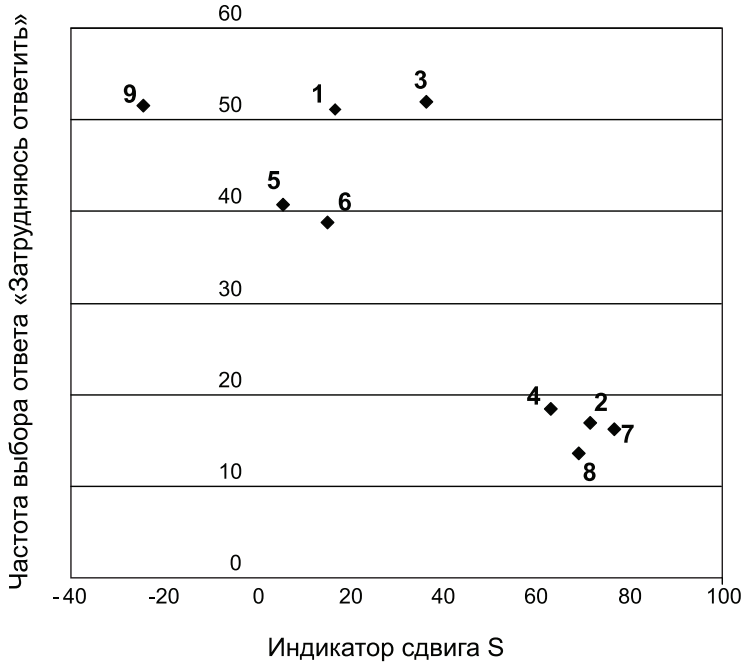


Рисунок 6.1.7. Диаграмма рассеяния точек-суждений из вопроса 2, описываемых для каждого суждения значениями индикатора сдвига S (ось X) и частотой выбора ответа «Затрудняюсь ответить» (ось Y). Точки помечены номерами соответствующих суждений

Теперь вернемся к выборке граждан и сопоставим значения индикатора сдвига S с частотами выбора ответа «Затрудняюсь ответить» по данным 2008 г. (последний столбец таблицы 6.1.1). Сразу бросается в глаза, что есть зависимость между этой частотой и значениями индикатора сдвига. На следующем рисунке мы графически представляем эту зависимость. Мы видим на приведенной диаграмме рассеяния отчетливую отрицательную статистическую зависимость: чем больше сдвиг в положительную сторону, тем меньше частота использования ответа «Затрудняюсь ответить». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена в данном случае равен -0,733 при доверительной вероятности 0,025. Установленная зависимость является одним из возможных подтверждений приведенных выше соображений.

Новую пищу для осмысления полученных эмпирических закономерностей нам может дать анализ типологии «Качество правосудия», которую мы построим следующим образом. Сначала сконструируем новую вспомогательную числовую переменную «Качество правосудия» следующим образом. Оценки респондентов при ответах на вопрос 2 «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?» перекодируются в дихотомическую форму; 1 – положительный оценивающий ответ, 0 – все остальные ответы. Затем полученная матрица данных анализируется методом главных компонент. Первая главная компонента (объясняет 24% дисперсии) оказывается именно той, которая различает респондентов по их одобрению или неодобрению судебной власти, что подтверждается последующей проверкой на валидность. Эту переменную мы будем рассматривать как числовую переменную «Качество правосудия». А типологию с тем же наименованием получаем разбиением шкалы построенной числовой переменной на четыре квартильных интервала. Классы типологии образуются респондентами, распределенными по этим четырем интервалам.

Теперь мы намерены составить социальные портреты групп респондентов – граждан и предпринимателей – низко или высоко оценивающих качество правосудия. Результаты этого анализа приведены ниже в таблицах 6.1.4 и 6.1.5. Есть основания предполагать, что в случае выборки предпринимателей мы сталкиваемся с явлением снятия когнитивного диссонанса в группе респондентов-предпринимателей, дающих низкую оценку судам (левый столбец таблицы 6.1.4). Мы видим, как в единый комплекс попадают, с одной стороны, низкое законопослушание с приверженностью практике использования неформальных методов для решения своих проблем. А с другой стороны – упомянутая низкая оценка судов вкупе с недоверием любым институтам и утверждением, что себе подобные готовы давать взятки в судах. Гипотеза об оправдании собственного асоциального поведения просто напрашивается.

Картина, проявляющаяся при взгляде на правый столбец таблицы, не только местами соотносится с первой как фотография со своим негативом. Она создает впечатление некоего оазиса права, располагающегося в маленьких городках российского Северо-Запада, где живут законопослушные предприниматели, не страдающие от коррупции, доверяющие государственным институтам и верящие в закон. Приходится и нам верить, что такое существует.

Таблица 6.1.4

Социальные портреты респондентов-предпринимателей, принадлежащих группам высоко и низко оценивающих качество судов

Низкая оценка качества судов	Высокая оценка качества судов
Живут в Центральном ФО (4,4) или в Москве или Санкт-Петербурге (3,5); занимаются оптовой или розничной торговлей (3,2); используют неформальные методы защиты своих интересов (3,9); не доверяют никаким институтам (4,4); низкое законопослушание (3,2); полагают, что предприниматели, подобные им, готовы давать взятки в судах (4,5).	Живут в Северо-Западном ФО (3,4) или в городках с населением до 50 тыс. человек (3,7); поддерживают позитивистскую концепцию права (4,0); доверяют любым институтам (3,8); высокое законопослушание (4,3); полагают, что предприниматели, подобные им, не готовы давать взятки в судах (3,1).

Важно, что оценка качества судов предпринимателями не зависит ни от параметров практики, включая успешность этой практики и оценку судебного процесса, ни от интереса к информации о судах, ни от предпочитаемых источников этой информации.

Теперь перейдем к анализу соответствующих социальных портретов для выборки граждан. Как мы уже наблюдали неоднократно, социальные портреты, построенные по данным выборки граждан, оказываются более прописанными, чем соответствующие портреты групп респондентов-предпринимателй. Но гораздо интереснее сами портреты. Прежде всего, характерны общие черты портретов антиподов у предпринимателей и граждан. Это, как не трудно заметить, поддержка позитивистской концепции права вкупе с высоким законопослушанием и доверием любым институтам у высоко оценивающих качество судов. А у низко оценивающих качество судов среди предпринимателей и граждан существенной общей чертой является низкое законопослушание. Наличие сходных черт в портретах, с одной стороны, свидетельствует об их релевантности, а с другой стороны, заставляет с вниманием отнестись к различиям в портретах.

Пожалуй, главным таким различием оказывается следующее. Портреты двух групп респондентов-предпринимателей, по-разному оценивающих качество судов, не различаются, как уже отмечалось, ни по практике взаимодействия с судами, ни по оценке своей практики. Есть основания полагать, что диспозиции предпринимателей

Таблица 6.1.5

Социальные портреты респондентов-граждан, принадлежащих группам высоко и низко оценивающих качество судов

Низкая оценка качества судов	Высокая оценка качества судов
Для защиты своих прав практикуют обращаться к авторитетным людям (5,6) или справляются с проблемой сами (3,7); отсутствует готовность обращаться за судебной защитой (3,6); склонны для решения своих проблем без суда к стратегиям «Замена» (4,2) или «Пассивность, терпение» (3,0).	Наличие юридического образования (2,9); при защите своих прав не знают, куда обращаться (3,0).
Неоднократно были участниками судебного разбирательства (3,2); хотя бы раз попадали в ситуацию, которую можно было бы решить, обратившись в суд (4,4); отсутствие готовности обращаться в суд (4,9); доверяют НГО (2,8) или СМИ (6,7).	Ни разу не были участниками судебного разбирательства (2,8); ни разу не попадали в ситуацию, которую можно было бы решить, обратившись в суд (5,4); высокая готовность обращаться в суд (3,3); доверяют любым институтам (8,0) или судам (3,4).
Предпочитают любительские источники информации о работе судов (3,3); негативно оценивают ход последнего процесса, в котором они участвовали (4,3); поддерживают концепцию естественного права (6,3); низкое законопослушание (5,5).	Поддерживают позитивистскую концепцию права (4,2); высокое законопослушание (3,4).

и их практика слабо влияют друг на друга. Частично это является следствием того, что суды для предпринимателей – необходимая часть их жизни и бизнеса, как клиенты или поставщики. Другая возможная причина, вытекающая из первой: постоянство практики взаимодействия с судом, имеющей, по сравнению с гражданами, более почтенную историю, уже сформировало устойчивую систему диспозиций, подверженную лишь постепенным эволюционным изменениям. Этот факт подтверждается характером динамики оценок суждений из вопроса 2, подтверждаемой диаграммами рисунков

6.1.2 и 6.1.3. Мы видим на них постепенный рост позитивного отношения к судам без резких структурных изменений.

Иное дело различия между аналогичными группами респондентов-граждан. Тут мы наблюдаем (таблица 6.1.5) разительное различие в практике. Для группы с положительной оценкой качества суда характерно отсутствие судебного опыта и сформированных стратегий защиты своих интересов. Это дополняется высокой готовностью обращаться в суд, определяемой доверием ко всем институтам или судам, т.е. носящей, скорее, идеологический, а не практический характер. Их антиподы, прописанные более подробно, совершенно противоположны в той же части палитры переменных. С одной стороны, в этой группе повышено представительство респондентов, имеющих опыт неоднократного участия в судебных процессах и попадания в ситуации, требующие судебной защиты своих прав и интересов. Вместе с тем, они негативно оценивают ход своего последнего судебного процесса; у них отсутствует готовность впредь обращаться в суд; в число их стратегий защиты своих интересов не попадают легальные методы, вместо этого они справляются с проблемами сами или обращаются к авторитетным людям. При таком анамнезе у нас есть веские основания предполагать, что негативная установка респондентов-граждан в отношении качества судов в существенной степени определяется личным опытом взаимодействия с судами.

Теперь попробуем проанализировать, как такие портреты корреспондируются с позитивной динамикой оценок качества суда, если единственная зафиксированная взаимосвязь с практикой взаимодействия с судами – это взаимосвязь с негативной оценкой качества суда. Рассмотрим следующую схему. Мы имеем дело с респондентами, которые сталкиваются с судом, в результате чего есть две возможности: они оценивают результат взаимодействия либо положительно, либо отрицательно. До взаимодействия с судом респонденты могли иметь либо позитивную установку в отношении качества суда, либо отрицательную. Теперь, после взаимодействия с судом, они отвечают на вопрос анкеты (условный, обобщенный) об их оценке качества судов, имея возможность выбрать три варианта ответа: положительная оценка, отрицательная оценка и «Затрудняюсь ответить». Мы можем, опираясь на полученные данные, представить себе следующую схему генерации ответа (таблица 6.1.6).

Мы не можем достаточно надежно верифицировать предложенную схему генерации ответов, поскольку не располагаем сведениями

Таблица 6.1.6

Схема генерации ответов. Затенены клетки наиболее вероятных ответов

	Предустановка	**Положительная**		**Отрицательная**	
	Опыт	**+**	**–**	**+**	**–**
Ответ на вопрос	Положительная оценка				
	Отрицательная оценка				
	Затрудняюсь ответить				

о предустановке конкретных респондентов, но в состоянии привести косвенные соображения в ее обоснование. А именно.

Во-первых, мы видели в таблице 6.1.5, что положительная оценка качества суда определяется группой респондентов, не имеющих опыта столкновения с судом и являющихся носителями определенного комплекса диспозиций, характеризующегося априорным доверием к власти и к судам.

Мы полагаем, что эта группа не определяет динамику оценок качества судов. Во-вторых, понятно, что есть группа респондентов, имеющих опыт взаимодействия с судами и дающих положительную оценку качеству судов. Мы не видим зависимости от качества опыта в правом столбце таблицы 6.1.5 потому, что это качество опыта не влияет на оценки таких респондентов или влияет в малой степени, за границей статистической достоверности. Мы объясняем это наличием позитивной предустановки. Именно поэтому в таблице 6.1.6 мы предполагаем наиболее вероятным положительный ответ, независимо от качества последнего опыта. В-третьих, представляется крайне вероятным, что отрицательная предустановка, подкрепленная отрицательным опытом, порождает отрицательный ответ при оценке качества судов. И, наконец, в-четвертых, мы ожидаем ответ «Затрудняюсь ответить», когда отрицательная предустановка вступает в противоречие с положительным опытом. При такой схеме направление динамики зависит от соотношения реакций респондентов на свой опыт. Но как показывают результаты расчетов, оценки

последнего опыта имеют положительный баланс. Например, в вопросе 60 о ходе последнего процесса соотношение согласных и несогласных со следующими утверждениями таковы: «Решение судьи было справедливым» – 60:17; «Моя проблема была решена полностью» – 52:25; «Я доволен судебным решением» – 54:22. Мы видим явный баланс в сторону позитивных оценок хода и результата процесса, что, как можно предположить, и определяет динамику отношения к судам у граждан. Но если мы наблюдаем революционное улучшение оценок качества судов и если эти оценки, как мы видим, связаны с практикой граждан, то мы вправе предполагать, что наблюдаемая динамика диспозиций граждан частично определяется сужением во времени негативного опыта взаимодействия граждан с судами и расширение позитивного. Дополнительный аргумент дают результаты анализа данных выборки предпринимателей. Там мы тоже наблюдаем положительный баланс в пользу утвердительных ответов при оценке тех же самых утверждений. Но этот баланс не столь контрастный, что, возможно, и определяет эволюционное изменение оценок предпринимателей. Однако эти предположения могут быть проверены только повторными социологическими измерениями.

В данном параграфе не рассматривается взаимосвязь между оценкой качества судов и доверием к ним. Мы сделаем это в следующем параграфе.

6.2. Доверие судам

В общей части двух анкет граждан и предпринимателей было несколько вопросов, затрагивающих эту важную тему. Первый вопрос 9 с простым выбором ответа – «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?» – предназначался для прямой оценки доверия. Ему сопутствовало два вопроса, предназначенных для выяснения причин доверия или недоверия. Был также табличный вопрос 5 – «Насколько Вы доверяете следующим государственным и общественным институтам?», который предоставлял возможность сравнить доверие судам с доверием к другим институтам.

Начнем анализ с вопроса 9. Диаграмма рисунка 6.2.1 позволяет сравнить частоты ответов респондентов двух выборок. Мы видим, что распределения довольно близки, а различия, скорее всего, определяются традиционно большей долей респондентов-граждан,

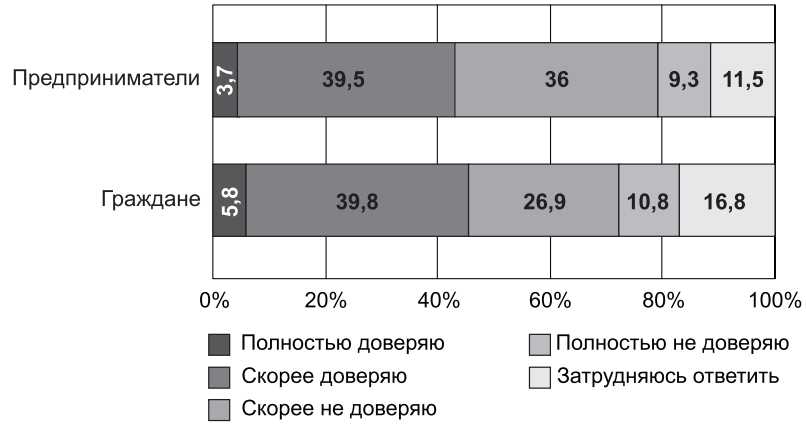


Рисунок 6.2.1. Распределения частот ответов респондентов-предпринимателей на вопрос 9 анкеты «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?» для выборок предпринимателей и граждан

выбравших ответ «Затрудняюсь ответить». Кроме того, можно признать, что в обеих выборках в целом соблюдается примерное равенство между склоняющимися к доверию или недоверию судам. Следует напомнить, что это не первый случай, когда мы наблюдаем сходство установок у граждан и предпринимателей.

Теперь мы перейдем к изучению портретов респондентов – предпринимателей и граждан, принадлежащих к группам с различным уровнем доверия судам. Мы будем снова применять используемую ранее технику социальных портретов. Начнем с выборки предпринимателей. Общий результат представлен в таблице 6.2.1.

В представленных портретах прежде всего бросается в глаза весьма высокая зависимость между доверием к судам и оценкой качества; доверительная вероятность равна 6,79E-15. На следующей диаграмме мы увидим структуру этой зависимости, согласно которой рост доверия по ответам респондентов сопровождается резким ростом оценки качества работы судов, что, конечно, вполне ожидаемо. Это тот тип взаимосвязи между диспозициями, которые мы нередко наблюдаем в наших исследованиях. Теперь построим социальные портреты аналогичных групп респондентов-граждан (таблица 6.2.2) и затем перейдем к сопоставлению портретов.

Таблица 6.2.1

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей, выбравших различные ответы на вопрос 9 анкеты «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?»

Полностью доверяю
Жители городков с населением до 50 тыс. человек (3,4). «В России все равны перед судом» (3,3); высоко оценивают качество правосудия (4,3).
Скорее доверяю
Имеют юридическое образование (3,7); являются практикующими юристами (3,5); интересуются информацией о судах, но не очень (2,9); получили положительное решение суда по личной проблеме (3,8); принимали участие в судах по решению проблем своего бизнеса (3,1); прибегают к законным методам защиты своих интересов (3,3). «Вполне можно жить, не нарушая законы» (2,8); «Суды в России скорее независимы от руководства страны» (3,3); считают, что судьи пользуются большим уважением по сравнению с другими юридическими профессиями (4,1); «Взяточничество в судах встречается, но не очень часто» (2,9); «Взяточничества в судах нет за исключением единичных случаев» (4,4); тип института, пользующегося доверием, – суды (5,0); высокое законопослушание (3,0); высоко оценивают качество правосудия (5,0).
Скорее не доверяю
Жители Москвы и Санкт-Петербурга (3,0). Считают, что бизнесменам, подобным им, приходится давать взятки в судах (3,5); прибегают к неформальным методам защиты своих интересов (3,5). «В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (4,2); «С помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата» (5,4); тип института, пользующегося доверием, – НГО (3,5); законопослушание ниже среднего (2,9) или низкое (2,8); низко оценивают качество правосудия (7,4).
Полностью не доверяю
Лично сталкивались со взяточничеством в судах (2,9). «Невозможно жить, не нарушая законы» (3,4); «В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (2,9); «С помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата» (5,2); тип института, пользующегося доверием, – СМИ (3,3); низко оценивают качество правосудия (3,3).

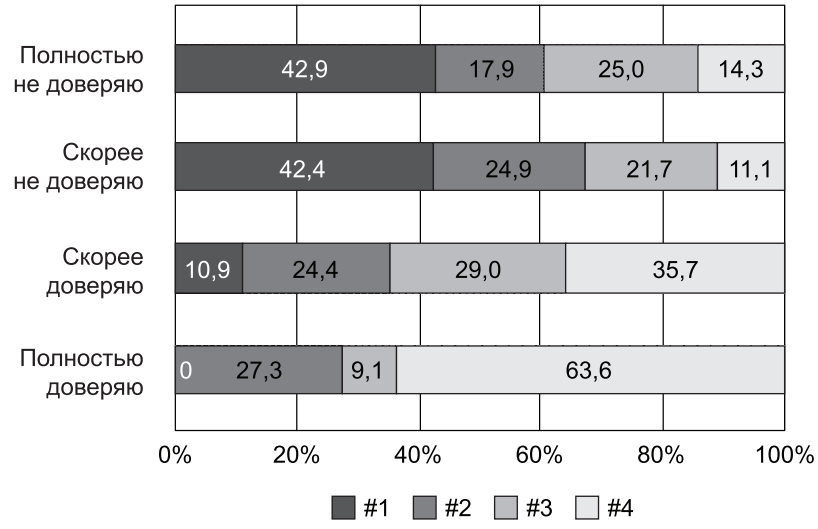


Рисунок 6.2.2. Распределения частот принадлежности респондентов-предпринимателей квартильным интервалам переменной, характеризующей оценку качества работы судов (чем выше номер интервала, тем выше оценка качества) среди групп респондентов, выбирающих разные ответы на вопрос 9 анкеты «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?»

В целом, приведенные портреты адекватны соответствующим установкам. Как обычно, портреты граждан более подробны. Но это не главное. Пожалуй, основной вывод, который можно сделать из социальных портретов, представленных в таблицах 6.2.1 и 6.2.2, – их подробность, «богатство красок и деталей», говоря метафорически. Это связано с тем, что доверие – одна из ключевых категорий, на которых держится социальный порядок. Оно важно и для повседневного взаимодействия людей, и для взаимоотношений между властью и обществом. Неудивительно, что доверие (недоверие) корреспондируется и с практикой, и с компонентами правового сознания, и с диспозициями, выражающими отношение к нынешнему состоянию судебной власти и представления о ее желаемом устройстве.

Наконец, рассмотрим результаты анализа ответов респондентов на вопросы с множественным выбором ответов 10 «Почему Вы доверяете

российскому суду?», который задавался респондентам, выразившим доверие суду, и 11 «Почему Вы не доверяете российскому суду?», задававшийся недоверчивым респондентам. Ниже приводятся таблицы, в которых причины доверия или недоверия судам сопоставляются для выборок граждан и предпринимателей.

Бросается в глаза удивительное сходство упорядочений частот ответов для обеих выборок. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена для этих упорядочений равен 0,923 при доверительной вероятности 6,85E-06, что, конечно, свидетельствует об очень высоком сходстве. Причем близки не только упорядочения, но и значения. Фактически это свидетельство тождественности структуры диспозиций у двух весьма различных групп.

Мы видим также, что лидируют общеидеологические основания доверия, а на последнем месте – частные «потребительские» свойства вроде вежливости сотрудников и хорошей организации работы. Невелики частоты и мотивов, связанных с позитивным опытом. Однако из этого не следует, что реальная частота позитивного опыта настолько мала. Например, в вопросе 60 анкеты граждан с утверждением о ходе процесса «Решение судьи было справедливым» согласилось почти 60% респондентов, отвечавших на этот вопрос. У предпринимателей такой процент чуть выше. Скорее всего, принятие справедливого решения рассматривается респондентами как естественная необходимость,

Таблица 6.2.2

Социальные портреты групп респондентов-граждан, выбравших различные ответы на вопрос 9 анкеты «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?»

Полностью доверяю
Жители Приволжского ФО (3,4); пенсионеры (4,0); едва сводят концы с концами (4,7). Очень (5,8) или в некоторой степени (4,5) интересуются информацией о работе судов. Высокая моральная готовность обращаться в суд (5,2); готовы обращаться в суд всегда, когда возникнет необходимость (4,1); в судах решают проблемы прав личности (5,7). «Вполне можно жить, не нарушая законы» (5,0); «В России все равны перед судом» (8,4); высокое законопослушание (3,6); высокая оценка качества судов (9,3).

Скорее доверяю
Жители Приволжского ФО (3,3); работники бюджетных организаций (2,9); денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования затруднена (3,9). Мало (6,2) или в некоторой степени (3,0) интересуются информацией о работе судов. Считают, что их права и свободы никто не нарушает (6,5). При защите своих прав обращаются в юридическую консультацию (3,2); готовы обращаться в суд всегда, когда возникнет необходимость (4,3) или если не будет другого выхода (4,0); высокий социальный интеллект (6,2). «Вполне можно жить, не нарушая законы» (8,5); «В России все равны перед судом» (5,9). Считают прокурора (3,2) или судью (4,4) видами юридической деятельности, пользующимися наибольшим доверием; тип института, пользующийся доверием, – суды (6,3). Приверженцы позитивистской концепции права (4,0); законопослушание высокое (7,6) или выше среднего (3,8); высокая поддержка независимости судебных решений (3,8). Приверженцы абстрактных целей судебного процесса (4,7). Оценка качества судов высокая (7,7) или выше среднего (4,8).
Скорее не доверяю
Жители Санкт-Петербурга (3,5) или городов-миллионников (4,1); жители деревень (3,1). Для защиты своих прав обращаются к родственникам, друзьям (4,4) или справляются с проблемой сами (5,9). «Невозможно жить, не нарушая законы» (6,0); «К богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (9,5); «Мировые судьи должны назначаться законодательными органами» (7,3); тип института, пользующийся доверием, – НГО (4,4); приверженцы концепции естественного права (3,5); законопослушание низкое (3,6) или ниже среднего (2,9). Оценка качества судов низкая (8,0) или ниже среднего (4,1).
Полностью не доверяю
Жители дальневосточного ФО (6,1); жители городов (4,6). Очень интересуются (2,7) или совершенно не интересуются (2,6) информацией о работе судов; неоднократно были участниками судебного процесса (3,7); не намерены обращаться в суд в будущем (6,0); недовольны ходом своего последнего процесса (5,7). «Невозможно жить, не нарушая законы» (6,0); «К богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (6,0); «Мировые судьи должны избираться гражданами» (6,4); тип института, пользующийся доверием, – СМИ (5,9). Низкое законопослушание (5,0); низкая оценка качества судов (11,0).

Таблица 6.2.3

Частоты выбора ответа (в процентах от числа отвечавших) на вопрос 10 анкеты «Почему Вы доверяете российскому суду?» для выборок предпринимателей и граждан. Ответы упорядочены по убыванию частоты для выборки предпринимателей

№	Варианты ответов	Бизнес	Граждане
12	Обращение в суд – это законный способ борьбы за свои права	46,5	41,0
9	Граждане могут защитить свои права в суде	28,0	32,5
8	В суде можно получить официальное государственное решение сложного конфликта	23,4	21,3
5	Суды обеспечивают законность в нашем государстве	22,7	25,7
13	Без доверия к суду государство будет разрушаться	18,1	20,4
1	Добился защиты своих прав в суде	15,0	9,0
6	Суды поддерживают порядок и стабильность	14,1	21,1
3	Знакомые добились защиты своих прав в суде	12,7	11,6
2	Добился справедливости в суде	10,9	8,3
7	Суд позволяет гражданину контролировать органы власти	7,6	7,0
4	Знакомые добились справедливости в суде	6,9	11,4
10	Работа судов хорошо организована	2,8	2,4
11	Сотрудники судов вежливы и внимательны к посетителям	1,9	1,5

а не основание для доверия суду. Подобное сопоставление заканчивается таким же результатом и для других мотивов, вроде мотивов под номерами 10 и 11.

Итак, лидируют идеологические правовые мотивы. Поскольку они противопоставлены мотивам практического характера, связанным

с опытом респондентов, возникает важный вопрос: зависят ли различные мотивы доверия суду от опыта респондентов по взаимодействию с судами. Анализ сопряженностей показал, что только два мотива корреспондируются с опытом респондентов. Наверное, неудивительно, что это мотивы 1 – «Добился защиты своих прав в суде» и 2 – «Добился справедливости в суде». Для выборки граждан доверительные вероятности равны, соответственно, 7,71E-18 и 8,46E-14; для выборки предпринимателей эти же доверительные вероятности равны 6,29E-08 и 0,007. Мы видим, что в обоих случаях защита своих прав оказывается более существенным мотивом, чем более абстрактная справедливость. А идеологические основания не зависят от практики. Дополнительный анализ позволил установить, что на выборке граждан существует положительная зависимость между приверженностью идеологическим мотивам и законопослушанием. На выборке предпринимателей идеологические мотивы доверия судам не корреспондируются с основными диспозиционными переменными – в частности, с переменными правосознания.

Теперь рассмотрим мотивы недоверия к судам, данные о которых представлены в таблице 6.2.4.

Мы видим, как и в случае мотивов доверия, сходство упорядочений частот мотивов недоверия, но не столь явное, как в случае мотивов доверия. Ранговая корреляция Спирмена равна 0,762 при доверительной вероятности, равной 3,75E-04. Явные расхождения имеют ясный смысл. К примеру, плохое выполнение судебных решений (мотив 12) для бизнеса более важен, чем для граждан, поскольку для него больше цена потерь от невыполнения судебных решений. Неудивительно, что предприниматели чаще сталкиваются с коррупцией в судах, нежели граждане (мотив 10). Так же как и тот факт, что для граждан мотив 11 «Мало знаю о суде» намного важнее, чем для предпринимателей. Еще одно интересное обстоятельство: мотив 15 «Не доверяю никаким органам государственной власти» в два раза распространеннее среди граждан, чем среди предпринимателей.

Однако более важным является другое наблюдение, которое можно сделать, анализируя данные таблицы 6.2.4. Первые шесть строк поровну делят идеологические и практические мотивы. Сопоставляя данные таблиц 6.2.3 и 6.2.4, мы получаем основание для важного вывода: идеологические мотивы доминируют при формировании доверия суду. Но этот вывод не распространяется на мотивы недоверия суду.

Следующее важное наблюдение, которое можно сделать, сопоставляя данные обеих таблиц, таково. В этих таблицах опыт взаимодействия с судом представлен четырьмя мотивами. Первую пару образуют следующие мотивы: добился (не добился) справедливости или защиты своих прав. Вторую пару – тот же результат, но не личный, а связанный с опытом знакомых. Так вот. В таблице 6.2.3 личный позитивный опыт оказывается важнее позитивного опыта знакомых. Иначе в таблице 6.2.4: в ней негативный опыт знакомых существенно опережает личный негативный опыт. Есть основания полагать, что этот эффект имеет следующее объяснение. Негативный опыт обсуждается чаще, дольше и оставляет более глубокий след в сознании респондентов. Поэтому негативный опыт отдельного человека становится предметом сопереживания его круга знакомых интенсивнее, чем позитивный опыт. Иными словами: информационные круги от позитивного опыта затухают быстрее, чем те же круги от негативного опыта. Нетрудно догадаться, что схожий вывод может касаться и информации, распространяемой о судах в СМИ.

Списки мотивов в обеих таблицах имеют своеобразную общую часть. Первые одиннадцать мотивов из вопроса 10 (таблица 6.2.3) дублируются в вопросе 11 (таблица 6.2.5), но в виде утверждений, являющихся отрицаниями утверждений вопроса 10. Это сделано специально для сопоставления мотивов. Есть очевидная сложность – различная длина списков ответов в вопросах 10 и 11. Чтобы учесть это обстоятельство, мы перейдем к Z-оценкам частот. Для каждой выборки отдельно вычисляется средняя частота выбора мотивов и стандартное отклонение частот. Затем из каждой частоты вычитается среднее, а разница делится на стандартное отклонение.

В таблицах 6.2.5 и 6.2.6 дается сопоставление корреспондирующихся мотивов доверия и недоверия для граждан и предпринимателей. В этих таблицах вместо формулировок ответов приведены основания мотивов доверия или недоверия. Применительно к левой части таблиц каждое основание реализовалось положительно, а к правой – отрицательно. Кроме того, для удобства сравнения значения Z-оценок преобразованы в коды K интервалов этих значений по следующей схеме: 0 – [-3; 3]; -1 – [-6; -3]; 1 – [3; 6]; -2 – [-10; -6]; 2 –[6; 10]; -3– [-∞; -10]; 3 – [10; +∞]. Здесь интервал с кодом -3 – это интервал самых маленьких значений Z; интервал с кодом 3 – это интервал самых больших значений Z; интервал с кодом 0 – это интервал значений Z, которые мы признаем статистически неразличимыми с частотами случайного

Таблица 6.2.4

Частоты выбора ответа (в процентах от числа отвечавших) на вопрос 11 анкеты «Почему Вы не доверяете российскому суду?» для выборок предпринимателей и граждан. Ответы упорядочены по убыванию частоты для выборки предпринимателей

№	Варианты ответов	Бизнес	Граждане
5	Суды не обеспечивают законность в нашем государстве	25,6	24,7
3	Знакомые не добились справедливого решения	25,4	17,8
12	Судебные решения не выполняются	22,1	13,3
10	Сталкивался со случаями коррупции в судах	21,0	16,0
9	Граждане не могут защитить свои права в суде	17,9	17,8
4	Знакомые не добились защиты своих прав в суде	16,8	13,6
2	Не добился справедливого решения в суде	13,2	8,8
8	В суде очень сложно получить официальное государственное решение сложного конфликта	13,2	9,3
16	Работа судов плохо организована	11,7	10,1
11	Мало знаю о суде	9,5	20,2
1	Не добился защиты своих прав в суде	7,7	7,7
6	Суды не поддерживают порядок и стабильность	7,7	10,1
14	Суды постоянно критикуют в СМИ	6,6	7,2
7	Суд не позволяет гражданину контролировать органы власти	6,2	5,6
17	Сотрудники судов невежливы и невнимательны к посетителям	5,5	6,1
15	Не доверяю никаким органам государственной власти	5,1	11,4
13	Суды постоянно критикуют политики и общественные деятели	1,8	3,7

Таблица 6.2.5

Результаты сравнения мотивов доверия и недоверия для выборки граждан. Столбцы (для каждой из указанных слева и справа выборок): N – номера ответов на вопросы 10 (доверие) и 11 (недоверие) в соответствующей анкете; Z – Z-оценки частот ответов; K– код интервала Z-оценок

Доверие			Основание мотива	Недоверие		
№	Z	K		K	Z	№
1	-7,13	-2	Защита своих прав в суде при собственном участии	-1	-4,23	1
2	-7,77	-2	Справедливое решение в суде при собственном участии	-1	-3,17	2
3	-4,60	-1	Защита своих прав в суде при участии знакомых	1	5,81	3
4	-4,81	-1	Справедливое решение в суде при участии знакомых	0	1,58	4
5	8,90	2	Обеспечение законности в нашем государстве	3	12,69	5
6	4,47	1	Поддержка судами порядка и стабильности	0	-1,85	6
7	-9,03	-2	Суд как возможность для гражданина контролировать органы власти	-2	-6,35	7
8	4,68	1	Возможность получения в суде официального государственного решения сложного конфликта	0	-2,65	8
9	15,44	3	Возможность защитить свои права в суде	1	5,81	9
10	-13,46	-3	Организация работы судов	0	-1,85	16
11	-14,31	-3	Отношение сотрудников судов к посетителям	-1	-5,82	17

Таблица 6.2.6

Результаты сравнения мотивов доверия и недоверия для выборки предпринимателей. Столбцы (для каждой из указанных слева и справа выборок): N – номера ответов на вопросы 10 (доверие) и 11 (недоверие) в соответствующей анкете; Z – Z-оценки частот ответов; K – код интервала Z-оценок

Доверие			Основание мотива	Недоверие		
№	Z	K		K	Z	№
1	-1,46	0	Защита своих прав в суде при собственном участии	0	-2,66	1
2	-3,17	-1	Справедливое решение в суде при собственном участии	0	-0,03	2
3	-2,41	0	Защита своих прав в суде при участии знакомых	1	5,76	3
4	-4,78	-1	Справедливое решение в суде при участии знакомых	0	1,66	4
5	1,68	0	Обеспечение законности в нашем государстве	1	5,87	5
6	-1,84	0	Поддержка судами порядка и стабильности	0	-2,66	6
7	-4,50	-2	Суд как возможность для гражданина контролировать органы власти	-1	-3,39	7
8	1,96	0	Возможность получения в суде официального государственного решения сложного конфликта	0	-0,03	8
9	3,86	1	Возможность защитить свои права в суде	0	2,18	9
10	-6,49	-2	Организация работы судов	0	-0,76	16
11	-6,87	-2	Отношение сотрудников судов к посетителям	-1	-3,71	17

выбора. Полученные таким образом индикаторы мотивов доверия-недоверия представлены в таблицах 6.2.5 и 6.2.6.

Первое наблюдение, которое можно сделать на основании данных обеих таблиц: выбор мотивов доверия имеет более крупные абсолютные значения Z-оценок, чем мотивов недоверия. Это можно заключить, к примеру, из того, что среднее абсолютных значений Z-оценок мотивов доверия по гражданам и предпринимателям равно 6,07, а мотивов недоверия – 3,66. Формулируя несколько метафорично, можно сказать, что выбор мотивов доверия более контрастен, чем мотивов недоверия. Из тех же соображений и таким же методом мы можем сделать второй вывод: выбор мотивов доверия или недоверия гражданами более контрастен, чем выбор предпринимателей. Справочно: среднее абсолютных значений Z-оценок мотивов доверия граждан равен 6,65, а предпринимателей – 3,08.

Возможно, здесь уместно обратить внимание на то, что социальные портреты респондентов-граждан, принадлежащих разным группам с разным уровнем доверием суду, подробнее и контрастнее, чем подобные портреты респондентов-предпринимателей. Напрашивается следующий вывод: тот факт, что доверие для граждан является более важной категорией, проявляется, с одной стороны, в специфике социальных портретов, что, по существу, выражается в сети разветвленных связей доверия с другими социальными категориями, а с другой стороны – в обстоятельности мотивов доверия или недоверия.

Это обстоятельство не тождественно пропорции доверия или недоверия, определяемой соотношением численностей респондентов, выражающих то или другое. Речь идет именно о том, что представляется важным и что полезно повторить. А именно, в какой мере некая диспозиция встроена в сеть (пространство, прибегая к терминологии Бурдье) других диспозиций, в какой мере данная диспозиция соотносится с позициями респондентов, их практиками и т.п. Мы видим из таблиц 6.2.1 и 6.2.2, что доверие сопряжено и с местами проживания респондентов, с их достатком или бедностью, с их позитивным или негативным опытом взаимодействия с судом, с переменными правосознания и со многими другими характеристиками респондентов. Тем самым доверие – это определенный «нервный узел» сети социальных характеристик.

Взаимосвязь между доверием суду и другими диспозициями, выражающими отношение к суду, как правило, симметрична, что подтверждается структурой таблиц сопряженности. Высокое доверие

формируется не только высокой оценкой института. Верно и обратное: высокая оценка часто бывает оправданием имеющегося доверия.

Последний сюжет, который мы рассмотрим, – оценка доверия судам по сравнению с другими институтами. Для этого в нашей анкете респондентам предлагался табличный вопрос 5 «Насколько Вы доверяете следующим государственным и общественным институтам?». Список государственных и негосударственных институтов содержал 23 позиции (с ними можно познакомиться не только в Электронном приложении, но и ниже в таблице 6.2.7). Для каждого института респондент должен был выбрать один из следующих ответов: «Полностью доверяю», «Доверяю, но не во всем», «Не доверяю», «Безразличен». Ниже для оценки степени доверия институтам мы будем использовать простой индикатор уровня доверия T: T = p (Полностью доверяю) / (p(Полностью доверяю) + (Не доверяю)), p – частота выбора того или иного ответа. В таблице 6.2.7 приведены значения T вместе с их рангами.

Заметим, прежде всего, что упорядочения значений индикаторов уровня доверия для предпринимателей и граждан весьма близки. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,942 при доверительной вероятности, равной 2,03E-11. Однако имеются и различия. Прежде всего, явственно виден сдвиг: граждане оценивают все институты более благосклонно. Среднее значение индикатора для выборки граждан равно 38,0, а для выборки предпринимателей – 44,4. Парный T-тест дает доверительную вероятность (в пользу различия выборок), равную 9,44E-05.

Ногораздоинтереснеезличиядляотдельныхинститутов(всилу сдвига значений индикаторов мы будем сравнивать ранги). У предпринимателей наибольшим доверием пользуется Конституционный Суд РФ, а граждане ставят его на пятое место. На первом месте у них Вооруженные силы РФ, которым предприниматели отводят четвертое место. В середине списка видны разногласия в отношении к церковным организациям. Граждане ставят их на восьмое место, а предприниматели на четырнадцатое. А вот отношение к правозащитным организациям противоположное: предприниматели, отводя им восьмое место, ценят их выше граждан, которые ставят их на пятнадцатое место. Это может показаться парадоксальным. Ведь правозащитные организации больше помогают гражданам, чем предпринимателям. Здесь явно видны следы негативной пропаганды в отношении правозащитников, которая разворачивалась с начала 2005 г.

Таблица 6.2.7

Значения индикатора уровня доверия различным институтам Т вместе с рангами этих значений (чем выше значение, тем ниже ранг) для выборок предпринимателей и граждан

№	Институт	Бизнес		Граждане	
		Т	ранг	Т	ранг
1	Администрация президента РФ	69,9	3	69,4	3
2	Правительство РФ	59,9	6	63,2	7
3	Государственная Дума РФ	18,7	18	26,6	17
4	Политические партии	6,9	23	11,8	23
5	Прокуратура	28,3	15	37,6	15
6	Милиция	10,9	20	17,9	22
7	ФСБ	50,7	7	65,0	6
8	Конституционный суд РФ	74,8	1	68,5	5
9	Верховный суд РФ	72,8	2	70,5	2
10	Высший Арбитражный суд РФ	66,6	5	69,0	4
11	Суды общей юрисдикции разных уровней (региональные, городские, районные)	27,4	16	32,3	16
12	Мировые судьи	35,3	13	47,4	10
13	Арбитражные суды разных уровней	37,4	12	44,3	12
14	Адвокаты	39,3	9	46,3	11
15	Назначаемые президентом руководители регионов РФ	37,5	11	41,8	14
16	Мэры, администрации городов, районов	19,7	17	21,4	18
17	Вооруженные силы РФ	68,2	4	77,1	1
18	Церковные организации, зарегистрированные в России	34,8	14	61,0	8

№	Институт	Бизнес		Граждане	
		Т	ранг	Т	ранг
19	Экологические организации	38,1	10	49,3	9
20	Правозащитные организации	41,4	8	41,9	13
21	Телевидение	10,9	21	20,2	20
22	Радио	14,2	19	20,8	19
23	Газеты	10,5	22	18,0	21

В Главе 1 описано, как по оценкам институтов в вопросе 5 строилась типология респондентов, склоняющихся к доверию определенным типам институтов. Сравним, прежде всего, эти типологии для граждан и предпринимателей.

При некоторых сходствах двух типологий бросаются в глаза важные различия. У предпринимателей первое место по величине класса пользуются суды, что весьма неожиданно. Разница с гражданами составляет почти 10%. У последних приоритеты другие: на первом месте СМИ; на втором – негосударственные организации; на третьем – суды. Но зато суды лидируют среди всех типов государственных институтов, причем с весьма значимым отрывом. Это тем более интересно, что официальная пропаганда игнорирует суды (за исключением негативной информации), но зато в позитивном свете представляет остальные органы власти (возможно, за исключением милиции). Еще один интересный факт – и среди предпринимателей, и среди граждан тип института, пользующегося наименьшим доверием, – «силовики». И это несмотря на то, что Вооруженные силы РФ сохраняют высокое доверие.

Разберемся подробнее в факторах, определяющих доверие к тем или иным типам институтов, прибегнув к технике социальных портретов. Они представлены в таблицах 6.2.8. и 6.2.9.

Содержимое таблиц 6.2.8 и 6.2.9 позволяет сделать ряд выводов. Начнем с наименее интересных, постепенно продвигаясь к более интересным. Во-первых, как и ранее, мы наблюдаем более подробно прописанный портрет в случае выборки граждан. Во-вторых, в случае обоих выборок весьма невыразительны портреты групп

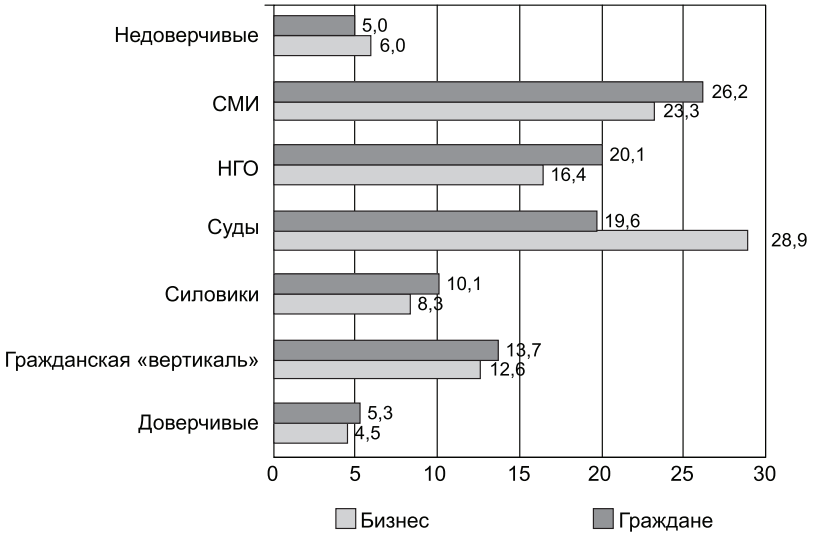


Рисунок 6.2.3. Распределения частот принадлежности (в процентах) респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан классам типологий по типам институтов, пользующихся преимущественным доверием

респондентов, доверяющих одному из двух типов институтов: «силовики» или «гражданская вертикаль». Правда, имеющиеся скупые штрихи довольно логичны. Предприниматели, негативно оценивающие ход своего последнего процесса, называют «гражданскую вертикаль» в качестве типа института преимущественного доверия. Понятно, что они ищут суду альтернативу. Для этого в русском языке существует термин «найти управу». Неудивительно также, что на силовиков уповают жители Южного ФО. Тут работает некоторая локальная особенность выборки. Ныне социологические агентства не идут с опросами на Северный Кавказ (или идут весьма нерепрезентативно). В результате Южный ФО представлен в выборке целиком или преимущественно «русскими» областями. Но эти области постоянно живут в условиях ощущения кипящего по соседству котла Северного Кавказа, видя защиту именно в силовиках. Работникам органов государственной власти в нашей стране, независимо от места их проживания, тоже есть чего бояться, если учесть масштабы

Таблица 6.2.8

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей, принадлежащих разным классам типологии преимущественного доверия различным типам институтов

СМИ
Полностью не доверяют суду (3,3); низкое законопослушание (3,0).
Негосударственные организации
Скорее, не доверяют суду (3,5).
Суды
Жители Уральского ФО; имеют опыт взаимодействия с судом по проблемам своего бизнеса (3,0); положительно оценивают ход последнего процесса (3,7); скорее, доверяют суду (5,0); «Взяточничество в судах встречается, но не очень часто» (3,2); сторонники независимости судебной власти (3,8); законопослушание выше среднего (3,8).
Силовики
Нет специфических черт
Гражданская вертикаль
Негативно оценивают ход своего последнего судебного процесса (3,9).

бюрократического воровства. Также понятно, что они вряд ли надеются на судебную защиту. Далее мы не рассматриваем скудные портреты сторонников «гражданской вертикали» или «силовиков». В-третьих, в случае социальных портретов, выявленных на выборке предпринимателей, единственный более или менее прописанный портрет – это портрет приверженцев судебной власти. В-четвертых, сравнивая соответственные портреты предпринимателей и граждан, мы замечаем, что в каждой паре более скудный портрет группы предпринимателей дополняется новыми чертами соответственной группы граждан. Например, в таблице 6.2.8 группа поклонников СМИ характеризуется недоверием суду и низким законопослушанием. Те же черты мы находим в портрете группы респондентов-граждан, доверяющих СМИ (таблица 6.2.9), но они обогащены, дополнены и другими красками.

Таблица 6.2.9

Социальные портреты групп респондентов-граждан, принадлежащих разным классам типологии преимущественного доверия различным типам институтов

СМИ
Жители Дальневосточного ФО (4,7); города с населением 20–50 тыс. человек (3,7); рабочие (3,2); работают на предприятиях частного бизнеса (3,4); низкий социальный интеллект (3,0). Полностью не доверяют судам (5,9); отсутствие моральной готовности обращаться в суд (4,2); низкое законопослушание (3,1); оценивают качество правосудия как низкое (6,7).
Негосударственные организации
Женщины (3,3). Скорее, не доверяют суду (4,4); поддержка независимости судебной власти ниже средней (3,1); нетерпимость к нарушению законов выше средней (3,7); оценивают качество правосудия как низкое (2,8).
Суды
Жители Приволжского ФО (3,5); в некоторой степени интересуются информацией о судах (3,3); имеют юридическое образование (3,5); высокий социальный интеллект (4,5). Скорее, доверяют судам (6,3); «Суды должны быть независимы от руководства страны» (3,6); высокая поддержка независимости судебных решений (4,0); оценивают качество правосудия как высокое (3,4).
Силовики
Жители Южного ФО (3,0); работают в органах государственного управления (2,8)
Гражданская вертикаль
Жители Санкт-Петербурга (3,7) или деревень (3,5); низкий социальный интеллект (3,7)

Теперь перейдем к более важным наблюдениям, касающимся содержательной, а не структурной, стороны приведенных портретов. При формировании приведенных портретов был использован вопрос 9 «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?»,

несмотря на ожидаемость результата – наличия взаимосвязи. Но мы в данном случае сможем увидеть, на какие институты переключается доверие респондентов, когда они не доверяют судам. Характерно, что это «переключение» происходит сходным образом в случаях обеих выборок. Те, кто полностью не доверяет суду, доверяют СМИ. Те же, кто не доверяет суду в умеренной степени, уповают на негосударственные организации.

Мы можем проанализировать два первых портрета, опираясь на данные факты, апеллируя только к портретам групп респондентов-граждан. Начнем с негосударственных организаций. Легко представить себе, что к правозащитникам граждане обращаются в непростых ситуациях; как правило, речь идет о тяжбах с неравным соперником – в частности, с властью. К сожалению, нередко суды выносят вердикты против граждан и в пользу власти. Такие или подобные таким сюжеты порождают тот комплекс, который мы видим в портрете респондентов, доверяющих преимущественно СМИ. В нем видится смесь двух образов. Первый – это те, кто составляет представление о судах на основании смещенного образа, формируемого СМИ. Этому способствует их низкий социальный интеллект. Вторые – это ранее выявлявшаяся группа респондентов, преодолевающих когнитивный диссонанс. В данном случае их доверие СМИ – всего лишь часть оправдания своего незаконопослушного поведения. Негативная пропаганда судебной власти в СМИ помогает снятию когнитивного диссонанса.

Наконец, в портрете респондентов, доверяющих судам, наиболее интересна приверженность респондентов из этой группы независимости судебной власти и судебных решений на фоне высокого социального интеллекта.

6.3. Суждения «о сущем и должном»

Под этим названием будет фигурировать анализ ответов респондентов на вопросы, которые в обеих анкетах – граждан и предпринимателей – затрагивают представления о нынешнем состоянии судебной власти и о предпочтительных вариантах различных институциональных решений по ее совершенствованию. Сначала мы проанализируем ответы на вопросы о сущем, а затем – о должном. В ходе анализа

мы будем сопоставлять мнения граждан и предпринимателей, а также строить социальные портреты респондентов, выражающих различные мнения. Одна из целей нашего анализа – выявить факторы, определяющие в данном случае генерацию мнений респондентами.

Мы видим из диаграммы рисунка 6.3.1, что взгляд респондентов-граждан на возможность жить в России без нарушения законов более оптимистичен, нежели у бизнесменов; разница более чем в 10% весьма значима. Возможно, это связано с тем, что предприниматели живут в России в условиях более жесткого и агрессивного пресса со стороны государства. С учетом этого обстоятельства, полученные почти 35% оптимистического ответа представляются довольно прекраснодушным результатом. Естественно задаться вопросом о причинах такого прекраснодушия. Возможный ответ находится при анализе социальных портретов.

В таблице 6.3.1 отчетливо бросается в глаза причудливая плотность заполнения клеток таблицы. И для предпринимателей, и для граждан мы видим скудные портреты респондентов, выбравших экзотический ответ «Не согласен ни с тем, ни с другим». Причины очевидны: формулировка слишком неопределенна и не имеет правового содержания ни с точки зрения практики, ни с точки зрения структуры диспозиций респондентов. Отсюда – практически случайный процесс генерации ответа и, соответственно, случайный отбор портретных черт, прошедших фильтр статистической оценки. Респонденты, выбравшие ответ «Невозможно жить, не нарушая законы», в случае обоих выборок имеют достаточно ясно прописанные портреты. Причем наблюдается сходство: влияние опыта и низкая оценка качества судов.

А вот респонденты, выбравшие оптимистический вариант ответа «Вполне можно жить, не нарушая законы», в случае двух выборок образуют группы с разительно различающимися социальными портретами. Точнее говоря, в случае респондентов-граждан мы видим вполне прописанный портрет, причем он в целом релевантен, поскольку относится к портрету граждан, выбравших пессимистический вариант ответа, как позитив относится к негативу. Это заставляет нас верить обоим портретам. А в левом столбце мы имеем фактически отсутствие портрета с двумя чертами, которые могут восприниматься как случайные. Недоумение возникает потому, что на этом месте вполне смотрелся бы более или менее прописанный портрет, как это имеет место в правом столбце.

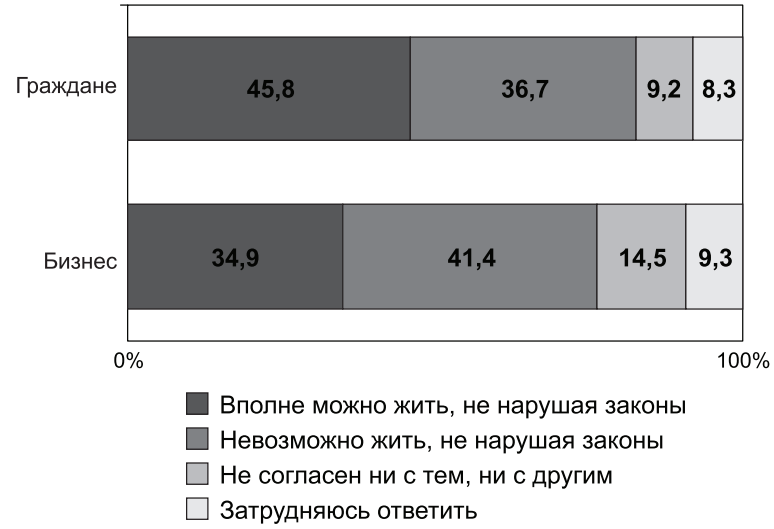


Рисунок 6.3.1. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 1 анкеты «Какая точка зрения вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?»

Почему же портрета в левой верхней клетке таблицы нет? В этой клетке мы видим два признака. Первый – высшее образование (остаток сравнительно невелик – 3,1). Но надо учесть, что высшее образование имеют 83,6% респондентов. Поэтому такой признак, при таком остатке, практически ничего не объясняет. Второй признак – высокое законопослушание, также со сравнительно небольшим остатком. Поэтому и его можно рассматривать как почти случайный. Теперь надо задать себе вопрос: почему именно утверждение «Вполне можно жить, не нарушая законы» не имеет портрета в случае выборки предпринимателей? Предлагаемая гипотеза, дающая возможный ответ на поставленный вопрос, состоит в следующем. Мы выявляем взаимосвязи некоторого суждения с практикой и релевантной этой практике системой диспозиций, если генерация суждения в момент опроса систематически порождается тем и другим. Когда это так, мы при анализе данных опроса выявляем взаимосвязи вроде тех, которые наблюдаем в правом столбце таблицы 6.1.6. Если же генерация суждений в момент опроса

Таблица 6.3.1

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 1 анкеты «Какая точка зрения вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
Вполне можно жить, не нарушая законы	
Имеют высшее образование (3,1). Высокое законопослушание (3,3).	Жители Северо-Западного ФО (3,5); женщины (4,2); ни разу не были участниками судебного процесса (3,2); не возникала проблема, которая могла бы быть разрешена в суде (3,3); всегда готовы обращаться в суд в случае необходимости (4,8). Высокая моральная готовность обращаться в суд (3,6); сторонники позитивистской концепции права (3,7); законопослушание выше среднего (3,6) или высокое (7,4); высоко оценивают качество судов (6,6).
Невозможно жить, не нарушая законы	
Не готов обращаться в суд по проблемам бизнеса (4,0); есть опыт участия в суде по личным проблемам (3,3);	Неоднократно были участниками судебного процесса (4,3); возникала проблема, которая могла бы быть разрешена в суде (4,4); разведены (разведена) (3,3).
Невозможно жить, не нарушая законы	
Считают, что бизнесменам приходится давать взятки в судах, но не всегда (3,3). Низко оценивают качество судов (3,1).	Тип института, пользующегося доверием, – СМИ (2,8); сторонники концепции естественного права (4,8); законопослушание ниже среднего (3,2) или низкое (6,5); низко оценивают качество судов (8,2).
Не согласен ни с тем, ни с другим	
Считают главной целью процесса возмещение (3,9).	Жители Москвы (3,2); высшее образование (3,1).

либо хаотична, либо не взаимосвязана с релевантной системой позиций и диспозиций, то мы не получаем социального портрета группы, разделяющей данное утверждение, с использованием «красок», заимствованных из релевантной системы позиций и диспозиций. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в таблице 6.3.1. Иначе говоря, выбирая на вопрос 1 «Какая точка зрения вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?» ответ «Невозможно жить, не нарушая законы», респонденты-предприниматели отвечают искренне, а потому консистентно. Это проявляется в богатстве взаимосвязей с системой релевантных характеристик. Если же выбирается ответ «Вполне можно жить, не нарушая законы», то в немалом числе случаев этот ответ неискренен. В силу возможного разнообразия причин неискренности, такой выбор ответа неконсистентен, а потому нерелевантен системе характеристик, включающей, в нашем случае, правовую практику респондентов, особенности опыта, соответствующую систему диспозиций, содержащую переменные правосознания. (Обратите внимание, как часто они появляются в последующих таблицах.) В социологии известен эффект неискренних ответов, порожденных желанием дать «правильный» ответ, как на экзамене. Хотя это может быть общей стратегией, но в таком случае несистематичен ее выбор в пространстве позиций и диспозиций.

Итак, если приведенные рассуждения верны, то частота выбора ответа «Вполне можно жить, не нарушая законы» у респондентов-предпринимателей образуется смесью ответов двух типов: первый – релевантные искренние ответы; второй – неискренние ответы, находящиеся вне соответствующей системы релевантных позиций и диспозиций. К сожалению, мы не знаем их соотношения.

Осталось сделать одно небольшое, но важное, замечание относительно содержимого таблицы 6.3.1. Самое большое значение остатка, указывающего на наиболее значимую взаимосвязь, приписано переменным «качество правосудия» (качество судов) и законопослушание; речь идет, конечно, о правом столбце таблицы. Это замечание понадобится нам ниже. Теперь перейдем к следующему вопросу.

Мы видим, что на диаграмме рисунка 6.3.2 доминирует ответ «Суды в России скорее подконтрольны руководству страны, региона», причем предприниматели настроены более критично. С точки зрения современных представлений о праве, констатация подконтрольности судов является негативной оценкой. Значит, на нее может

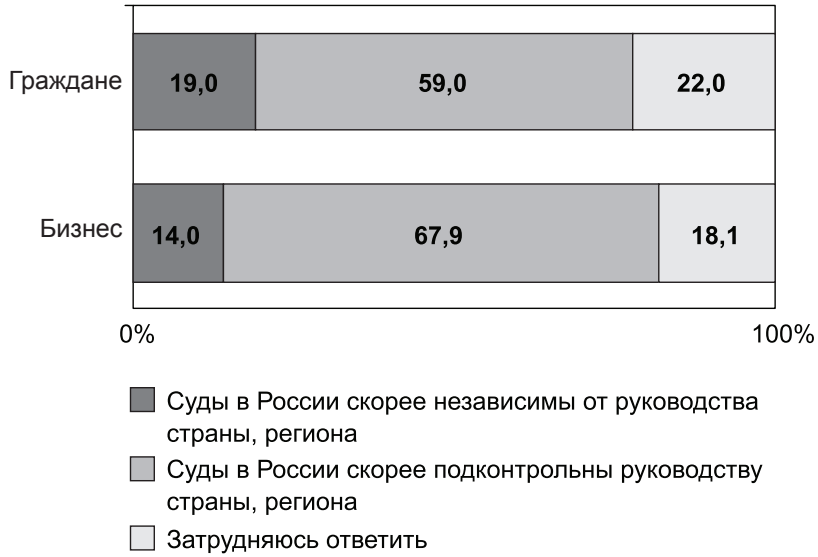


Рисунок 6.3.2. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 3 анкеты «По Вашему мнению, суды в России скорее независимы от руководства страны, региона или, наоборот, скорее ему подконтрольны?»

распространяться тот эффект неискренних ответов, который был упомянут выше. Но в данном случае он не срабатывает так масштабно, поскольку немало респондентов рассматривают контроль над судами как норму. Теперь обратимся к социальным портретам из таблицы 6.3.2.

Зафиксируем снова наличие существенной и вполне адекватной взаимосвязи с оценкой качества правосудия. Но вместе с тем эта взаимосвязь оказывается в весьма интересной связке в левой верхней клетке таблицы. В одной связке мы видим три суждения, выносимых предпринимателями:

a) констатация независимости судов от руководства страны;

b) высокая оценка качества судов;

c) отказ решать в судах вопросы взаимоотношений с властями.

Понятно, что последнее утверждение совершенно не вяжется с первыми двумя. Но надо помнить, что два вопроса, стимулировавшие выбор ответов-суждений a) и c), находятся в разных частях анкеты.

Таблица 6.3.2

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 3 анкеты «По Вашему мнению, суды в России скорее независимы от руководства страны, региона или, наоборот, скорее ему подконтрольны?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
Суды в России скорее независимы от руководства страны, региона	
Отказываются решать в судах вопросы взаимоотношений с органами власти (3,7). Высоко оценивают качество судов (3,0).	Жители Северо-Западного ФО (3,4); городки с населением менее 20 тыс. человек (3,2); предпочитают профессиональные источники информации о судах (3,2). Противники независимости судебных решений (4,0); высоко оценивают качество судов (5,6).
Суды в России скорее подконтрольны руководству страны, региона	
Низко оценивают качество судов (4,5).	Городские жители (3,9); имели проблемы, которые могли бы быть разрешены в суде (3,3); высшее образование (3,0); имеют оплачиваемую работу по найму (2,9); разведены (2,9); предпочитают любительские источники информации о судах (3,2). Высокая моральная готовность обращаться в суд (3,1); поддерживают концепцию естественного права (4,8); поддерживают независимость судебных решений (3,0); низко оценивают качество судов (4,2).

Поэтому в начале анкеты некоторые респонденты убеждают интервьюеров в том, что в России суды независимы от других властей, а ближе к концу признаются, что не рискуют тягаться с этими властями в судах. Следовательно, мы снова наблюдаем примеры неискренних ответов. Значит, те немногие 14% респондентов-предпринимателей, утверждавших, что суды в России независимы, должны быть уменьшены, к сожалению, на неизвестное нам число.

Рисунок 6.3.3. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 4 анкеты о равенстве сторон перед судом «Какое суждение из этих двух вам представляется более верным?»

Последнее замечание, которое важно сделать, – это указание на то, что в случае выборки граждан социальный портрет группы респондентов, указавших на зависимость судов, в качестве существенной компоненты изображения содержит диспозиции переменных правосознания. Не менее существенно подчеркнуть, что это воспроизводится: то же самое можно было наблюдать и в таблице 6.2.1. Данное обстоятельство очень важно. Из него следует, что генерация суждений в сфере права во многом зависит от правосознания граждан.

Ответы респондентов на вопрос 4, частоты которых приведены на диаграмме рисунка 6.3.3, рисуют более мрачную картину. Более 70% респондентов – и граждан, и предпринимателей – утверждают, что «В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше». Различия в частотах носят чисто случайный характер.

В таблице 6.3.3 мы снова видим разительную диспропорцию между подробностью портретов предпринимателей и граждан. Но на сей раз предельно скудные портреты двух групп предпринимателей не содержат противоречивых черт. Напротив, единственные штрихи – оценки качества правосудия – корреспондируются с соответствующими

Таблица 6.3.3

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 4 анкеты «Какое суждение из этих двух Вам представляется более верным?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
В России все равны перед судом	
Высоко оценивают качество судов (5,6).	Жители Приволжского ФО (2,9); ни разу не участвовали в судебных процессах (3,6) и не попадали в ситуацию, которая могла бы быть разрешена в суде (3,6); всегда готовы обратиться в суд в случае необходимости (4,0); являются практикующими юристами (3,5); руководители высшего звена (3,4), служащие, административные работники (3,4); работают в общественной или некоммерческой организации (4,6); предпочитают профессиональные источники информации о судах (3,6). Высокая моральная готовность обращаться в суд (3,4); тип института, пользующегося доверием, – суды (2,9); сторонники позитивистской концепции права (5,2); высокое законопослушание (3,1); высокая оценка качества судов (17,7).
В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше	
Низко оценивают качество судов (5,3).	Жители Центрального ФО (3,8); городские жители (3,0); неоднократно участвовали в судебных процессах (3,5); попадали в ситуацию, которая могла бы быть разрешена в суде (5,7); не намерены в будущем обращаться в суд (2,8); разведены (3,5). Тип института, пользующегося доверием, – НГО (3,3) или СМИ (4,1); сторонники концепции естественного права (6,0); низкое законопослушание (4,4); низкая оценка качества судов (13,7).

ответами на вопрос 4. Представляется, что в данном случае скудность портретов определяется, как это неоднократно наблюдалось выше, большей однородностью генеральной совокупности, сочетающейся с численной диспропорцией двух групп.

Добавим к этому то обстоятельство, что в таблице 6.3.3 переменная «качество правосудия» входит с крайне, если не рекордно, высокими остатками. Это важно, ибо демонстрирует, что и для предпринимателей, и для граждан равенство перед судом является важнейшей компонентой качества правосудия.

Теперь о портретах двух групп респондентов-граждан. В этом случае мы видим очень подробные портреты. Характерно, что в группе оптимистов, выбравших ответ «В России все равны перед судом», – очевидная смесь двух изображений. С одной стороны, это респонденты, обделенные каким-либо опытом взаимодействия с судами, а с другой – юристы или государственные служащие, использующие профессиональные источники информации о судах. Понятно, что их мотивы выбора одного и того же ответа различны. У одних, как можно заключить по портретным чертам, ответ порожден комплексом, включающим доверие к суду, его высокую оценку, законопослушание, позитивистские представления о праве, а также высокую моральную готовность прибегать к судебной защите. У других выбор того же ответа мог определяться корпоративной принадлежностью и «защитой государственных интересов».

Похоже на то, что и в случае выбора второго – пессимистического – ответа мы также наблюдаем смесь двух мотивов. С одной стороны, это респонденты-граждане, имеющие опыт взаимодействия с судами, причем, судя по их реакции на вопрос, негативный. С другой стороны, это респонденты, доверяющие СМИ и составляющие свое представление о судах по их сообщениям с понятными последствиями.

Престиж юридической профессии – важная компонента ее эффективности. Диаграмма рисунка 6.3.4 позволяет сравнить, каков престиж профессии судьи в представлениях предпринимателей и граждан в сравнении с другими профессиями. Как мы видим из диаграммы, у предпринимателей судьи делят третье и четвертое место с адвокатами, уступая нотариусам и прокурорам. По оценкам граждан, первые два места делят прокуроры и адвокаты. Третье место единолично занимают судьи.

Несколько в стороне от основной темы можно сделать одно интересное наблюдение. Речь идет о последнем месте такой юридической профессии, как следователь. Этот факт интересен тем, что речь

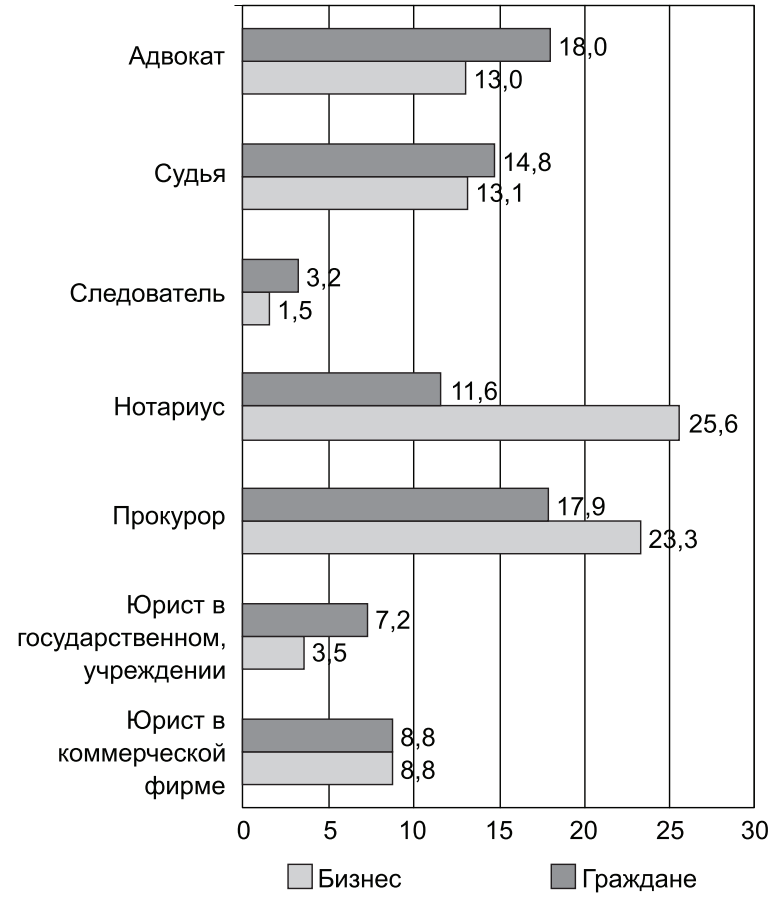


Рисунок 6.3.4. Частоты (в процентах) выбора ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 7 анкеты «Какой вид юридической деятельности, с Вашей точки зрения, пользуется наибольшим уважением в нашей стране?»

идет о профессии, которая многие годы находилась в романтическом ореоле. И сейчас несметное количество кино- и телеподелок, многочисленных сериалов продолжает эту традицию. Переломить такой пропагандистский натиск может только столкновение с жесточайшей реальностью.

Таблица 6.3.4

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 7 анкеты «Какой вид юридической деятельности, с Вашей точки зрения, пользуется наибольшим уважением в нашей стране?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
Судья	
Имеют юридическое образование (6,2); являются практикующими юристами (5,7); предпочитают профессиональные источники информации о судах (4,4).	Городские жители (3,6); неполное высшее образование (3,9); учащийся/студент (4,3); ни разу не состояли в браке (3,1). Поддерживают независимость судебной власти (3,1); выше среднего (3,0) или высоко (5,3) оценивают качество судов.

При анализе сопряженностей между ответами на вопрос 7 и различными переменными единственный ответ, с которым установлена более или менее значимая взаимосвязь, был ответ, указывающий на судей. Скорее всего, это связано, прежде всего, с трудностью вопроса. А также с тем, что контекст анкеты актуализировал именно тему суда и судей. Портрет типичного респондента-предпринимателя в таблице вполне ожидаем, он носит чисто профессиональный характер. Что касается выборки граждан, то здесь группу почитателей достойно представляют респонденты молодого возраста, без серьезного жизненного опыта.

Теперь перейдем к трем оставшимся вопросам о должном. Первый из этих вопросов – вопрос 19 – касается судов присяжных, необходимого масштаба их применения. Ниже, на диаграмме рисунка 6.3.5, представлены распределения частот ответов на этот вопрос для выборок предпринимателей и граждан. Мы видим, что радикальная позиция, согласно которой нужно резко расширять сферу применения судов присяжных, более популярна у предпринимателей. У граждан доминирует более умеренная позиция. Важно подчеркнуть также, что позиция отрицания полезности суда присяжных находится в явном меньшинстве.

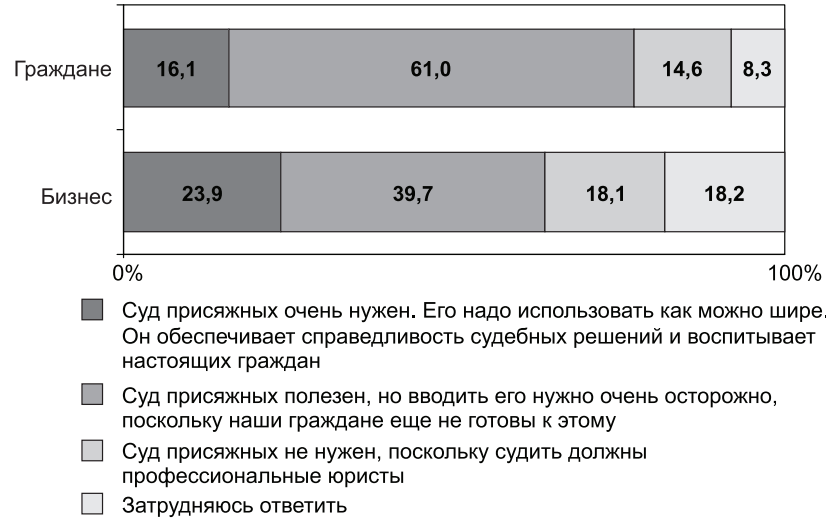


Рисунок 6.3.5. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 19 анкеты «Выберите, пожалуйста, из следующих утверждений о суде присяжных одно, которое вы считаете наиболее правильным»

Теперь рассмотрим социальные портреты в таблице 6.3.5. Первый интересный факт – группы респондентов-предпринимателей, выбравших различные ответы на вопрос 19, не проявились под рентгеном анализа сопряженностей. Это единственный случай на все исследование. Следовательно, отношение предпринимателей к суду присяжных совершенно амбивалентно. Можно предположить, что практика взаимодействия предпринимателей с судами крайне редко сопряжена с судами присяжных. Исключение составляют редкие экзотические уголовные процессы. Таким образом, суд присяжных находится для подавляющего числа предпринимателей не в сфере права, а в сфере политики, развлечений (информационных, конечно), каких-либо иных, что и проявилось в отсутствии каких-либо значимых взаимосвязей со структурой позиций и диспозиций, характеризующей в нашем исследовании поле права.

До некоторой степени это касается и выборки граждан. В силу ее большей социальной неоднородности она порождает некоторые

Таблица 6.3.5

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 19 анкеты «Выберите, пожалуйста, из следующих утверждений о суде присяжных одно, которое вы считаете наиболее правильным». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Суд присяжных очень нужен. Его надо использовать как можно шире
Жители Южного ФО (3,5); в некоторой степени интересуются сведениями о работе судов (3,8); всегда готовы обращаться в суд в случае необходимости (4,4). Высокая моральная готовность обращаться в суд (4,2); противники независимости судебной власти (4,0); нетерпимость к нарушению законов выше среднего (4,1).
Суд присяжных полезен, но вводить его нужно очень осторожно, поскольку наши граждане еще не готовы к этому.
Жители Северо-Западного ФО (3,8) или Дальневосточного ФО (3,0); неполное высшее образование (3,4); в некоторой степени (3,2) или мало (4,5) интересуются сведениями о работе судов; неоднократно были участниками судебного разбирательства (3,5); попадали в ситуацию, которая могла бы быть разрешена в суде (3,0); готовы обращаться в суд, но только если не будет другого выхода (3,4); умеренная моральная готовность обращаться в суд (3,9); высокая нетерпимость к нарушению законов (3,3).
Суд присяжных не нужен, поскольку судить должны профессиональные юристы.
Жители Уральского ФО (3,6); состоят в браке (3,0); 49–57 лет (3,8); совершенно не интересуются сведениями о работе судов (3,3). Ниже среднего оценивается качество судов (3,0).

небогатые содержанием социальные портреты. Но отсутствие серьезной встроенности представлений о суде присяжных в структуру поля права проявляется в данном случае в бросающейся в глаза противоречивости портретов. Ну, например, респонденты, выбравшие первый ответ и тем самым утверждающие, что суд присяжных очень нужен, скромно признаются в том, что в некоторой степени интересуются информацией о работе судов. В то же время они оказываются

противниками независимости судебной власти, не осознавая тем самым, какую роль институт присяжных играет в обеспечении этой же самой независимости судов. Не менее забавна позиция противоположной группы респондентов, отрицающих необходимость суда присяжных на том основании, что судить людей должны профессионалы. Это серьезные люди, выше среднего возраста, обремененные семьей. При этом они невысокого мнения о судах, в которых работают те самые профессионалы, которые и должны судить людей.

Подводя итог, следует признать главное: представления респондентов о судах присяжных еще не включены в систему представлений о праве. Причины, как представляется, ясны: в сфере практики суды присяжных еще не могут оказывать влияния на правосознание граждан в силу их крайне низкой распространенности. А обсуждение этого института в СМИ предельно противоречиво и непрофессионально, хотя и довольно насыщенно. В результате респонденты отвечают на вопрос о суде присяжных, не опираясь на какую-либо систему представлений, а исходя из последней случайно дошедшей до них оценки, прозвучавшей в СМИ.

Что касается суждений о мировых судьях мы сталкиваемся с противоположной ситуацией: в СМИ этот институт и его деятельность практически не освещается, а в правовую практику он вошел уже весьма ощутимо. Но большая часть респондентов о нем ничего не слышали. А того, чего нет в виртуальном пространстве, нет и в природе. Поэтому из всех вопросов, которые мы обсуждаем в данном параграфе, именно вопрос о мировых судьях вызвал у респондентов максимальные затруднения, проявившиеся в крайне высоких частотах выбора ответа «Затрудняюсь ответить» (рисунок 6.3.6). Другой интересный факт: отношение к разным вариантам рекрутирования мировых судей поделило обе выборки на примерно равные части.

Социальные портреты, представленные в таблице 6.3.6, в основном, достаточно логичны. Это указывает на то, что выбор утверждений о мировых судьях корреспондируется со структурой поля права. Интересна ситуация с выбором респондентов-граждан. Выбор варианта назначения мировых судей определяется преимущественно либо социальным положением (жители крупных городов с высшим образованием – в частности, юридическим, – наемные работники и руководители высшего звена) или спецификой правосознания (из разных типов институтов доверяют судам, привержены позитивистской концепции права и нетерпимы к нарушению законов). Тут уместен комментарий:

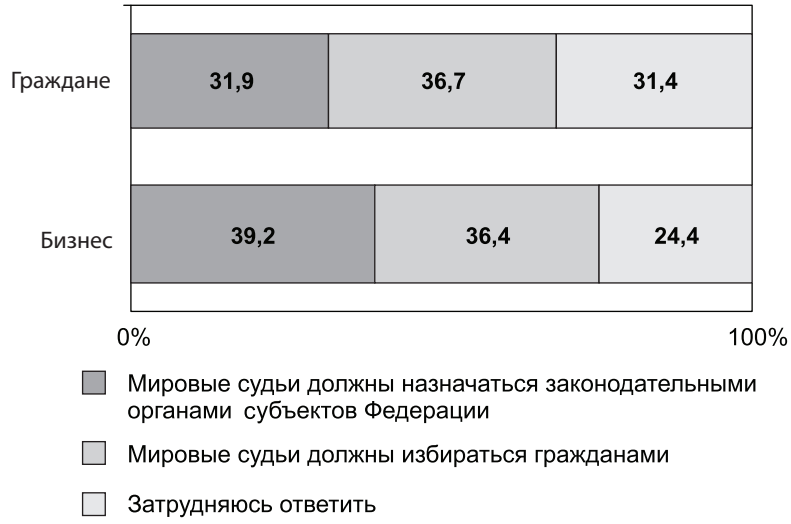


Рисунок 6.3.6. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 21 анкеты «Закон предоставляет две возможности для утверждения в должностях мировых судей. Какую из них Вы считаете правильной?»

назначение судей вышестоящей инстанцией другой ветви власти вполне соответствует позитивистской концепции права, советская разновидность которой рассматривала суд как неотъемлемую часть монолитной государственной машины. А вот выбор варианта с выборами мировых судей гражданами индуцируется наличием судебной практики и низкой оценкой качества правосудия.

В заключение проанализируем ответы на вопрос 24, касающийся мнений респондентов относительно независимости судов. С точки зрения концепции нашего проекта, этот вопрос очень важен. На следующем рисунке приведены частоты выбора ответов, с обсуждения которых мы начнем наш завершающий анализ.

Из диаграммы рисунка 6.3.7 мы узнаем, что наибольшая частота ответа для обеих выборок приходится на выбор в пользу независимости судов. Второе наблюдение – предприниматели почти в полтора раза чаще поддерживают независимость судов, чем граждане. Подобный результат мы увидим и ниже при изучении одной из переменных правосознания – «Поддержка независимости судебной власти».

Таблица 6.3.6

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 21 анкеты «Закон предоставляет две возможности для утверждения в должностях мировых судей. Какую из них Вы считаете правильной?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
Мировые судьи должны назначаться законодательными органами субъектов Федерации	
Очень интересуются информацией о работе судов (3,5); имеют юридическое образование (3,8). Тип института, пользующегося доверием, – суды (3,1); высокое законопослушание (3,7); поддержка независимости судебных решений выше средней (3,4).	Жители Приволжского ФО (5,0); города с населением от 500 тыс. до 1 млн человек (3,0); городские жители (3,2); высшее образование (3,5); имеют юридическое образование (3,6); являются практикующими юристами (2,9); имеют оплачиваемую работу по найму (5,1); руководители высшего звена (3,0). Тип института, пользующегося доверием, – суды (5,6); поддерживают позитивистскую концепцию права (3,1); высокая нетерпимость к нарушению законов (3,3).
Мировые судьи должны избираться гражданами	
Считают, что бизнесменам почти всегда приходится давать взятки в судах (3,7); являются практикующими юристами (4,1). Низкое законопослушание (3,1).	Жители Дальневосточного ФО (3,5); в некоторой степени интересуются сведениями о работе судов (3,3); неоднократно были участниками судебного разбирательства (4,2); попадали в ситуацию, которая могла быть разрешена в суде (3,3). Качество правосудия оценивают как низкое (4,4).

Теперь рассмотрим социальные портреты групп респондентов, выбравших различные ответы на вопрос 24. Они представлены ниже в таблице 6.3.7.

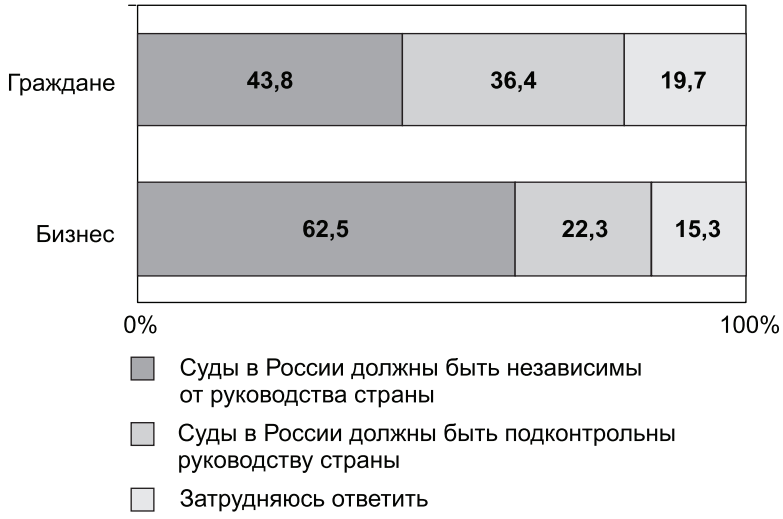


Рисунок 6.3.7. Распределения частот (в процентах) ответов респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан на вопрос 24 анкеты «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что, наоборот, должны быть ему подконтрольны?»

Мы начнем с главного. Суть в том, что в данном случае речь идет не просто о портретах, а о масштабных полотнах. Это очень важный факт. Он свидетельствует в пользу вывода, согласно которому суждения о независимости судов являются важной компонентой правосознания (в широком смысле), плотно встроенной в структуру поля права. В этом нет ничего удивительного хотя бы потому, что тема независимости занимает видное место в тематике дискурса, о чем свидетельствует проведенный нами анализ дискурса.

Отметим, что сторонники подконтрольности судов характеризуются тем, что их мнение определяется, главным образом, соответствующей системой диспозиций. Она совпадает у предпринимателей и граждан и уже встречалась ранее при анализе переменных правосознания. Носители этого комплекса диспозиций настроены против независимости судебной власти и судебных решений, а также поддерживают позитивистскую концепцию права.

Таблица 6.3.7

Социальные портреты групп респондентов-предпринимателей и респондентов-граждан, выбравших разные варианты ответов на вопрос 24 анкеты «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что наоборот должны быть ему подконтрольны?». В скобках указаны значения приведенных стандартизированных остатков

Предприниматели	Граждане
Суды в России должны быть независимы от руководства страны	
Имеют опыт судебных разбирательств проблем своего бизнеса (5,8); имеют юридическое образование (4,2); являются практикующими юристами (4,4); акционеры частного бизнеса (3,0); предпочитают профессиональные источники сведений о судах (3,8); положительно оценивают ход своего последнего судебного процесса (2,9); в судах решают проблемы взаимоотношений с органами власти (3,1); но не хотят решать проблемы бизнеса (3,2). Высокая поддержка независимости судебной власти (5,8); сторонники концепции естественного права (3,2); поддерживают независимость судебных решений (6,6).	Жители Северо-Западного (3,1) или Приволжского (4,3) ФО; города с населением 500 тыс. человек – 1 млн. человек (2,9) или городки численностью менее 20 тыс. человек (3,2); имеют высшее образование (3,9); имеют юридическое образование (3,3); являются практикующими юристами (3,0); военнослужащие (3,4); в жизни была ситуация, которая могла быть разрешена в суде (3,2). Тип института, пользующегося доверием, – суды (3,6); поддерживают независимость судебной власти (9,7); поддерживают концепцию естественного права (6,3); высокое законопослушание (5,0); поддержка независимости судебных решений выше средней (3,9) или высокая (11,1); высокая нетерпимость к нарушению законов (3,7); рассматривают в качестве главных абстрактные цели судебного процесса (3,7) и процедурную справедливость (3,2).
Суды в России должны быть подконтрольны руководству страны	
Среднее или среднее специальное образование (3,3).	Жители Уральского ФО (4,3) или Москвы (3,6); города с населением 20–50 тыс. человек (7,6);

Низкая поддержка независимости судебной власти (5,8); сторонники позитивистской концепции права (3,2); противники независимости судебных решений (4,1).	готовы обращаться в суд, но только если не будет другого выхода (4,9). Высокая моральная готовность обращаться в суд (3,8); поддержка независимости судебной власти ниже средней (3,9) или низкая (7,8); поддерживают позитивистскую концепцию права (4,7); поддержка независимости судебных решений ниже средней (4,1) или низкая (5,6); низкая нетерпимость к нарушению законов (3,3).

Иное дело – группы респондентов, граждан и предпринимателей, носителей мнения о том, что суды должны быть независимы. Для обеих групп характерно сочетание наличия практики взаимодействия с судебной властью вместе с близкой для обеих групп системы диспозиций. Последняя включает в качестве общей части высокую поддержку независимости судов и судебных решений вместе с поддержкой концепции естественного права. Общим и примечательным является отсутствие в этом комплексе оценки работы российских судов. Т.е. данный комплекс диспозиций ориентирован на идеальные представления, а не на представления о свойствах реальности. У граждан этот комплекс диспозиций дополняется высоким законопослушанием и нетерпением к нарушению законов; представлением об абстрактных целях правосудия и процедурной справедливости как главных целях судебного процесса. Если говорить о позиционных переменных, то в портрете предпринимателей практика взаимодействия с судом представлена более обширно, чем в портрете граждан. Это естественно, ибо определяется различием габитусов двух групп. В заключение важно указать, что построенные социальные портреты близки тем описаниям, которые ниже будут получены при анализе переменной правосознания «Поддержка независимости судебной власти».

Если сравнивать самые общие свойства социальных портретов групп респондентов, поддерживающих независимость судебной власти, и групп, одобряющих контроль над судебной властью, то можно прийти к следующему заключению. Скудность портретов второй группы определяется исторической укорененностью соответствующих представлений. Ведь именно этот комплекс диспозиций формировался 70 лет советской властью. Представления же о необходимости независимости судебной

власти являются, по сравнению с предшествующими, более новыми. Поэтому социальные портреты этой группы содержат богатый комплекс черт тех, кто первым начал менять старые диспозиции на новые. Естественно, что одним из важных факторов смены диспозиций была практика взаимодействия с судом, что мы и наблюдаем в портретах.

6.4. Сопоставление оценок разных видов судопроизводства

Одной из важных задач комплекса социологических и экспертных исследований нашего проекта было подтверждение гипотезы о существенно неравномерном распределении негативных сторон работы судов и судей в судебном пространстве. Данный параграф представляет результаты анализа, относящегося к решению именно этой задачи. А значит, мы снова возвращаемся к анализу ответов респондентов обеих выборок на вопрос об оценке хода судебного процесса, который образовывал последний опыт взаимодействия респондентов с судебной властью. В анкетах граждан и предпринимателей это были, соответственно, вопросы 60 и 53.

В блоке вопросов относительно последнего опыта участия в судебном процессе был и вопрос о виде судопроизводства, к которому относился процесс (без конституционного). Естественно было рассмотреть зависимость ответов на вопросы об оценках хода процесса в зависимости от вида судопроизводства, что и делалось с помощью анализа таблиц сопряженности. Предварительный просмотр результатов вычислений выделил две пары видов судопроизводства, внутри которых два вида отличались по оценкам хода процесса с видимым сдвигом в одну сторону. Для выборки граждан это были уголовный и гражданский процессы. В случае выборки предпринимателей явно выделялся арбитражный процесс по сравнению со всеми остальными видами процессов. Все они относились к общей юрисдикции, и мы при сравнении объединили их вместе.

Хотя простое сопоставление частот ответов давало ясно интерпретируемый результат, возникала проблема вероятностно-статистического свойства. Дело в том, что, за немногими исключениями, для каждого утверждения вопросов 60 или 53 зависимость от вида процесса была всегда в одну сторону, но далеко не всегда эта зависимость была

Таблица 6.4.1

Результаты анализа таблиц сопряженности для выборки предпринимателей между высказываниями вопроса 53 об удовлетворенности ходом судебного процесса и переменной, задающей два вида судебного процесса; a – приведенные стандартизированные остатки для судов общей юрисдикции; b – остатки для арбитражных судов; s – знак сравнения; + означает сравнение в пользу арбитражных судов. Слово «нет» означает, что сравнение проводилось для несогласий с утверждениями

№	Высказывания	a	b	s
4	Судебный процесс долго не начинался по разным причинам	1,7	-1,7	+
5	Судебный процесс шел неоправданно долго (нет)	-1,0	1,0	+
6	Судебный процесс закончился неоправданно быстро (нет)	-1,3	1,3	+
7	Судья внимательно выслушивал аргументы сторон	-1,4	1,4	+
8	Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон (нет)	0,9	-0,9	+
9	Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	-1,2	1,2	+
14	Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	1,6	-1,6	+
16	Решение судьи было справедливым	-1,6	1,6	+
18	Я своевременно получил текст судебного решения	-0,9	0,9	+
19	Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат (нет)	-1,1	1,1	+
20	Моя проблема была решена полностью	-0,8	0,8	+
21	Я доволен судебным решением	-1,5	1,5	+
22	В следующий раз я вряд ли обращусь в суд	1,5	-1,5	+

статистически значима. Чтобы сделать наши выводы убедительными, был использован прием, описанный ниже.

Начнем с того, что сравнение производилось с помощью приведенных стандартизированных остатков. Затем из сравнения исключались высказывания, для которых абсолютное значение разницы двух стандартизированных остатков было меньше некоторой пороговой величины (отсеивание недифференцирующих высказываний). При этом, если разница остатков для согласия с утверждением была меньше порогового значения, то рассматривалась разница остатков для несогласия с этим утверждением. Если она была больше порогового значения, то учитывалась при сравнении. Если разница была снова меньше, то данное утверждение исключалось из сравнения.

Рассмотрим в качестве примера серию отобранных сравнений в таблице 6.4.1 на данных выборки предпринимателей. Напоминаем, что положительное значение остатка означает, что в данной клетке таблицы сопряженности наблюдений больше, чем это было бы при независимости переменных; если остаток отрицателен, то таких наблюдений меньше.

В данном случае отобраны те высказывания, для которых абсолютное значение разницы приведенных стандартизированных остатков превосходит значение 2,0. Такой сравнительно жесткий критерий выбран, поскольку выборка мала. Из тринадцати сравнений – все в пользу арбитражного процесса. Результат вполне убедителен, но мы намерены оценить его вероятностно. В данном случае для проверки гипотезы о наличии различий можно использовать нулевую гипотезу о равновероятности исхода сравнения в пользу судов общей юрисдикции или арбитражных судов. Поскольку исходов всего два, то в нашей ситуации проверка гипотезы легко осуществляется с помощью биномиального распределения. Тогда выясняется, что в предположении нулевой гипотезы наблюдаемый нами результат сравнения имеет вероятность 0,00012. Это и есть та доверительная вероятность, с которой мы можем отклонить гипотезу о равноправии судов двух типов. Тем самым мы делаем убедительный вывод в пользу арбитражных судов, которые оцениваются респондентами более высоко по сравнению с судами общей юрисдикции.

Теперь рассмотрим такую же таблицу для выборки граждан.

В данном случае отобраны те высказывания, для которых абсолютное значение разницы приведенных стандартизированных остатков превосходит значение 1,0. Мы можем позволить себе более мягкий

Таблица 6.4.2

Результаты анализа таблиц сопряженности для выборки граждан между высказываниями вопроса 60 об удовлетворенности ходом судебного процесса и переменной, задающей два вида судебного процесса; a – приведенные стандартизированные остатки для уголовного процесса; b – остатки для гражданского процесса; s – знак сравнения; + означает сравнение в пользу гражданского процесса. Слово «нет» означает, что сравнение проводилось для несогласий с утверждениями

№	Высказывания	a	b	s
2	Работники суда проявили уважительное отношение и помогали, чтобы мое заявление (иск) было принято	-1,7	1,7	+
5	Судебный процесс шел неоправданно долго	-0,4	1,1	-
6	Судебный процесс закончился неоправданно быстро (нет)	0,0	1,0	+
7	Судья внимательно выслушивал аргументы сторон (нет)	0,5	-0,7	+
8	Судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон	-0,3	0,9	+
9	Судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам	-0,6	1,4	+
10	Судья был явно предубежден против одной из сторон	0,9	-0,7	+
11	Судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле (нет)	-2,2	2,7	-
12	Судья убедительно обосновал свое решение	-0,3	0,8	+
14	Было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен	0,7	-0,4	+
15	Судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально	0,8	-0,3	+
16	Решение судьи было справедливым	-0,4	0,7	+

№	Высказывания	a	b	s
18	Я своевременно получил текст судебного решения	-1,9	2,3	+
19	Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат (нет)	-1,5	1,6	+
20	Моя проблема была решена полностью	-1,9	1,9	+
21	Я доволен судебным решением	-2,1	2,0	+
22	В следующий раз я вряд ли обращусь в суд (нет)	-0,4	1,2	+

критерий, поскольку выборка больше. Из семнадцати сравнений пятнадцать в пользу гражданского процесса. Это значит, что, используя примененный выше способ проверки статистических гипотез, мы можем отклонить нулевую гипотезу о равноправии двух типов судебного процесса с доверительной вероятностью, равной 0,00117. Следовательно, можно сделать вывод о преимуществе гражданского процесса по сравнению с уголовным в оценках респондентов.

Оба результата сравнения не только статистически внушительны. Они имеют некий общий смысл – его мы сформулируем в виде гипотезы, к которой вернемся в третьей части книги. Мы рассматривали пять видов процесса: уголовный, гражданский, арбитражный, административный и дела об административных правонарушениях. Два из этих видов процессов отличаются тем, что в них стороны равноправны – гражданский и арбитражный процессы. Три остальных отличаются тем, что в них одной из сторон всегда является государство в том или ином виде. Как показывает исследование, граждане выше оценивают качество арбитражного процесса по сравнению с уголовным (в нем государство представлено стороной обвинения). Подобным образом предприниматели выше оценивают арбитражный процесс по сравнению с судами общей юрисдикции, в которых преобладают процессы с участием государства. Тем самым мы можем предположить, что качества процесса выше там, где государство не присутствует.

Часть II
ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Как уже отмечалось выше, главная цель проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив» – показать важность влияния внеинституциональных факторов на работу судебной власти. Очевидно, что одним из ведущих таких факторов являются диспозиции (установки) респондентов. Издавна систему таких диспозиций, относящихся к сфере права, называют правовым сознанием или правосознанием (тут мы забежали немного вперед, рискнув предложить нечто вроде определения правосознания). Естественно, что наше исследование не могло обойти эту тему. Дело не только в научном любопытстве или в стремлении к исследовательской полноте. Коль скоро диспозиции акторов поля права влияют на функционирование поля права, то возникает важная практическая задача: мониторинг правосознания. Поэтому читатель обнаружит ниже в данной части нашей книги весьма обстоятельный анализ наших инструментальных построений, что обусловлено важностью указанной практической задачи.

Чтобы быть правильно понятыми, мы обязаны коснуться толкования используемых понятий. Термину «сознание» не везет. В западной социологии он практически не используется, а в российской пользуется дурной славой из-за его коннотаций с марксистской философией («бытие определяет сознание» и т.п.). В отечественной социологической литературе можно встретить как термин «общественное сознание», так и термин «массовое сознание»; и оба применяются практически без серьезного определения. Более того, очень часто эти термины используются исключительно для замещения девальвированного термина «общественное мнение», чтобы придать больше веса своим умозаключениям.

Вместе с тем социологи постоянно ощущают потребность в различении общественного мнения и некоторого более фундаментального и латентного явления, которое, как предполагается, стоит за общественным мнением. Считается, что фиксируемые социологами посредством опросов совокупности ответов на вопросы анкет являются первичным материалом, совокупностью непосредственных реакций в процессе коммуникации между респондентами и интервьюерами, вооруженными опросниками. Однако за этими реакциями стоит нечто более фундаментальное, что определяет не только реакции (ответы) респондентов, но и саму возможность задать вопрос, получить ответ и осмыслить (интерпретировать этот ответ). Например, Садмена и Бредбэрн[1] это побуждает различать программные (исследовательские) вопросы и анкетные вопросы. А Цаллер прибегает к сложному термину «консистентные системы политических убеждений»[2] или без особого толкования вдруг использует понятие «структура общественного мнения»[3], относя к нему убеждения, ценности, установки, а комплекс ценностей называя идеологией. И это не все. В отечественной литературе термины «общественное (или массовое) сознание» применяются активно, но разнобой в толкованиях такой же, как мешанина корреспондирующихся понятий в упомянутой книге Цаллера. Если трудно выбрать среди чужих толкований, то имеет смысл использовать свое[4]. Поэтому, опираясь на соображения и рассуждения одной ранее опубликованной статьи, будем называть правосознанием комплекс взаимосвязанных диспозиций, сходный для некоторой совокупности респондентов, сопряженных с функционированием поля права. Понятно, что это определение пока лишено операциональности.

---

1 Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 24.

2 Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 11.

3 Там же. С. 69.

4 Сатаров Г.А. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 5–23.

Литература, касающаяся проблемы правосознания, разбивается на две неравные части. К большей принадлежат работы специалистов в сфере права[5]. Они лежат «на стыке философско-правового и теоретико-правового подходов...»[6]. Эти подходы не обнаруживают оснований для выстраивания моста к социальной реальности, а слово «сознание» трактуется в его философско-марксистском смысле. Последнее, впрочем, распространяется и на редкие социологические исследования. Наиболее известное трактует так: «Правовое сознание – сложное духовное образование. Раскрыть его содержание можно лишь путем применения основных положений теории отражения. Наше сознание есть лишь образ внешнего мира...»[7] Трудно согласиться, что «сложное духовное образование» можно постичь исключительно с помощью устаревшей теории, давно опровергнутой на нейробиологическом, психологическом и социальном уровнях.

В то же время и философы-правовики, и социологи признают за правосознанием одно важное свойство – структурность. Правосознание – это сложная структура взаимосвязанных элементов. Вопрос в том, как мы выявляем эти элементы и эту структуру. Есть два полярных подхода. Первый состоит в искусственном конструировании такой структуры, под которую создается набор зондов (вопросов анкеты или нечто подобное) вместе с некоторым способом установления соответствия между реакциями на эти зонды и введенной структурой. В простой форме подобный подход применен в цитировавшейся выше работе А.С. Гречина. Второму подходу часто приписывается прилагательное «естественный». Здесь исследователь старается не навязывать свою умозрительную структуру, но пытается выявить ее из собранных данных, анализируя взаимосвязи между ответами респондентов на разные ответы-зонды[8]. Понятно, что каждый из подходов обладает своими преимуществами и недостатками. Мы рискнули избрать комбинированный подход, не зная

[5] Вот некоторые из таких работ: Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Введение в общую теорию. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2001. Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. М., 2001.

[6] Малахов В.П. Указ. соч. С. 9.

[7] Гречин А.С. Социология правового сознания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

[8] См., например: Ясюкова Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. Автор относит свое исследование больше к сфере психологии.

заранее, что будем складывать – дефекты обоих подходов или их достоинства.

В нашем исследовании мы определили зондировать правосознание респондентов с помощью пяти переменных, указанных в следующей таблице, составляющих для нас ядро правосознания.

Многочисленные и довольно бурные обсуждения социологов и юристов нашего проекта привели к общему согласию вокруг того, что в рамках концепции проекта ядро правосознания должно характеризоваться именно такими переменными. Мотивы следующие. Первое: трансформация судебной власти сопряжена, по мнению экспертов проекта, с двумя базовыми процессами. Первый относится к институциональной сфере и состоит в переходе к независимости судебной власти и судебных решений. Второй относится к внеинституциональной сфере, к сфере диспозиций, сознания и состоит в переходе от советского правового позитивизма к концепции естественного права. Понятно, что важность трех соответствующих переменных определяется именно процессом трансформации; они могут утерять со временем свою актуальность. Три указанные переменные выбраны в силу нашего общего подхода к анализу трансформации судебной власти. Две остальные переменные относятся к той части правосознания, которая фигурирует практически в любых конструкциях и характеризует отношение респондентов к необходимости соблюдать действующие законы. Мы используем две переменные. Первая из них носит некоторый абсолютный характер, выявляя «чистые убеждения». Вторая дополняет первую, привязывая диспозиции к ситуациям. Взаимосвязи между этими пятью переменными мы будем трактовать как структуру правосознания в узком смысле.

Для описания структуры правосознания в широком смысле мы используем почти всю совокупность ответов респондентов на ответы нашей анкеты. Тем не менее, эта совокупность имеет свою структуру, которую легко описать, прибегнув к сегментированию правосознания по Г.К. Варданянцу[9]. Он предлагает мыслить правосознание состоящим из семи элементов. Ниже они будут перечислены и сопоставлены с фрагментами, вопросами и синтетическими переменными нашего исследования. Естественно, что такое

[9] Варданянц Г.К. Социологическая теория права. М.: Академический проект, 2007. С. 302.

сопоставление допускает определенную меру гибкости, не превосходящую строгость семи элементов в трактовке автора этого списка. Вот этот список:

1. ***Правовые представления.*** Этот элемент раскрывается в нашем исследовании с помощью переменной «Поддержка концепции естественного права».
2. ***Знание права.*** Мы фиксируем этот элемент с помощью косвенных индикаторов. Первый из них – наличие юридического образования. Второй – тип используемой информации о работе судов.
3. ***Требования, предъявляемые к праву.*** Данный и следующий элементы определены наиболее расплывчато, а их названия могут трактоваться в весьма широких пределах. В частности, можно утверждать, что требования к праву есть часть отношения к нему. Однако достаточно условно два эти элемента могут быть разделены следующим образом: данный элемент трактует представления о должном, а следующий – как представления о сущем. Именно такое разделение использовано при исследовании диспозиций респондентов в предыдущей части книги. К этому же третьему элементу может быть отнесен вопрос анкеты о главных целях судебного процесса.
4. ***Отношение к действующему праву.*** В соответствии с комментарием к предыдущему элементу, сюда могут быть отнесены вопросы анкеты, в которых респондентам предлагается оценить различные аспекты нынешнего судебного устройства и судебной практики.
5. ***Отношение к исполнению правовых предписаний.*** Сюда непосредственно включаются две переменные из таблицы 1: «Законопослушание» и «Нетерпимость к нарушению законов».
6. ***Отношение к субъектам права.*** Как можно было видеть в предыдущей части книги, сюда относятся вопросы и переменные, связанные с доверием суду, с оценкой его работы и с представлениями о престижности юридических профессий.
7. ***Готовность к правовым интеракциям.*** Напрямую с этим элементом у нас связаны априорная и апостериорная готовности обращаться в суд, рассмотренные в предыдущей части. Косвенно сюда же может быть отнесен интерес к информации о работе судов.

Таблица 1

Описание переменных правосознания, используемых в проекте; первый столбец – номер вопроса в анкете, второй столбец – наименование переменной, третий столбец – вербальное описание шкалы

№	Наименование переменной	Описание шкалы
6	Поддержка независимости судебной власти	*На положительном полюсе шкалы* – убежденная поддержка необходимости и полезности независимости судебной власти, отделенной от других институтов; *на отрицательном полюсе шкалы* – представление о том, что судебная власть является составной частью единой карательной машины государства и должна контролироваться высшей властью
8	Поддержка концепции естественного права	*На положительном полюсе шкалы* – представление о том, что естественные права человека выше законов, а государство должно их гарантировать и защищать; *на отрицательном полюсе шкалы* – представление о том, что законы, диктуемые государством, составляют суть права, а права человека подчиняются интересам государства (позитивизм советского толка)
18	Законопослушание	*На положительном полюсе шкалы* – осмысленная готовность подчиняться законам; *на отрицательном полюсе шкалы* – цинично прагматичное отношение к законам
20	Поддержка независимости судебных решений	*На положительном полюсе шкалы* – представление о том, что судьи в своих решениях должны опираться только на закон и не должны быть зависимы от внешних влияний; *на отрицательном полюсе шкалы* – представление о том, что судьи при своих решениях должны руководствоваться не только законами, но и рядом дополнительных соображений и влияний вроде политической целесообразности, стоять на «интересах государства» и т.п.
22	Нетерпимость к нарушению законов	*На положительном полюсе шкалы* – ригидное представление о необходимости следовать закону во всех случаях; *на отрицательном полюсе шкалы* – предельное попустительство нарушению законов в любых ситуациях

Мы полагаем, что, рассматривая расширенную структуру правосознания, не должны игнорировать практику респондентов. Может возникнуть естественный вопрос: а разве она относится к сфере диспозиций и, соответственно, к правосознанию? Однако тут не так все просто. Конечно, судебная власть (часто и власть вообще) – это та зона социальной практики, взаимодействие с которой может происходить в силу обстоятельств непреодолимой силы и помимо диспозиций респондентов. Однако оценка респондентами своей практики – это уже часть диспозиций или их следствие. Впрочем, и диспозиции могут определяться практикой. Это мы отчетливо видели в предыдущей части. Именно поэтому построение расширенной картины правосознания должно учитывать и подобные переменные. Понятно, что расширенная структура правосознания будет строиться с помощью анализа взаимосвязей между всеми перечисленными выше переменными.

Теперь вернемся к пяти базовым переменным правосознания. Каждой из них соответствует в анкете свой табличный вопрос. Каждая таблица содержит небольшой набор утверждений (от 8 до 10), по каждому из которых респонденты должны выразить степень своего согласия. Утверждения (ситуации) вопроса 22 заимствованы и не изменены. Утверждения первых четырех вопросов проходили большой отбор. В его процессе группа разработчиков, состоявшая из юристов и социологов проекта, после того как были определены четыре указанных выше переменные, формулировали наборы утверждений. Для каждой шкалы было сформулировано не менее 20 утверждений, которые подвергались оценке, отсеву, редактированию, пилотажной проверке (испытанию на малых выборках респондентов) и экспертной оценке. Конечное число утверждений подбиралось из сочетания двух конфликтующих критериев. С одной стороны – необходимость экономии времени респондентов, что обеспечивает более надежный результат анкетирования. С другой стороны – необходимость достаточно точно определить позицию респондентов по каждой из четырех переменных. Необходимость тестирования позиции респондентов набором вопросов-утверждений определялась нашим подходом к социологическому измерению, описанному в первой части книги.

Данная часть исследования поделена на три главы. Первая содержит анализ ответов респондентов при оценке утверждений каждой из пяти таблиц. Это позволяет проанализировать и нюансы

правосознания респондентов, и особенности самих утверждений. Вторая глава посвящена методам построения базовых переменных правосознания и валидности этих методов. Поскольку мы придавали этим переменным большое практическое значение, Вторая глава достаточно велика, а изложение обстоятельно. Третья глава посвящена анализу взаимосвязей между переменными правосознания в узком и широком смысле. На основании результатов анализа строится визуализация структуры правосознания.

Глава 1
Микроанализ

1.1. Поддержка независимости судебной власти

Первое, что бросается в глаза при анализе данных таблиц частот ответов (см. Электронное приложение), это сходство позиций граждан и предпринимателей, выраженных в оценках суждений вопроса 6. Оно иллюстрируется диаграммой рисунка 1.1.1.

Из диаграммы рисунка 1.1.1 видно главное сходство: частоты согласия с утверждениями в обеих выборках упорядочены почти одинаково за одним исключением (утверждение «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству»). Это демонстрирует определенное сходство структуры общественного сознания в двух сравниваемых социальных группах в той его части, которая касается правосознания и представлений о роли суда в системе государственной власти. Но структурное сходство подчеркивается одновременно количественным различием (за исключением того же самого утверждения): бизнесмены реже выражают согласие с утверждениями, нежели граждане. В случае единственного исключения различие частот статистически малозначимо. Теперь обратим внимание на следующее обстоятельство: все утверждения в вопросе 6 сформулированы таким образом, что согласие с ними должно свидетельствовать о поддержке идеи о монолитной власти, частью которой является суд, обязанный работать на этот монолит и быть ему подотчетным. С учетом этого факта можно утверждать, что респонденты из выборки предпринимателей более склонны к поддержке независимости судебной власти, чем представители выборки граждан.

Эта же диаграмма демонстрирует особенности правосознания как граждан, так и предпринимателей. Удивительно, но в обеих выборках

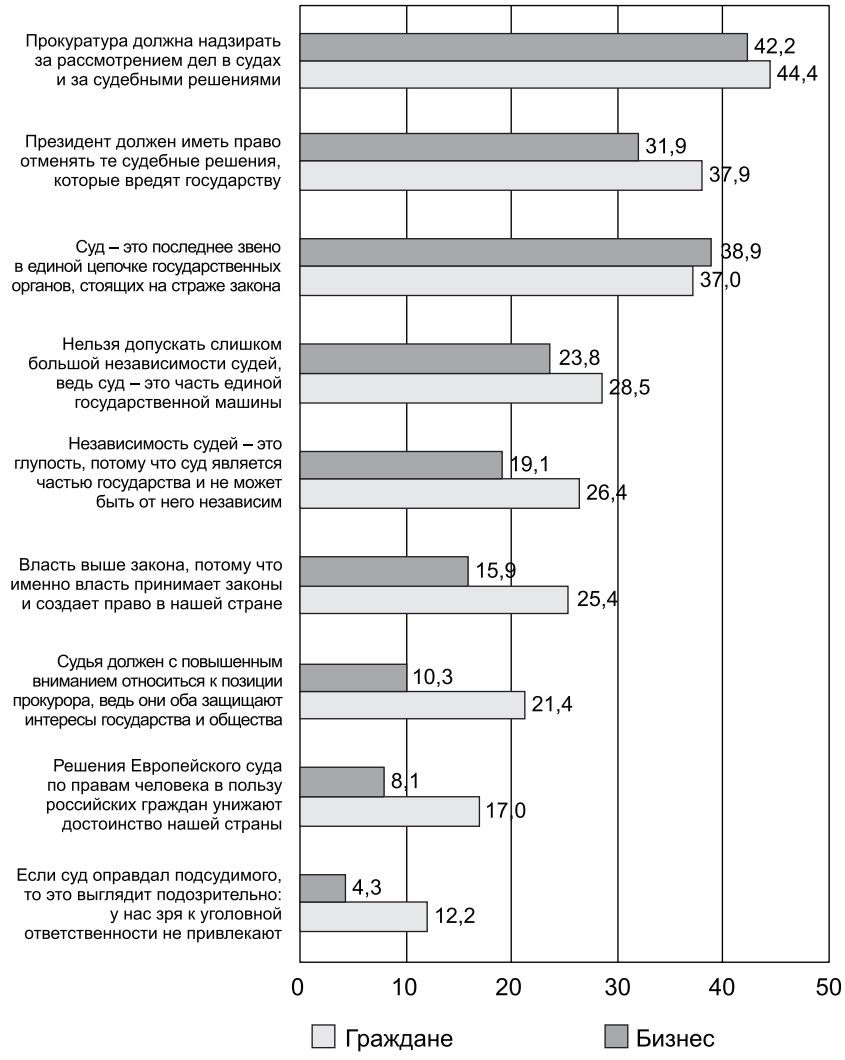


Рисунок 1.1.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждений вопроса 6, связанного с переменной «Поддержка независимости судебной власти», для выборок граждан и предпринимателей. Утверждения отсортированы в порядке убывания частоты выбора ответа в выборке граждан

в тройку утверждений, пользующихся наибольшей поддержкой, входит утверждение, которое с правовой точки зрения следует признать весьма экзотическим, – «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству». Ведь такого рода практики свойственны режимам, которые наши предки именовали тиранией, а мы скромно называем диктатурой. Можно попытаться оправдать граждан и бизнес беспредельной любовью к президенту и его посту, но это не облегчит печали от такого результата, ибо речь идет об утверждении, грубейшим образом противоречащем конституционному принципу разделения властей. Надо признаться, что, включая данное утверждение в список утверждений вопроса 6, мы трактовали его как наиболее радикальное из числа тех, что отражают позицию, отрицающую независимость суда. При этом не ожидалось, что оно может получить столь высокую поддержку.

Оправданием респондентам может служить тот факт, что утверждение «Если суд оправдал подсудимого, то это выглядит подозрительно: у нас зря к уголовной ответственности не привлекают» пользуется наименьшей поддержкой. А ведь речь идет о клише, укоренявшемся в общественном сознании Homo soveticus с начала истории советской власти. Можно предположить, что эта идеологема вступает в противоречие с опытом, либо личным, либо опытом потребления обильной негативной информации о деятельности правоохранительных органов. Тем более, что есть возможность подкрепить свой опыт мнением высшего авторитета – президента Путина, который сказал, зачитывая одно из своих Посланий Федеральному Собранию, что житель России, завидев милиционера, спешит перейти на другую сторону улицы.

Понятно, что последовательное правовое мышление должно было бы в одинаковой степени подвергнуть сомнению справедливость обоих утверждений. Встречаясь с противоречиями в ответах, мы не обязаны спешить отвергнуть предположение о существовании такого латентного фактора, как правовое сознание. Мы можем просто модифицировать его следующим образом: «Ответы респондентов на вопросы судебно-правового толка объясняются совокупностью факторов, из которых три наиболее важные – убеждения (диспозиции правового сознания), давление практики, влияние массовой информации (пропаганды)». Это предположение мы будем проверять и дальше. А сейчас проведем проверку для двух выделенных нами утверждений.

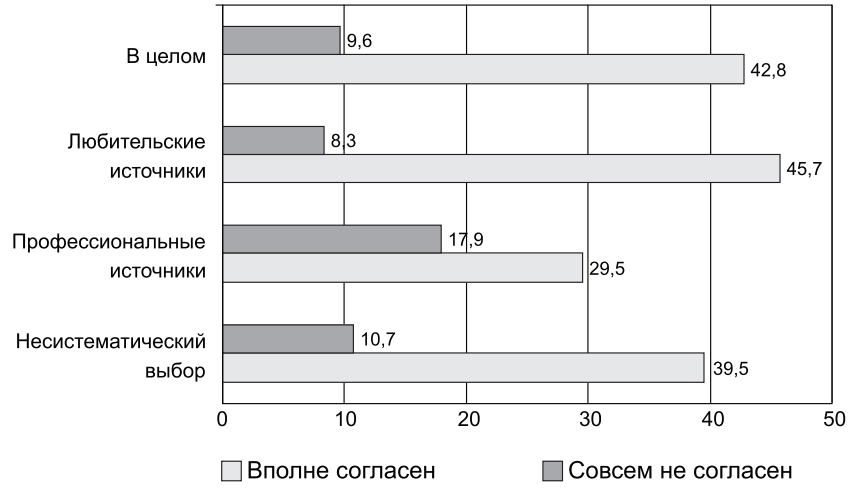


Рисунок 1.1.2. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 5 вопроса 6 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» для выборки граждан среди респондентов, пользующихся разными источниками информации о судах

Анализ сопряженности между ответами, выражающими отношение к утверждению 6.5 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству», и переменной «Тип предпочитаемых источников информации о судах» выявил высокую зависимость, характеризуемую доверительной вероятностью, равной 0,006. На диаграмме рисунка 1.1.2 представлена форма этой зависимости.

Мы видим на диаграмме, что респонденты, пользующиеся главным образом средствами массовой информации, черпая сведения о судебной власти, более других склонны соглашаться с анализируемым утверждением и реже всех проявляют решительное несогласие с ним. Напротив, респонденты, пользующиеся для тех же целей профессиональными источниками информации в полтора раза реже «любителей» поддерживают утверждение о необходимости судебных суперполномочий президента и в два раза чаще выражают категорическое несогласие.

Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело со следами влияния стихийно сформировавшейся стратегии представления судебной власти в СМИ. Очевидно, что нынешняя президентско-исполнительная власть контролирует наиболее влиятельные каналы массовой информации и старается формировать привлекательный образ себя самой через эти каналы. В некоторой степени это касается и представительной власти, поскольку она регулярно обязана подтверждать свою легитимность на выборах и в силу того, что фактически стала сегментом исполнительной «вертикали». Иное дело суды, которые не обязаны подтверждать публично свою легитимность. В силу этого отсутствует, как можно предположить, специальная установка в части формирования образа судебной власти, а потому здесь действуют законы информационного рынка, согласно которым негативная информация «продается» успешнее. Кроме того, представители власти нередко распространяют тезис о том, что коррумпированная судебная власть нуждается во внешнем контроле. Кому же тогда контролировать судей, как не президенту?!

Если наше предположение верно, то между работой российских СМИ и отношением к экзотической идее, выраженной анализируемым утверждением должен существовать диспозиционный посредник, которым может быть доверие к тем или иным институтам. Это легко проверяется, если мы сопоставим степень согласия с утверждением «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» и переменной, характеризующей доверие к институтам разного типа. Анализ сопряженностей подтверждает наше предположение на очень высоком доверительном уровне: доверительная вероятность в данном случае крайне мала – 2,75E-9. Следующая диаграмма демонстрирует форму зависимости, работающую на подтверждение нашей гипотезы.

Мы видим из диаграммы рисунка 1.1.3, что среди респондентов, доверяющих судебной власти, анализируемое утверждение пользуется значимо меньшей поддержкой, чем среди респондентов, доверяющих властным институтам двух других типов. Еще больший контраст обнаруживается, когда мы рассматриваем категорическое несогласие с данным утверждением. Оно максимально для тех респондентов, которые именно суды выбирают как институт, пользующийся большим доверием по сравнению со всеми остальными. Тем самым мы получили подтверждение нашей гипотезы.

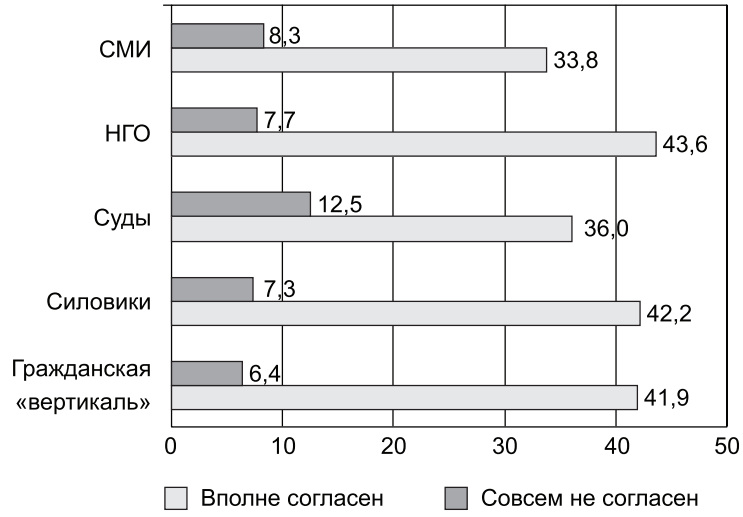


Рисунок 1.1.3. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 5 вопроса 6 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» для выборки граждан среди респондентов, выражающим доверие институтам различного типа

Приведенный нами анализ может создать впечатление стройности и предсказуемости социального порядка. Однако его легко разрушить, когда мы начнем сопоставлять оценку утверждения 6.5 с личным опытом взаимодействия респондентов с судами. Анализ сопряженностей демонстрирует высокую взаимосвязь с доверительной вероятностью, равной 1,09E-07. Но когда мы переходим к анализу формы зависимости, то обнаруживается нечто неожиданное. Во-первых, выясняется, что опыт респондентов практически не влияет на выбор ответов о несогласии с анализируемым утверждением. Зависимость, и весьма контрастная, проявляется при выборе одного из двух ответов – «Вполне согласен» и «До некоторой степени согласен». Взглянем на следующую диаграмму.

Парадоксальная картина: чем интенсивнее опыт общения с судом, тем охотнее респонденты поддерживают идею, характеризующую типичную тиранию, и тем менее охотно высказывают умеренную поддержку. Может возникнуть предположение, что такая картина

формируется под влиянием негативного опыта взаимодействия с судами. Однако оно не подтверждается аккуратным анализом сопряженностей. Ни оценка хода своего последнего процесса, ни даже победа или поражения при последнем обращении в суд не показывают значимой зависимости с отношением к утверждению 6.5. Пока не дают результата попытки объяснения данного феномена с помощью анализа социального портрета тех, кто имеет разный опыт общения с судом, с помощью категорий социального капитала или иных подобных категорий.

Совершенно иная картина возникает при попытке проанализировать факторы, влияющие на оценку респондентами суждения 6.1 «Если суд оправдал подсудимого, то это выглядит подозрительно: у нас зря к уголовной ответственности не привлекают». Здесь не срабатывают ни диспозиции в отношении институтов разных типов, ни влияние СМИ. Незначительное прояснение дают позиционные переменные. Поддержка последнего утверждения чаще обнаруживается в деревнях, чем в городе. Чаще других его поддерживают респонденты со средним или средним специальным образованием, а также временно безработные. А владельцы частного бизнеса чаще других выражают решительное несогласие. Возможно, что в данном случае мы столкнулись с тем приятным обстоятельством, когда оценка суждения определяется в большей степени той латентной переменной, которую мы хотим построить: «Поддержка независимости судебной власти», что будет проверено ниже.

Теперь посмотрим, как все то же самое выглядит в случае выборки предпринимателей. Отметим сначала, что не обнаружено взаимосвязей с особенностями бизнеса и с доходом предпринимателей. Если теперь перейти к описанию выявленных зависимостей, то на предпринимателей, прежде всего, влияет практика взаимодействия с судами. В частности, из тех, кто имеет опыт, полностью отвергают идею «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» 30,8%, а среди обделенных этим опытом – 19,8%. Наличие этого опыта подкрепляется результатом последнего общения с судом. Зависимость от исхода процесса (доверительная вероятность равна 0,005) имеет ожидаемую форму, представленную на диаграмме рисунка 1.1.5.

Мы видим из диаграммы, что положительное решение суда способствует отвержению идеи диктаторских полномочий президента, верно и обратное в отношении отрицательных решений.

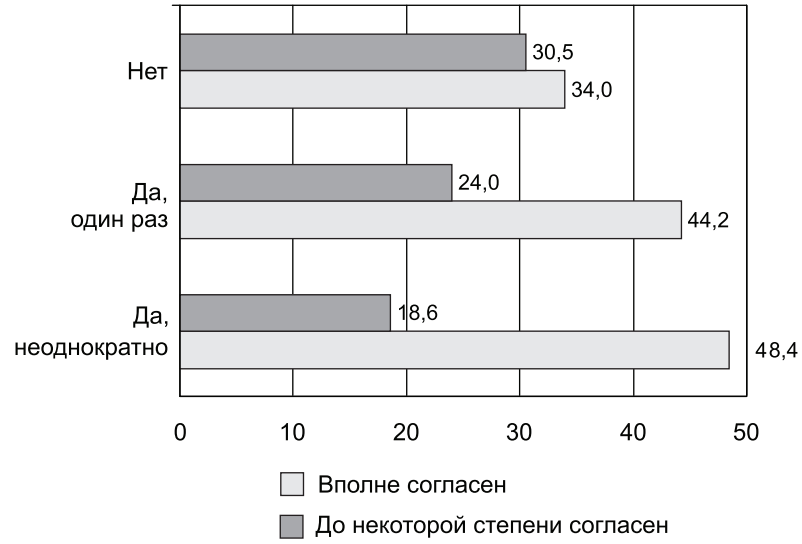


Рисунок 1.1.4. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» и «До некоторой степени согласен» относительно суждения 5 вопроса 6 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» для выборки граждан среди респондентов, выбравших различные ответы на вопрос анкеты 34 «Были ли Вы когда-либо участником судебного разбирательства?»

С доверительной вероятностью 0,006 выявлена зависимость поддержки утверждения 6.5 от образования: среди обремененных средним или средним специальным образованием (нет ничего хуже недоучек) вполне согласные с этим утверждением встречаются в десять (!) раз чаще, чем совсем не согласные. С этой зависимостью сопрягается другая: предприниматели преклонного возраста более других склонны поддерживать утверждение «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству».

Интересная взаимосвязь выявлена с наличием юридического образования при крайне малой доверительной вероятности, равной 9,33E-07. Форма зависимости вполне ожидаема, что видно из диаграммы на следующем рисунке.

Диаграмма демонстрирует отчетливую зависимость: наличие юридического образование снижает поддержку утверждения 6.5

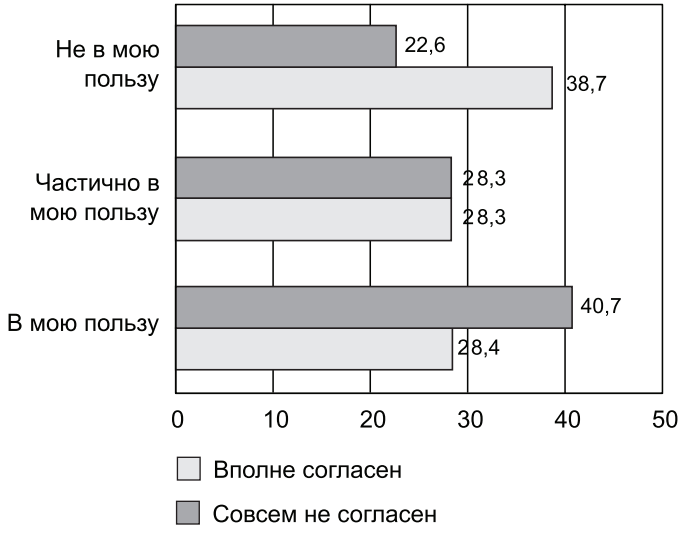
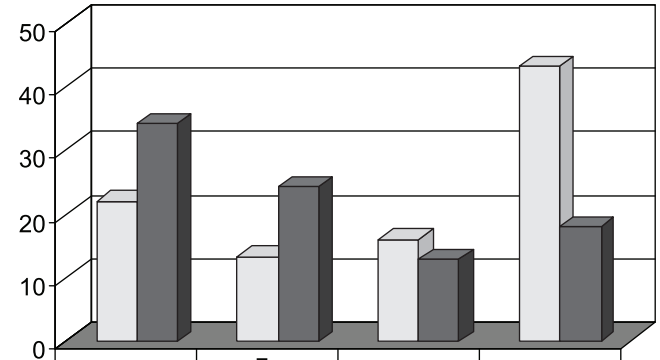


Рисунок 1.1.5. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 5 вопроса 6 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» для выборки предпринимателей среди респондентов, выбравших различные ответы на вопрос анкеты 39 «В чью пользу было вынесено судебное решение?»

и повышает шансы его отвержения. Тут бы и возрадоваться, но от людей, обладающих реальным современным юридическим образованием, странно ожидать поддержку идеи, граничащей с юридическим мракобесием, на уровне, превышающем треть выборки. Здесь мы получаем косвенное подтверждение мнений экспертов, выраженных в глубинных интервью, относительно качества юридического образования, которое в значительной массе воспроизводит советское позитивистское представление о праве.

Как и в случае выборки граждан, наблюдается зависимость (чуть выше порогового уровня доверительной вероятности 0,014) поддержки утверждения 6.5 от предпочитаемых типов информации о судах. Ее форма подобна той, что представлена на рисунке 1.1.2. Более убедительна взаимосвязь с диспозицией, касающейся типа институтов, пользующихся доверием (доверительная вероятность



	Вполне согласен	До некоторой степени	Не очень согласен	Совсем не согласен
Да, имею	22,1	13,3	15,9	43,4
Нет, не имею	34,2	24,2	12,7	17,8

Рисунок 1.1.6. Частоты выбора (в процентах) ответов, выражающих степень согласия с утверждением 5 вопроса 6 «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» для выборки предпринимателей среди респондентов, выбравших различные ответы на вопрос анкеты 72 «Имеете ли Вы юридическое образование?»

равна 0,001). Но форма зависимости несколько иная, чем в случае выборки граждан. Зависимость проявляется только с той частью диспозиции, которая связана с доверием судам, и не касается других институтов. Среди доверяющих судам категорически отвергают утверждение «Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству» 35,6%, что более чем в полтора раза выше, чем по выборке в целом.

Как и в случае выборки граждан, анализ взаимосвязей суждения 6.1 «Если суд оправдал подсудимого, то это выглядит подозрительно: у нас зря к уголовной ответственности не привлекают» не дал богатых результатов. Из характеристик практики проявилась единственная зависимость: неудовлетворенные судебным решениям с большей готовностью проявляют подозрительность относительно оправдательных решений суда. Естественно, проявилась сильная

взаимосвязь (доверительная вероятность равна 3,39E-4) с наличием юридического образования, как это было установлено и выше. Полученный результат укрепляет подозрение, что оценка данного суждения может определяться искомым латентным фактором.

Приведенный выше анализ, не очень глубокий, всего двух вопросов, поучителен. Мы вылавливаем немало разрозненных мелких социальных фактов, которые могут оказываться интересными по отдельности, но не складываются в какую-то отчетливую картину. Подобный анализ оценок других суждений лишь запутает общую картину. Поэтому предположение о том, что все суждения в одной таблице, оцениваемые респондентами, объединяет некоторая латентная переменная, в большей или меньшей степени влияющая на оценки респондентами этих суждений, позволяет сделать первый шаг к синтезу различных фактов, заключенных в оценках респондентов относительно суждений вопроса 6.

1.2. Поддержка концепции естественного права

Начнем наш анализ с построения диаграммы, представленной на рисунке 1.2.1. Здесь мы видим картину, аналогичную представленной на предыдущем рисунке 1.1.1: в обеих выборках утверждения одинаково упорядочены по степени поддержки, за единственным исключением утверждения «Бывает, что принимают законы, которые нарушают конституционные права граждан». Но что гораздо интереснее – все утверждения, «работающие» на идею естественного права, пользуются явно большой поддержкой, чем остальные утверждения.

Среди утверждений вопроса 8 есть одно, довольно абстрактное. Это утверждение 1 – «Справедливость важнее закона». Любопытно, каков социальный рельеф респондентов, по-разному оценивающих это утверждение. Интерес подпитывается тем обстоятельством, что в российской культуре абстрактное противопоставление справедливости и закона укоренено давно и прочно, что отражается, к примеру, в известном выражении «Суди нас не по закону, а по справедливости!». Если к этому добавить другие перлы народного творчества, отражающего нашу ментальность, вроде «Закон, что дышло...», то проблема приобретает реальную остроту.

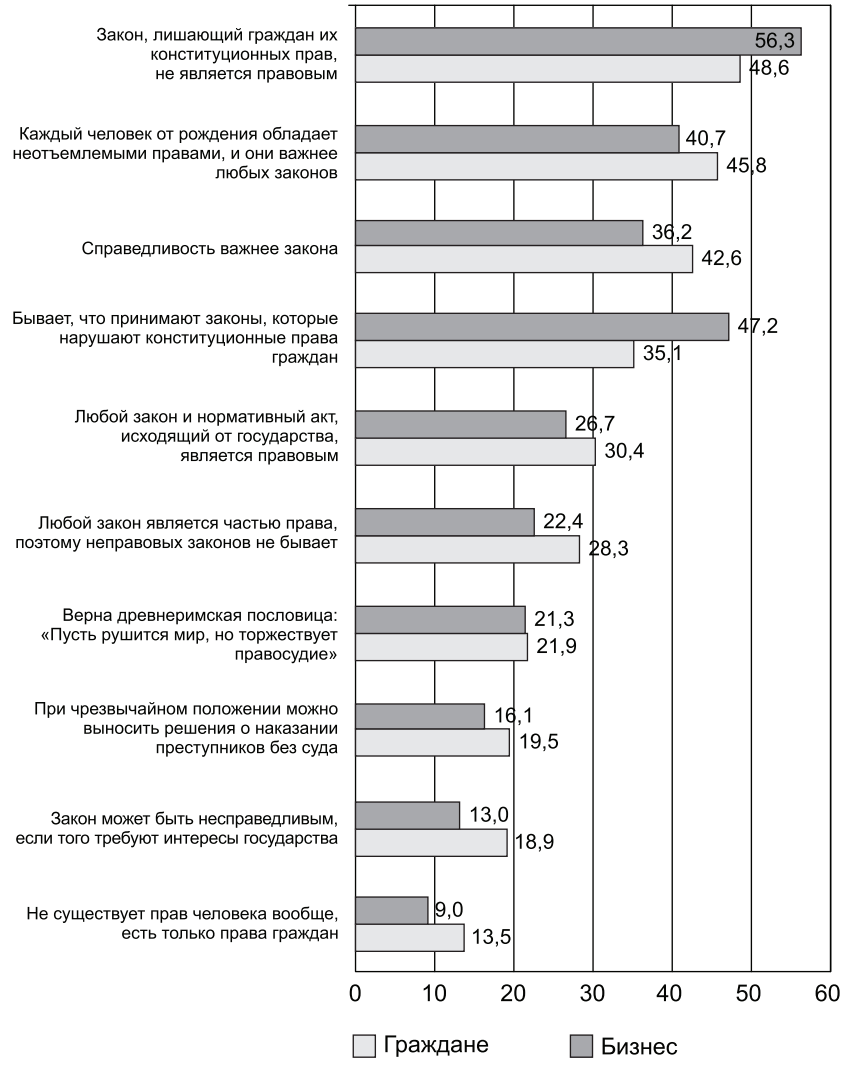


Рисунок 1.2.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждений вопроса 8, связанного с переменной «Поддержка концепции естественного права», для выборок граждан и предпринимателей. Утверждения отсортированы в порядке убывания частоты выбора ответа в выборке граждан

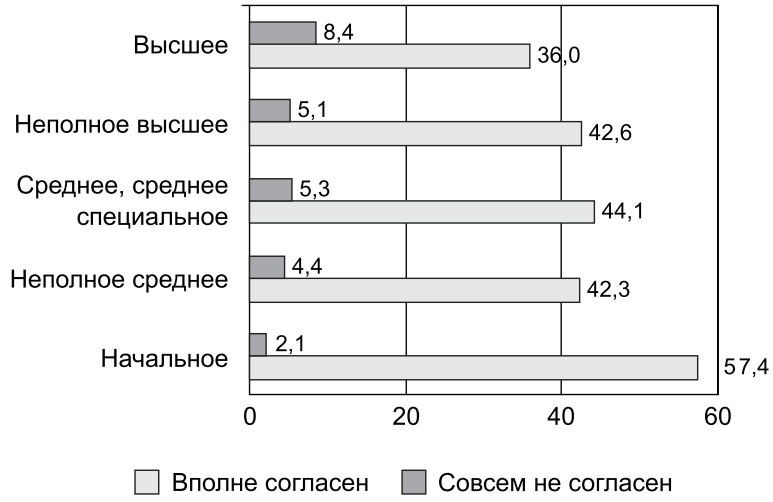


Рисунок 1.2.2. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 1 вопроса 8 «Справедливость важнее закона» для выборки граждан среди респондентов с разным образованием

Переходя к обсуждению результатов анализа сопряженности, зафиксируем, прежде всего, невыявленные взаимосвязи. Итак, оценка суждения «Справедливость важнее закона» не зависит от позиционных характеристик респондентов вроде возраста, дохода, места проживания и т.п., за одним важным исключением, которое будет обсуждаться ниже. Не влияет на оценку суждения и практика взаимодействия с судом. Но и тут есть одно исключение: среди респондентов, неоднократно бывавших в суде, половина решительно поддерживает анализируемое суждение. А среди тех, кто ни разу не бывал в суде, – на 10% меньше. Разница статистически значима на уровне менее 0,01. Можно предположить, что посещающие суд взыскуют справедливости в суде, ощущая ее дефицит. Однако такое предположение не подтверждается, ибо тогда можно было бы ожидать взаимосвязи, к примеру, с исходом процесса, но ее нет. Нет также взаимосвязи оценки суждения с оценкой хода последнего судебного процесса. Отложим интерпретацию этого статистического факта до ревизии остальных.

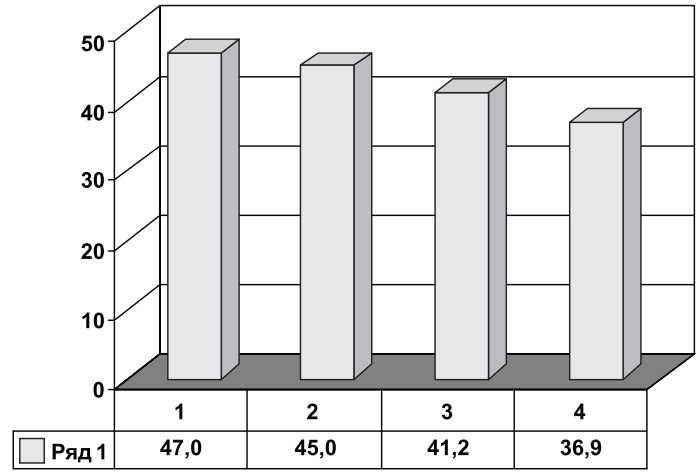


Рисунок 1.2.3. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждения 1 вопроса 8 «Справедливость важнее закона» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Социальный интеллект» (интервал с номером 1 соответствует высокому социальному интеллекту)

Среди невыявленных зависимостей примечательна следующая: отсутствие сопряженности между степенью поддержки утверждения «Справедливость важнее закона» и типом предпочитаемых источников информации о судах. Выше мы убедились в том, что наличие такой зависимости с большой вероятностью свидетельствует о влиянии СМИ на диспозиции людей. Значит, как можно предположить, в данном случае такое влияние отсутствует. Следовательно, можно предположить, что отношение к обсуждаемому высказыванию очень глубоко укоренено в культуре.

А теперь перейдем к выявленным зависимостям. Прежде всего – о том исключении из числа позиционных переменных, которое выявило наличие зависимости. Речь идет об образовании. Доверительная вероятность, впрочем, пороговая: 0,012, но это компенсируется отчетливой формой зависимости (см. рисунок 1.2.2).

Мы видим из диаграммы рисунка, что степень согласия с анализируемым суждением падает с ростом образования. Это подталкивает к размышлениям. Ведь тезис «Справедливость важнее закона»

корреспондируется с концепцией естественного права. Можно предположить, что современное высшее образование должно способствовать солидарности с этой более современной концепцией. Но мы видим противоположную тенденцию. Поэтому можно предположить, что весомая часть поддержки идеи «Справедливость важнее закона» базируется на представлениях патриархальной российской культуры. Прискорбно, вместе с тем, что наше высшее образование не формирует представлений, которые последние триста лет становятся доминирующими благодаря усилиям лучших социальных мыслителей и философов. Согласно этим представлениям, справедливость – главная задача властных институтов. А закон – лишь один из инструментов решения этой задачи, и, как показывают не только наши исследования, инструмент далеко не совершенный[10].

Крайне любопытно, что противоположная тенденция выявляется при анализе зависимости (более контрастной) между поддержкой анализируемого утверждения и социальным интеллектом. Форма зависимости представлена на рисунке 1.2.3.

Мы видим, что с ростом социального интеллекта растет и поддержка анализируемого утверждения. Это дает основания предполагать, что образование не формирует социальный интеллект в сфере права. Эта роль отведена, видимо, опыту столкновения с судом. Исследование подтверждает это предположение. Но, как выясняется, влияние опыта осуществляется не напрямую, а опосредованно. Опыт столкновения с судом формирует интерес к информации о судах. Взаимосвязь крайне высока: доверительная вероятность равна 2,68E-37. В частности, среди тех, кто неоднократно сталкивался с судами, очень интересующиеся информацией о работе судов встречаются в семь раз чаще, чем среди тех, кто ни разу не бывал в судах. (Неудивительно также, что среди респондентов, обладающих опытом неоднократного столкновения с судом, существенно чаще других попадаются такие, которые пользуются профессиональными источникам информации о судах.) В свою очередь, интерес к информации о работе судов взаимосвязан с социальным интеллектом (доверительная вероятность равна 1,18E-09), что соответствует природе этой характеристики. Вместе с тем прямая взаимосвязь между опытом и социальным интеллектом не высока (доверительная вероятность на грани принятого в данном исследовании порога: 0,007).

[10] См., например: Бруно Леони. Свобода и закон / Пер с англ. М.: ИРИСЭН, 2008.

Еще одна установленная зависимость связывает поддержку анализируемого утверждения и тип институтов, пользующихся доверием (доверительная вероятность равна 8,78E-05). Максимальная доля категорически несогласных с утверждением «Справедливость важнее закона» приходится на группу респондентов, которые свое доверие отдают институту судебной власти.

Осталось упомянуть установленную исследованием взаимосвязь анализируемого утверждения с переменной «Типология по целям судебного процесса» (доверительная вероятность равна 5,63E-08). Здесь выделяются две особенности. Первая: повышенная взаимообусловленность умеренного согласия с анализируемым утверждением и приверженности представлениям о процедурной справедливости как цели судебных разбирательств (приведенный стандартизированный остаток равен 3,6). Вторая: сопряженность между категорическим отрицанием утверждения «Справедливость важнее закона» и приверженностью абстрактным целям судебных разбирательств. Напоминаем, что в этот кластер целей входят «Восстановление справедливости» и «Восстановление законности». Нахождение двух этих целей в одном кластере выделяет тип респондентов, для которых справедливость и законность не противостоят друг другу, поэтому, как можно предположить, и фиксируется указанная зависимость.

Мы не обращаемся в данном случае к выборке предпринимателей, ибо на ней существенных взаимосвязей не установлено.

1.3. Законопослушание

Здесь мы снова наблюдаем (см. рисунок 1.3.1) сходство ранжировок, на этот раз абсолютное, частот поддержки суждений вопроса 18. Обе выборки демонстрируют склонность к законопослушанию. Она выражается в том, что четыре утверждения, корреспондирующиеся с законопослушанием, стоят в верхней части данного ранжирования. А остальные утверждения, корреспондирующиеся с правовым нигилизмом, пользуются существенно меньшей поддержкой. Любопытны и предпочтения мотивов обоих типов поведения. Они важны, если возникает задача формирования законопослушания как части правового сознания. Наиболее популярен прагматический

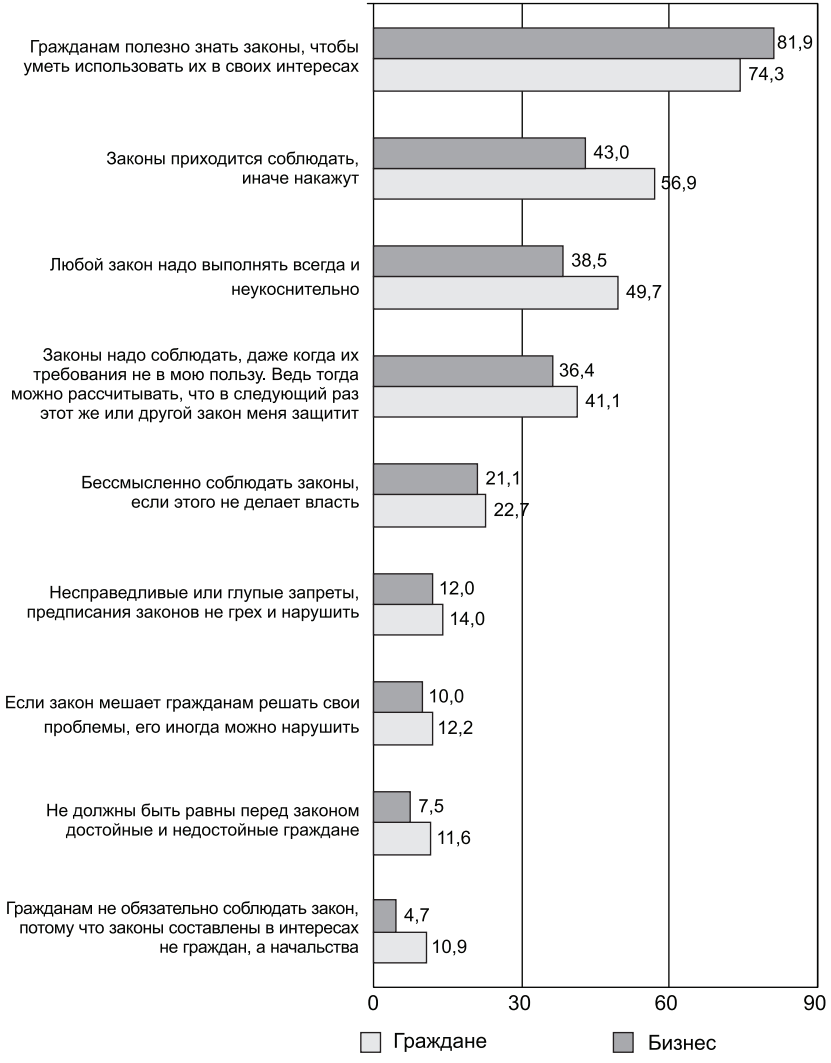


Рисунок 1.3.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждений вопроса 18, связанного с переменной «Законопослушание», для выборок граждан и предпринимателей. Утверждения отсортированы в порядке убывания частоты выбора ответа в выборке граждан

мотив («Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах»). С большим отрывом на втором месте мотив страха наказания. С меньшим отрывом идут два утверждения. Одно из них соответствует ригидной позиции неукоснительного исполнения законов и, чуть ниже, мотив универсального правового толка. А вот самый популярный способ оправдания противозаконного поведения – это апелляция к беззаконию власти.

Попробуем разобраться, каков социальный портрет тех групп респондентов-граждан, которые склоняются к тем или иным мотивам, обосновывающим законопослушное поведение. Это будет сделано с помощью словесных портретов, когда каждая группа описывается значениями переменных, для которых устанавливается наличие локальной зависимости при том, что доверительная вероятность между переменными в целом ниже установленного нами порогового уровня. Смысл содержимого приведенных ниже четырех таблиц будет ясен из комментария к первой из них.

Рассмотрим левую верхнюю клетку таблицы. Первая запись в ней – «неоднократно бывал в суде (3,4)». Это означает что выбор оценки «Вполне согласен» сопряжен с выбором ответа «неоднократно бывал в суде» при ответе на вопрос «Были ли Вы когда-нибудь участником судебного разбирательства». Эта сопряженность положительная, т.е. среди вполне согласных» с утверждением «Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах» доля тех, кто неоднократно бывал в суде, статистически значимо выше, чем во всей выборке. (И наоборот: среди тех, кто неоднократно бывал в суде, статистически значимо повышена доля тех, кто согласен с прагматичным мотивом законопослушания.) Степень этого отклонения от общего уровня измеряется значением приведенного стандартизированного остатка; это значение в данном случае равно 3,4. Первая запись в соседней клетке той же строки показывает, что среди выбравших ту же оценку согласия с утверждением «Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах» понижена доля тех, кто ни разу не бывал в суде. Степень отклонения (в отрицательную сторону) равна -3,3.

С учетом приведенного комментария, мы можем набросать портрет возможного респондента, с большой вероятностью согласного с прагматичным мотивом законопослушания. Это небогатые люди с высоким социальным интеллектом, на практике реализующие свою установку, часто прибегая к судебной защите, возможно, с помощью

Таблица 1.3.1

Социальные портреты групп респондентов, выбравших разные оценки утверждения 18.9 «Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах»; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Оценка	Повышенная плотность	Пониженная плотность
Вполне согласен	Неоднократно бывали в суде (3,4); бывали один раз (3,8); доверяют НГО (4,0); высокий социальный интеллект (3,4); абстрактные цели судебного процесса (3,1); низкий доход (3,1).	Ни разу не бывали в суде (-3,3); доверяют СМИ (-3,2); низкий социальный интеллект (-3,7); высокий доход (-3,1).
До некоторой степени согласен	Ни разу не бывали в суде (2,9); города с населением меньше 1 млн человек (2,8); доверяют СМИ (3,2).	Неоднократно бывали в суде (-2,7); города с населением от 50 до 100 тыс. человек (-2,8); доверяет НГО (-3,0).
Не очень согласен	Города с населением свыше 1 млн человек (2,7); города с населением от 100 до 250 тыс. человек (2,8); высокий доход (2,9).	Низкий социальный интеллект (-2,8).
Совсем не согласен	*Нет специфических черт*	*Нет специфических черт*

правозащитных организаций. Обращает на себя внимание, что не имеет самостоятельного социального лица категория граждан, которые совершенно не согласны с прагматическим обоснованием законопослушания. Это значит, что такие респонденты в некотором смысле «равномерно размазаны» по социальному пространству.

Мотив страха для законопослушания, как это следует из таблицы 1.3.2, свойственен небогатым пожилым людям, имевшим однократный опыт контакта с судом и доверяющим НГО (возможно, в силу того, что они пользовались помощью правозащитных организаций). Похоже, что людей с данным социальным портретом отличает

Таблица 1.3.2

Социальные портреты групп респондентов, выбравших разные оценки утверждения 18.2 «Законы приходится соблюдать, иначе накажут»; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Оценка	Повышенная плотность	Пониженная плотность
Вполне согласен	Один раз были в суде (3,3); доверяют НГО (3,7); абстрактные цели судебного процесса (3,0); старше 58 лет (5,6); низкий доход (5,0).	Доверяют силовикам (-3,4) и СМИ (-2,7); не старше 26 лет (-2,7); высокий доход (-3,7).
До некоторой степени согласен	Высокий доход (3,1).	Низкий доход (-4,7); доверяют НГО (-3,0); старше 58 лет (-5,4).
Не очень согласен	Неоднократно бывали в суде (2,7); города с населением от 250 до 500 тыс. человек (2,8).	*Нет специфических черт*
Совсем не согласен	*Нет специфических черт*	*Нет специфических черт*

от носителей предыдущего портрета (связанного с таблицей 1.3.1) опыт общения с судом.

Можно предположить, что для согласных с прагматичным мотивом законопослушания судебная защита является постоянной практикой, в то время как для представителей последней группы это лишь случайный жизненный эпизод, хотя, видимо, важный. Данное предположение можно проверить, вовлекая в анализ дополнительные вопросы анкеты. Это вопрос 12 «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?» и вопрос с множественным выбором ответа 25 «Как Вы обычно поступаете, когда необходимо защитить Ваши нарушенные права и свободы?». Для респондентов, вполне согласных с прагматическим обоснованием законопослушания, мы получили следующий результат. Отвечая на вопрос 12, они чаще (по сравнению со всей выборкой) выбирают ответ

Таблица 1.3.3

Социальные портреты групп респондентов, выбравших разные оценки утверждения 18.1 «Любой закон надо выполнять всегда и неукоснительно»; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Оценка	Повышенная плотность	Пониженная плотность
Вполне согласен	Городки с населением менее 20 тыс. человек (4,9); деревня (4,7); абстрактные цели судебного процесса (4,4); работают во власти (2,8); старше 58 лет (3,9); низкий доход (3,5).	Города (-4,7); доверяют СМИ (-3,5); низкий социальный интеллект (-3,0); не старше 26 лет (-2,8).
До некоторой степени согласен	Города с населением более 1 млн человек (3,2); города (5,1); работают в частном бизнесе (3,0).	Городки с населением менее 20 тыс. человек (-5,0); деревня (-5,1); работают во власти (-3,0); низкий доход (-3,5).
Не очень согласен	*Нет специфических черт*	*Нет специфических черт*
Совсем не согласен	От 27 до 36 лет.	*Нет специфических черт*

«Очень интересуюсь» (остаток 7,35E-13). Из ответов на вопрос 25 они чаще, по сравнению со всей выборкой, выбирают ответы «Обращаюсь в юридическую консультацию» (4,74E-09) и «Обращаюсь в суд» (1,31E-04). Иное дело респонденты, разделяющие мотив страха для законопослушного поведения. Они ничем не выделяются в части любопытства относительно информации о судах, а в ответе на вопрос 25 чаще, чем по выборке в целом, выбирают ответ «Просто терплю» (0,005). Тем самым наши портреты не только дополняются, но эти дополнения подтверждают выдвинутые гипотезы.

Как видно из таблицы 1.3.3, описания респондентов, солидаризирующихся с тем, что «любой закон надо выполнять всегда и неукоснительно», могут быть разделены на два различных портрета. Один

Таблица 1.3.4

Социальные портреты групп респондентов, выбравших разные оценки утверждения 18.3 «Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать, что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит»; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Оценка	Повышенная плотность	Пониженная плотность
Вполне согласен	Города с населением от 500 тыс. до 1 млн человек (2,7); доверяющие судам (3,2); высокий социальный интеллект (2,9).	Работники свободной профессии (-2,9); низкий социальный интеллект (-3,3).
До некоторой степени согласен	Города с населением более 1 млн человек (3,4).	Городки с населением менее 20 тыс. человек (-2,8); деревня (-3,4); едва сводят концы с концами (-3,3); низкий социальный интеллект (-3,5).
Не очень согласен	Едва сводят концы с концами (3,0).	*Нет специфических черт*
Совсем не согласен	Неоднократно бывали в суде (4,1); работники свободной профессии (2,9).	*Нет специфических черт*

прописан скупо – это чиновники. Не будет неожиданным предположение, что их повышенная готовность соглашаться с подобным утверждением вызвана следованием стандартной публичной норме, но не обязательно выражает убеждения. Вторая группа прописана более отчетливо. Это респонденты, живущие в глубинке, в деревнях или крохотных городках, пожилые и бедные. У них, скорее всего, данный мотив законопослушания сопряжен с патриархальной культурой. Возможна, конечно, и иная причина: демонстрация «правильного ответа» (как и у чиновников).

Совершенно иной портрет социальной группы респондентов, солидаризирующихся с высказыванием «Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать,

что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит» (см. таблицу 1.3.4). Это высказывание соответствует стандарту правового сознания, согласно которому законы призваны охранять социальный порядок, а эффективность законов определяется общим и сознательным следованием им. Неудивительно, что здесь повышена вероятность встретить людей с высоким социальным интеллектом, живущих в крупных городах и доверяющих судебной власти больше, чем другим институтам. И гораздо реже в этой группе встречаются люди с низким социальным интеллектом, а также представители свободных профессий. Последние чаще попадаются среди тех, кто отрицает анализируемое утверждение.

Общим во всех четырех таблицах является тот факт, что портреты групп, выражающих согласие с анализируемыми утверждениями, оказываются прописанными более тщательно. И наоборот – портреты тех, кто совершенно отрицает эти утверждения, менее выразительны и размыты. Интересно также, что во всех случаях, кроме последнего, обоснование необходимости следования закону сопрягалось с абстрактными целями следования закону.

Попытки построить подобные социальные портреты на выборке предпринимателей не дали такого же выразительного результата. Удалось выявить только следующие зависимости. Выбор прагматического мотива законопослушного поведения корреспондируется с использованием судов как средства защиты своих интересов при ответе на вопрос 25 «Как Вы обычно поступаете, когда необходимо защитить Ваши нарушенные права и свободы?» (приведенный стандартизированный остаток равен 3,7). Такая же взаимосвязь выявлена и для случая согласия с суждением «Любой закон надо выполнять всегда и неукоснительно». Правда, в данном случае сюда добавляется взаимосвязь и с доверием к судам как институту по сравнению с другими институтами (3,1). Здесь же выделяются люди преклонного возраста (4,4). Никаких специфических черт не обнаружено у респондентов-предпринимателей, которые выражали решительное согласие со следующими мотивами законопослушного поведения: «Законы приходится соблюдать, иначе накажут» и «Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать, что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит». Столь унылый социальный рельеф по сравнению с результатами анализа выборки граждан вполне объясним. Ведь в случае выборки предпринимателей мы имеем дело с относительно

небольшим фрагментом социального пространства, внутри которого разнообразие существенно меньше, чем во всем социальном пространстве, выборкой из которого является выборка граждан.

1.4. Поддержка независимости судебных решений

Диаграмма рисунка 1.4.1 представляет нам знакомую картину: утверждения упорядочены практически одинаково по данным обеих выборок, за исключением утверждения 4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность» (это исключение примечательно, и ниже мы остановимся на нем подробнее). Мы видим также, что наибольшее согласие респонденты проявляли с суждениями, которые сопряжены с независимостью судебных решений и неотъемлемости прав человека. Наконец, судя по опросу, предприниматели больше, чем граждане, поддерживают утверждения, сопряженные с независимостью судебных решений. Напротив, у граждан, по сравнению с предпринимателями, несколько большей поддержкой пользуются утверждения, ассоциированные с зависимостью судебных решений. И снова единственное исключение – утверждение 4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность».

Ниже мы рассмотрим три утверждения подробнее. Помимо последнего, мы проанализируем социальный рельеф поддержки утверждения 3 «Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры» и утверждения 5 «В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства».

Поддержка утверждения 3, ассоциированного с поддержкой независимости судебных решений, имеет неожиданную, но весьма статистически убедительную географическую привязку. В деревнях сторонники этого утверждения живут чаще, чем в городах (доверительная вероятность равна 4,39E-06). Их городские единомышленники чаще появляются в малых городках численностью до 20 тыс. человек (доверительная вероятность равна 1,12E-07). Отчетливая

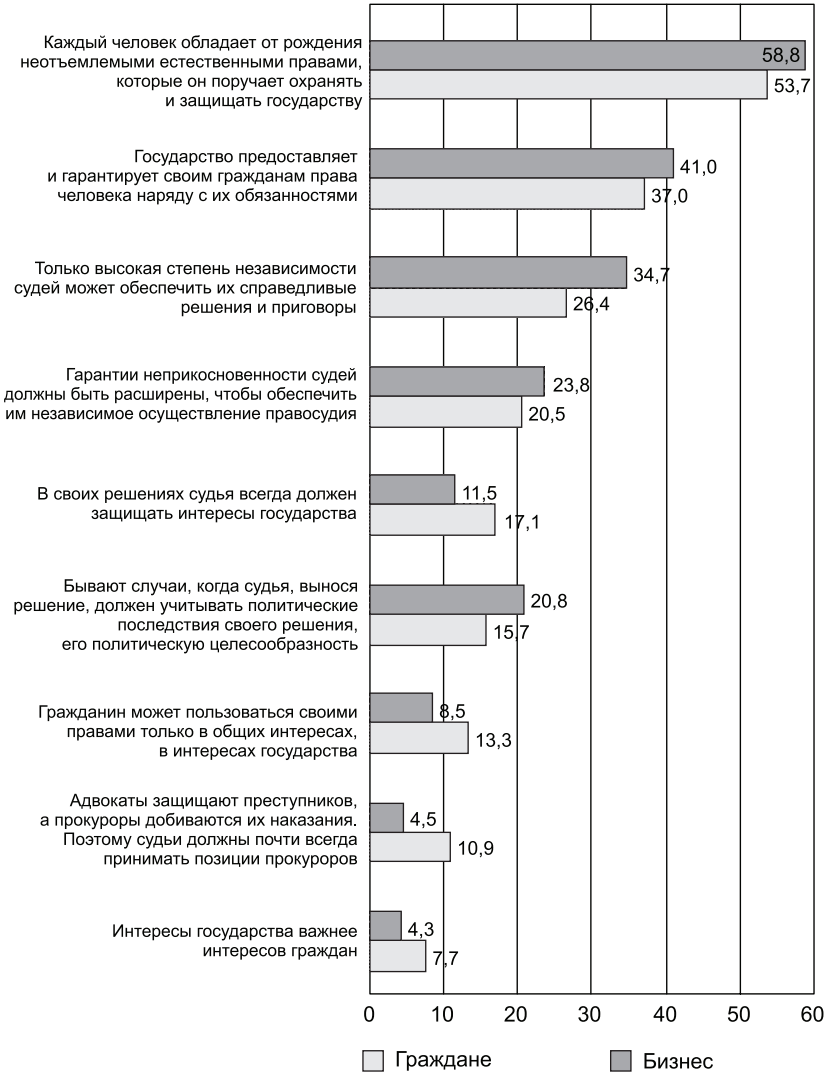


Рисунок 1.4.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждений вопроса 20, связанного с переменной «Поддержка независимости судебных решений», для выборок граждан и предпринимателей. Утверждения отсортированы в порядке убывания частоты выбора ответа в выборке граждан

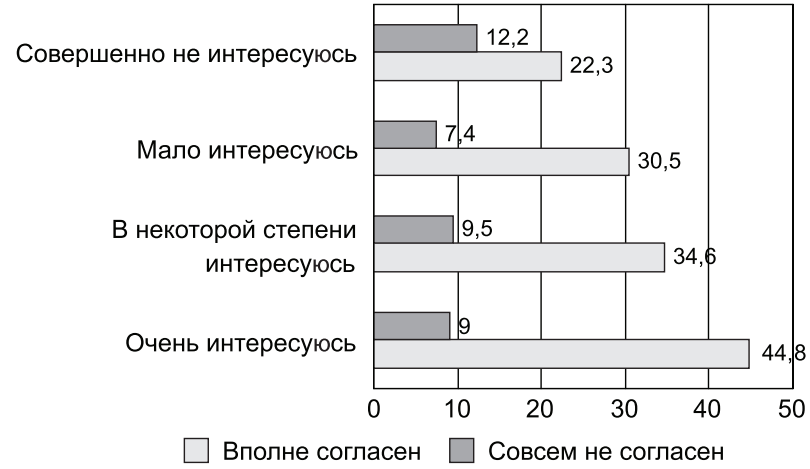


Рисунок 1.4.2. Частоты выбора (в процентах) ответов «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 3 вопроса 20 «Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры» для выборки граждан среди респондентов, выбравших разные ответы на вопрос 12 об интересе к информации о работе судов

зависимость выявлена с интересом к информации о судах (4,51E-06). Форма зависимости представлена на диаграмме рисунка 1.4.2.

Как видно из диаграммы, среди проявляющих интерес к информации о судах в два раза больше тех, кто полностью одобряет суждение «Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры», чем среди тех, кто совершенно не интересуется этой информацией. Согласие с анализируемым утверждением корреспондируется с представлением о доминировании абстрактных целей судебного процесса – восстановление справедливости и законности (приведенный стандартизированный остаток равен 3,2).

Но наиболее интересная и четкая зависимость выявлена с социальным интеллектом (доверительная вероятность равна 2,8E-09). Ее форма представлена на диаграмме рисунка 1.4.3.

Мы видим из диаграммы, что в первом квартильном интервале респондентов, согласных с утверждением «Только высокая степень

независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры», в два с половиной раза больше, чем в последнем.

Теперь перейдем к анализу социального рельефа группы респондентов, поддерживающих утверждение 5 «В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства». Здесь картина менее интересная. По-прежнему фиксируется географическая зависимость (2,29E-08). С повышенной вероятностью умеренная поддержка этого утверждения встречается в городах-миллионниках (приведенный стандартизированный остаток равен 2,7), а решительное отрицание его чаще встречается в городах с численностью от 250 до 500 тыс. человек (5,4). Еще одна взаимосвязь установлена с переменной, характеризующей опыт общения с судами (доверительная вероятность равна 4,06E-04). Умеренная поддержка (3,6) анализируемого утверждения свойственна тем, кто ни разу не бывал в суде. А полностью его отрицают (3,7) респонденты, имеющие опыт неоднократного общения с судами.

И наконец, результаты анализа высказывания 4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность». Прежде всего, выясняется некоторое пересечение двух рельефов: как и в предыдущем случае, проявилась географическая зависимость (3,85E-08): повышенная доля умеренной поддержки наличествует в городах-миллионниках (3,3), а умеренное несогласие – в городах с численностью от 100 до 250 тыс. человек (3,2). Сходная взаимосвязь и с опытом общения с судами (2,44E-04): респонденты, обремененные неоднократным опытом участия в судебных процессах, чаще категорически не согласны с анализируемым утверждением (4,7); а умеренная поддержка утверждения более свойственна респондентам, ни разу не попадавшим в зал суда (2,9). Но есть и дополнительные взаимосвязи. Впервые проявилась гендерная взаимосвязь (0,004): мужчины чаще категорически несогласны с необходимостью учета политической целесообразности при вынесении судебных решений (3,4). Наконец, выявилась взаимосвязь с социальным интеллектом (0,002): высокий интеллект сопряжен с категорическим отрицанием анализируемого суждения.

Теперь повторим тот же самый анализ для выборки предпринимателей. Картина выявленных взаимосвязей со степенью согласия с утверждением 3 «Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры» получилась

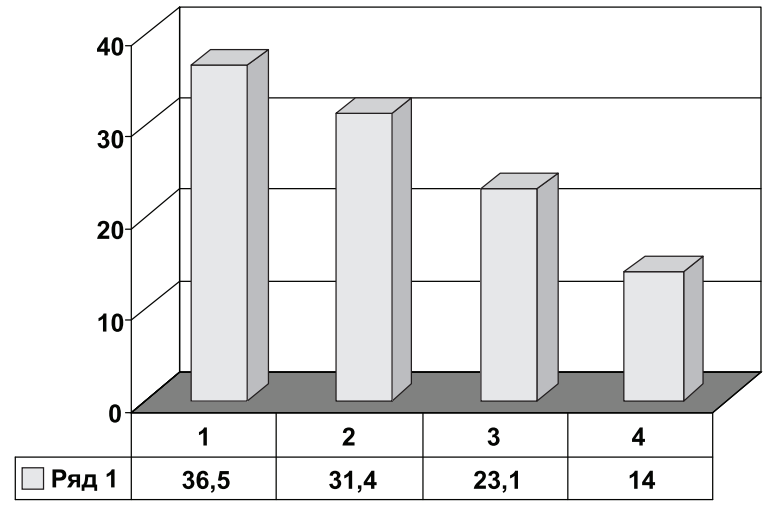


Рисунок 1.4.3. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждения 3 вопроса 20 «Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Социальный интеллект» (наибольшему социальному интеллекту соответствует интервал 1

скуповатая, но любопытная. В противовес тому, что нам приходилось наблюдать выше, чуть более полная для тех, кто категорически не согласен с этим утверждением. Установлено, что чаще такую оценку дают те, кто на вопрос 25 «Как Вы обычно поступаете, когда необходимо защитить Ваши нарушенные права и свободы» выбирают один из двух ответов. Первый – «Мои права и свободы никто не нарушает и не нарушал раньше» (4,1). Тут ситуация, которая в русском языке описывается поговоркой «Жареный петух... не клюнул». Второй вариант – «Обращаюсь к авторитетным людям» (3,4). Эти готовы поддержать зависимость судей, ибо склонны прибегать к неформальному правосудию. Чаще противники независимости судей появляются среди владельцев частного бизнеса (3,6). Любопытно, что умеренную поддержку утверждению 3 чаще высказывают владельцы частного бизнеса, одновременно являющиеся менеджерами своего бизнеса (4,5).

Анализ сопряженностей с утверждением 5 противоположного толка – «В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства» – не дал никакого результата. Видимо, в этом небольшом участке социального пространства данное утверждение имеет чисто идеологические коннотации. То же самое касается и утверждения 4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность». Причем набор доверительных вероятностей для таблиц сопряженностей в данном случае был в совокупности ближе к убедительной демонстрации независимости.

1.5. Нетерпимость к нарушению законов

Мы завершаем наш микроанализ вопросом 22, который формулировался, напоминаем, следующим образом: «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» Таблица вопроса содержала список из восьми ситуаций, а оценка давалась дихотомическая: «Да» или «Нет» (при возможности дать ответ «Затрудняюсь ответить»).

Главное наблюдение – снова мы видим практически тождественную структуру упорядочения ситуаций по степени поддержки.

Мы отдельно проанализируем оценку одной из ситуаций, поскольку она задевает важнейшую тему справедливости. Это ситуация 1 «Когда закон несправедлив». Результаты анализа представлены ниже в таблицах 1.5.1 и 1.5.2, описывающих социальные портреты двух групп – согласных с возможностью нарушить закон в данной ситуации и несогласных с этим – для выборок граждан и предпринимателей. Эти таблицы устроены так же, как устроены таблицы 1.3.1–1.3.4, но указываются только случаи превышения «плотности» (для приведенных стандартизированных остатков значимо больших нуля). Первое, что бросается в глаза при изучении таблиц 1.5.1 и 1.5.2, это тот факт, что соответствующие двум ответам портреты граждан и предпринимателей получились весьма подробными и в основных чертах соответственно сходными.

Таблица 1.5.1 являет нам два вполне непротиворечивых портрета. В левом столбце согласие с возможностью нарушить несправедливый закон убедительно подкрепляется убеждением в том, что

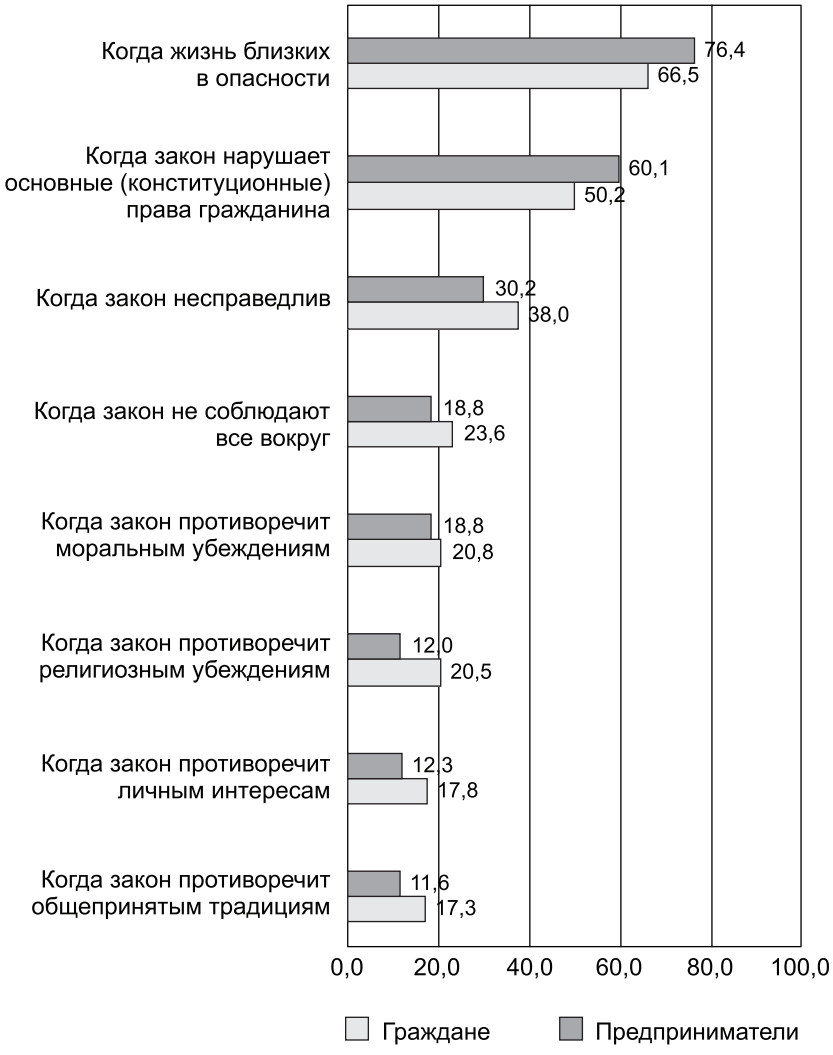


Рисунок 1.5.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно ситуаций вопроса 22, связанного с переменной «Нетерпимость к нарушению законов», для выборок граждан и предпринимателей. Утверждения отсортированы в порядке убывания частоты выбора ответа в выборке граждан

Таблица 1.5.1

Социальные портреты групп респондентов, выразивших согласие или несогласие с возможностью нарушить закон в ситуации 1, «когда закон несправедлив», при ответе на вопрос 22 «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» для выборки граждан; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Да	Нет
Приволжский (5,5) или Южный (3,0) ФО; В некоторой степени интересуются информацией о судах (4,8).	Москва (3,8) или город с населением от 100 до 250 тыс. человек (4,0); имеют высшее образование (3,7), юридическое образование (3,4); «Вполне можно жить, не нарушая законов» (5,3).
«Невозможно жить, не нарушая законов» (4,4); «У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит» (4,0); «Многие не обращаются в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты» (4,0).	«Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система» (4,0); «Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права» (5,6).
Судьи слишком неквалифицированны (5,0); «К богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (4,5); Вполне согласны, что справедливость важнее закона (11,6); Вполне согласны, что закон может быть несправедливым, если того требуют интересы государства (3,7); Скорее не доверяют (3,1) или полностью не доверяют (4,1) российскому суду.	«Суды в России скорее подконтрольны руководству страны» (3,0); «В России все равны перед судом» (3,7); Совсем не согласны, что справедливость важнее закона (5,8).
Вполне (10,3) или до некоторой степени (6,2) согласны, что «несправедливые запреты, предписания законов не грех и нарушить»; «Суд присяжных очень нужен» (3,0).	Скорее доверяют российскому суду (5,4); Совсем не согласны (8,7) или не очень согласны (6,4), что «несправедливые запреты, предписания законов не грех и нарушить».

Да	Нет
Целью судебного разбирательства является наказание обидчика (3,4), восстановление справедливости (2,8).	Цель судебного разбирательства – обеспечение равноправия обвинения и защиты (3,2).
Суды должны быть подконтрольны руководству страны (3,7); При защите своих прав обращаются к адвокату (3,6), в суд (3,8), к авторитетным людям (4,5); Правовой нигилизм (11,5); Противники независимости судебной власти (5,2).	Мои права и свободы никто не нарушает (3,7); Высокое законопослушание (12,5); Поддержка независимости судебных решений выше среднего (3,4).

справедливость важнее закона и что несправедливые запреты, предписания законов не грех и нарушить. Если уж идти в суд, то именно для восстановления справедливости, которая часто видится в наказании обидчика. В этой группе суд оценивают крайне низко, не доверяют ему. Значит, ему нужен окорот. Для этого сгодится и суд присяжных, и контроль над судом со стороны руководства страны. По той же причине наравне с судом при защите своих прав используются «авторитетные люди». Собственный правовой нигилизм логично оправдывается тем, что у нас в стране невозможно жить, не нарушая закона. Поскольку несправдливый закон можно нарушать, то легко пожертвовать справедливостью в законе, если это нужно государству. Естественно, что в правом столбце мы видим негативное (не в смысле отрицательной оценки, а в смысле технологии нецифрового фотографирования) отражение предыдущего портрета.

Сходную картину, хотя, что привычно, несколько более скупую, мы видим и в таблице 1.5.2. Негативный портрет справа в обеих таблицах имеет свои особенности. Самой интересной можно назвать мнение о том, что целью судебного разбирательства является обеспечение равноправия обвинения и защиты. Это часть ранее выделенного комплекса процедурной справедливости. Данное наблюдение позволяет выдвинуть гипотезу для проверки в будущих исследованиях, согласно которой мы можем выявить в сознании респондентов два семантических комплекса, каждый из которых образует свое понимание

Таблица 1.5.2

Социальные портреты групп респондентов, выразивших согласие или несогласие с возможностью нарушить закон в ситуации 1, «Когда закон несправедлив», при ответе на вопрос 22 «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» для выборки предпринимателей; в скобках указаны приведенные стандартизированные остатки

Да	Нет
Приволжский ФО (3,4); Среднее или среднее специальное образование (3,3).	Имеют юридическое образование (3,4).
Предпочитают любительские источники информации о судах (3,3); Предпочитают активные методы защиты своих прав (3,8); «У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит» (3,8); «Многие не обращаются в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты» (4,1); Вполне согласны, что справедливость важнее закона (4,8); Вполне (7,2) или до некоторой степени (3,7) согласны, что «несправедливые запреты, предписания законов не грех и нарушить».	Предпочитают профессиональные источники информации о судах (3,6); Совсем не согласны, что справедливость важнее закона (4,7); Совсем не согласны (6,8), что «несправедливые запреты, предписания законов не грех и нарушить»; «Мировые судьи должны назначаться законодательными органами» (3,9).
Цель судебного разбирательства – восстановление доброго имени невинно обвиненного или оклеветанного физического или юридического лица (3,4).	Цель судебного разбирательства – обеспечение равноправия обвинения и защиты (4,1); Суды в России должны быть независимы от руководства страны (2,9); При защите своих прав обращаются в суд (3,0).
Противники независимости судебной власти (3,8); Сторонники концепции естественного права (3,1).	Сторонники независимости судебной власти (3,5); Высокое законопослушание (7,0).
Правовой нигилизм (6,4).	Высокий социальный интеллект (4,6).

справедливости. Первый комплекс, отчетливые следы которого мы видим в левых столбцах таблиц 1.5.1 и 1.5.2, можно назвать «справедливость без закона». Второй комплекс, слегка угадывающийся в правых столбцах этих таблиц, – «справедливость в законе». Кроме того, мы получили еще одно подтверждение важности категории «справедливость» в структуре правосознания граждан и предпринимателей.

Глава 2
Построение шкал и типологий правосознания

Построение переменных, характеризующих правосознание, проходило четыре этапа:

1. Проверка согласованности;
2. Построение шкалы и типологии, связанных с каждой переменной;
3. Проверка надежности;
4. Проверка валидности.

Особое внимание уделено проверке валидности в разных ее проявлениях. Мы уделяем пристальное внимание этим переменным, поскольку связываем с ними возможность их дальнейшего применения для мониторинга состояния правосознания населения.

2.1. Проверка согласованности

Как отмечалось выше, каждая из переменных правосознания строилась на основании ответов-оценок респондентами утверждений, собранных в один табличный вопрос. Такое построение основывалось на предположении, что все эти утверждения имеют одно общее основание – латентный фактор, определяющий будущую переменную, вроде отношения к независимости судебной власти или законопослушание. Поэтому главная задача на первом этапе, во-первых, проверить, действительно ли существует это общее ожидаемое основание для ответов респондентов. А во-вторых, определить, как соотносится с этим основанием каждый из вопросов, связанный с ним.

Для решения обеих задач все пять вопросов о правовом сознании (номера 6, 8, 18, 20, 22) подвергались анализу с помощью одной и той же процедуры, включающей в качестве основного этапа факторный анализ ответов респондентов:

1. Ответы на вопросы-утверждения из всех пяти таблиц переводились в дихотомическую форму; вопрос 22 – по формуле: 1 → 1, остальное → 0; вопросы 6, 8, 18, 20 – по формуле: 1 → 1, 2 → 1, остальное → 0. Тем самым единицам всегда соответствовало согласие с утверждениями.
2. По дихотомизированным ответам респондентов для каждого респондента и всех вопросов подсчитывалась величина sum – число единиц в векторе ответов респондента (число высказываний, с которыми респондент выразил согласие)[11].
3. Для выборки предпринимателей проявился специфический эффект нонконформизма: анализ распределений величин sum для всех вопросов выявил одинаковую аномалию: завышенное число респондентов с sum=0. Для этих респондентов все данные отдельно в каждом вопросе заменены системными пропусками.
4. После этого все пять бинарных матриц подвергались обработке методом главных компонент при анализе матрицы корреляций, без вращения, с отсечением компонент с собственными значениями меньше единицы. Факторные веса респондентов запоминались в файле исходных данных.
5. На основании полученных матриц факторных нагрузок по дихотомизированным ответам респондентов для каждого респондента подсчитывались величины sum_3: сумма единиц, помноженных на знаки соответствующих факторных нагрузок той компоненты, которая, как предполагалось, соответствовала искомой переменной. Эта компонента легко устанавливалась, поскольку во всех случаях знаки нагрузок

[11] Как показывает предшествующий опыт применения подобных методик в социологических опросах, очень часто одной из первых главных компонент при анализе ответов на табличные вопросы является компонента, не имеющая отношения к содержанию вопроса, но характеризующая готовность респондентов соглашаться (не соглашаться) с чем бы то ни было или давать положительную (отрицательную) оценку чему бы то ни было. Этот универсально проявляющийся фактор становится диспозиционной переменной и легко идентифицируется в факторных решениях, как мы увидим ниже.

Таблица 2.1.1

Основные характеристики факторных решений для выборки предпринимателей. Обозначения столбцов: q – номер вопроса; k – число компонент с собственным значением, большим единицы; D1 и D2 – доли (в процентах) объясненных дисперсий, приходящихся на первую и вторую компоненты соответственно; R1 и R3 – значения корреляций, соответственно, величин sum и sum_3 со «своими» компонентами

q	Переменная	k	D1	D2	R1	R3
6	Поддержка независимости судебной власти	4	19,9	12,6	0,969	0,826
8	Поддержка концепции естественного права	4	17,4	14,7	0,967	0,897
18	Законопослушание	3	24,6	17,8	0,964	0,752
20	Поддержка независимости судебных решений	3	24,6	16,2	0,989	0,940
22	Нетерпимость к нарушению законов	2	33,7	16,2	0,953	0,804

корреспондировались со смыслом, который закладывался в утверждения (ситуации), оценивавшиеся респондентами.

6. Для каждого вопроса подсчитывались матрицы линейной корреляции между величинами sum, sum_3 и факторными весами двух первых главных компонент. Предполагалось, что переменная sum_3 должна иметь высокую корреляцию с компонентой (первой или второй, т.е. объясняющей высокую долю дисперсии разнообразия ответов), соответствующей искомой переменной. Наличие такой высокой корреляции должно было служить подтверждением согласованности утверждений (ситуаций) внутри каждого из пяти табличных вопросов.

Прежде всего, был выявлен интересный эффект. На обеих выборках, во всех вопросах кроме, 18-го (переменная «Законопослушание»), первая компонента давала высокую корреляцию с переменной sum, а вторая компонента – с переменной sum_3. Для вопроса 18 было наоборот. В таблицах 2.1.1 и 2.1.2 приведены основные данные о факторных решениях для обеих выборок.

Таблица 2.1.2

Основные характеристики факторных решений для выборки граждан. Обозначения столбцов: q – номер вопроса; k – число компонент с собственным значением, большим единицы; D1 и D2 – доли (в процентах) объясненных дисперсий, приходящихся на первую и вторую компоненты соответственно; R1 и R3 – значения корреляций, соответственно, величин sum и sum_3 со «своими» компонентами

q	Переменная	k	D1	D2	R1	R3
6	Поддержка независимости судебной власти	2	29,1	11,8	0,998	0,735
8	Поддержка концепции естественного права	4	21,9	12,1	0,997	0,777
18	Законопослушание	2	27,1	19,2	0,965	0,716
20	Поддержка независимости судебных решений	3	28,7	15,0	1,000	0,949
22	Нетерпимость к нарушению законов	2	43,1	13,9	0,996	0,963

Для самой маленькой корреляции, из числа приведенных в таблице 2.1.1, доверительная вероятность равнялась 1,87E-66. В остальных случаях доверительные вероятности почти не отличались от машинного нуля. Как можно усмотреть из приведенной таблицы 2.1.2, и в случае выборки граждан мы получаем в факторных решениях высокие корреляции между переменными sum_3 и соответствующими им компонентами. Все доверительные вероятности вычисленных корреляций из таблицы 2.1.2 равны машинному нулю. Таким образом, мы получаем весьма убедительные подтверждения того, что в случае каждой переменной ассоциированные с ней утверждения (ситуации) релевантны тем переменным, которые мы намерены строить.

2.2. Построение переменных

Первым шагом к построению искомых переменных было приписывание весов утверждениям (ситуациям) внутри каждой таблицы.

Таблица 2.2.1

Оцифровки оценок респондентами утверждений из вопросов 6, 8, 18, 20

Код ответа	Выбранный ответ	Вес, приписанный утверждению			
		«+1»	«-1»	«+0,5»	«-0,5»
1	Вполне согласен	0,95	-0,95	0,5	-0,5
2	До некоторой степени согласен	0,5	-0,5	0,25	-0,25
3	Не очень согласен	-0,5	0,5	-0,25	0,25
4	Совсем не согласен	-0,95	0,95	-0,5	0,5
0	Затрудняюсь ответить	0	0	0	0

Таблица 2.2.2

Оцифровки оценок респондентами ситуаций из вопроса 22

Код ответа	Выбранный ответ	Вес, приписанный утверждению			
		«+1»	«-1»	«+0,5»	«-0,5»
1	Да	0,8	-0,8	0,4	-0,4
2	Нет	-0,8	0,8	-0,4	0,4
0	Затрудняюсь ответить	0	0	0	0

Веса приписывались на основании результатов факторного анализа (факторных весов) по данным обеих выборок и с учетом содержательных соображений – смысла утверждений (ситуаций) по отношению к конструируемым переменным. Использовались только четыре значения весов: 1; 0,5; -0,5; -1. Положительные веса соответствовали тем утверждениям (ситуациям), положительная оценка которых соответствовала положительному полюсу переменной. Отрицательные веса соответствовали тем утверждениям (ситуациям), положительная оценка которых соответствовала отрицательному полюсу переменной. Значения весов 0,5 и -0,5 приписывались утверждениям (ситуациям) с небольшими абсолютными значениями факторных нагрузок. Используя эти веса, можно было проводить оцифровку номинальных

оценок, даваемых респондентами при ответах на вопросы о правосознании. Для этого нужно было учесть еще разнообразие вариантов выбираемых оценок. Для вопросов 6, 8, 18 и 20 оцифровка проводилась в соответствии со следующей таблицей.

Поскольку варианты ответов при оценке ситуаций из вопроса 22 отличались от вариантов ответов в остальных вопросах, то для вопроса 22 применялась другая таблица.

Объяснение построения индикаторов правосознания удобно привести на примере вопросов 6 и 22. Возьмем для этого ответы трех респондентов-предпринимателей.

Теперь мы проводим оцифровку ответов респондентов. В случае вопроса 6 коды ответов респондентов заменяются числами в соответствии с данными таблицы 2.2.1. В случае вопроса 22 используется таблица 2.2.2. В таблице 2.2.4 можно увидеть, что получается после оцифровки респондентов, чьи ответы приведены в таблице 2.2.3.

Для дальнейшего построения индикаторов нам нужно ввести понятие эталонного ответа. Это набор оцифрованных оценок некоторого гипотетического респондента, который каждый раз отвечает как убежденный и последовательный представитель положительного полюса переменной, для которого мы вводим эталонный ответ. Например, в случае вопроса 6 мы моделируем эталонные ответы идеального сторонника независимости судебной власти. Нетрудно догадаться, что при нашей схеме оцифровок эталонный ответ всегда содержит все максимально возможные положительные значения. Для случая вопроса 6 оцифровки эталонного ответа приведены в таблице 2.2.5, в которой сопоставляются с эталоном первого эксперта из предшествующей таблицы. Следует добавить, что наряду с эталонным ответом мы можем рассматривать антиэталонный ответ. В случае вопроса 6 это будет ответ убежденного и последовательного противника независимости судебной власти. Оцифровки оценок такого антиэталонного респондента при наших построениях будут максимально отрицательными, насколько это возможно. Также ясно, что антиэталонные оцифровки получаются приписыванием эталонным оцифровкам знака минус. Теперь обратимся к таблице 2.2.5.

В таблице 2.2.5 «Отклонение реального ответа от эталонного» есть не что иное, как разница значений всех девяти оцифровок эталонного и реального респондента. Кстати, эта разница всегда неотрицательна. А «Максимально возможное отклонение» – разница всех оцифровок эталонного и антиэталонного респондентов. Нетрудно

Таблица 2.2.3

Ответы трех первых респондентов на вопросы 6 и 22 из опроса предпринимателей

Номер вопроса	Номер анкеты	Номера утверждений (ситуаций)								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	1	4	3	0	1	3	1	2	4	3
	2	0	0	1	2	0	4	4	0	4
	3	4	3	2	2	4	1	1	4	2
22	1	0	2	2	2	2	1	1	2	
	2	2	2	2	2	2	1	1	1	
	3	1	2	2	2	2	1	1	2	

Примечание: пустые клетки означают отсутствие специфических черт.

Таблица 2.2.4

Оцифрованные ответы трех первых респондентов на вопросы 6 и 22 из опроса предпринимателей

Номер вопроса	Номер анкеты	Номера утверждений								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	1	0,95	0,5	0	-0,95	0,25	-0,5	-0,25	0,5	0,5
	2	0	0	-0,95	-0,5	0	0,5	0,5	0	0,95
	3	0,95	0,5	-0,5	-0,5	0,5	-0,5	-0,5	0,5	-0,5
22	1	0	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	-0,4	
	2	-0,4	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,4	
	3	0,4	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	-0,4	

Примечание: пустые клетки означают отсутствие специфических черт.

убедиться, что каждое из таких отклонений всегда равно удвоенной оцифровке эталонного респондента.

Теперь проделаем следующее. Сложим все отклонения реального ответа от эталонного, и мы получим число 5,75. Теперь сложим все максимально возможные отклонения и получим число 13,5. Теперь поделим первое число на второе и получим число 0,426. Теперь из единицы вычтем последнее число и получим в результате 0,574.

Таблица 2.2.5

Сопоставление оцифровок оценок эталонного респондента и реального респондента при ответе на вопрос 6

	Номера утверждений								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Оцифровки эталонного респондента	0,95	0,95	0,95	0,95	0,5	0,5	0,5	0,5	0,95
Оцифровки реального респондента	0,95	0,5	0	-0,95	0,25	-0,5	-0,25	0,5	0,5
Антиэталонные оцифровки	-0,95	-0,95	-0,95	-0,95	-0,5	-0,5	-0,5	-0,5	-0,95
Отклонение реального ответа от эталонного	0	0,45	0,95	1,9	0,25	1	0,75	0	0,45
Максимально возможное отклонение	1,9	1,9	1,9	1,9	1	1	1	1	1,9

Это число характеризует степень приближения ответа реального респондента из последней таблицы к эталонному респонденту. Такое число равно единице, если реальный ответ совпал с эталонным. И это число равно нулю, если реальный ответ совпал с антиэталонным.

На самом деле этот же индикатор может быть вычислен, как легко проверить, следующим простым способом. Пусть S – сумма оцифровок оценок некоторого респондента; пусть S_E – сумма оцифровок оценок эталонного респондента. Тогда значение I нашего индикатора вычисляется по следующей простой формуле:

$$I = 1 - \frac{S}{S_E}.$$

В результате применения этой формулы ко всем табличным вопросам, связанным с правосознанием, каждому респонденту приписывается число в интервале от нуля до единицы по пяти числовым

шкалам, соответствующим переменным (характеристикам), перечисленным в таблице 0.1.

Проведем небольшой анализ полученных данных. Рассчитаем для этого квантили для распределений всех 10 индикаторов (5 для предпринимателей и 5 для граждан) с уровнями от 0,05 до 0,95 с равномерным шагом 0,05 (всего 19 квантилей). Смысл этой процедуры в следующем: всю выборку (602 респондента у предпринимателей и 2845 – у граждан) разбиваем на 20 равных по числу опрошенных людей групп так, что в 1-й группе находятся респонденты с меньшими значениями индикатора, чем во 2-й, а во 2-й группе – с меньшими, чем в 3-й, и т.д., так что с наибольшими значениями индикаторов находятся респонденты из 20-й группы. Тогда квантиль уровня 0,05 определяется как максимальное значение индикатора в 1-й группы, а квантиль уровня 0,1 – как максимальное значение во 2-й группе ($0,1 = 2 \times 0,05$). В общем случае в квантиль уровнем $k \times 0,05$ определяется как максимальное значение индикаторов в k-й группе. Отметим, что максимум в последней, 20-й группе (мы его не берем) равен максимальному индикатору по всей выборке.

Данные из таблицы 2.2.6 легко интерпретируются. Возьмем, например, число, стоящее в строке с уровнем квантиля 0,35 и в столбце q18 под рубрикой «Граждане». Если значение индикатора интерпретировать как степень законопослушания (вопрос 18 нацелен на шкалу «Законопослушание»), то можно сделать вывод, что у 65% ($1 - 0,35 = 0,65$) граждан степень законопослушания выше 0,62 при диапазоне его возможных значений от 0 до 1.

Данные из таблицы 2.2.6 мы проанализируем визуально, а именно, представим сравнительные графики квантилей для предпринимателей и граждан по каждой из пяти переменных.

При взгляде на диаграммы рисунка 2.2.1 в первую очередь обращает на себя внимание практически точное совпадение графиков на диаграмме 4 (законопослушание), из чего можно сделать вывод, что этот аспект правосознания одинаково распределен среди граждан и среди предпринимателей. Отметим также более высокий уровень правосознания, проявленный предпринимателями (в сравнении с выборкой граждан) во всех аспектах, кроме отмеченного выше аспекта «Законопослушание».

Построение переменных правосознания завершается преобразованием каждой шкалы в номинальную переменную следующим образом. Для каждой шкалы рассчитываются значения квартилей

Таблица 2.2.6

Квантили уровней $k \times 0,05$ ($1 \leqslant k \leqslant 19$) для изучаемых выборок индикаторов

Уровень квантиля	Предприниматели					Граждане				
	q6	q8	q18	q20	q22	q6	q8	q18	q20	q22
0,05	0,241	0,393	0,419	0,431	0,429	0,108	0,381	0,393	0,359	0,429
0,10	0,278	0,452	0,483	0,467	0,500	0,170	0,432	0,457	0,402	0,429
0,15	0,309	0,481	0,504	0,500	0,571	0,210	0,451	0,500	0,435	0,500
0,20	0,356	0,503	0,547	0,529	0,571	0,244	0,471	0,521	0,464	0,500
0,25	0,393	0,529	0,585	0,562	0,607	0,270	0,487	0,560	0,484	0,571
0,30	0,430	0,545	0,607	0,592	0,643	0,296	0,500	0,585	0,500	0,571
0,35	0,463	0,562	0,625	0,598	0,643	0,319	0,516	0,620	0,513	0,571
0,40	0,487	0,578	0,650	0,627	0,714	0,352	0,532	0,641	0,533	0,571
0,45	0,519	0,597	0,671	0,649	0,714	0,374	0,549	0,667	0,549	0,607
0,50	0,543	0,617	0,709	0,660	0,714	0,393	0,562	0,688	0,565	0,643
0,55	0,574	0,627	0,733	0,686	0,714	0,426	0,578	0,714	0,592	0,679
0,60	0,604	0,643	0,756	0,697	0,750	0,448	0,594	0,748	0,608	0,714
0,65	0,630	0,669	0,778	0,716	0,786	0,478	0,607	0,774	0,627	0,714
0,70	0,659	0,688	0,795	0,732	0,786	0,500	0,623	0,795	0,644	0,750
0,75	0,691	0,721	0,829	0,752	0,821	0,526	0,643	0,829	0,663	0,786
0,80	0,719	0,746	0,859	0,775	0,857	0,556	0,672	0,855	0,693	0,786
0,85	0,770	0,773	0,893	0,810	0,857	0,596	0,692	0,876	0,725	0,857
0,90	0,819	0,812	0,919	0,840	0,925	0,644	0,724	0,919	0,761	0,857
0,95	0,863	0,847	0,978	0,889	0,929	0,715	0,779	0,962	0,814	0,929

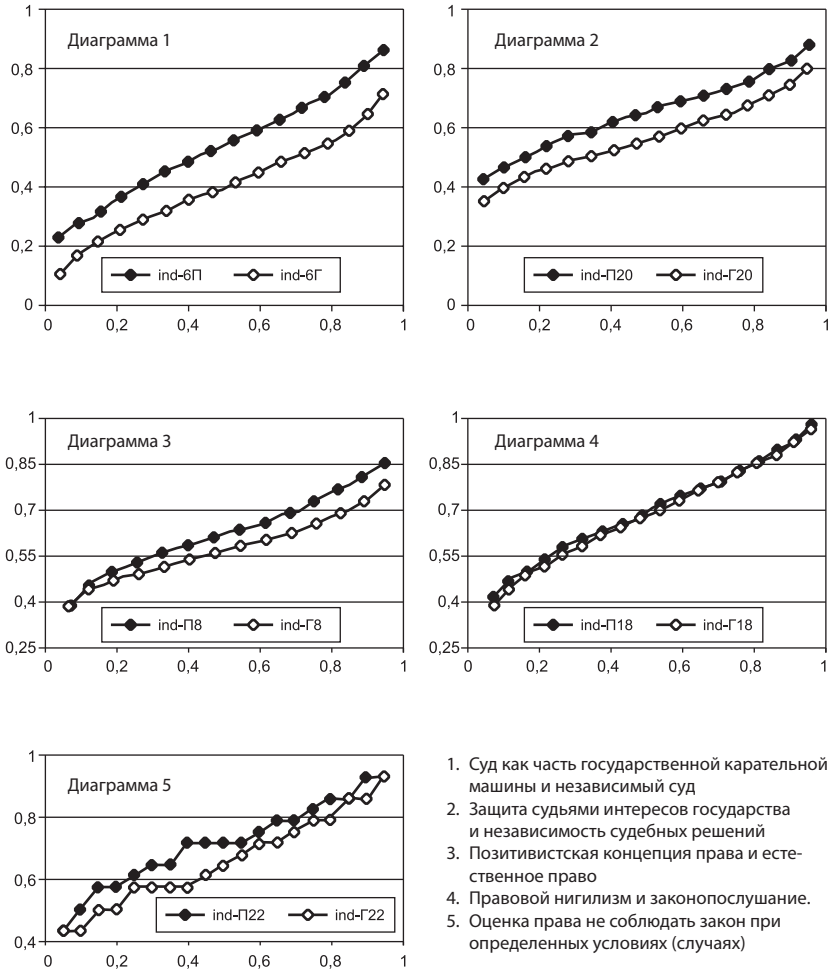


Рисунок 2.2.1. Сравнение распределений числовых переменных правосознания с помощью графиков квантилей

(25-процентных процентилей). Затем каждому респонденту присваивается номер того квартиля, в который попадает приписанное ему шкальное значение.

2.3. Проверка надежности

Теперь, в соответствии с представленным выше планом, проведем проверку надежности построенных шкал правосознания. Для каждой из шкал мы воспользуемся следующим методом. Из списка утверждений (ситуаций), связанных с одной переменной, по очереди изымалось одно из таковых. После этого вычислялись новые значения соответствующего индикатора, а затем вычислялся коэффициент корреляции между исходным индикатором и индикатором, построенным при выбрасывании одного из утверждений (ситуаций). Получение высоких коэффициентов корреляции при таком способе проверки надежности показывает, что построенная шкала зависит существенно от совокупности утверждений, связанных с этой шкалой, и устойчива к небольшим изменениям данной совокупности. Результаты этих расчетов приведены в следующей таблице.

Таблица 2.3.1

Коэффициенты линейной корреляции между шкалами каждой переменной правосознания и такой же шкалой, построенной по данным, из которых исключены оценки одного из утверждений (ситуаций). Обозначения: N – номер исключаемого утверждения (ситуации); П – результаты расчетов для выборки предпринимателей; Г – результаты расчетов для выборки граждан

N	q6		q8		q18		q20		q22	
	П	Г	П	Г	П	Г	П	Г	П	Г
1	0,979	0,968	0,986	0,986	0,972	0,976	0,969	0,955	0,981	0,980
2	0,973	0,972	0,953	0,948	0,991	0,995	0,946	0,954	0,951	0,941
3	0,971	0,975	0,986	0,981	0,963	0,969	0,946	0,953	0,954	0,939
4	0,969	0,971	0,965	0,950	0,988	0,990	0,985	0,989	0,936	0,938
5	0,991	0,992	0,954	0,957	0,991	0,990	0,956	0,956	0,954	0,944
6	0,991	0,994	0,949	0,948	0,985	0,988	0,989	0,991	0,951	0,937
7	0,993	0,991	0,963	0,956	0,956	0,960	0,973	0,975	0,920	0,922
8	0,991	0,991	0,985	0,983	0,987	0,986	0,960	0,958	0,983	0,983
9	0,969	0,969	0,939	0,921	0,995	0,995	0,968	0,963		
10			0,988	0,984						

Примечание: пустые клетки означают отсутствие специфических черт.

Эти расчеты позволяют с высокой степенью уверенности говорить об устойчивости и надежности индикаторов правосознания и достаточности списков высказываний для их построения.

2.4. Проверка валидности

Построение переменных правосознания, описанное в предыдущем разделе, должно быть подтверждено проверкой валидности этих переменных, т.е. проверкой того, что эти переменные ведут себя ожидаемым образом как сами по себе (конструктивная валидность), так и во взаимосвязях с другими переменными (валидность по внешнему критерию). С этой целью мы рассмотрим ниже три этапа проверки валидности. На первом этапе каждая из построенных переменных будет анализироваться на сопряженность с вопросами анкеты, которые в той или иной мере содержательно корреспондируются с построенной переменной. Но сами эти вопросы не входят в блок вопросов, на основании которых строились переменные правосознания.

1. Поддержка независимости судебной власти – валидность

Ключевой вопрос анкеты, который может быть использован для проверки валидности данной шкалы и типологии, это вопрос 24 «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что, наоборот, должны быть ему подконтрольны?». Анализ сопряженности между этим вопросом и анализируемой типологией показал зависимость, характеризуемую доверительной вероятностью ошибки отклонения гипотезы о независимости, равную 4,34E-39. Зависимость весьма высокая, что ожидаемо, как и форма зависимости, представленная на диаграмме рисунка 7.16. Форма зависимости свидетельствует в пользу валидности построенной переменной.

Та же закономерность фиксируется и на выборке предпринимателей, но более контрастно. В первой квартили, соответствующей респондентам-предпринимателям, в наименьшей степени подверженным представлениям о необходимости судов, доля выбравших ответ «Суды должны быть подконтрольны руководству страны» на вопрос 24 равна 39,5%. А в четвертой квартили их всего 4,6%. Разница в 8 раз!

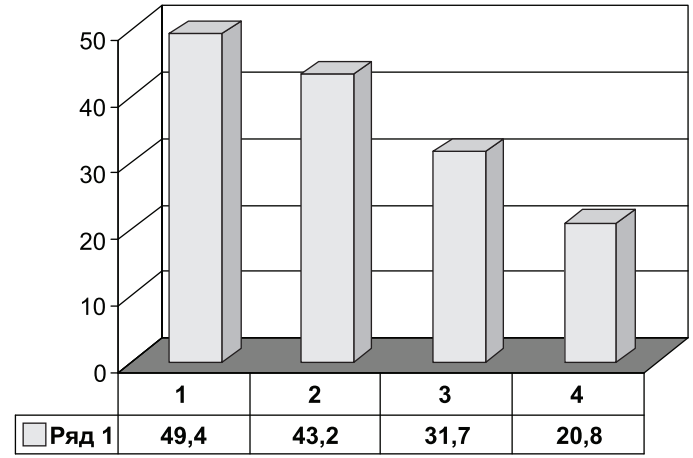


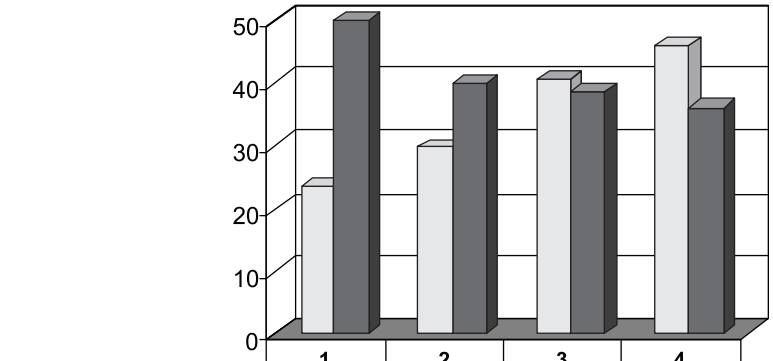
Рисунок 2.4.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «Суды должны быть подконтрольны руководству страны» на вопрос 24 для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Поддержка независимости судебной власти» (интервал с номером 1 соответствует наименьшей степени поддержки)

2. Поддержка концепции естественного права – валидность

Анкета не содержала прямых контрольных вопросов для данной переменной. Но возможные косвенные подтверждения были получены. В частности, респонденты-предприниматели с высокой степенью поддержки концепции естественного права при ответе на вопрос 23 «Что для Вас и таких граждан, как Вы, является целью судебного разбирательства?» с множественным выбором ответа чаще выбирают ответ 5 «Защита нарушенных прав и законных интересов граждан».

3. Законопослушание – валидность

Подтверждение валидности переменной «Законопослушание» весьма убедительно выглядит для обеих выборок. Первое и основное свидетельство показано на следующих двух рисунках. Они представляют частоты оценки суждения вопроса 1 анкеты «Какая точка



	1	2	3	4
Вполне можно жить, не нарушая законы	23,5	29,7	40,7	46,0
Невозможно жить, не нарушая законы	51,0	39,9	38,6	36,0

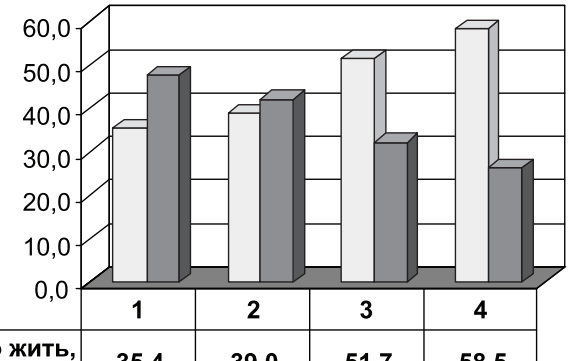
Рисунок 2.4.2. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 1 анкеты «Какая точка зрения Вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?» для выборки предпринимателей среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Законопослушание»

зрения Вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?». Сопряженность между ответами на этот вопрос и классами типологии «Законопослушание» выражается доверительной вероятностью, равной для выборки предпринимателей 4,65E-04, а для выборки граждан – 7,47E-21. Форма зависимости представлена на диаграммах рисунков 2.4.2 и 2.4.3.

Мы видим на обеих диаграммах сходные и вполне ожидаемые формы зависимости: чем выше законопослушность, тем вероятнее согласие с тезисом о возможности жить, не нарушая законы, и тем менее вероятна поддержка тезиса о невозможности жить, не нарушая законы.

Следующее подтверждение представлено ниже в таблице 2.4.1.

Мы видим из таблиц, что с ростом законопослушания растет частота негативной оценки работы судов. Наиболее вероятная трактовка



	1	2	3	4
Вполне можно жить, не нарушая законы	35,4	39,0	51,7	58,5
Невозможно жить, не нарушая законы	47,7	42,1	32,2	26,3

Рисунок 2.4.3. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 1 анкеты «Какая точка зрения Вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Законопослушание» (интервал с номером 4 соответствует полюсу законопослушания)

этой закономерности – широко известный в социальной психологии эффект когнитивного диссонанса. В данном случае негативная оценка судов является проявлением снятия когнитивного диссонанса с помощью оправдания правового нигилизма через приписывание негативных свойств соответствующему институту.

Показательно также различие между законопослушными респондентами-предпринимателями и респондентами, склонными к правовому нигилизму, при ответе на вопрос 23 анкеты с множественным выбором ответов «Что для Вас и таких граждан, как Вы, является целью судебного разбирательства?». Последние с большей вероятностью по сравнению с остальными выбирают ответ 1 «Получение положенного законом социального блага (льгот по налогам, снижение ставок арендной платы, льготной пенсии, социального жилья, снижения платы за квартиру и коммунальные услуги и т.п.)» (доверительная вероятность равна 0,004). А среди законопослушных чаще, чем среди

Таблица 2.4.1

Частоты выбора (в процентах) ответа «Согласен» на вопрос 2 анкеты «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?» для отдельных утверждений данного вопроса среди респондентов, принадлежащих квартильным интервалам типологии «Законопослушание» (максимальному законопослушанию соответствует четвертый интервал). Последний столбец – доверительная вероятность, характеризующая сопряженность между оценкой утверждений вопроса 2 и типологией «Законопослушание»; а) – по данным выборки граждан; б) – по данным выборки предпринимателей

а) выборка граждан

Утверждение	1	2	3	4	P
3. Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	19,0	19,7	24,9	27,8	9,97E-07
5. Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	34,1	35,0	44,3	48,8	1,32E-15
6. У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно	50,7	37,4	33,4	32,0	1,26E-20

б) выборка предпринимателей

Утверждение	1	2	3	4	P
2. У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	66,4	72,2	51,0	44,0	4,22E-06
5. Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	28,9	27,8	41,4	48,7	0,001
6. У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно	44,3	36,7	24,8	20,0	1,45E-05
7. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливости	79,9	73,4	71,7	64,0	0,008
8. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	64,4	58,9	49,7	46,0	0,001

правовых нигилистов можно обнаружить ответ 4 «Восстановление законности» (доверительная вероятность равна 3,12E-04). Подобные же соотношения получены и на выборке предпринимателей.

При сопоставлении типологии «Законопослушание» с ответами на вопрос 25 анкеты с множественным выбором ответа «Как Вы обычно поступаете, когда необходимо защитить Ваши нарушенные права и свободы?» только один вариант ответа показал статистически значимую зависимость (доверительная вероятность равна 0,005) на выборке предпринимателей. Установлено, что чем выше законопослушание, тем больше шансов, что предприниматель обратится в суд. Иначе обстоит дело в случае выборки граждан. Установлено, что высокая сопряженность наличествует между анализируемой типологией и выбором ответа 1 «Мои права и свободы никто не нарушает и не нарушал раньше». Последний результат можно рассматривать как наиболее любопытный: у предпринимателей законопослушание сопряжено с готовностью защищать свои права в суде, а у граждан, напротив, – с убежденностью, что их права никто не нарушал.

4. Поддержка независимости судебных решений – валидность

Самая высокая степень сопряженности между типологией «Поддержка независимости судебных решений» и внешними переменными установлена для вопроса 24 анкеты «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что, наоборот, должны быть ему подконтрольны?» (доверительная вероятность равна 4,83E-13 для выборки предпринимателей и 2,80E-49 для выборки граждан). Конечно, этот вопрос непосредственно касается института, а не решений. Но неудивительно, что в представлениях респондентов два вида независимости взаимосвязаны. Форма зависимости представлена на следующем рисунке для выборки предпринимателей. Мы видим впечатляющее различие – более чем в пять раз – между уровнем поддержки зависимости судов в первой и четвертой квартилях типологии.

Дополнительное подтверждение валидности переменной «Поддержка независимости судебных решений» может быть получено при использовании утверждения 6 «У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно

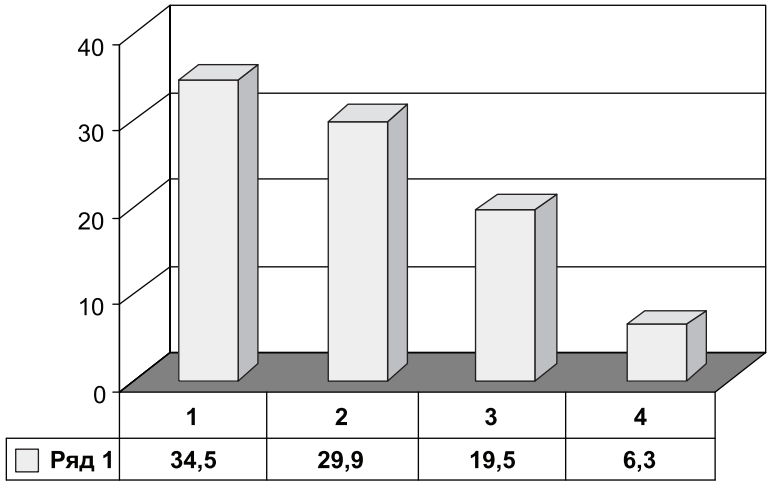


Рисунок 2.4.4. Частоты выбора (в процентах) ответа 2 «Суды в России должны быть подконтрольны руководству страны» на вопрос 24 анкеты «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что наоборот должны быть ему подконтрольны?» для выборки предпринимателей среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Поддержка независимости судебных решений» (интервал с номером 4 соответствует полюсу законопослушания)

безнаказанно», которое оценивалось респондентами при ответе на вопрос 2 анкеты «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?». Сопряженность между оценкой этого высказывания выявлена весьма значительная: доверительная вероятность для выборки граждан равна 8,06E-12, а для выборки предпринимателей – 1,45E-05. Чем выше поддержка независимости судебных решений, тем меньше частота согласия с утверждением «У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно». В частности, на выборке предпринимателей поддержка этого утверждения характеризуется частотой 44,3% в первой квартили и частотой 20,0% в первой квартили: разница более чем в два раза.

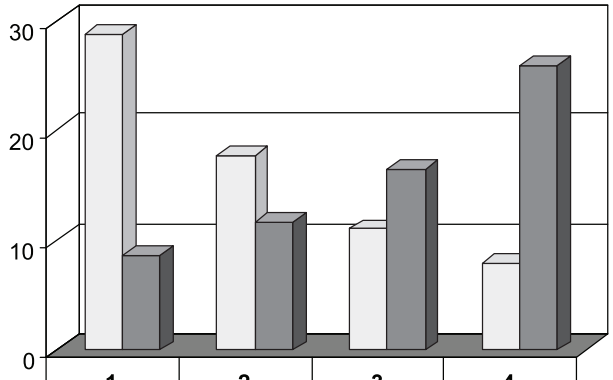
5. Нетерпимость к нарушению законов – валидность

В данном случае прямых и убедительных подтверждений валидности анализируемой переменной за пределами комплекса переменных, связанных с правосознанием, получено не было. Любопытно, что не выявлено достаточно ясной и статистически значимой взаимосвязи с ответами на вопрос 1 анкеты «Какая точка зрения Вам ближе: что сейчас в России невозможно жить, не нарушая какой-либо из законов, или что в России вполне можно жить, не нарушая законы?». С одной стороны, это указывает на тот факт, что переменные «Законопослушание» и «Нетерпимость к нарушению законов» не тождественны. С другой стороны, в отсутствии ожидаемой взаимосвязи видится проявление определенной многозначности вопроса 1. Ответы на него могут указывать как на личную возможность человека жить, не нарушая законы, так и на характеризацию респондентом правовой (антиправовой) ситуации в стране.

6. Перекрестные подтверждения валидности

Теперь перейдем ко второму этапу и рассмотрим возможные подтверждения валидности построенных переменных, описывающих правосознание внутри самого блока этих переменных. Для этого мы будем анализировать сопряженности между этими переменными и вопросами из других таблиц данного блока.

Более чем убедительные подтверждения валидности переменной «Поддержка независимости судебной власти» были получены в результате анализа сопряженности этой переменной с оценками респондентами двух суждений из вопроса 20, связанного с переменной «Поддержка независимости судебных решений». Речь идет о суждениях 1 «Адвокаты защищают преступников, а прокуроры добиваются их наказания. Поэтому судьи должны почти всегда принимать позиции прокуроров» и 5 «В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства». Для первого из них на выборке граждан была получена доверительная вероятность, равная 7,45E-62, а для второго – 2,62E-69. В обоих случаях поддержка этих высказываний резко убывает по мере роста поддержки независимости судебной власти. Ниже на диаграмме рисунка 2.4.5 представлена форма этой зависимости для последнего случая. Аналогичный результат был получен для выборки



	1	2	3	4
Вполне согласен	28,8	17,8	11,1	8,0
Совсем не согласен	8,7	11,7	16,5	25,9

Рисунок 2.4.5. Частоты выбора (в процентах) ответов «Вполне согласен» и «Совсем не согласен» относительно суждения 5 вопроса 20 «В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Поддержка независимости судебной власти» (наибольшей степени поддержки соответствует интервал 4)

предпринимателей. Только на сей раз доверительные вероятности не были столь убедительно малы: для суждения 1 – 5,39E-21, а для суждения 5 – 2,43E-09. (Следует иметь в виду, что оценка доверительной вероятности зависит от объема выборки. При сохранении формы зависимости чем больше выборка, тем ниже доверительная вероятность. Что мы и имеем в данном случае.)

Не менее убедительные подтверждения валидности получены для переменной «Поддержка концепции естественного права» при анализе сопряженности соответствующей типологии и оценок двух суждений из вопроса 20, соответствующего переменной «Поддержка независимости судебных решений». Речь идет о суждениях 8 «Гражданин может пользоваться своими правами только в общих интересах, в интересах государства» и 9 «Интересы государства важнее интересов граждан». При анализе сопряженностей на выборке граждан выявлена

зависимость с доверительными вероятностями, равными 6,37E-58 и 1,51E-62 для суждений 8 и 9, соответственно. Соответствующие доверительные вероятности для выборки предпринимателей равны 4,42E-06 и 9,10E-09. Во всех случаях наблюдается одна и та же форма зависимости: чем выше уровень поддержки концепции естественного права, тем меньше частота согласия с суждениями 8 и 9. В частности, для выборки предпринимателей частота выбора ответа «Совсем не согласен» в отношении суждения 9 «Интересы государства важнее интересов граждан» в два раза больше в первом квартильном интервале типологии, чем в четвертом.

Подтверждение валидности переменной «Законопослушание естественно искать в сопоставлении соответствующей типологии с оценками суждений из вопроса 22. Понятно, что законопослушные респонденты, по сравнению с правовыми нигилистами, будут реже поддерживать допустимость нарушения закона, но, естественно, в разной степени в зависимости от ситуации. Анализ сопряженностей подтверждает эти соображения для обеих выборок. Результаты вычислений представлены в следующей таблице 2.4.2.

Как следует из этой таблицы, во всех случаях имеется значимая зависимость, причем степень этой зависимости сходным образом чувствительна к особенностям ситуаций для обеих выборок. Так, различия в законопослушании менее существенны при оценке допустимости нарушения закона в ситуациях 6 и 7, что вполне ожидаемо. Менее тривиально следующее наблюдение: обе характеристики – и доверительная вероятность, и отношение частот – сходным образом выделяют ситуации, на которые различия в законопослушании реагируют наиболее контрастно. Это ситуации 2 «Когда закон противоречит личным интересам», 5 «Когда закон противоречит общепринятым традициям» и 8 «Когда закон не соблюдают все вокруг». Интересно появление в этом списке именно последней ситуации. Действительно, истинное законопослушание не может оправдывать нарушение законов массовостью таких нарушений.

Теперь рассмотрим переменную «Поддержка независимости судебных решений». Для подтверждения ее валидности мы воспользуемся двумя суждениями из вопроса 6, связанного с переменной «Поддержка независимости судебной власти»: суждение 3 «Нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины» и суждение 9 «Независимость судей – это глупость, потому что суд является частью

Таблица 2.4.2

Результаты анализа сопряженностей между типологией «Законопослушание» и оценками суждений из вопроса анкеты 22 «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» для выборок граждан и предпринимателей. Для каждой таблицы сопряженности указаны доверительная вероятность P и величина «отношение», равная отношению частоты согласия с суждением в первом и четвертом квантильных интервалах типологии «Законопослушание»

№	Случаи	Граждане		Предприниматели	
		P	Отно-шение	P	Отно-шение
1	Когда закон несправедлив	1,78E-66	3,10	1,73E-16	4,25
2	Когда закон противоречит личным интересам	1,46E-59	5,00	1,06E-05	4,46
3	Когда закон противоречит религиозным убеждениям	8,65E-27	2,30	8,67E-05	3,47
4	Когда закон противоречит моральным убеждениям	6,77E-46	3,22	1,57E-05	3,48
5	Когда закон противоречит общепринятым традициям	2,65E-48	4,22	5,49E-07	4,87
6	Когда жизнь близких в опасности	4,88E-27	1,36	4,11E-04	1,33
7	Когда закон нарушает основные (конституционные) права гражданина	4,19E-24	1,42	2,18E-10	1,98
8	Когда закон не соблюдают все вокруг	1,11E-70	5,16	1,18E-10	5,61

государства и не может быть от него независим». Понятно, что оценка этих суждений может в высокой степени сопрягаться с исследуемой переменной, что и подтверждается вычислениями. На выборке граждан установлена сопряженность с доверительной вероятностью

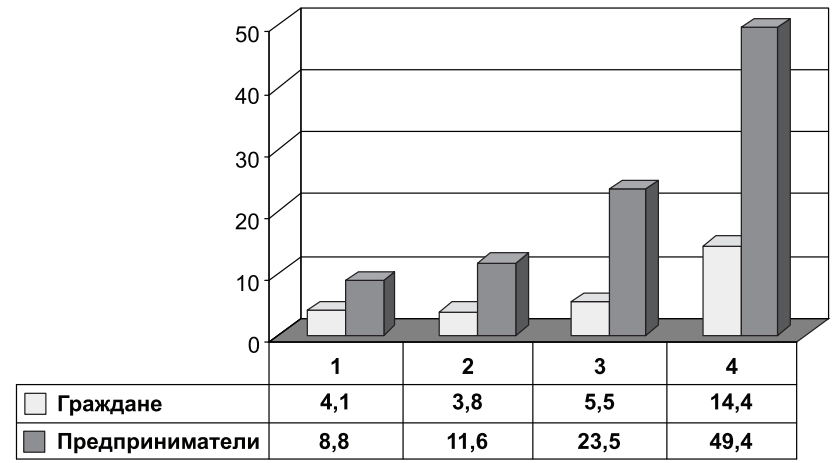


Рисунок 2.4.6. Частоты выбора (в процентах) ответа «Совсем не согласен» относительно суждения 3 вопроса 6 «Нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины» для выборок граждан и предпринимателей среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Поддержка независимости судебных решений» (наибольшей степени поддержки соответствует интервал 4)

3,62E-42 для суждения 3 и 1,14E-47 для суждения 9. На выборке предпринимателей те же доверительные вероятности равны, соответственно, 5,75E-19 и 2,60E-05. На приведенной диаграмме рисунка 2.4.6 представлены форма зависимости для обеих выборок в случае ответа «Совсем не согласен».

Наконец, рассмотрим переменную «Нетерпимость к нарушению законов». Естественно, что подтверждение валидности для нее можно искать, сопоставляя соответствующую типологию с оценками респондентов суждений из вопроса 18. Интересно, что при подтверждении валидности переменной «Законопослушание» мы легко нашли его с помощью утверждений вопроса 22, связанного с переменной «Нетерпимость к нарушению законов». Обратный ход не привел к подобному результату. Это говорит, как минимум, о нетождественности двух указанных переменных. Что же касается собственно подтверждения валидности, то было установлено следующее. На выборке предпринимателей

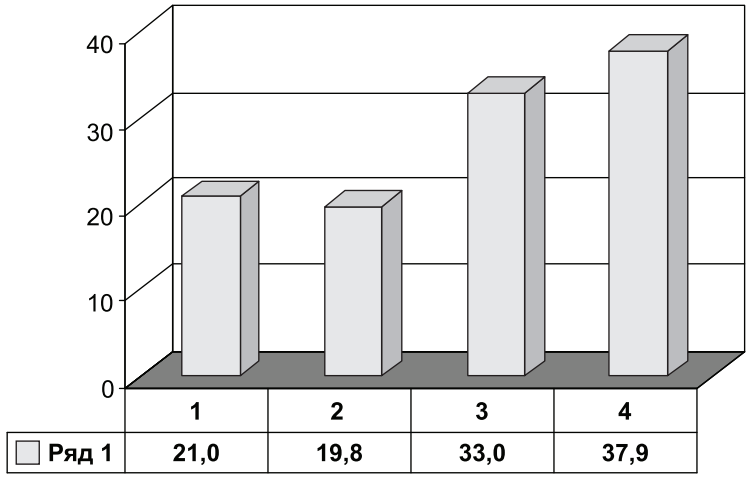


Рисунок 2.4.7. Частоты выбора (в процентах) ответа «До некоторой степени согласен» относительно суждения 7 вопроса 18 «Несправедливые или глупые запреты, предписания законов не грех и нарушить» для выборки предпринимателей среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Нетерпимость к нарушению законов» (наибольшей степени нетерпимости соответствует интервал 4)

есть только одна зависимость с доверительной вероятностью на грани принятого в данном исследовании порога (0,009) между анализируемой переменной и суждением 7 вопроса 18 «Несправедливые или глупые запреты, предписания законов не грех и нарушить». Более того, экзотическая форма этой зависимости никак не может рассматриваться в качестве подтверждения валидности переменной «Нетерпимость к нарушению законов» (см. рисунок 2.4.7). Зависимость выявлена только для варианта ответа «До некоторой степени согласен», а для остальных вариантов ответа никакой зависимости нет. А та зависимость, что выявлена, имеет странный характер: чем выше нетерпимость к нарушению законов, тем выше частота ответа «До некоторой степени согласен» при оценке суждения «Несправедливые или глупые запреты, предписания законов не грех и нарушить». Странное установленное соотношение требует объяснения, которое мы попытаемся найти ниже в процессе анализа переменных правосознания.

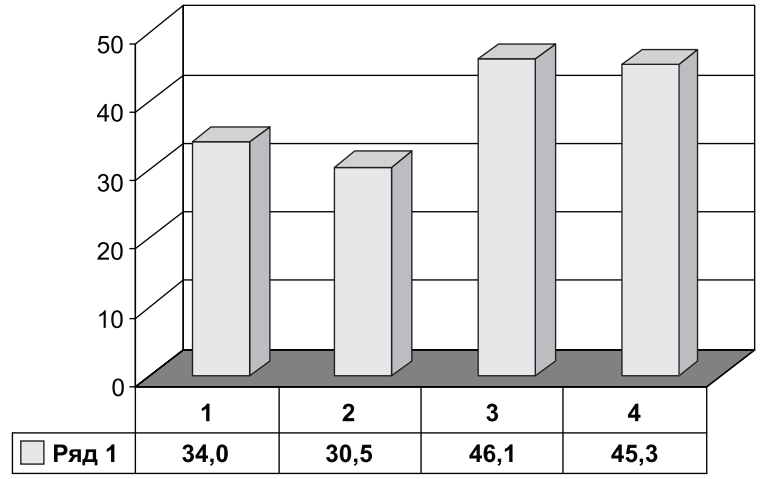


Рисунок 2.4.8. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждения 3 вопроса 18 «Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать, что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Нетерпимость к нарушению законов» (наибольшей степени нетерпимости соответствует интервал 4)

Взаимосвязи между переменной «Нетерпимость к нарушению законов» и оценками отдельных суждений вопроса 18 выглядят несколько логичнее, хотя и недостаточно контрастны. Рассмотрим, к примеру, результаты анализа сопряженностей между исследуемой переменной и оценками респондентами суждения 3 вопроса 18 «Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать, что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит». Доверительная вероятность достаточно невысока (1,49E-12), хотя это обеспечивается в существенной части маргинальными значениями обеих переменных. Как и выше, собственно зависимость между переменными обеспечивается одним из вариантов ответа – «Вполне согласен». Форма зависимости представлена на рисунке 2.4.8. Не очень последовательно, но она все-таки работает на подтверждение валидности исследуемой переменной.

Аналогичные результаты получены еще для двух суждений вопроса 18: суждения 4 «Если закон мешает гражданам решать свои проблемы, его иногда можно нарушить» и суждения 5 «Гражданам не обязательно соблюдать закон, потому что законы составлены в интересах не граждан, а начальства». Понятно, конечно, что в этих двух случаях форма зависимости иная: чем больше нетерпимость к нарушению законов, тем ниже поддержка приведенных утверждений вопроса 18.

7. Анализ конструктивной валидности

В данном случае подтверждение валидности осуществляется сопоставлением построенной переменной и вопросов, с помощью которых строилась соответствующая переменная. Конструктивная валидность подтверждается, если выявляется ожидаемая зависимость между переменной и вопросами. При таком анализе могут выявляться и специальные случаи, когда для отдельных вопросов ожидаемые зависимости не обнаруживаются. В Электронном приложении к Части 2 таблицы с П1 по П5 содержат частоты ответов «Вполне согласен» в отношении всех утверждений, по которым строились анализируемые здесь шкалы, внутри квартильных интервалов этих шкал. Из таблиц, за редкими, но интересными исключениями, видно, что уровень сопряженности крайне высок и соответствует как смыслу типологий, так и смыслу вопросов, что в целом подтверждает конструктивную валидность построенных переменных.

Но интересно проанализировать каждую переменную отдельно для выявления вопросов, составляющих немногие исключения, и интерпретации этих исключений. Для этого будут использоваться два индикатора, которые должны показывать степень соответствия каждого вопроса-суждения построенным типологиям. Первый индикатор – стандартный. Это доверительная вероятность, соответствующая выявленной сопряженности между оценками суждений и переменными. А второй индикатор введен специально для данной задачи, поскольку доверительная вероятность зависит от объема выборки, а также от локальных зависимостей при маргинальных значениях переменных (вроде «Затрудняюсь ответить»). Этот индикатор должен фиксировать «крутизну» формы зависимости и определяется следующей формулой:

$$S = \left| h \frac{p_1}{p_4} \right|,$$

где p_1 – частота выбора ответа «Вполне согласен» с некоторым утверждением в первой квартили типологии построенной переменной при использовании этого вопроса; p_4 – частота выбора ответа «Вполне согласен» для того же утверждения в четвертой квартили той же типологии. Данный индикатор принимает значение, близкое к нулю, если разница между частотами p_1 и p_4 невелика. По мере роста этой разницы, независимо от того, в какую сторону она, растет значение индикатора S. Если $p_4 = 0$, то величине S будет присвоено кодирующее значение 6. Ниже в таблицах для каждой из пяти переменных и для всех высказываний, связанных с этими переменными, приведены значения этих индикаторов по всем вопросам в случаях обеих выборок.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на все пять таблиц, это коррелированность значений индекса S для случаев двух выборок – граждан и предпринимателей. Действительно, ранговая корреляция Спирмена между двумя векторами значений индекса равна 0,927 (доверительная вероятность равна 2,93E-20). Это наблюдение дает нам еще одно подтверждение общности структур правового общественного сознания граждан и предпринимателей.

Теперь перейдем к анализу отдельных случаев утверждений, которые обладают значениями индикаторов S, существенно меньшими единицы. Заметим сразу, что таковых нет у высказываний, вопроса 6, на которых построена переменная «Поддержка независимости судебной власти». Это позволяет сделать выводы о высокой конструктивной валидности переменной и о релевантности всех утверждений этой переменной.

При анализе индикаторов вопросов из таблицы 2.4.4 первое, что бросается в глаза, это низкое значение индикаторов S для первого утверждения «Справедливость важнее закона». Данный случай требует отдельного анализа. Для этого мы введем новую переменную an_8_1, определяемую следующим образом:

an_8_1 = 1 если респондент ***согласен*** с утверждением 8.1 и характеризуется поддержкой концепции естественного права ***ниже*** медианной;

an_8_1 = 2 если респондент ***согласен*** с утверждением 8.1 и характеризуется поддержкой концепции естественного права ***выше*** медианной;

an_8_1 = 3 если респондент ***не согласен*** с утверждением 8.1 и характеризуется поддержкой концепции естественного права ***ниже*** медианной;

Таблица 2.4.3

Значения индикаторов «крутизны» взаимосвязи между оценками суждений вопроса 6 и типологией переменной «Поддержка независимости судебной власти»

№	Высказывание	Граждане		Бизнес	
		P	S	P	S
1	Если суд оправдал подсудимого, то это выглядит подозрительно: у нас зря к уголовной ответственности не привлекают	1,86E-215	2,912	9,19E-38	2,126
2	Судья должен с повышенным вниманием относиться к позиции прокурора, ведь они оба защищают интересы государства и общества	6,81E-301	2,725	4,99E-44	3,066
3	Нельзя допускать слишком большой независимости судей, ведь суд – это часть единой государственной машины	3,09E-255	2,369	1,76E-62	3,316
4	Суд – это последнее звено в единой цепочке государственных органов, стоящих на страже закона	4,14E-171	1,086	9,95E-25	1,007
5	Президент должен иметь право отменять те судебные решения, которые вредят государству	2,04E-224	1,681	9,42E-30	1,604
6	Прокуратура должна надзирать за рассмотрением дел в судах и за судебными решениями	2,44E-177	1,089	2,32E-26	1,093
7	Решения Европейского суда по правам человека в пользу российских граждан унижают достоинство нашей страны	2,89E-137	1,583	2,19E-18	2,356
8	Власть выше закона, потому что именно власть принимает законы и создает право в нашей стране	8,19E-189	1,804	2,71E-22	1,629
9	Независимость судей – это глупость, потому что суд является частью государства и не может быть от него независим	8,93E-226	2,376	2,62E-48	3,480

Таблица 2.4.4

Значения индикаторов «крутизны» взаимосвязи между оценками суждений вопроса 8 и типологией переменной «Поддержка концепции естественного права»

№	Высказывание	Граждане		Бизнес	
		P	S	P	S
1	Справедливость важнее закона	8,69E-085	0,373	0,088	0,503
2	Любой закон является частью права, поэтому неправовых законов не бывает	2,52E-223	1,772	2,83E-31	4,104
3	Закон может быть несправедливым, если того требуют интересы государства	8,42E-143	0,913	1,47E-09	1,176
4	Бывает, что принимают законы, которые нарушают конституционные права граждан	1,87E-176	1,120	3,64E-18	0,988
5	Каждый человек от рождения обладает неотъемлемыми правами, и они важнее любых законов	1,66E-171	0,714	5,52E-12	0,923
6	Любой закон и нормативный акт, исходящий от государства, является правовым	2,27E-225	1,619	1,49E-38	2,115
7	Закон, лишающий граждан их конституционных прав, не является правовым	2,43E-171	0,723	1,31E-13	0,746
8	Верна древнеримская пословица: «Пусть рушится мир, но торжествует правосудие»	6,22E-100	0,792	2,49E-09	0,922
9	При чрезвычайном положении можно выносить решения о наказании преступников без суда	2,65E-179	1,260	1,66E-13	1,287
10	Не существует прав человека вообще, есть только права граждан	1,29E-116	1,157	7,36E-14	2,031

an_8_1 = 4 если респондент ***не согласен*** с утверждением 8.1 и характеризуется поддержкой концепции естественного права ***выше*** медианной;

во всех остальных случаях переменная имеет своим значением системный пропуск.

Теперь воспользуемся техникой составления социального портрета четырех групп респондентов, соответствующих четырем значениям введенной переменной. Результаты применения этой техники представлены в следующей таблице 2.4.5.

Два общих вывода из вида таблицы 2.4.5 в целом таковы. Первый – портреты всех четырех групп прописаны весьма богато (может быть, за исключением группы 3). Второй – в этих описаниях явно доминируют диспозиционные характеристики. И то, и другое свидетельствует о том, что мы имеем дело с укорененными диспозициями, определяемыми социокультурными нормами, весьма укорененными в общественном сознании. Их слабая зависимость от позиционных

Таблица 2.4.5

Социальные портреты четырех групп, образованных значениями переменной an_8_1, определяемой согласием или несогласием с утверждением 8.1 «Справедливость важнее закона» и поддержкой или неподдержкой концепции естественного права. В скобках указаны: во втором столбце – объемы групп в процентах от всей выборки, в третьем столбце – приведенные стандартизированные остатки

N	Группа респондентов	Портрет
1	***Согласны*** с утверждением 8.1 и характеризуются поддержкой концепции естественного права ***ниже*** медианной (34,1%).	При защите своих прав не знают, куда обратиться (3,2); «Вполне можно жить, не нарушая закона» (3,4); «В России все равны перед судом» (2,9); Полностью доверяют российскому суду (3,9); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (4,3); Низкая поддержка независимости судебной власти (4,8); Низкая поддержка независимости судебных решений (4,4).

N	Группа респондентов	Портрет
2	***Согласны*** с утверждением 8.1 и характеризуются поддержкой концепции естественного права ***выше*** медианной (37,5%).	Жители Центрального ФО (3,9); При защите своих прав обращаются к авторитетным людям (3,9); «Невозможно жить, не нарушая закона» (5,9); «К богатым и влиятельным в судах относятся лучше» (6,9); Наибольшим уважением пользуются нотариусы (3,2); Скорее не доверяют российскому суду (3,9); Низкое законопослушание (4,2); Высокая поддержка независимости судебных решений (4,3); Приписывают абстрактные цели судебному процессу (3,8).
3	***Не согласны*** с утверждением 8.1 и характеризуются поддержкой концепции естественного права ***ниже*** медианной (10,6%).	Жители Северо-Западного ФО (8,1); При защите своих прав обращаются в прокуратуру (3,9); «В России все равны перед судом» (4,4); Не считают, что целью суда является восстановление справедливости (-4,4).
4	***Не согласны*** с утверждением 8.1 и характеризуются поддержкой концепции естественного права ***выше*** медианной (6,7%).	Социальный интеллект ниже среднего (3,4); Наибольшим уважением пользуются юристы в коммерческой фирме (3,8); Скорее доверяют российскому суду (3,9); Целью суда является восстановление законности (5,5) или нарушенных прав (3,8); Суды должны быть независимы от руководства страны (4,3); Высокая поддержка независимости судебной власти (7,4); Высокое законопослушание (4,8); Высокая поддержка независимости судебных решений (7,7); Высокая нетерпимость к нарушению законов (3,6).

характеристик (образование, доход, вид деятельности, опыт взаимодействия с судом и т.п.) является проявлением переходного периода, во время которого разрушаются и размываются социальные ниши и стандарты, а носители различных ценностей случайным образом распределяются по пространству социальных позиций.

Наиболее интересна группа 2, представители которой, возможно, ценят справедливость, но не склонны доверять суду и государственным институтам, предпочитая обращаться для решения своих проблем к «авторитетным людям». Поэтому они ставят закон ниже справедливости. В этой группе поддержка концепции естественного права является проявлением правового нигилизма, а не правовой позицией. При этом она самая многочисленная, впитывает в себя более трети респондентов

Представители второй по численности группы 1, также превышающей треть респондентов, поддерживают утверждение 8.1 в силу того, что их представления о государстве столь же монолитны, сколь и наивны. Для них суд – часть государственной машины, к которой они относятся с пиететом и доверием. Также слитны для них справедливость и закон, а сама справедливость – естественная и ожидаемая эманация государства. Это патерналистская пассивная диспозиция. Прискорбно, что такая консистентная позиция охватывает более трети граждан.

Далее с большим отрывом идут две малочисленные группы. Группа 3 прописана скупо. Ее представители не ценят справедливость и не ждут ее от суда. А равенство перед судом для них малосущественно, поскольку главного решения они ждут от прокуратуры. Группа 4 самая малочисленная. Ее представителям свойственна консистентная позиция высокого законопослушания при доверии суду и поддержке его независимости, что вступает в противоречие с идеей «Справедливость важнее закона».

Общий вывод таков: при нынешнем состоянии правосознания анализируемый тезис не является дифференцирующим относительно шкалы поддержки концепции естественного права. Но из этого не следует, что данное высказывание нужно исключать из набора суждений, ассоциированных с переменной «Поддержка концепции естественного права». Можно предположить, что рост сопряжения данного суждения с переменной будет служить отдельным индикатором формирования правового сознания. И еще один важный вывод – категория справедливости требует в будущем самостоятельного изучения, ибо видно уже, что в системе российского правосознания ему отведено важное и далеко не однозначное место.

Рассмотрим таблицу 2.4.6 и значения индикаторов суждений, ассоциированных с переменной «Законопослушание». Здесь мы также видим единственное суждение, относительно слабо ассоциированное с переменной. Это суждение 9 «Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах». Однако в данном случае низкие значения индикатора S объясняются не содержательными соображениями, а исключительно тем обстоятельством, что весьма велика поддержка этого суждения (см. таблицу П3 Приложения к Части 2).

Теперь обратимся к таблице 2.4.7 и индикаторам «крутизны» зависимости S.

Здесь мы обнаруживаем несколько случаев невысоких значений индикатора L, заслуживающих внимания. Прежде всего, отсечем суждение 7, поскольку в данном случае относительно невысокие значения L объясняются высоким уровнем поддержки высказывания «Каждый человек обладает от рождения неотъемлемыми естественными правами, которые он поручает охранять и защищать государству», а сама форма зависимости вполне адекватна. Иное дело суждения 4 и 6. В данном случае возникает необходимость аккуратного анализа, подобного тому, который был предпринят выше для высказывания 8.1 «Справедливость важнее закона». Эта необходимость подкрепляется формой взаимосвязи, представленной ниже на диаграмме рисунка 2.4.9.

Сначала введем переменную an_20_4, заданную следующим соотношением:

an_20_4 = 1 если респондент ***согласен*** с утверждением 20.4 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной;

an_20_4 = 2 если респондент ***согласен*** с утверждением 20.4 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной;

an_20_4 = 3 если респондент ***не согласен*** с утверждением 20.4 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной;

an_20_4 = 4 если респондент ***не согласен*** с утверждением 20.4 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной;

во всех остальных случаях переменная имеет своим значением системный пропуск.

Таблица 2.4.6

Значения индикаторов «крутизны» взаимосвязи между оценками суждений вопроса 18 и типологией переменной «Законопослушание»

№	Высказывание	Граждане		Бизнес	
		P	S	P	S
1	Любой закон надо выполнять всегда и неукоснительно	0	1,697	4,09E-37	1,645
2	Законы приходится соблюдать, иначе накажут	5,43E-26	1,167	2,27E-22	1,223
3	Законы надо соблюдать, даже когда их требования не в мою пользу. Ведь тогда можно рассчитывать, что в следующий раз этот же или другой закон меня защитит	0	2,142	1,29E-49	2,281
4	Если закон мешает гражданам решать свои проблемы, его иногда можно нарушить	0	2,311	1,96E-44	1,902
5	Гражданам не обязательно соблюдать закон, потому что законы составлены в интересах не граждан, а начальства	0	3,474	1,17E-44	2,850
6	Бессмысленно соблюдать законы, если этого не делает власть	0	2,626	6,53E-44	2,668
7	Несправедливые или глупые запреты, предписания законов не грех и нарушить	0	4,108	1,27E-75	6,000
8	Не должны быть равны перед законом достойные и недостойные граждане	7,94E-237	1,667	4,54E-19	1,602
9	Гражданам полезно знать законы, чтобы уметь использовать их в своих интересах	3,80E-166	0,319	1,01E-09	0,364

Таблица 2.4.7

Значения индикаторов «крутизны» взаимосвязи между оценками суждений вопроса 20 и типологией переменной «Поддержка независимости судебных решений»

№	Высказывание	Граждане		Бизнес	
		P	S	P	S
1	Адвокаты защищают преступников, а прокуроры добиваются их наказания, поэтому судьи должны почти всегда принимать позиции прокуроров	2,73E-235	1,989	3,37E-37	2,287
2	Гарантии неприкосновенности судей должны быть расширены, чтобы обеспечить им независимое осуществление правосудия	9,18E-176	1,609	7,92E-14	1,465
3	Только высокая степень независимости судей может обеспечить их справедливые решения и приговоры	2,98E-205	1,643	2,08E-24	1,193
4	Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность	4,58E153	0,525	3,33E-11	0,469
5	В своих решениях судья всегда должен защищать интересы государства	1,30E-270	1,880	6,63E-44	3,033
6	Государство предоставляет и гарантирует своим гражданам права человека наряду с их обязанностями	4,33E-182	0,089	3,22E-04	0,395
7	Каждый человек обладает от рождения неотъемлемыми естественными правами, которые он поручает охранять и защищать государству	1,38E-231	0,568	1,21E-11	0,684
8	Гражданин может пользоваться своими правами только в общих интересах, в интересах государства	9,16E-296	1,954	3,43E-46	1,738
9	Интересы государства важнее интересов граждан	1,42E-307	2,687	7,03E-34	2,239

Далее по этой переменной строятся социальные портреты четырех групп переменных. Результат представлен ниже в таблице 2.4.8.

Анализируя портреты из таблицы 2.4.8 и учитывая логику конструирования переменной «Поддержка независимости судебных решений», мы должны помнить следующее. Высокая степень поддержки независимости должна сопрягаться с отрицанием утверждения 20.4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность», а низкой степени поддержки независимости судебных решений должно соответствовать согласие с утверждением 20.4. Это означает, что группы 1 и 4 в таблице 2.4.8 должны трактоваться как «правильные», подтверждающие валидность анализируемой переменной, а группы 2 и 3 – как «неправильные», противоречащие валидности переменной. С этой точки зрения любопытно, что две «правильные» группы респондентов, описанные в таблице 2.4.8, прописаны более подробно и контрастно, чем две «неправильные» группы. Бедность описания двух последних групп подталкивает

Таблица 2.4.8

Социальные портреты четырех групп, образованных значениями переменной an_20_4, определяемой согласием или несогласием с утверждением 20.4 «Бывают случаи, когда судья, вынося решение, должен учитывать политические последствия своего решения, его политическую целесообразность» и поддержкой или неподдержкой независимости судебных решений. В скобках указаны: во втором столбце – объемы групп в процентах от всей выборки; в третьем столбце – приведенные стандартизированные остатки

N	Группа респондентов	Портрет
1	***Согласны*** с суждением 20.4 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной (26,6%).	Жители Москвы (5,5); жители мегаполисов (3,8); Совершенно не интересуются информацией о судах (3,0); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (6,5); Низкая нетерпимость к нарушению законов (4,0); Поддержка концепции естественного права (4,5).
2	***Согласны*** с суждением 20.4 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной (19,4%).	Жители Уральского ФО (3,0); «Невозможно жить, не нарушая закона» (3,8); Суды должны быть независимы от руководства страны (4,7); Высокая нетерпимость к нарушению законов (3,7).
3	***Не согласны*** с суждением 20.4 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной (11,2%).	Жители Уральского ФО (3,7); жители небольшого города с населением 20–50 тыс. человек (3,2); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (4,1).
4	***Не согласны*** с суждением 20.4 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной (18,4%).	Не жители Москвы (-4,3); жители городов с населением 50–100 тыс. человек (3,4); При защите своих прав обращаются в юридическую консультацию (3,3); Хотя бы раз был в суде (-4,1); Целью судебного разбирательства являются защита нарушенных прав (3,1); Суды должны быть независимы от руководства страны (7,6); Высокое законопослушание (4,4); Высокая поддержка концепции естественного права (6,6).

к предположению, что «неправильность» этих групп вызвана невысокой степенью консистентности суждений, оценок и т.п. респондентов этих двух групп.

Иное дело две «правильные» группы. Ответы респондентов из этих групп консистентны, что видно из портретов этих групп. Их объединяет приверженность концепции естественного права, что довольно логично. У группы 1 она менее выражена и носит стихийный характер, поскольку компонуется с приверженностью подконтрольности судебной власти и низкой нетерпимостью к нарушению законов.

Гораздо интереснее группа 4. Ее описание заставляет предположить, что ростки современного отношения к праву зарождаются в средних городах России. Это активные люди, использующие суды для защиты своих прав. Их приверженность концепции естественного права подкрепляется собственным законопослушанием.

Рисунок 2.4.9. Частоты выбора (в процентах) ответа «Вполне согласен» относительно суждений 4 и 6 вопроса 20 для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Поддержка независимости судебных решений» (наибольшей степени поддержки соответствует интервал 4)

Теперь введем переменную an_20_6, заданную следующим соотношением:

an_20_6 = 1 если респондент ***согласен*** с утверждением 20.6 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной;

an_20_6 = 2 если респондент ***согласен*** с утверждением 20.6 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной;

an_20_6 = 3 если респондент ***не согласен*** с утверждением 20.6 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной;

an_20_6 = 4 если респондент ***не согласен*** с утверждением 20.6 и характеризуется поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной;

во всех остальных случаях переменная имеет своим значением системный пропуск.

Следует иметь в виду, что суждение 20.6 «Государство предоставляет и гарантирует своим гражданам права человека наряду с их обязанностями» трудно для оценивания респондентами. Все-таки речь идет об идее довольно привлекательной – сопряжения прав и обязанностей, которую на протяжении многих десятилетий внедряли в сознание граждан СССР. Тот факт, что в этом утверждении государство является источником прав граждан, может просто не распознаваться респондентами как противоречие естественной концепции права. Тем более, что одновременно идет речь о гарантиях прав со стороны государства, что должно выглядеть вполне привлекательно. Неудивительно, что чуть более 18% респондентов совсем или в некоторой степени не согласны с этим утверждением. По логике построения переменной именно отрицание утверждения 20.6 сопрягается с поддержкой независимости судебных решений. Поэтому «правильными» в приведенной ниже таблице 2.4.9 являются группы 1 и 4, в то время как группы 2 и 3 оказываются «неправильными».

С учетом вышесказанного, все содержимое таблицы 2.4.9 является подтверждением того, что утверждение 20.6 «Государство предоставляет и гарантирует своим гражданам права человека наряду с их

Таблица 2.4.9

Социальные портреты четырех групп, образованных значениями переменной an_20_6, определяемой согласием или несогласием с утверждением 20.6 «Государство предоставляет и гарантирует своим гражданам права человека наряду с их обязанностями» и поддержкой или неподдержкой независимости судебных решений. В скобках указаны: во втором столбце – объемы групп в процентах от всей выборки; в третьем столбце – приведенные стандартизированные остатки

N	Группа респондентов	Портрет
1	***Согласны*** с утверждением 20.6 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной (34,7%).	Жители Москвы (4,6) или небольшого города с населением 20–50 тыс. человек (3,2); Совершенно не интересуются информацией о судах (4,4); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (7,6); Противник независимости судебной власти (8,9); Низкая степень поддержки концепции естественного права (5,6).

N	Группа респондентов	Портрет
2	***Согласны*** с утверждением 20.6 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной (32,7%).	Жители Уральского ФО (3,0), но не Москвы (-5,1); Скорее доверяют российскому суду (6,4); Из всех институтов более других доверяют судебной власти (3,0); Целью судебного разбирательства считают восстановление законности (3,0) или нарушенных прав (4,3); Суды должны быть независимы от руководства страны (9,8); Сторонники независимости судебной власти (8,4); Высокая степень законопослушания (6,3) и нетерпимости к нарушению законов (3,7); Высокая степень поддержки концепции естественного права (7,0).
3	***Не согласны*** с утверждением 20.6 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***ниже*** медианной (6,4%).	Жители Москвы (3,0) или небольшого города с населением 20–50 тыс. человек (3,9); При защите своих прав справляются с проблемами сам (3,3); Скорее не доверяют российскому суду (3,2); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (3,1); Низкая степень законопослушания (4,2).
4	***Не согласны*** с утверждением 20.6 и характеризуются поддержкой независимости судебных решений ***выше*** медианной (8,2%).	Жители города с населением 250–500 тыс. человек (5,5); Скорее не доверяют российскому суду (4,5); Из всех институтов более других доверяют НГО (4,2); Низкая степень законопослушания (5,2).

обязанностями» воспринимается респондентами слабо и не очень консистентно. Данное предположение подкрепляется неожиданным результатом анализа сопряженности между анализируемым высказыванием 20.6 и взаимосвязанным с ним высказыванием 20.7 «Каждый человек обладает от рождения неотъемлемыми естественными правами, которые он поручает охранять и защищать государству». По содержанию эти утверждения противоречат друг другу: в первом из них

источником прав является государство, а во втором эти права принадлежат человеку от рождения, а государству просто поручается забота по их обеспечению. В соответствие с этим два таких утверждения должны антикоррелировать. Но в наших данных на выборке граждан все наоборот. И не просто наоборот, неожиданная положительная сопряженность между этими двумя переменными фантастически велика. Она индицируется доверительной вероятностью, равной нулю, при коэффициенте сопряженности Пирсона, равном 0,804. А теперь посмотрим на четыре группы, определяемые переменной an_20_4, в таблице 2.4.9.

Группа 1, из числа описанных в таблице 2.4.9, самая консистентная. Дело не только в «правильности» этой группы, в которой поддержка высказывания 20.6 согласуется с низкой поддержкой независимости судебных решений. Описание этой группы являет нам портрет респондентов, у которых равнодушие к работе судов сочетается с привычным подчиненным местом в системе государственной власти, сопрягающимся с отрицанием концепции естественного права в пользу позитивистского подхода. Ну и, наконец, немаловажно, что эта группа самая многочисленная. Следующая по многочисленности группа 2 предельно противоречива не только потому, что она «неправильная». В ней возможность политического произвола в судебных решениях сочетается с законопослушным ригоризмом и вступает в противоречие с поддержкой концепции естественного права.

Не менее экзотическое сочетание диспозиций представляет «неправильная» и немногочисленная группа 3. В ней недоверие к суду органично сочетается с практикой самостоятельного решения проблем без обращения к государству, но вступает в противоречие с убеждением, что суды должны быть подконтрольны этому государству. Наконец, «правильная» группа 4 могла бы, несмотря на свою немногочисленность, порадовать хотя бы наличием и доверием НГО, если бы это не сочеталось с низким законопослушанием и недоверием к судебной власти, решения которой, по мнению членов этой группы, должны быть независимы.

Итак, мы видим, что оценки суждения 20.6 «Государство предоставляет и гарантирует своим гражданам права человека наряду с их обязанностями» не включаются в достаточно консистентные комплексы диспозиций. Однако представляется, что его также не следует исключать из списка суждений, ассоциированных с переменной «Поддержка независимости судебных решений». Зафиксированный

Таблица 2.4.10

Значения индикаторов «крутизны» взаимосвязи между оценками суждений вопроса 22 и типологией переменной «Нетерпимость к нарушению законов»

№	Ситуация	Граждане		Бизнес	
		P	S	P	S
1	Когда закон несправедлив	5,59E-173	0,173	3,33E-05	0,081
2	Когда закон противоречит личным интересам	0	2,549	3,98E-26	3,199
3	Когда закон противоречит религиозным убеждениям	0	2,938	8,37E-39	6,000
4	Когда закон противоречит моральным убеждениям	0	3,477	5,38E-34	4,174
5	Когда закон противоречит общепринятым традициям	0	3,109	2,14E-35	6,000
6	Когда жизнь близких в опасности	0	0,349	9,31E-14	0,488
7	Когда закон нарушает основные (конституционные) права гражданина	1,22E-280	0,680	3,21E-32	0,985
8	Когда закон не соблюдают все вокруг	2,42E-173	0,711	5,37E-6	0,877

низкий уровень поддержки этого суждения и неконсистентность как положительных, так и отрицательных оценок не только являются одним из свидетельств слабой сформированности правосознания, но и оставляют возможность в дальнейшем отслеживать динамику формирования современного правосознания.

Осталось рассмотреть данные таблицы 2.4.10, в которой представлены индикаторы, описывающие ситуации из вопроса 22, оцениваемые респондентами, и ассоциированные с переменной «Нетерпимость к нарушению законов».

В таблице 2.4.10 мы видим две ситуации-кандидата для дополнительного анализа. Начнем с ситуации 22.6 «Когда жизнь близких

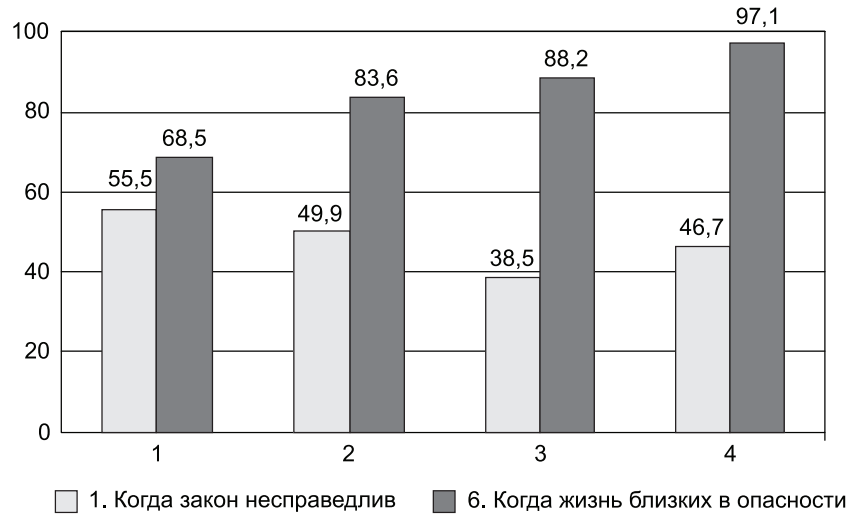


Рисунок 2.4.10. Частоты выбора (в процентах) ответа «Да, имеет» при ответе на вопрос 22 «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» относительно ситуаций 1 «Когда закон несправедлив» и 6 «Когда жизнь близких в опасности» для выборки граждан среди респондентов, принадлежащих различным квартильным интервалам переменной «Нетерпимость к нарушению законов» (наибольшей степени нетерпимости соответствует интервал 4)

в опасности». Оно отличается самой высокой степенью поддержки, что снижает значение индикатора S. В то же время форма зависимости между квартильными интервалами переменной «Нетерпимость к нарушению законов» и положительной оценкой ситуации 22.6 отражает консистентную монотонную взаимосвязь. Поэтому в данном случае углубленный анализ является лишним. Иное дело ситуация 22.1. Во-первых, его поддержка не столь высока; во-вторых, частоты поддержки этой ситуации внутри квартильных интервалов не образуют впечатляющей зависимости, что легко усматривается из диаграммы рисунка 2.4.10 (что называется, «почувствуйте разницу»).

Теперь для последующего анализа введем переменную an_22_1, заданную следующим соотношением:

an_22_1 = 1 если респондент ***принимает*** ситуацию 22.1 и характеризуется нетерпимостью к нарушению законов ***ниже*** медианной;
an_22_1 = 2 если респондент ***принимает*** ситуацию 22.1 и характеризуется нетерпимостью к нарушению законов ***выше*** медианной;
an_22_1 = 3 если респондент ***не принимает*** ситуацию 22.1 и характеризуется нетерпимостью к нарушению законов ***ниже*** медианной;
an_22_1 = 4 если респондент ***не принимает*** ситуацию 22.1 и характеризуется нетерпимостью к нарушению законов ***выше*** медианной;
во всех остальных случаях переменная имеет своим значением системный пропуск.

Результаты анализа сопряженностей представлены ниже в таблице 2.4.11. По конструкции исследуемой переменной (и в соответствии с данными таблицы 2.4.11) из четырех групп, образованных значениями переменной an_22_1, «правильными» являются группы 1 и 4.

Таблица 2.4.11

Социальные портреты четырех групп, образованных значениями переменной an_22_1, определяемой принятием или непринятием ситуации 22.1 «Когда закон несправедлив» при ответе на вопрос «Имеет ли, по Вашему мнению, гражданин право не соблюдать закон в следующих случаях?» и степенью нетерпимости к нарушению законов. В скобках указаны: во втором столбце – объемы групп в процентах от всей выборки; в третьем столбце – приведенные стандартизированные остатки

N	Группа респондентов	Портрет
1	***Принимают*** ситуацию 22.1 и характеризуются нетерпимостью к нарушению законов ***ниже*** медианной (15,8%).	При защите своих прав обращаются в исполнительные органы власти (3,8); Суды должны быть подконтрольны руководству страны (3,3); Законопослушание ниже медианного (3,2); Противники независимости судебных решений (3,3).
2	***Принимают*** ситуацию 22.1 и характеризуются нетерпимостью к нарушению законов ***выше*** медианной (17,7%).	Не согласны, что вполне можно жить, не нарушая законов (-3,9); Низкий социальный интеллект (4,5); Законопослушание низкое (4,6).
3	***Не принимают*** ситуацию 22.1 и характеризуются нетерпимостью к нарушению законов ***ниже*** медианной (8,4%).	Жители Москвы (3,3); Не согласны, что наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система (4,2); Суд присяжных очень нужен (4,1); Высокий социальный интеллект (5,6).
4	***Не принимают*** ситуацию 22.1 и характеризуются нетерпимостью к нарушению законов ***выше*** медианной (21,4%).	Жители Северо-Западного ФО и городов с населением 250–500 тыс. человек (3,5); При защите своих прав обращаются в юридическую консультацию (3,8); Не согласны, что наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система (3,5); Не согласны, что теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права (3,0); Суды должны быть независимы от руководства страны (3,7); Мировые судьи должны назначаться законодательными органами (3,3); Социальный интеллект высокий (4,9) или выше среднего (4,2); Поддерживают концепцию естественного права (5,4); Поддерживают независимость судебных решений (5,9).

Пожалуй, самой интересной в таблице 2.4.11 является группа 4. Здесь склонность к легальным способам защиты своих прав сочетается с критической оценкой состояния судов и высоким социальным интеллектом при современном правосознании. Теперь добавим к этому характеристику группы 4: нетерпимость к нарушению законов и от-

рицанием возможности нарушить закон, если он несправедлив. В отношении данной группы мы имеем весьма консистентное сочетание диспозиций[12]. Кроме того, нужно отметить, что группа не так уж мала, более того, она превосходит по численности все остальные.

Подобное сочетание качеств вызывает следующую фантазию по поводу гипотетической фокус-группы с выборкой респондентов из группы 4. Представляется, что расшифровка фокус-группы могла бы содержать следующий фрагмент:

«Модератор: Вы говорите, что несправедливый закон надо выполнять. И все?

Фокус-группа: Нет, не все. Надо стремиться изменить закон.

Модератор: А если законодатели не хотят менять несправедливый закон?

Фокус-группа: Тогда надо менять законодателей.

Модератор: А если и это невозможно?

Фокус-группа: Тогда надо менять политический режим.

Модератор: А как?

Фокус-группа: Ну, это мы Вам не скажем».

Группе 4 противостоит другая «правильная» группа 1. Ее представители предпочитают по старинке обращаться для решения своих проблем в органы исполнительной власти, а потому полагают, что эта власть должна контролировать суды. Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с остаточными чертами советского патриархального правосознания. На это указывает, в частности, отсутствие зависимостей с позиционными переменными.

Представители группы 2, отличающиеся низким социальным интеллектом, снова являют нам пример, как можно предположить, снятия когнитивного диссонанса: свое низкое законопослушание они оправдывают несогласием с тем, что в стране можно жить, не нарушая закона, т.е. внешними обстоятельствами. Жители Москвы

[12] Любопытна географическая привязка этой группы: Северо-Запад страны. Проведенное Фондом ИНДЕМ совместно с TI-Russia в 2002 г. сравнительное исследование 40 российских регионов по уровню и структуре коррупции позволило установить, что этот регион отличается уровнем коррупции более низким, нежели по России в среднем. Одним из объяснений, которое мы тогда нашли (естественно, в качестве гипотезы) был тот факт, что здесь практически не было крепостного права (это в равной степени касалось Сибири). Не исключено, что и в данной ситуации может работать подобное объяснение.

с высоким социальным интеллектом полагают, что дефекты судебной системы можно компенсировать с помощью суда присяжных.

В целом мы видим, что тест с помощью оценки согласия с возможностью нарушить несправедливый закон дает вполне осмысленные результаты, выделяя достаточно консистентные полярные группы. Тот факт, что этот тест пока не является удовлетворительно дифференцирующим для шкалы «Нетерпимость к нарушению законов», объясняется эклектичностью неустоявшегося правосознания. А потому данное утверждение является полезным в наборе, определяющим шкалу.

Глава 3
Макроанализ

Обосновав уместность применения построенных шкал правосознания, мы перейдем к их использованию для описания этого фрагмента пространства диспозиций.

3.1. Взаимосвязи между шкалами правосознания

Мы начинаем анализ переменных правосознания с изучения корреляций между шкалами. Матрицы корреляций для обеих выборок представлены в двух следующих таблицах 3.1.1 и 3.1.2. Но прежде чем перейти к их анализу, нужно сделать предварительные замечания. При расчете матриц корреляций учитываются только те респонденты, которые ответили на все вопросы, связанные построением переменных правосознания. Таких респондентов оказывается 53,7%. На результаты корреляционного анализа могут влиять различия между респондентами, попавшими в сети этого анализа (первая группа) и остальными (вторая группа). Проверка таких различий дала следующий результат. Отсутствуют различия в позиционных переменных за одним исключением: в первой группе повышена доля тех, кто имеет опыт участия в судебных процессах. Совершенно очевидно просто по построению этих групп, что социальный интеллект первой группы выше. Респонденты этой группы более критичны по отношению к судам, а их политическое сознание более современно. Можно сделать вывод: автоматически «по построению» для корреляционного анализа отбираются те респонденты, которые с большим основанием могут быть заподозрены в качестве носителей той или иной структуры правосознания.

Рассмотрим сначала то общее, что объединяет обе матрицы корреляций. В обеих матрицах переменная «Поддержка независимости

судебных решений» имеет самые большие по совокупности взаимосвязи с остальными переменными. Причем и там, и там она больше всего взаимосвязана с переменной «Поддержка независимости судебной власти», а затем – с переменной «Поддержка концепции естественного права». Вторая общая черта – две остальные переменные «Законопослушание» и «Требовательность к соблюдению законов» отделены от первой тройки переменных и, что самое интересное, друг от друга. Наконец, третья общая особенность, которую важно отметить, это значимую отрицательную зависимость между переменными «Законопослушание» и «Поддержка концепции естественного права». Последнее обстоятельство подтверждает отдельные наблюдения, сделанные выше, о природе склонности к концепции естественного права, которая частично основана на традиционном неуважении к формальному закону.

Теперь рассмотрим особенности каждой матрицы корреляций, различия между ними. Прежде всего, бросается в глаза особенность матрицы корреляций, вычисленная по данным выборки предпринимателей, состоящая в том, что не зафиксировано значимых взаимосвязей переменной «Нетерпимость к нарушению законов» с остальными переменными. В случае выборки граждан эти взаимосвязи значимы, хотя и невелики, а самые небольшие корреляции имеет с остальными переменными переменная «Законопослушание».

Теперь попробуем графически представить структуру зависимости между переменными правосознания, точнее, то общее, что есть в структурах, выявленных по данным двух выборок. Сначала мы воспользуемся методом корреляционных плеяд, нередко применяемым в социологии[13].

На рисунке 3.1.1 эта структура представлена в виде графа, вершинами которого являются переменные, а ребра графа вместе с их толщиной изображают взаимосвязи между ними. Одновременно с этим и расстояния между вершинами графа подобраны так, чтобы меньшие расстояния соответствовали более сильным зависимостям между переменными. На диаграмме изображены только те ребра, которые соответствуют достаточно сильным взаимосвязям.

Мы видим, что центр графа занимает переменная «Поддержка независимости судебных решений», что вполне естественно, поскольку

[13] См., например: Ясюкова Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян / С.-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2008.

Таблица 3.1.1

Линейные корреляции между переменными правосознания (выше главной диагонали) и соответствующие им двусторонние доверительные вероятности (ниже главной диагонали) для выборки предпринимателей

	Поддержка независимости судебной власти	**Поддержка концепции естественного права**	**Законо-послушание**	**Поддержка независимости судебных реше-ний**	**Нетерпимость к нарушению законов**
Поддержка неза-висимости судеб-ной власти		0,236	0,151	0,345	0,051
Поддержка кон-цепции естествен-ного права	4,44E-9		-0,111	0,305	0,028
Законо-послушание	1,96E-4	,007		0,195	-0,017
Поддержка неза-висимости судеб-ных решений	3,21E-18	2,13E-14	1,46E-6		0,071
Нетерпимость к нарушению законов	0,211	0,489	0,672	0,084	

Таблица 3.1.1

Линейные корреляции между переменными правосознания (выше главной диагонали) и соответствующие им двусторонние доверительные вероятности (ниже главной диагонали) для выборки предпринимателей

	Поддержка независимости судебной власти	**Поддержка концепции естественного права**	**Законо-послушание**	**Поддержка независимости судебных реше-ний**	**Нетерпимость к нарушению законов**
Поддержка неза-висимости судеб-ной власти		0,212	0,071	0,285	0,097
Поддержка кон-цепции естествен-ного права	2,70E-25		-0,060	0,270	0,105
Законо-послушание	4,63E-04	0,003		0,077	0,104
Поддержка неза-висимости судеб-ных решений	6,11E-44	3,88E-39	2,12E-04		0,132
Нетерпимость к нарушению законов	2,50E-05	6,27E-06	5,00E-06	1,86E-08	

Рисунок 3.1.1. Граф структуры взаимосвязей между базовыми переменными правосознания

именно эта переменная имеет в совокупности самые большие взаимосвязи с остальными переменными. Прототипическое положение этой переменной подтверждается анализом частных корреляций. Кроме того, три переменные – «Поддержка независимости судебных решений», «Поддержка концепции естественного права» и «Поддержка независимости судебной власти» – образуют в этой структуре комплекс достаточно сильно взаимосвязанных элементов.

Таким образом, структура взаимосвязей между переменными правосознания имеет один прототипический элемент – переменную «Поддержка независимости судебных решений», – к которому подсоединен комплекс, включающий, помимо прототипического элемента, две переменные – «Поддержка концепции естественного права» и «Поддержка независимости судебной власти». Две переменные – «Нетерпимость к нарушению законов» и «Законопослушание» – подключаются к общей структуре через прототипический элемент.

Приведенный выше анализ мы дополним другим с помощью метода анализа частных корреляций, описанного в Приложении к Части 3. Это позволит нам учесть направленность зависимостей,

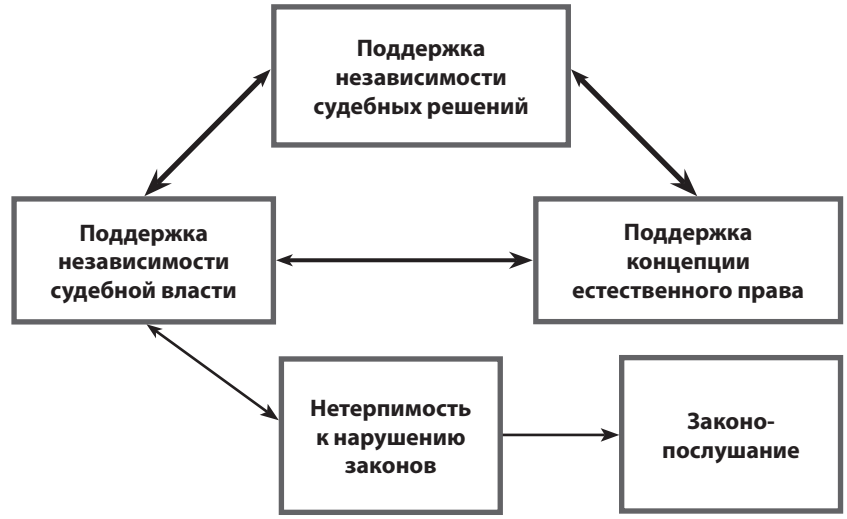


Рисунок 3.1.2. Ориентированный граф структуры взаимосвязей между базовыми переменными правосознания

учесть эффект ложных корреляций и сделать выводы более надежными с помощью использования дополнительного метода для решения той же задачи. На диаграмме рисунка 3.1.2 результат такого анализа представлен ориентированным графом. Здесь толщина стрелок соответствует величине взаимосвязей, а соотношение величин стрелок на концах ребер графа указывает на асимметрию взаимного влияния. Имеет значение и расположение вершин графа по вертикали: чем выше вершина, тем в большей степени соответствующая переменная влияет на остальные.

Мы видим, что в целом структура взаимосвязей сохраняется. Кроме того, сохраняется прототипическое положение переменной «Поддержка независимости судебных решений».

Анализ формы зависимостей для отдельных пар переменных выявил доминирование обычных форм зависимостей, кроме одного исключения, интересного и важного. Рассмотрим диаграмму рассеяния между двумя переменными, определенными для выборки граждан: «Поддержка концепции естественного права» и «Нетерпимость к нарушению законов». Диаграмма рассеяния между двумя этими переменными, изображенная на рисунке 3.1.3, имеет необычную

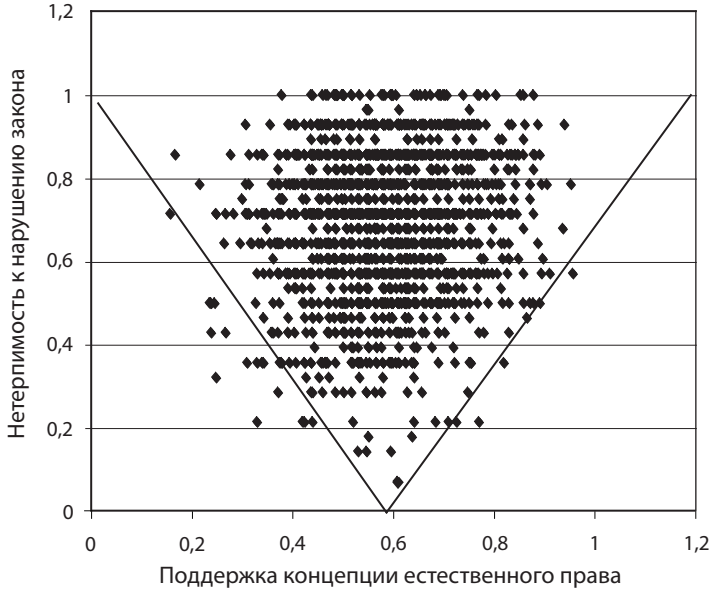


Рисунок 3.1.3. Диаграмма рассеяния переменных «Поддержка концепции естественного права» (ось X) и «Нетерпимость к нарушению законов» (ось Y) для выборки граждан

форму. Она содержит две «запретные» зоны, расположенные внизу, слева и справа ниже прямых линий, изображенных на диаграмме. Аналогичную форму имеет диаграмма рассеяния между двумя переменными «Поддержка концепции естественного права» и «Законопослушание». Но диаграммы рассеяния переменной «Поддержка концепции естественного права» с оставшимися двумя переменными имеют стандартную форму. Чтобы показать воспроизводимость наблюдаемого эффекта, рассмотрим диаграмму рассеяния между переменными «Поддержка концепции естественного права» и «Нетерпимость к нарушению законов» на данных выборки предпринимателей (рисунок 3.1.4).

На диаграмме рассеяния рисунка 3.1.4 мы видим ту же самую картину, что и на предшествующей диаграмме. Различие между двумя диаграммами состоит в том, что точка пересечения двух прямых, образующих нижнюю границу диаграммы рассеяния, сдвинута правее.

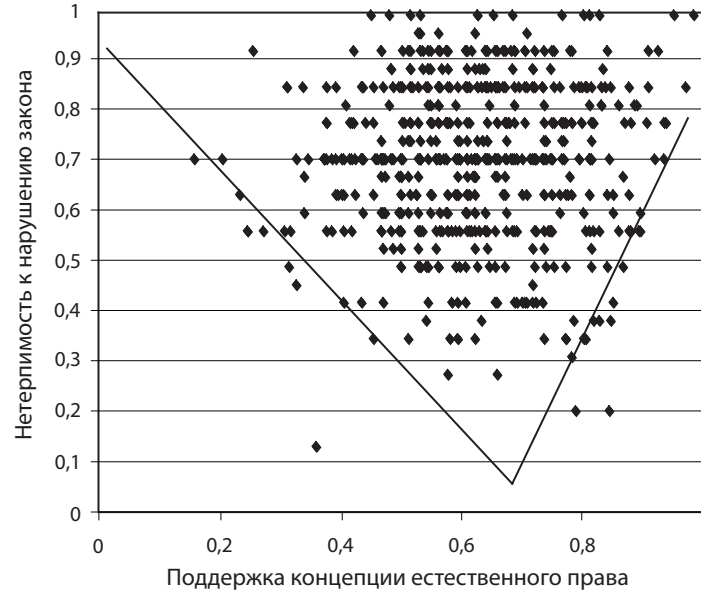


Рисунок 3.1.4. Диаграмма рассеяния переменных «Поддержка концепции естественного права» (ось X) и «Нетерпимость к нарушению законов» (ось Y) для выборки предпринимателей

Это корреспондируется с тем обстоятельством, что среднее значение (и медиана – впрочем, они близки) поддержки концепции естественного права у предпринимателей выше, чем у граждан.

Следовательно, у нас есть веские основания предполагать, что мы имеем дело с необычным, но воспроизводящимся эффектом нестандартной формы диаграммы рассеяния, на которой мы имеем «склейку» двух типов зависимостей. Справа от вертикальной линии, приблизительно имеющей координату X, равную среднему значению переменной «Поддержка концепции естественного права», мы видим зависимость первого типа, а слева от той же вертикальной прямой – второго типа. Зависимость первого типа такова: не бывает респондентов с высокой поддержкой концепции естественного права, но терпимых к нарушению законов; чем выше поддержка концепции естественного права, тем выше в среднем нетерпимость к нарушению законов. Второй тип зависимости является зеркальным отражением

первого: не бывает респондентов с низкой поддержкой концепции естественного права и низкой нетерпимостью к нарушению законов. Чем больше респонденты склоняются к правовому позитивизму (антиподу на нашей шкале концепции естественного права), тем выше в среднем нетерпимость к нарушению законов. В зоне средних значений поддержки концепции естественного права (т.е. в зоне респондентов, которые не склоняются ни к одной из конкурирующих концепций права) какая-либо зависимость между поддержкой концепции естественного права и нетерпимостью к нарушению законов отсутствует.

Такая форма зависимости может иметь два объяснения. Первое объяснение банально: чем выше правовая культура респондентов, тем выше у них нетерпимость к нарушению законов, независимо от того, к какой концепции права склоняются респонденты. Предшествующий анализ позволяет выдвинуть второе предположение, согласно которому в необычной форме диаграммы рассеяния проявляется ранее сформулированная гипотеза: мы имеем дело с двумя типами правосознания, которые на приведенных диаграммах образуют смесь. Ниже мы будем проверять эти (и другие) гипотезы, с помощью анализа зависимостей между переменными правосознания и другими переменными.

3.2. Анализ взаимосвязей: Поддержка независимости судебной власти

На выборке граждан среди позиционных переменных, для которых выявлена взаимосвязь с исследуемой переменной, снова, как это было и раньше, выделяются федеральные округа (доверительная вероятность равна 3,06E-15). В четвертой квартили переменной представителей Санкт-Петербурга почти в четыре раза больше, чем в первой. Там же респонденты из Уральского ФО встречаются почти в два раза реже, чем в первой квартили. Следовательно, жители Санкт-Петербурга более склонны к поддержке независимости судов, нежели представители Уральского ФО. Наличие этой зависимости тем более интересно, что оно не подкрепляется взаимосвязью с размером и типом поселения. Помимо этого, установлено, что женщины больше склонны поддерживать контроль над судами, а мужчины – независимость судебной власти (доверительная вероятность равна 0,001). Чаще других социальных слоев независимость судов склонные поддерживать владельцы частного бизнеса и лица, способные по своему достатку приобретать товары длительного пользования.

Теперь о диспозиционных переменных. Установлена серия взаимосвязей с суждениями респондентов о судах и судьях из вопроса 2 «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?». Выяснилось, что противники независимости судебной власти гораздо чаще дают негативные оценки суду. Возможно, такие негативные оценки оправдывают для них необходимость контроля над судами. Данное предположение подтверждается тем, что противники независимости судов более других поддерживают необходимость суда присяжных, который они, следуя той же логике, рассматривают как средство контроля над судом. Кроме того, установлено, что в четвертой квартили переменной «Поддержка независимости судебной власти» чаще, чем в выборке в целом, респонденты называют судейскую профессию самой престижной из юридических профессий. Таким образом, главным результатом анализа на выборке граждан можно считать следующий результат: поддержка контроля над судами чаще сопрягается с негативной оценкой работы судов[14].

Анализ сопряженностей на выборке предпринимателей дал более интересные результаты. В части анализа позиционных переменных выявлены следующие зависимости. Несколько чаще поддержка независимости судебной власти встречается среди крупного бизнеса, и несколько реже – среди малого (доверительная вероятность равна 0,001). Позиция среднего бизнеса амбивалентна. В частности, в последней квартили переменной «Поддержки независимости судов» представителей крупного бизнеса в пять раз больше, чем в первой. Влияет и образование – точнее, его недостаток (0,01): в первой квартили представителей среднего и неполного среднего образования более чем в пять раз больше, чем в четвертой квартили. Гораздо существеннее для предпринимателей наличие юридического образования (3,465E-09). При том, что юридическое образование имеют 18,8% опрошенных, их представительство в четвертой квартили почти шестикратно превосходит представительство в первой квартили. Естественно, что аналогичный эффект выявлен для практикующих

[14] Интересно, что та же логика отчетливо прослеживается в высказываниях представителей судебной власти в отношении судов.

юристов (1,051E-07). Таковыми объявили себя 13,6% респондентов, и в четвертой квартили их почти в шесть раз больше, чем в первой. С этими результатами корреспондируется значимая взаимосвязь, выявленная для практики предпринимателей по использованию источников информации о работе судов (доверительная вероятность 3,33E-05). Сторонники независимости судов чаще пользуются профессиональными источниками информации. Среди них прибегают к таким источникам 48% респондентов, между тем как во всей выборке их не более 32%. С другой стороны, сторонники представления о том, что суды – часть государственной карательной машины (первая квартиль переменной), предпочитают любительские источники информации (68%) против 49% во всей выборке.

Таким образом, мы видим, как совокупность нескольких переменных указывает на влияние образования и профессиональной причастности к юриспруденции на отношение к независимости судебной власти, причем и юридическое образование, и юридическая деятельность способствуют формированию позитивного отношения к независимости судебной власти. А вот позиция в бизнесе дала только один эффект (0,001): зависимость проявилась для менеджеров бизнеса, не располагающих правами владения. Таковых в первой квартили 26,8%, в то время как в четвертой квартили – почти в два раза больше.

Особняком стоит взаимосвязь, выявленная для предпочитаемых методов защиты своих интересов. В этом случае доверительная вероятность чуть ниже пятипроцентного уровня. Мы не рассматриваем подобные зависимости, но тут она заведомо не случайна, поскольку вписывается в общую картину. Поэтому мы не игнорируем ее. Выяснилось, что сторонники независимости судов чаще, чем во всей выборке (16,7%), пользуются легальными методами защиты своих интересов. В то же время респонденты из первой квартили почти в три раза чаще, чем их оппоненты по переменной (6,7%), прибегают к различным методам собственной внесудебной активности и почти в два раза чаще, чем сторонники независимости судебной власти, используют неформальные методы (29,2%).

Не менее интересные результаты были получены при анализе диспозиционных переменных. Важная зависимость установлена с типом институтов, пользующихся доверием. Здесь доверительная вероятность на грани нашего стандарта (0,013). Но важно, что она проявляется только в связи с отношением к судам. Она настолько

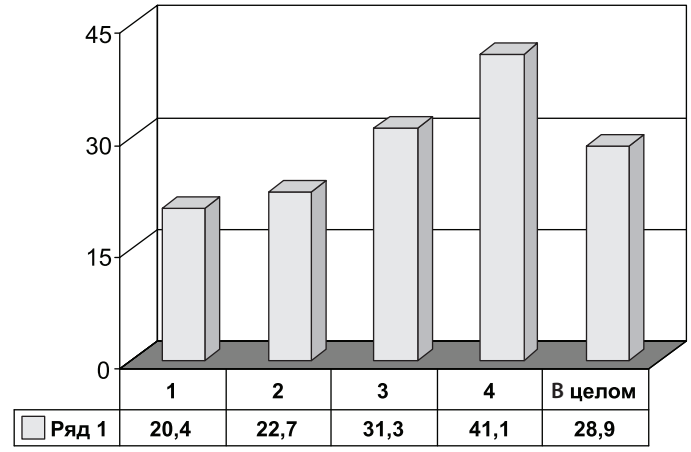


Рисунок 3.2.1. Частоты (в процентах) появления респондентов-предпринимателей, проявляющих доверие судебной власти по сравнению с остальными институтами, среди респондентов, принадлежащих разным квартилям переменной «Поддержка независимости судебной власти» (четвертая квартиль соответствует максимальной степени поддержки)

показательна, что заслуживает визуализации. Мы видим из диаграммы рисунка 3.2.1, что по мере возрастания поддержки независимости судебной власти возрастает уровень доверия к судебной власти; разрыв между полярными квартилями – в два раза.

Эта зависимость подтверждается другими, выявленными при анализе сопряженности переменной «Поддержка независимости судебной власти» с оценками респондентов суждений о судах и судьях из вопроса 2 анкеты – в частности, с вопросом 2 «Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты» (доверительная вероятность равна 0,001). В первой квартили согласных с этим утверждением в полтора раза больше (66,0 против 41,7%). Это логично: коррупция в судах служит привычным основанием для уменьшения независимости судебной власти.

Можно ожидать, что посредником между отношением к судам и поддержкой независимости судебной власти является опыт. Эта гипотеза подтверждается. Напомним, что респонденты поделены нами на две группы, позитивно и негативно оценивающие свой

последний опыт столкновения с судом. Анализ сопряженности показал наличие связи с доверительной вероятностью, равной 0,007. Структура зависимости вполне ожидаемая, в свете выдвинутой выше гипотезы: в первой квартили удовлетворенные и неудовлетворенные поделились примерно поровну (52,5% и 45,0%, соответственно); а в четвертой квартили доминируют удовлетворенные своим последним взаимодействием с судом (82,8% и 12,5%, соответственно). Посредническая роль опыта подтверждается проверкой анализом сопряженности между переменными «Поддержка независимости судебной власти» и «Тип предпочитаемых институтов» при разных значениях переменной «Тип оценки своего последнего опыта». Как и ожидалось, сопряженность между двумя первыми переменными внутри групп респондентов с различной оценкой своего опыта общения с судом оказалась существенно ниже исходной сопряженности. (Это при том, что сопряженность между типом предпочитаемых институтов и оценкой собственного опыта крайне высока.)

Таким образом, мы имеем право сформулировать вывод о том, что среди предпринимателей позитивный опыт взаимодействия с судом способствует формированию диспозиции поддержки независимости судебной власти. При этом важно подчеркнуть, что не выявлено влияния исхода процесса (в чью пользу вынесено решение) на ту же диспозицию. Но те же закономерности подсказывают другой важный вывод: негативный опыт, опыт хода процесса, а не его результата, подчеркиваем еще раз, способствуют формированию диспозиции поддержки контроля над судом. Напомним, что существенной частью оценки хода процесса являются компоненты процедурной справедливости. Значит, сталкиваясь с нарушением процедурной справедливости, респонденты видят выход не в обеспечении независимости суда, а в усилении контроля над ним исполнительной (в нашем случае) власти, не осознавая, что именно этот контроль и способствует укоренению нарушения процедурной справедливости.

3.3. Анализ взаимосвязей: Поддержка концепции естественного права

При анализе географии поддержки концепции естественного права в пространстве социальных позиций на выборке граждан снова

выявились отчетливые географические особенности (доверительная вероятность равна 9,93E-08). В Северо-Западном ФО чаще встречаются сторонники позитивизма (первая квартиль, приведенный стандартизированный остаток равен 3,4). А сторонники концепции естественного права (четвертая квартиль) с большей концентрацией встречаются в Сибирском ФО (3,5).

При сопоставлении поддержки концепции естественного права с диспозиционными переменными выявились, прежде всего, весьма высокие взаимосвязи с оценками состояния судебной власти и работой судей. В расположенной ниже таблице сведены вместе результаты анализа сопряженностей для различных переменных, образованных оценками респондентами различных утверждений из табличных вопросов или вопросов с простым выбором ответа. Приведены данные для первой и четвертой квартилей.

Таблица 3.3.1 дает вполне отчетливую и совершенно недвусмысленную картину: «позитивисты» переоценивают качество российского правосудия, а сторонники концепции естественного права его недооценивают.

Анализ сопряженностей с остальными переменными (как диспозиционными, так и позиционными) представим в виде небольшого социального портрета (таблица 3.3.2). Для удобства сопоставления и анализа портретов в их описаниях использованы краски из других типологий правосознания.

Данные приведенной таблицы позволяют прийти к следующим заключениям, касающимся выборки граждан. Во-первых, портреты весьма консистентны. Например, сторонники позитивистской концепции права одновременно поддерживают подконтрольность судебной власти и не поддерживают независимость судебных решений. Они полагают, что мировые судьи должны назначаться законодательными органами регионов. Их относительно положительная оценка судов подкрепляется доверием суду.

Точно так же сторонники концепции естественного права поддерживают независимость судебной власти и судебных решений. А негативная оценка судов сочетается у них с низким доверием к судебной власти. В остальном картина более сложная. Есть основания предполагать, что мы видим здесь наложение «двух фотографий на одном снимке». Первая фотография: носители правового нигилизма, предпочитающие решать свои проблемы с помощью «авторитетных людей».

Таблица 3.3.1

Результаты анализа сопряженностей между переменной «Поддержка концепции естественного права» и диспозиционными переменными, связанными с оценкой судов и судей для выборки граждан. Обозначения столбцов: N – номера вопросов и ответов или утверждений (знак минус означает, что используется вариант несогласия с утверждением); q – частота в процентах согласия с утверждением; res – значение приведенного стандартизированного остатка

N	Утверждение	1-я квартиль		4-я квартиль	
		q	res	q	res
1.1	Вполне можно жить, не нарушая законы	52,5	3,7	39,3	-3,8
1.2	Невозможно жить, не нарушая законы	30,2	-3,7	44,7	4,8
2.2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	66,3	-3,2	80,0	5,4
2.3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	30,9	5,0	14,3	-6,1
2.4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	59,1	-4,0	77,0	6,8
2.5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	48,2	4,5	32,5	-4,6
-2.6	Не согласен. У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	45,4	3,8	32,7	-3,6
2.7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	70,1	-3,1	80,1	3,4
-2.8	Не согласен. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	18,2	3,7	9,7	-3,3
3.1	Суды в России скорее независимы от руководства страны, региона	22,8	2,7	15,1	-2,9
3.2	Суды в России скорее подконтрольны руководству страны, региона	56,9	-1,2	67,2	4,8
4.1	В России все равны перед судом	24,1	5,2	10,3	-5,2
4.2	В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше	65,5	-4,8	82,3	6,0

Таблица 3.3.2

Социальные портреты сторонников позитивистской концепции права и сторонников концепции естественного права для выборки предпринимателей; в скобках даны приведенные стандартизированные остатки

Сторонники позитивистской концепции права (1-я квартиль)	Сторонники концепции естественного права (4-я квартиль)
	Имеют юридическое образование (3,7); При защите своих прав склонны обращаться к «авторитетным людям» (3,6).
Полностью доверяют российскому суду (4,0); Мировые судьи должны назначаться законодательными органами субъектов Федерации (3,1), а не избираться; Высокий социальный интеллект (3,0).	Скорее не доверяют российскому суду (4,0); Юридические профессии, пользующиеся уважением: нотариус (3,1) и юрист в коммерческой фирме (3,7); Целью судебного разбирательства является защита нарушенных прав и законных интересов граждан (3,1).
Сторонники контроля над судебной властью (3,4); Законопослушание выше среднего (3,1); Противники независимости судебных решений (4,1).	Поддерживают независимость судебной власти (8,4); Правовой нигилизм (3,9); Сторонники независимости судебных решений (11,2); Высокая нетерпимость к нарушению законов (5,4).

Вторая фотография: люди с юридическим образованием, нетерпимые к нарушению законов и полагающие, что целью судебного разбирательства является защита нарушенных прав и законных интересов граждан. Поэтому возможно, что мы снова наблюдаем два типа сторонников позитивистской концепции права. Первые – стихийные сторонники, для которых эта концепция является формой выражения недовольства судебной властью. Вторые – достаточно последовательные сторонники, для которых эта концепция является проявлением собственной правовой позиции.

Теперь посмотрим, какова картина на выборке предпринимателей. Взаимосвязи с позиционными переменными не богаты, но интересны. При изучении правосознания мы редко сталкиваемся с возрастом как переменной, вовлеченной в сеть взаимосвязей. Но в данном случае мы имеем дело с исключением (доверительная вероятность 0,007). Здесь зависимость проявилась только в первой квартили. Среди сторонников позитивистской концепции права респонденты появляются тем чаще, чем выше возраст. Во всей выборке респонденты до 40 лет и после 40 лет представлены примерно поровну, а в первой квартили они делятся в отношении 35 к 65%. Похоже, что здесь мы видим следы советского правосознания, что вполне ожидаемо в свете содержания данной переменной. Это наблюдение позволяет предположить, что по мере смены поколений установленное соотношение будет меняться в сторону концепции естественного права. Не менее интересно влияние юридического образования (0,001). В четвертой квартили таковых в четыре раза больше, чем в первой. Мы видим, что сочетание занятий бизнесом с юридическим образованием дает отчетливый эффект.

Теперь перейдем к диспозиционным переменным. Если в случае выборки граждан крайне существенным объясняющим фактором было отношение к судебной власти, то в данном случае это не так. Высказываний вопроса 2 о судах только одно из них – «Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система» – принесло ощутимую зависимость (2,673E-05). При общем уровне поддержки этого высказывания в 16,6%, в первой квартили поддерживающих его почти в три раза больше, чем в четвертой. Это всего лишь слабый отголосок влияния оценок, которое мы видели на выборке граждан.

Гораздо интереснее оказалась взаимосвязь с одним из вариантов ответа на вопрос 23 о том, какие цели судебного разбирательства респондент считает важными. Это ответ 6 «Защита от незаконного или необоснованного обвинения, недобросовестного или неквалифицированного расследования (дознания, следствия)» (1,92E-04). Всего такой вариант ответа выбрали 16,1% респондентов. При этом в первой квартили (сторонники позитивистской концепции права) их набирается 8,3%, а в четвертой квартили (сторонники концепции естественного права) – 26,9%. Более чем в три раза больше.

Не исключено, что такой выбор обусловлен личным опытом. Это предположение проверяется процедурой, в рамках которой та же

сопряженность анализируется внутри групп респондентов, поразному отвечающих на вопросы об опыте в судах. Если внутри всех таких групп (для одного вопроса, который мы будем называть контрольным) зависимость исчезает, то это означает, что отмеченная выше исходная зависимость действительно объясняется различиями между респондентами, фиксирующими в данном случае различия в их опыте. Однако это не подтверждается. Более того, установлен следующий факт: внутри групп респондентов, имеющих опыт взаимодействия с судом, такая зависимость исчезает, но в дополнительной к этой группе респондентов эта зависимость усиливается. Следовательно, установленная нами взаимосвязь, скорее всего, есть взаимосвязь между «чистыми» диспозициями и не зависит от опыта.

Тогда можно предположить следующее. Анализируемый вариант ответа на вопрос 23 касается самого болезненного для предпринимателей – тяжб с властью, связанных с постоянным административным давлением на бизнес. Позитивистская концепция права является здесь ненадежной правовой базой, ибо она подразумевает подконтрольность судов со стороны той власти, которая одновременно осуществляет давление на бизнес. Опасения, связанные с преследованиями со стороны власти, действительно могут не зависеть от личного опыта, ибо они пронизывают как информационную среду (в которой весомое место занимает обыденная коммуникация), так и всю жизнь предпринимателей.

В отличие от результатов, полученных на выборке предпринимателей, в данном случае не выявлено зависимости между поддержкой концепции естественного права и переменными «Законопослушание» и «Нетерпимость к нарушению законов». Но обнаружены такие же зависимости с двумя остальными переменными правосознания: поддержка концепции естественного права сопряжена с поддержкой независимости судов (4,04E-08) и судебных решений (1,55E-12). Мы установили эту зависимость выше, пользуясь количественными вариантами базовых переменных правосознания.

3.4. Анализ взаимосвязей: Законопослушание

При анализе сопряженностей с данной переменной выявлена одна важная особенность – существенные и разнообразные зависимости

с позиционными переменными. Прежде всего, отметим, уже по традиции, взаимосвязи с географией федеральных округов (доверительная вероятность равна 2,53E-10). Обнаружено, что законопослушные граждане чаще встречаются в Сибирском ФО (4,8), а в Дальневосточном ФО они в дефиците (-4,0). Носители низкого законопослушания легче обнаруживаются в Приволжском ФО (3,0). Среди них же несколько чаще встречаются граждане с неполным средним образованием (3,0), а среди законопослушных – граждане с юридическим образованием (3,7).

Интересно, как различия в законопослушании проявляются при выборе методов решения своих проблем (вопрос 25). Вот как в ответах на этот вопрос выглядит набросок портрета незаконопослушного гражданина. Он реже, чем законопослушные граждане заявляет, что его права никто не нарушает (-4,6). Но когда его права нарушаются, он чаще решает свои проблемы сам (4,2). Законопослушные респонденты чаще хвастаются, что их права никто не нарушает (3,6). А когда права все-таки нарушаются, то эти респонденты реже прочих прибегают к помощи друзей и родственников (-3,1) или «авторитетных людей» (-3,4).

Но самая интересная взаимосвязь выявлена с судебным опытом респондентов (вопрос 34, доверительная вероятность равна 1,22E-09). Установлено, что среди незаконопослушных чаще встречаются те, кто бывал в суде неоднократно (3,8), а среди законопослушных чаще попадаются те, кто бывал в суде только один раз (3,5). Существенного влияния отсутствия опыта на законопослушание не установлено. Похоже, что выбор одного из двух ответов определяет две группы респондентов. Первая, выбравшие ответ «Да, один раз», – это респонденты, для которых встреча с судом была частным эпизодом. Вторая, выбравшие ответ «Да, неоднократно», это респонденты, привычно взаимодействующие с судом. Возникает вопрос, почему вторая группа демонстрирует меньшую законопослушность, что следует из проведенного анализа сопряженностей. Возможные варианты ответов: первый – взаимодействие с судом «воспитывает» низкое законопослушание; второй – пониженное законопослушание приводит к более частому общению с судом. Фактически две эти альтернативы заданы направленностью возможной причинной зависимости. Попытки прямой проверки по данным опроса не дали результата.

Теперь перейдем к описанию результатов анализа сопряженностей с диспозиционными переменными. Первый важный результат – существенная зависимость законопослушания от оценки судебной власти и судей, что отразилось, прежде всего, в оценках суждений из вопроса 2 (см. таблицу 3.4.1).

Таблица 3.4.1

Результаты анализа сопряженностей между переменной «Законопослушание» и диспозиционными переменными, связанными с оценкой судов и судей для выборки граждан. Обозначения столбцов: N – номера вопросов и ответов или утверждений (знак минус означает, что используется вариант несогласия с утверждением); q – частота в процентах согласия с утверждением; res – значение приведенного стандартизированного остатка

N	Утверждение	1-я квартиль		4-я квартиль	
		q	res	q	res
1.1	Вполне можно жить, не нарушая законы	35,4	-5,9	58,5	7,4
1.2	Невозможно жить, не нарушая законы	47,7	6,5	26,3	-6,2
-2.1	Не согласен. Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	49,4	-1,0	57,5	3,7
-2.3	Не согласен. Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	57,9	3,4	45,7	-3,6
2.5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	34,1	-3,5	48,8	5,0
2.6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	50,7	6,5	32,0	-4,4
2.9	Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела	27,4	5,9	12,5	-5,0
4.1	В России все равны перед судом	11,6	-4,1	21,1	3,1
4.2	В России к богатым и влиятельным в судах относятся лучше	80,1	4,4	69,7	-2,3

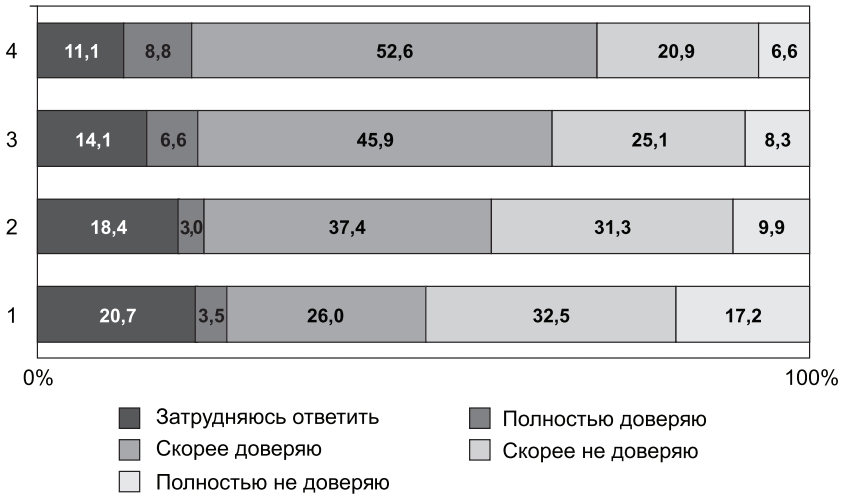


Рисунок 3.4.1. Распределение частот (в процентах) выбора ответов на вопрос 9 «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?» среди респондентов выборки граждан, принадлежащих разным квартилям переменной «Законопослушание» (четвертая квартиль соответствует максимальной степени законопослушности)

Как и выше, мы находим в таблице 3.4.1 убедительное подтверждение взаимосвязи между законопослушностью и оценкой судей и судебной власти: законопослушность корреспондируется с положительной оценкой, а правовой нигилизм – с отрицательной. Как упоминалось выше, это может быть проявлением снятия когнитивного диссонанса незаконопослушными гражданами.

Неудивительно, что установленная выше зависимость сопровождается другой – между анализируемой переменной и доверием к судебной власти; доверительная вероятность крайне низка – 9,023E-38. Форма этой зависимости представлена на диаграмме рисунка 3.4.1. Мы видим здесь предельно отчетливую взаимосвязь: рост законопослушания сопровождается ростом доверия к суду.

Завершая описание, отметим, что законопослушность респондентов подкрепляется их поддержкой независимости судов и судебных решений. А незаконопослушные отличаются повышенным доверием к СМИ (3,1), считают самой престижной профессию юриста

Таблица 3.4.2

Результаты корреляционного анализа (выборка граждан) между шкалами трех переменных: «Законопослушание», «Поддержка концепции естественного права» и «Качество правосудия». В каждой клетке таблицы приведены значения коэффициентов корреляции и доверительной вероятности. Выше диагонали расположены коэффициенты корреляции, а ниже – коэффициенты частной корреляции при третьей контролирующей переменной

	Качество правосудия	**Поддержка концепции естественного права**	**Законо-послушание**
Качество правосудия		-0,162 2,901E-16	0,156 1,410E-15
Поддержка концепции естественного права	-0,144 2,16E-12		-0,060 0,003
Законопослушание	0,159 8,69E-15	-0,036 0,079	

в фирме (3,1), терпимы к нарушению законов и поддерживают концепцию естественного права.

Мы снова сталкиваемся с эффектом высокого влияния отношения к суду, и снова возникает вопрос о возможных статистических причинных зависимостях. Теперь у нас есть возможность вернуться к проверке альтернативных гипотез. Для этого мы воспользуемся числовой переменной и типологией «Качество правосудия», построенными в параграфе 6.1 Части 1 по ответам на вопрос 2 «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?».

Рассмотрим линейные корреляции между этой переменной и двумя переменными правосознания «Законопослушание» и «Поддержка концепции естественного права», а затем частные корреляции между теми же переменными при использовании третьей переменной в качестве контролирующей. Результаты этого анализа приведены в таблице 3.4.2.

Мы видим из данных таблицы 3.4.2, что есть единственная пара переменных, у которой при переходе к частным корреляциям происходит существенное падение коэффициента корреляции, а доверительная вероятность растет так, что гипотеза о независимости не может быть отклонена. Это пара «Законопослушание» и «Поддержка концепции естественного права». Отсюда следует, что именно оценка респондентами судов и судей в большей степени влияет на две остальные переменные, нежели наоборот. Это является косвенным подтверждением того, что на указанные переменные в большей степени влияют диспозиции, чем практика. Данный вывод распространяется на выборку предпринимателей.

А теперь посмотрим, что получается при анализе выборки предпринимателей. Позиционные переменные проявили себя при анализе взаимосвязей только в двух случаях. Первый: оказалось, что наличествует сопряженность между законопослушанием и типом населенного пункта (доверительная вероятность равна 0,005). Здесь зависимость проявляется только в малых городах: законопослушные (четвертая квартиль) в них представлены долей в 8% (при 4,2% во всей выборке), а в первой квартили – 0,7% – одиннадцатикратное различие! Второй случай: выбор методов защиты своих интересов (0,007). В этом случае зависимость проявилась в том, что среди слабо законопослушных выше доля тех, кто готов прибегать к неформальным методам защиты своих интересов (тут они встречаются почти в два раза чаще, чем среди законопослушных респондентов). Эта взаимосвязь вполне естественна, а потому может служить еще одним подтверждением валидности построенной шкалы. Характерно, что мы не обнаруживаем взаимосвязей с практикой взаимодействия с судами.

При анализе диспозиционных переменных мы обнаруживаем картину, весьма сходную с той, что видели чуть выше на выборке граждан. Начнем с описания сопряженностей с переменными, характеризующими отношение респондентов к судам и судьям. Сделаем это в таком же табличном виде, как и выше.

В таблице 3.4.3 обнаруживаются сравнительно низкие значения приведенных стандартизированных остатков. Мы не игнорируем эти зависимости по двум причинам. Первая: доверительные вероятности всегда растут при уменьшении выборки, хотя разница в условных частотах не изменяется. Вторая: мы видим подтверждения одной и той же закономерности. Снова, как и выше, рост законопослушания сопровождается ростом частоты положительной оценки работы судов

Таблица 3.4.3

Результаты анализа сопряженностей между переменной «Законопослушание» и диспозиционными переменными, связанными с оценкой судов и судей для выборки предпринимателей. Обозначения столбцов: N – номера вопросов и ответов или утверждений (знак минус означает, что используется вариант несогласия с утверждением); q – частота в процентах согласия с утверждением; res – значение приведенного стандартизированного остатка

N	Утверждение	1-я квартиль		4-я квартиль	
		q	res	q	res
1.1	Вполне можно жить, не нарушая законы	23,5	-3,4	46,0	3,3
2.2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	66,4	2,2	44,0	-4,2
2.5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	28,9	-2,2	48,7	3,6
2.6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	44,3	3,9	20,0	-3,5
-2.7	Не согласен. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	11,4	-2,6	26,0	2,8
2.8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	64,4	2,7	46,0	-2,5
65.1	С помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата	38,9	2,7	16,0	-4,4

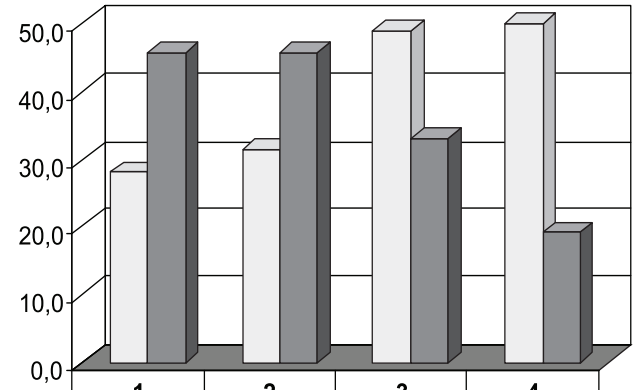
и судей. И снова в связи с этим возникает гипотеза об объяснении наблюдаемых зависимостей эффектом снятия когнитивного диссонанса. В данном случае она получает косвенное подтверждение. Обратим внимание на утверждение 2.6 в таблице 3.4.3. Похоже, отношение к неприкосновенности судей тут ни при чем; дело просто еще в одном

способе выражения негативной оценки суда. Это косвенно подтверждается тем, что отсутствует взаимосвязь между переменной «Законопослушание» и ответами на вопрос 24 о необходимости независимости судов, если предположить, что респонденты трактуют неприкосновенность судей как один из факторов независимости судебной власти.

Здесь же обнаруживается более убедительное подтверждение гипотезы о снятии когнитивного диссонанса. Различия между законопослушными предпринимателями и их антиподами становится предельно резким, когда задается вопрос об оценке коррупционной практики самих предпринимателей, а не судей. Это вопрос 68 «А реально приходится ли бизнесменам, ведущим такой же бизнес, как Ваш, давать взятки в судах для того, чтобы было вынесено благоприятное для них решение?». Взаимосвязь между ответами на этот вопрос и законопослушанием характеризуется доверительной вероятностью, равной (6,916E-06). Наиболее радикальный ответ «Да, почти всегда» находит поддержку в первой квартили на уровне 19,5%, а в четвертой – только 1,3%. Предельно резкое отличие. Тут мы сталкиваемся с распространенным приемом снятия когнитивного диссонанса с помощью тезиса «Все плохие», что дает веское подтверждение тому, что диспозиции правовых нигилистов в значимой степени определяются эффектом снятия когнитивного диссонанса.

В связи с оценкой предпринимателями судов и судей характерно, что именно в данном случае для переменной «Законопослушание» выявлена взаимосвязь с вопросом 9 «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?» (доверительная вероятность равна 1,26E-5, что очень мало для небольшой выборки). Причем различия проявились не на полюсах, а на умеренных оценках, что наблюдалось время от времени и на других переменных при данном анализе. Структура зависимости представлена на рисунке 3.4.2. Она вполне отчетлива и показывает, что рост законопослушания сопряжен с ростом доверия.

В случае выборки предпринимателей приведенная зависимость подкрепляется весьма убедительно еще одной – с переменной «Тип институтов, пользующихся доверием». Здесь выявлена высокая зависимость с очень низкой доверительной вероятностью (3,66E-10). Структура зависимости такова. В первых двух квартилях (законопослушность ниже медианной) доверяющие преимущественно судам представлены долями в 14,8 и 25,9%, соответственно. В двух следующих квартилях преимущественное доверие к судам характеризуется долями в 41,4 и 34,0%, соответственно. Возможно, что опять мы имеем



	1	2	3	4
Скорее доверяю	28,2	31,6	49,0	50,0
Скорее не доверяю	45,6	45,6	33,1	19,3

Рисунок 3.4.2. Частоты выбора двух ответов (в процентах) на вопрос 9 «Насколько Вы в целом доверяете российскому суду?» среди респондентов выборки предпринимателей, принадлежащих разным квартилям переменной «Законопослушание» (четвертая квартиль соответствует максимальной степени законопослушности)

дело с эффектом снятия когнитивного диссонанса. Противоположная картина в доверии к СМИ. Низкая законопослушность корреспондируется с доверием к СМИ. Возможно, это связано с тем, что через СМИ распространяется, в основном, негативная информация о судах. Напомним, что при этом нет зависимости от собственного опыта взаимодействия с судами. Возможно, влияние СМИ здесь выше, чем влияние опыта.

Последняя гипотеза легко проверяема, если в качестве контрольной переменной взять построенную нами типологию «Тип используемых источников информации о судах». Анализ сопряженностей показывает, что внутри типов респондентов, определяемых этой типологией, анализируемая зависимость между законопослушанием и типом институтов, пользующихся доверием, исчезает. В трех классах этой типологии доверительная вероятность оказывается следующей: тип «несистематический выбор» – 0,011; тип «профессиональные источники» – 0,278; тип «любительские источники» – 0,515. Отсюда

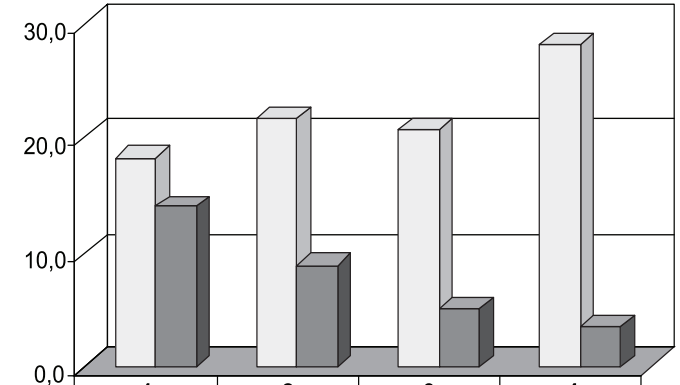
следует, что негативная пропаганда в отношении судов, распространяемая по каналам массовой информации, помимо формирования негативного отношения к судам, способствует снятию когнитивного диссонанса у предпринимателей, склонных к низкому законопослушанию. А это означает, что она способствует его формированию. Отсюда не вытекает запрет на распространение объективной отрицательной информации о работе судов. Просто она должна дополняться информацией о позитивных примерах.

Завершим описание результатов анализа взаимосвязей в портретном стиле. Незаконопослушные являются противниками независимости судов (2,6) и судебных решений (4,9). Они считают, что «с помощью взяточничества в судах всегда можно достичь желаемого результата» (2,8). Но, будучи, видимо, стихийными демократами, они считают правильным выбирать мировых судей (3.1) Законопослушные предприниматели амбивалентны относительно других переменных правосознания. Поэтому неудивительно, что они являются сторонниками назначения мировых судей (3,7). Для них, что естественно, целью судебного разбирательства является восстановление законности (3,3). Надо сказать, что размежевание относительно способов легитимации мировых судей частично объясняется влиянием патерналистских настроений. Видимо, наше законопослушание имеет своими корнями не уважение к праву, а уважение к его предполагаемому источнику – власти.

В заключение приятно добавить, что построение переменной «Качество правосудия», аналогичной той, что была описана выше для выборки граждан, и использование ее для такого же анализа частных корреляций дали тот же самый результат. Мы получили еще одно подтверждение важности оценки правосудия для формирования диспозиций правосознания.

3.5. Анализ взаимосвязей: Поддержка независимости судебных решений

Как это было и выше для выборки граждан, мы начнем описывать результаты анализа сопряженностей переменной «Поддержка независимости судебных решений» с дежурного географического сюжета. На этот раз степень сопряженности весьма высока (доверительная



	1	2	3	4
Приволжский ФО	18,3	21,7	20,8	28,2
Москва	14,0	8,9	5,2	3,6

Рисунок 3.5.1. Частоты (в процентах) появления в различных квартилях переменной «Поддержка независимости судебных решений» респондентов выборки граждан из Москвы и Приволжского ФО (четвертая квартиль соответствует максимальной степени поддержки)

вероятность равна 7,68E-22), а вид зависимости настолько впечатляющ, что вполне достоин визуализации. Мы видим на диаграмме рисунка 3.5.1, в частности, что москвичей больше шансов встретить среди противников независимости судебных решений, чем среди сторонников, причем разница многократна.

Интересно, что похожее распределение представительства по квартилям анализируемой переменной имеют жители небольших городов размером от 20 до 50 тыс. человек (доверительная вероятность равна 2,33E-14). (Хоть в чем-то Москва оказывается похожей на коренную Россию.) Добавим к этому, что сторонники независимости судебных решений при защите своих прав чаще других обращаются в юридическую консультацию (3,8) или в суд (3,4).

Но самая важная зависимость установлена с практикой взаимодействия граждан с судебной властью, а именно – с вопросом 34 «Были ли Вы когда-либо участником судебного разбирательства?» (доверительная вероятность равна 3,95E-06). Посмотрим, как выглядит эта зависимость по данным таблицы 3.5.1.

Таблица 3.5.1

Частоты (в процентах) выбора ответов на вопрос 34 «Были ли Вы когда-либо участником судебного разбирательства?» внутри квартилей переменной «Поддержка независимости судебных решений» для выборки предпринимателей

Ответ	Номер квартиля			
	1	2	3	4
Да, неоднократно	13,0	11,2	14,2	17,0
Да, один раз	18,4	22,3	24,3	26,6
Нет	64,6	64,1	58,7	55,1

Мы видим из таблицы, что чем выше поддержка независимости судебных решений, тем больше шансов, что респондент имел однократный или многократный опыт общения с судом, и, наоборот, тем меньше шансов отсутствия такого опыта. Важно подчеркнуть, что при этом нет никакой зависимости от качества опыта, от того, в чью пользу было вынесено решение. Не выявлено также зависимостей от многочисленных других нюансов последнего опыта, фиксируемого нашей анкетой. Остается пока открытым важный вопрос о направленности возможной причинной статистической зависимости: влияет ли практика на формирование диспозиций относительно независимости судебных решений или сформированные ранее диспозиции способствуют или препятствуют активности такой практики. Общие соображения подсказывают, что первое предположение ближе к жизни.

Теперь рассмотрим результаты, порожденные анализом диспозиционных переменных. С учетом предшествующего изложения, прежде всего, интересен вопрос, насколько на диспозиции относительно независимости судебных решений влияет оценка судов и судей. Сразу следует сказать, что такой последовательной, как выше, зависимости не выявлено. Исключение составляют два специфических случая. Первый случай – взаимосвязь с утверждением 2.6 «У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно». Противники независимости судебных решений, естественно, поддерживают это суждение (4,4), а сторонники – отрицают (3,4). Но здесь, что очевидно, размежевание идет именно по линии отношения к независимости судебных решений, а не по линии отношения

Таблица 3.5.2

Социальные портреты противников и сторонников независимости судебных решений; в скобках даны приведенные стандартизированные остатки (выборка граждан)

Противники независимости судебных решений (1-я квартиль)	Сторонники независимости судебных решений (4-я квартиль)
Совершенно не интересуются информацией о работе судов (4,1); Считают, что суды скорее независимы от руководства страны (4,0). Наиболее уважаемый вид юридической деятельности – юрист в государственном учреждении (2,8).	В некоторой степени интересуются информацией о работе судов (4,1); Считают, что суды скорее подконтрольны руководству страны (3,0); Целью судебного разбирательства считают восстановление законности (3,7) или защиту нарушенных прав (4,4); Тип институтов, пользующихся доверием, – суды (4,0).

к суду и судьям. Это подтверждается тем обстоятельством, что отсутствует зависимость между анализируемой переменной и оценкой судебной власти в соответствующих вопросах. Второй случай – утверждение 9 «Судьи слишком неквалифицированны, чтобы грамотно решать дела». С этим утверждением согласны противники независимости судебных решений (2,9) и не согласны сторонники (4,8). При этом опыт и оценка суждения 2.9 независимы. Опыт, между тем, оказывает некоторое влияние. Те, кто не имел опыта общения с судами, возражают против отрицательной оценки квалификации судей, что естественно. Можно ли поддерживать самостоятельность решений неквалифицированных судей? А среди тех, кто имеет опыт неоднократного общения с судами, нет зависимости между отношением к независимости судебных решений и оценкой квалификации судей.

Теперь рассмотрим прочие диспозиции противников и сторонников независимости судебных решений в табличной форме (таблица 3.5.2).

Здесь, при картине в целом консистентной, есть одна существенная деталь. Сторонники независимости судебных решений считают важной целью судебного разбирательства защиту нарушенных прав. Это, с большой вероятность, означает тяжбы с властью, при которых независимость судебных решений является важным условием справедливого решения. Это служит добавочным подтверждением

самостоятельности поддержки независимости судебных решений как компоненты правосознания.

Теперь рассмотрим результаты анализа взаимосвязей той же переменной для выборки предпринимателей. Единственная позиционная переменная, продемонстрировавшая значимую взаимосвязь с анализируемой переменной, оказалась, тем не менее, весьма показательной. Это были ответы на вопрос 42 «Сначала уточним, когда-либо принимали Вы лично, Ваш адвокат или Ваш законный представитель участие в судебном разбирательстве по решению проблемы своего бизнеса?» (доверительная вероятность равна 2,57E-05). В четвертой квартили имевшие опыт участия в судебном процессе встречаются в два раза чаще, чем в первой. Возможно, тут мы имеем дело с диспозицией, индуцированной практикой.

Теперь рассмотрим результаты анализа диспозиционных переменных. Здесь мы имеем интересный результат, состоящий в том, что связь выявлена только с остальными переменными правосознания, кроме нетерпимости к нарушению законов. Это подтверждает факт, установленный выше при корреляционном анализе шкал. Единственный вопрос, с которым была установлена взаимосвязь, это вопрос 24 «С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что, наоборот, должны быть ему подконтрольны?». Это было зафиксированное раньше подтверждение валидности построенной переменной. Анализ частных корреляций между шкалами пяти переменных правового сознания подтвердил структуру, выявленную на выборке граждан и представленную на диаграмме рисунка 3.1.1 за двумя исключениями. Первое – меньшая контрастность структуры. Второе – переменная «Нетерпимость к нарушению законов» изолирована от остальных.

3.6. Анализ взаимосвязей: Нетерпимость к нарушению законов

Мы начнем описание результатов для выборки граждан с двух дежурных переменных, географической и оценочной. Уже привычно мы наблюдаем различные географические аномалии. В данном случае выявилось, что в Северо-Западном округе несколько повышена концентрация нетерпимых к нарушению законов (3,1), а в Москве

Таблица 3.6.1

Результаты анализа сопряженностей между переменной «Нетерпимость к нарушению законов» и оценками судов и судей из вопроса 2 «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?» для выборки граждан. Обозначения столбцов: N – номера утверждений (знак минус означает, что используется вариант несогласия с утверждением); q- – частота в процентах несогласия с утверждением; res – значение приведенного стандартизированного остатка

N	Утверждение	1-я квартиль		4-я квартиль	
		q-	res	q-	res
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	41,8	-3,9	56,9	3,0
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	46,9	-2,1	58,5	3,5
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	35,8	-2,0	46,2	3,0
9	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно	48,8	-1,1	57,6	3,2

также несколько чаще (3,3) можно встретить умеренных противников нарушения законов. Довершая географическую тему, добавим, что решительные противники нарушения законов с повышенной вероятностью встречаются в городах с населением от 200 до 500 тыс. населения.

Теперь рассмотрим взаимосвязи с оценками судов и судей из вопроса 2 «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?». Они, как и выше, представлены в табличном виде (таблица 3.6.1). Отличие от подобных предшествующих таблиц состоит в том, что в данном случае различия проявились только для несогласий с утверждениями и не было существенных различий в проявлениях согласия.

К приведенным в таблице данным следует добавить следующее. В трех из четырех случаях (суждениях) более контрастными были различия не между первым и четвертым квартилями, а между вторым и третьим. Поэтому вполне допустима версия полученного результата, согласно которой выражаемые респондентами согласия-несогласия относятся не к суду или судьям, а к экстремальным позициям, задаваемым суждениями. Такое предположение подтверждается тем фактом, что не выявлены зависимости между типологией «Нетерпимость к нарушению законов» и вопросами анкеты, ответы на которые также выражают оценку судов. Итак, мы можем зафиксировать, что оценка судов и судей не влияет на нетерпимость к нарушению законов. Что касается прочих позиционных и диспозиционных переменных, то попытки составить социальные портреты не привели к успеху. Выявленные не очень существенные и немногочисленные зависимости не образуют какой-либо связной картины. Еще в большей степени это касается выборки предпринимателей.

В заключение мы можем обобщить результаты нашего анализа всех базовых переменных правосознания в виде графического представления укрупненной структуры правового сознания. Она является расширением структуры, представленной выше на рисунке 3.1.1. Расширение осуществляется за счет переменных, продемонстрировавших достаточно высокую и интерпретируемую взаимосвязь с пятью базовыми переменными правосознания. Использовался тот же метод корреляционных плеяд, что и выше. Результат этого расширения представлен графом на рисунке 3.6.1. Мы видим, что зависимость с основными переменными выявлена у следующих дополнительных переменных:

– доверие к судебной власти;

– представление о процедурной справедливости как главной цели судебного разбирательства;

– представление об абстрактных целях (восстановление справедливости, восстановление законности) как главной цели судебного разбирательства;

– практика взаимодействия с судом;

– оценка качества правосудия.

Напоминаем, что мы можем говорить о структуре правового сознания в узком смысле, имея в виду структуру, базирующуюся на небольшом числе специально выделенных переменных. В нашем случае это структура, представленная графом на рисунке 3.1.1. Мы можем

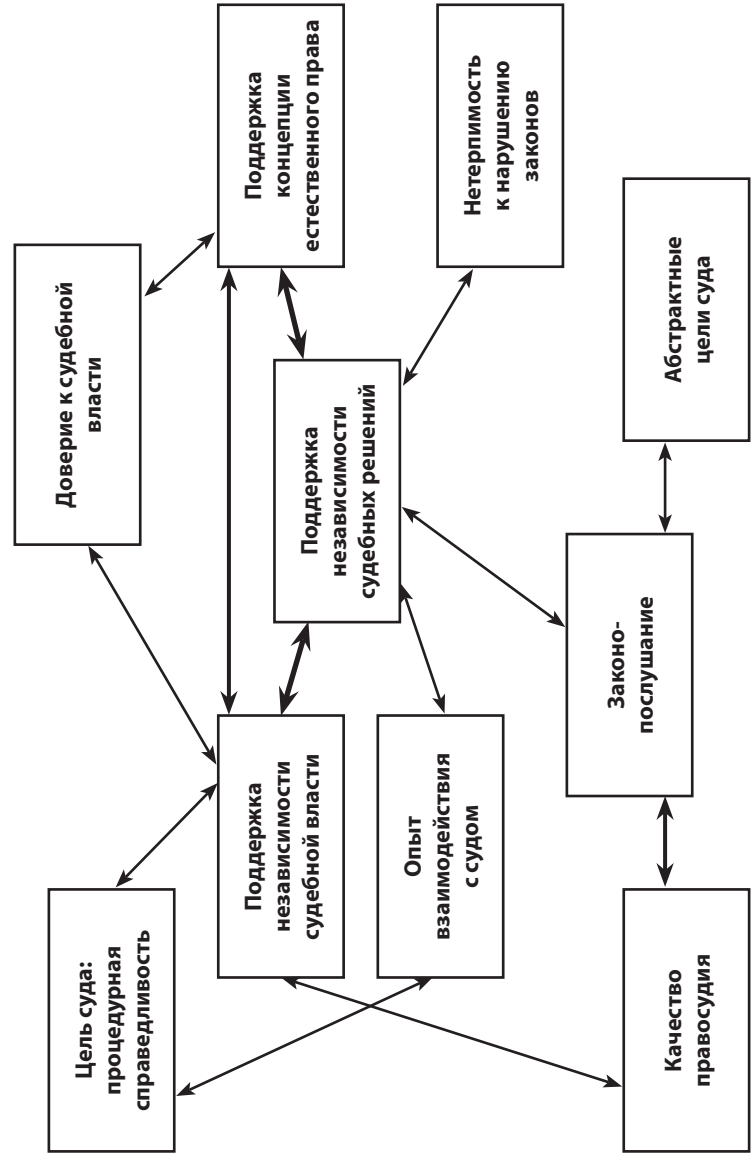


Рисунок 3.6.1. Граф укрупненной структуры взаимосвязей между переменными правосознания

также говорить о структуре правового сознания в широком смысле. В этом случае к основным переменным добавляются новые, взаимосвязанные с первыми. В нашем случае это структура, представленная графом на рисунке 3.6.1.

Говоря о последней структуре, считаем важным указать на два обстоятельства. Первое: структура правосознания в широком смысле содержит переменную, характеризующую практику респондентов. Именно судебная практика связывает пространства позиций и диспозиций в нашем случае. Второе: непосредственно к структуре правосознания в узком смысле примыкает важная переменная, выражающая представления респондентов о процедурной справедливости как главной цели судебного разбирательства. Можно сказать без преувеличения, что это еще одно свидетельство появления признаков современного правосознания.

Обсуждение результатов частей I и II

Главный вопрос: состоятельность результатов

Можно сказать без преувеличений, что для нас многие результаты двух наших опросов оказались весьма неожиданными. Поэтому главный вопрос, который стоял перед нами и который наверняка возникнет у читателей, очевиден: насколько можно доверять полученным данным и сделанным выводам? Наш ответ: доверять можно. Во-первых, мы увидели характерные сходства и различия, полученные на выборках граждан и предпринимателей (при том, что опросы проводились разными агентствами). Сходства выявлены там, где они были ожидаемы, а расхождения, естественно, объясняются различиями в габитусах. Во-вторых, мы неоднократно фиксировали консистентность ответов, когда это касалось диспозиций, а противоречия также естественно объяснялись процессом трансформации системы диспозиций в отношении поля права, сопровождающим трансформацию самого поля. В-третьих, при построении наших анкет мы предусматривали возможности внутреннего контроля состоятельности полученных данных. Некоторые такие «ловушки» использовались в тексте выше. Остальные мы не хотели бы обсуждать подробно, но можем сказать: сомнительных противоречий мы не выявили.

Но очевидно, что такое объяснение нельзя признать ни исчерпывающим, ни достаточно убедительным. Поэтому прибегнем к другой системе аргументов – сравнению наших результатов с результатами других исследований там, где такие сопоставления возможны. Мы будем использовать три источника. Первый: электронные таблицы результатов опросов Левада-центра, которые любезно предоставляются Фонду ИНДЕМ на регулярной основе, за что мы выражаем нашим коллегам искреннюю благодарность. Второй: электронный архив результатов опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ),

общедоступный по адресу *http://bd.fom.ru/cat/power/pow_jus*. Третий источник – доклад Центра Социального Прогнозирования о результатах проекта «Социологическое исследование по изучению отношения граждан Российской Федерации к деятельности органов судебной власти», осуществленного в 2005 г. Поскольку все опросы, проводившиеся перечисленными организациями, осуществлялись на общероссийских репрезентативных выборках, то сравнение будет проводиться только для нашей выборки граждан.

Начнем с данных о практике взаимодействия граждан с судебной властью. Согласно июньскому опросу Левада-центра 2009 г., 6,2% респондентов хотя бы раз были участниками судебного процесса в течение последнего года. По ответам на вопрос 35 нашей анкеты легко установить, что аналогичная доля выборки граждан составляет 6,4%. Совпадение более чем убедительное. По данным ФОМа 2008 г., 20% респондентов хотя бы раз обращались в суд по собственной инициативе. Наши данные дают статистически неразличимый результат: 18,1%. Чуть меньшая доля в нашем случае может объясняться тем, что мы разрешали респондентам использовать ответ «Затрудняюсь ответить».

Далеко не всегда сопоставление дается так же легко. Дело в том, что в нашем исследовании мы более аккуратно и подробно изучаем практику респондентов. В частности, мы спрашивали их о том, попадали ли они когда-нибудь в ситуацию, когда возникала потребность обратиться в суд для защиты своих прав и интересов. Затем, предлагая обратиться к такой последней ситуации, спрашивали, реализовали ли они свое намерение, а потом выясняли, было ли доведено дело до суда и было ли вынесено решение. Наш опыт изучения социальных практик показывает, что только при таком тщательном подходе можно получать интерпретируемые данные. Сопоставление затрудняется всякий раз, когда в других исследованиях мы сталкиваемся с менее тщательным подходом. В частности, в исследовании Центра Социального Прогнозирования вопрос задавался примерно так: «Как часто приходилось обращаться в суд?» Выяснено, что 26% респондентов ни разу не обращались в суд. Это с точностью до десятых совпадает с долей респондентов, которые в нашем опросе утверждали, что у них ни разу не возникала потребность обращаться в суд. Числовое совпадение здесь не должно обольщать, хоть оно и приятно, в силу несовпадений возможных трактовок респондентами вопросов и по причине явных различий в совокупностях жизненных ситуаций, которые в обоих случаях стоят за утвердительными ответами.

В опросе ФОМа, проведенном 12 июня 2008 г., был задан следующий вопрос: ***«По Вашему мнению, в Вашей области (крае, республике) суды действуют независимо от руководства области (края, республики) или они в своей деятельности зависят от руководства области (края, республики)?»*** Ответ «Затрудняюсь ответить» выбрали 45% респондентов. Остальные ответы распределились между двумя следующими ответами: «» и «». Если вычислить отношение между долями респондентов, выбравших первый или второй варианты ответов, приведенных в формулировке вопроса, то получится величина, равная 0,31. Теперь обратимся к нашему опросу. В нашей анкете был задан вопрос в следующей формулировке: ***«По Вашему мнению, суды в России скорее независимы от руководства страны, региона или, наоборот, скорее ему подконтрольны?»*** Ответ «Затрудняюсь ответить» выбрали 45% респондентов. Если подсчитать то же самое отношение частот двух оставшихся ответов, то получится величина, равная 0,32. Такое впечатляющее совпадение позволяет сделать вывод о наличии достаточно устойчивой диспозиции в отношении независимости судов, независимой даже от нюансов формулировки. Последняя независимость объясняется, видимо, нерасчлененностью представления о внешнем властном влиянии на суды.

Следует признать, что далеко не всегда мы сталкиваемся с подобными впечатляющими совпадениями. В том же опросе ФОМа задавался вопрос в иной модальности: ***«Одни полагают, что суды в своей деятельности должны быть независимы от руководства страны. Другие полагают, что в своей деятельности суды должны быть подконтрольны руководству страны. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?»*** При 23% воздержавшихся первая точка зрения популярнее второй с разницей в 3%. В нашем опросе этот вопрос звучал похоже: ***«С какой точкой зрения Вы скорее согласны: что суды в России должны быть независимы от руководства страны или что, наоборот, должны быть ему подконтрольны?»*** При 20% воздержавшихся в нашем случае первая точка зрения была популярнее второй на 7,4%. Здесь совпадают только победители, но различие в убедительности победы может быть не случайным. Объяснение, как представляется, можно найти в различиях контекстов. Мы не располагаем текстом анкеты ФОМа, но знаем, что они постоянно задают вопросы о доверии (оценке деятельности) президенту и премьеру. Если такой вопрос предшествует вопросам о судах, то он может задавать контекст, который и уравнивает частоты двух

сравниваемых ответов (в наших опросах деятельность двух лидеров не затрагивалась).

Как бы то ни было, приведенные выше (как и не приведенные, но осуществленные) сравнения позволяют сделать вывод о том, что и ответы о практике, и ответы, проявляющие диспозиции респондентов, сопоставимы, когда это возможно, с результатами других исследований. Они позволяют подтвердить наше утверждение о состоятельности полученных результатов. Наблюдаемые расхождения находят объяснение либо в различиях формулировок, либо в различиях контекстов.

Элементы динамики

Сопоставление наших результатов с данными других исследований позволяет решить еще одну важную задачу: оценку динамики. Мы воспользуемся для этого табличным вопросом 22, в котором респондентам предлагалось поддержать или отклонить возможность нарушить закон в нескольких различных ситуациях. Этот вопрос был с некоторыми текстовыми модификациями и незначительным изменением набора ситуаций заимствован из анкеты исследования Центра Социального Прогнозирования. В Части 2 книги этот вопрос использовался для построения одной из базовых переменных правосознания – «Нетерпимость к нарушению законов».

При некоторых изменениях вопроса, предпринятых нами, шесть ситуаций идентичны, и поскольку респонденты оценивают каждую ситуация отдельно, мы можем попытаться сравнить их ответы в 2005 и 2008 гг. Первое, что бросается в глаза при таком сравнении, это высокая доля затруднившихся ответить в 2005 г. Средний процент выбора такого ответа респондентами исследования Центра Социального Прогнозирования составил почти 48%. Спустя четыре года в нашем исследовании этот средний процент упал до 18%. Такое различие затрудняет сопоставление частот согласия или несогласия. Но можно пойти по другому пути: вычислить отношение частоты несогласия к сумме частот согласия и несогласия, т.е. узнать долю высказавшихся против нарушения закона в данной ситуации среди тех, кто дал один из определенных ответов. Чем выше такая доля, тем выше уровень нетерпимости к нарушению законов. Результаты вычисления

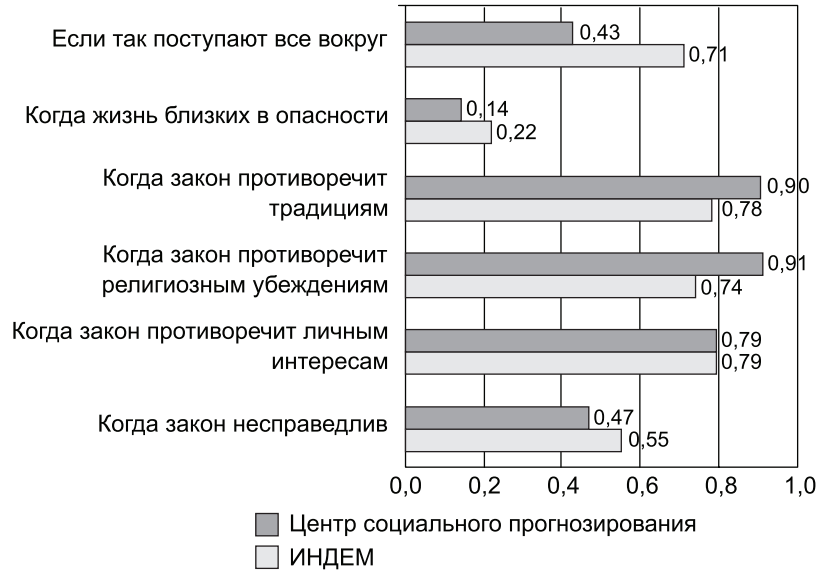


Рисунок 1. Отношение процента несогласия к сумме процентов согласия и несогласия при ответах-оценках суждений на вопрос о допустимости нарушения законов по шести ситуациям по данным исследований Центра социального прогнозирования (2005 г.) и Фонда ИНДЕМ (2008 г.)

такой величины для шести ситуаций по двум опросам 2005 и 2008 гг. приведены на рисунке 1.

Итак, сопоставление, которое мы сделали, позволяет прийти к ряду существенных заключений. Первое – самое главное различие, которое мы вправе зафиксировать, состоит в следующем. Спустя три года респонденты гораздо увереннее выносят суждения относительно допустимости или недопустимости нарушать закон в различных ситуациях. Можно предположить, что это свидетельство роста социального интеллекта относительно сферы поля права. Это всего лишь гипотеза, пока не имеющая убедительного подтверждения, но весьма правдоподобная. Действительно: ясно, что двадцать лет назад представления советских людей о праве были на первобытном уровне, как и опыт судебной защиты своих прав. Ясно также, что по мере роста практики и по мере расширения дискурса вокруг тем права и работы судов должен

был расти и социальный интеллект. Тот факт, что он рос, подтверждается также тем, что выше мы видели следы респондентов, являвшихся носителем весьма современного правосознания.

Второе заключение: нельзя говорить о какой-либо динамике в среднем уровня нетерпимости к нарушению законов. Но вот какое любопытное наблюдение можно сделать, глядя на диаграмму рисунка 1. Высокие значения индекса, представленного на диаграмме, уменьшались, а низкие – возрастали. Это подтверждается расчетами: стандартное отклонение шести значений индекса уменьшилось в полтора раза. Отсюда следует, что сближаются частоты согласия и несогласия с возможностью нарушить закон в различных ситуациях. Следовательно, растет поляризация позиций относительно нетерпимости к нарушению закона.

Третье заключение касается ситуации «Если так поступают все», для которой наблюдается самое существенное изменение значения индекса. Мы видим из диаграммы, что нетерпимость к нарушению закона применительно к этой ситуации существенно выросла. Возможно, это связано с уменьшением конформизма. Но могут быть и другие объяснения. Однозначный вывод сделать сложно, поскольку нам не хватает данных о динамике.

Обсуждение наших результатов

Труднее всего дать оценку распространенности практики взаимодействия с судом. Для этого не хватает сравнений, произведенных по той же методике, либо с другими странами, либо с другими временными отрезками для оценки динамики. Опрос граждан показал, что взаимодействие с судебной властью не имеет значимых взаимосвязей ни с полом, ни с возрастом, ни с доходом респондентов. В этом нет ничего удивительного: проблемы и неприятности, настигающие людей и приводящие их (по собственной воле или вопреки таковой) в зал суда, не выбирают специальных жертв и равномерно распространены по всему социальному пространству. Несомненно, существуют зависимости между социальными позициями и характером проблем. Но установление (точнее – подтверждение) таких зависимостей не входило в наши планы. Кроме того, для этого нужен иной инструментарий, которым владеют криминология и виктимология. Иное дело – выборка предпринимателей. Здесь усматривается устойчивая зависимость

между практикой взаимодействия бизнеса и судебной власти, с одной стороны, и масштабом бизнеса – с другой.

Весьма нетривиальные и важные, а потому нуждающиеся в дальнейших подтверждениях, результаты были получены относительно диспозиций, непосредственно связанных с практикой взаимодействия клиентов с судами. Обратим внимание на некоторые из них.

Для респондентов с высоким доходом компенсация морального ущерба важнее материальных возмещений. Среди респондентов, обратившихся в суд по своей инициативе, доля удовлетворенных ходом (качеством) своего судебного процесса примерно в три раза выше доли недовольных. Предприниматели более высоко оценивают свой опыт взаимодействия с арбитражными судами по сравнению с судами общей юрисдикции. А граждане подобным образом выделяют гражданский процесс по сравнению с уголовным. В Части III книги мы видели, что эти оценки корреспондируются с оценками экспертов. Так подтверждается Гипотеза 2 наших исследований.

Изучение практики граждан в главах 1 и 2 Части I нередко выявляло элементы дискриминации по имущественному признаку. Это тем более важно, что именно граждане небольшого или среднего достатка охотнее обращаются в суды по сравнению с зажиточными, когда возникает необходимость защищать свои права, поскольку последние обладают более широким инструментарием решения своих проблем. Но в судах граждане небольшого достатка чаще прочих сталкиваются с упомянутой дискриминацией.

Один из самых любопытных результатов, обнаруженных при изучении выборки предпринимателей, состоит в том, что готовность вновь обращаться в суд, как оценка предшествующего опыта, определяется в большей степени качеством процесса, чем результатом. На уровне здравого смысла это довольно понятно. Если вы получили положительный вердикт, но в процессе, который вы оцениваете как нечестный или просто низкокачественный, то вы можете оценивать свои шансы на успех в подобном процессе в следующий раз как низкие. Если же вы проиграли в процессе, который оцениваете как честный, то вы относите свое поражение не на счет суда, а на счет конкретных обстоятельств, которые стали предметом разбирательства. Тогда свои шансы на успех в иных обстоятельствах вы оцениваете как высокие, а потому готовы в следующий раз обратиться в суд. Если же говорить о социологическом объяснении, то этот результат корреспондируется с другими нашими данными, описывающими тот же феномен: для людей,

обращающихся, например, в милицию, проявленные уважение и справедливость важнее конечного результата[15]. Это наблюдение подтверждается и другими результатами, согласно которым для респондентов процессуальная справедливость важнее результативности.

Практика взаимодействия с судами тесно связана с потреблением информации о работе судов. Мы видим, что высокий интерес к такой информации очень нераспространен и внутри этой группы носителей высокого интереса носит, скорее, чисто профессиональный, а не потребительский, характер. Если же рассмотреть респондентов, выразивших разную степень интереса к информации о работе судов (около 40% граждан и около 59% предпринимателей), то в этих обеих группах примерно половина респондентов обосновывает свой интерес прагматическими мотивами (может понадобиться при обращении в суд). В остальном структура мотивов у граждан и предпринимателей различна. У предпринимателей преобладает интерес, связанный с профессиональной деятельностью, а у граждан велика доля тех, кто видит в такой информации способ удовлетворить свое любопытство. Интересные результаты принес анализ источников информации. Пожалуй, самое любопытное, что для предпринимателей главным каналом оказывается обыденная коммуникация. Во-первых, есть основания предполагать, что это связано с таким обеспечением бизнеса информацией о работе судов, которое, с их точки зрения, далеко не удовлетворительно. Во-вторых, как показывает дальнейший анализ, главный интерес предпринимателей сосредоточен на примерах конкретных дел, что пока малодоступно[16].

Предпочтения респондентов в выборе каналов информации о работе судов позволяет выделить группы респондентов, в основном, пользующихся профессиональной информацией, и респондентов, главным образом использующих обыденные каналы массовой информации. Понятно, что первых меньше, чем вторых. Но самое интересное заключается в другом: использование различных типов каналов информации решающим образом влияет на диспозиции респондентов. Респонденты, прибегающие к профессиональным каналам информации, в большей степени доверяют судам, дают им более

[15] Определение факторов, влияющих на эффективность предоставления услуг по безопасности от преступных посягательств. М.: ИНДЕМ, 2006.

[16] Законодательная база для размещения информации о конкретных делах создана. Однако пока не ясно, как эта воля законодателя будет реализована.

высокую оценку, выражают большую готовность обращаться в суд. Нетрудно догадаться, что это объясняется не столько качеством и доступностью профессиональной информации, сколько спецификой массовой информации. Усилия власти сосредоточены на рекламе исполнительной власти и «правящей», доминирующей партии, практически полностью контролирующей законодательные органы власти в России. А вот судебная ветвь власти находится вне поля такой пропаганды. Это значит, что образ судебной власти формируется в соответствии с законами информационного рынка, согласно которым негативная информация преобладает над позитивной и имеет большое влияние. Кроме того, вспомним еще раз о Гипотезе 2 нашего исследования: *«Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия»*. Она нашла подтверждение в нашем проекте. Судебные дела, относящиеся к меньшей фракции, упомянутой в формулировке гипотезы, обычно становятся объектом интереса средств массовой информации, формирующим общественное мнение в отношении судебной власти и судей.

Здесь уместно перейти к оценкам работы судов всеми респондентами, а не только имевшими опыт взаимодействия с судами. Наше исследование выявило позитивную динамику оценок респондентами судов и судей. Подробный анализ этой динамики свидетельствует, что указанная динамика характеризуется перестройкой структуры массового сознания. Она вызвана противоречиями между внедряемыми пропагандой негативными установками в отношении судов и практикой, в большей степени позитивной, нежели негативной, в отношении значительной доли рутинных дел, рассматриваемых судами. Позитивная динамика в оценке работы судов подтверждается тем фактом, что судебная власть, согласно полученным нами данным, пользуется большим доверием, чем другие ветви власти. Наш анализ показывает, что негативный опыт взаимодействия с судом влияет на уменьшение доверия к нему в большей степени, чем идеологические установки. Напротив, позитивный опыт не оказывает влияния на доверие суду. Видимо, такой опыт воспринимается

как нормальный, естественный. На доверие суду больше влияют идеологические установки.

Замечание, предваряющее приведенный выше комментарий результатов анализа практики, равным образом относим и к основным результатам анализа правосознания, осуществленного в нашем исследовании. Мы пока не в состоянии проинтерпретировать конкретные значения распределений пяти переменных, характеризующих в нашем исследовании правосознание респондентов по тем же причинам: нужны либо данные по другим странам, либо оценки динамики. Тем не менее, изучение правосознания дало интересные и полезные результаты.

Было установлено, что предприниматели в большей, чем граждане, степени поддерживают независимость суда и судебных решений, а также более склонны к естественному правопониманию. В последнем случае выделяются два типа респондентов. Первый – те респонденты, для которых стихийное естественное правопонимание является одним из способов проявления недовольства работой судебной власти. Для респондентов этого типа характерно невысокое законопослушание. Второй тип – это те респонденты, для которых естественное правопонимание стало органичной частью правосознания, в котором отведено место и законопослушанию.

Важно, что в структуре правосознания граждан различаются независимость судебной власти и процессуальная независимость судей. (Забавно, что это не так по результатам исследования дискурса относительно судебной власти, в чем можно убедиться, обратившись к Электронному приложению). В этом нет ничего удивительного. Ведь на практике респонденты, взаимодействуя с судом, участвуя в судебном процессе, сталкиваются именно с проблемой процессуальной независимости, а не с проблемой институциональной независимости. Данный тезис подтверждается тем статистическим фактом, что именно независимость судей является прототипической, центральной переменной в выявленной нами структуре правосознания респондентов. Еще одна примечательная компонента этой структуры – представление о процессуальной справедливости как о важнейшей цели судебного процесса. Доля сторонников этой точки зрения пока невелика, но даже сам факт их существования удивителен. Это свидетельство зарождения современного демократического правосознания. Данный факт можно признать одним из главных результатов исследования правосознания.

Методические выводы

Напомним, что одной из наших главных задач было построение социологических индикаторов, которые могли бы использоваться для мониторинга работы судебной власти. Несомненно, что здесь весьма важны индикаторы практики, в том числе такой простой, как доля граждан, обращающихся в суд для защиты своих прав и интересов – практическая готовность обращаться в суд. Но не менее важна и моральная (априорная) готовность обращаться в суд, тем более, что, как было установлено, они актуально корреспондируются. Следует, однако, иметь в виду, что интенсивность практики не может служить каким-либо абсолютным индикатором качества работы судов (это, впрочем, касается любых индикаторов). Дело в том, что такая интенсивность может зависеть не только от приемлемости для клиентов суда как инструмента защиты, но и от агрессивности внешней среды, побуждающей граждан искать защиты. Поэтому было бы полезно использовать также данные о различных методах клиентов при защите своих прав и о доле суда среди этих методов.

Крайне важна и полезна оценка хода судебного процесса. Понятно, что она более показательна, чем удовлетворенность результатом – проигрывать всегда неприятно, и это порождает сдвиг оценок. Однако было бы полезно использовать в качестве индикатора соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных ходом процесса среди проигравших, а не только среди всех участников. Мы видели, что достаточно осмысленные результаты получаются при анализе оценки работы судов и доверия судов как самих по себе, так и при сопоставлении с другими ветвями власти.

Особое место занимают индикаторы правосознания. Мы видели, как они взаимосвязаны с оценками судов, с готовностью обращаться в суд, с практикой клиентов. Хотя наши индикаторы прошли серьезную проверку на надежность и валидность, мы полагаем, что для их практического применения нужны некоторая коррекция формулировок и наборов вопросов каждой из пяти переменных, а также последующее дополнительное исследование окончательного инструмента.

Наконец, укажем, что немало выводов нашего исследования сформулировано в виде предположений и гипотез, нуждающихся в дополнительном изучении.

Часть III
АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И ТРАНЗИТНЫХ СТРАНАХ

Излагаемый в третьей части книги материал имеет специфическую историю в проекте «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив». Экспертиза не входила в предварительно намеченный план. Идея использования экспертных методов возникла в ходе проекта. К ней подталкивали совместно несколько причин. ***Первая*** – банально практическая. Первоначально программа включала анкетирование большого числа членов юридического сообщества. Но это требовало больших затрат, поэтому от идеи пришлось отказаться. ***Вторая*** – по ходу подготовки международных семинаров, предназначенных для сравнения судебных властей и их трансформаций в разных странах, возникла идея формального сравнения с помощью экспертных методов, дополняющего запланированные ранее описательные подходы. Вслед за этим, естественным образом, созрела идея, что такая экспертиза может заменить нереализованное анкетирование экспертов.

Третья причина такова. Параллельно шла интенсивная работа по подготовке подходов к социологическому измерению правосознания. Выкристаллизовавшаяся в результате концепция подталкивала к идее применить ее не только на клиентах поля права, но и на его агентах. А это приводило к идее переноса разработанного подхода на методологическую сферу экспертных оценок, что влекло смену

целей и задач, инструментов и методов анализа результатов из-за изменения объемов выборки.

Четвертая причина, самая, пожалуй, главная, – необходимость проверки основных гипотез исследования (точнее – всего проекта), сформулированных во Введении. Экспертная анкета составлялась таким образом, чтобы возникла еще одна возможность для подтверждения сформулированных гипотез.

Наше упование на продуктивность применения экспертного подхода в проекте было основано на неоднократном успешном опыте его применения участниками проекта в самых различных исследовательских контекстах. Наконец, у нас имелся опыт собственных методических разработок в этой сфере.

В Электронном приложении все материалы, относящиеся к данной части, сосредоточены в Приложении к Части 3.

Глава 1
Методика проведения экспертизы и анализа экспертных оценок

1.1. Методические предпосылки

Первоначально, перед разработкой основного инструмента – анкеты, нам была ясна ее структура; она индуцировалась стержневыми смысловыми категориями нашего исследования: независимость судов, независимость судебных решений, доступность правосудия, процедурная справедливость. Кроме того, из первой гипотезы нашего проекта непосредственно вытекало, что все четыре категории, применительно к функционированию судебной власти, должны быть исследованы как с формально-нормативной точки зрения, так и с точки зрения внеинституциональных факторов[1]; перечислим их для напоминания (перечисляются те, что реально учтены в экспертной анкете):

– влияние сопряженных институтов;
– традиции, неформальные практики и институты;
– правосознание агентов и клиентов поля юстиции.

Таким образом, мы должны были оперировать восемью категориями, образованными четырьмя аспектами функционирования правосудия, каждый из которых делился на формальную и неформальную стороны.

[1] Говоря о внеинституциональных факторах, мы имеем в виду те, что находятся за пределами нормативного регулирования работы судебной власти, т.е. за пределами формальных институтов, образующих институциональный комплекс судебной власти.

В соответствии с методологическими подходами, практикуемыми в исследованиях Фонда ИНДЕМ, предполагалось, что экспертная анкета должна содержать вопросы в таком наборе, чтобы каждой из восьми категорий соответствовала серия вопросов анкеты. По ответам респондентов на одну серию вопросов должен был вычисляться отдельный числовой индекс (шкала), который характеризовал бы качество функционирования судебной власти по критерию (аспекту, категории), которому соответствовала данная серия вопросов. Не исключалось, что один вопрос мог работать на несколько критериев, а также наличие вопросов, имевших самостоятельный социологический интерес, лежащих вне восьми базовых критериев, указанных выше. Из этого вытекало, что экспертное исследование должно было включать разработку процедуры построения шкал (индексов).

1.2. Экспертная анкета и ее проведение

Следует отметить, что разработка анкеты и отбор вопросов к ней велись довольно долго. Нам предстояло преодолеть одну трудность. Поскольку анкета должна была распространяться в других странах, вопросы должны были быть осмысленными для других стран и языков, иных судебных систем. В результате были обсуждены девять вариантов анкеты.

Итоговая анкета содержала 88 вопросов (помимо вопросов, характеризующих экспертов). Текст анкеты приведен в Электронном приложении к Части 3. Следует обратить внимание, что экспертным вопросам предшествуют четыре страницы, не только разъясняющие порядок работы с анкетой, но и цель исследования, а также тезаурус используемых терминов. Это было связано с намерением достичь, по возможности, единого понимания экспертами смысла вопросов и вариантов ответов.

Помимо первых восьми критериев (базовых, основных критериев), приведенных ниже, мы увидели возможность дополнить их еще шестью критериями, поскольку могли подбирать наборы вопросов, совокупность ответов на которые порождали новые индексы. В Приложении в таблице П1.1 можно найти соответствие между вопросами и критериями. Ниже приведен полный список всех четырнадцати критериев.

1. Формальный аспект независимости судов (качество норм, обеспечивающих независимость, самостоятельность судебной ветви власти).
2. Неформальный аспект независимости судов (в какой мере практика применения законов, традиции, неформальные нормы обеспечивают независимость, самостоятельность судебной ветви власти).
3. Формальный аспект независимости судей (независимости, самостоятельности судей в судебном процессе и при принятии решений).
4. Неформальный аспект независимости судей.
5. Формальный аспект доступности судов.
6. Неформальный аспект доступности судов.
7. Формальный аспект справедливости правосудия (процесса и судебных решений).
8. Неформальный аспект справедливости правосудия.
9. Качество нормативного регулирования (как и в какой мере нормативное регулирование способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
10. Качество правоприменительной практики (как и в какой мере практика применения действующих законов способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
11. Качество неформальных практик (учет влияния традиций, правосознания, неформальных отношений).
12. Влияние сопряженных институтов (как и в какой мере деятельность органов власти, связанных с судом, способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
13. Обеспеченность судебной власти (материальное обеспечение, количество судей).
14. Качество принятия судебных решений (степень самостоятельности судей при принятии судебных решений, ориентация судей на закон, а не на неформальные влияния и предубеждения).

Разработанная экспертная анкета была сначала заполнена экспертами в России – агентами юридического поля – в количестве 217 человек. В качестве экспертов отбирались представители различных профессиональных групп, что делалось исходя из предположения,

согласно которому представители разных профессиональных групп могли иметь различный взгляд на функционирование судебной власти. Вот эти группы: судьи (92), адвокаты (25), корпоративные юристы (36), журналисты (17), правозащитники (37). Еще десять экспертов не вошли ни в какую из перечисленных выше групп. Различия в численности экспертных групп компенсировались, когда необходимо, соответствующими статистическими приемами.

1.3. Построение индексов

В результате опроса мы получаем ответы респондентов на 88 вопросов анкеты, касающихся различных аспектов функционирования судебной власти. Представим себе, что все собранные данные из всех анкет кодируются и хранятся в файле в формате Excel в виде таблицы (страницы). Ее строки соответствуют экспертам, а столбцы соответствуют вопросам. В первом столбце содержатся порядковые номера экспертов, а в первой строке – порядковые номера вопросов. Ячейки содержат номера выбранных ответов либо код «н/д», обозначающий отсутствие ответа. Тогда таблица имеет следующий вид (N – число экспертов).

Предлагаемые варианты ответов на вопросы из анкеты образуют, как правило, хорошо выраженную упорядоченность относительно некоторого «качества», но не всегда семантический смысл ответов обеспечивает равномерность интервалов на шкале этого качества между точками, которые могли бы соответствовать на этой шкале вариантам ответов. Поэтому для оцифровки разных ответов во всех 88 вопросах анкеты была разработана десятибалльная шкала и проведена соответствующая экспертиза вариантов ответов, в которой участвовало несколько экспертов, приписовавших каждому варианту ответа одну из 10 вербальных оценок (см. таблицу 1.3.2, второй столбец). Ее результаты были проанализированы и по итогам анализа были оцифрованы позиции каждого варианта ответа на каждый вопрос. Естественно, что для статистического анализа удобнее шкала от -1 до +1, где «-1» интерпретируется как самое худшее состояние судебной власти, а «+1» – как самое лучшее, задаваемое семантикой конкретного варианта ответа. Соотношение между десятью вербальными градациями и их позициями на отрезке от -1 до +1 приводится ниже в той же таблице.

Таблица 1.3.1

Таблица ответов экспертов на вопросы экспертной анкеты

№	V1	V2	V3	V4	V5	---	V88
1	2	4	3	4	4	---	3
2	5	5	5	4	3	---	3
---	---	---	---	---	---	---	---
12	2	2	3	3	2	---	3
13	5	4	н/д	н/д	5	---	3
---	---	---	---	---	---	---	---
N	5	н/д	3	3	4	---	3

В процессе экспертизы для каждого варианта ответа на каждый вопрос анкеты устанавливалось соответствие между этим вариантом ответа и вербальной оценкой из приведенной таблицы. Это позволило на следующем шаге преобразовать каждый ответ в число, которое приписано этому семантическому выражению в данной таблице.

Кроме того, проводилась еще одна экспертиза, касавшаяся каждого вопроса, соотнесенного с некоторым критерием. По результатам экспертизы устанавливался некий вес вопроса, долженствующий характеризовать степень значимости, пригодности этого вопроса для характеризации, описания качества судебной власти, соответствующего критерия, связанного с вопросом. (Данная экспертиза проводилась только для критериев с номерами от 1 до 8 из приведенного выше списка. Для остальных критериев – с 9-го по 14-й – вопросы считались равноправными.) С помощью полученных весов для каждого вопроса корректировались оцифровки ответов, полученных ранее. Эта корректировка эквивалентна сжатию для данного вопроса шкалы оценок связанных с ним вариантов ответа с интервала [-1; 1] до более узкого интервала. Сжатие тем сильнее, чем меньше важность вопроса для данного критерия. После этого мы получаем исходные данные об ответах экспертов, преобразованные в окончательную числовую форму. Это может иметь вид таблицы, похожей на ту, что приведена ниже.

Таблица 1.3.2

Таблица соответствия между семантическими выражениями и точками на шкале некоторого качества судебной власти

Номер градации	Вербальные оценки	Значение на шкале (-1; 1)
1	Хуже некуда	-1
2	Плохо, местами очень плохо	-0,75 = -3/4
3	В среднем – плохо	-0,5 = -1/2
4	Где – плохо, где – так себе	-0,25 = -1/4
5	Так себе, удовлетворительно	0
6	Где – средне, где – хорошо	0,25 = 1/4
7	Можно считать – хорошо	0,5 = 1/2
8	Хорошо, а местами – отлично	0,6667 = 2/3
9	Отлично, местами – похуже	0,8333 = 5/6
10	Превосходно	1

При всех преобразованиях в полученной таблице оцифрованных ответов числовые значения, большие нуля, соответствуют положительным ответам, а значения, меньшие нуля, – отрицательным ответам. В обоих случаях, говоря об отрицательных или положительных ответах, мы игнорируем разницу между степенью «положительности» или «отрицательности». На основе полученных оцифровок вычисляются различные статистики, которые должны служить числовыми индикаторами интересующих нас качеств функционирования судебной власти:

E_i – среднее значение оцифрованных значений ответов (из таблицы вида 1.3.3) по некоторой группе экспертов. Данная величина меняется от -1 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

P_p – доля экспертов, давших на вопрос положительный ответ. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке группы экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

Таблица 1.3.3

Таблица оцифрованных ответов экспертов на вопросы экспертной анкеты (пример)

No.	V1	V2	V3	V4	V5	---	V86	V87	V88
1	0	0	0,9167	0,9167	0	---	0,75	0,75	-0,75
2	0,9167	0,9167	0,5833	0,5833	0,9167	---	0,75	0,75	-0,75
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
56	-0,625	-0,25	0,5833	-0,25	0,5833	---	-0,625	-0,625	0
57	0,5833	0,5833	0	0	0,5833	---	н/д	-0,625	н/д
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
N	-0,625	0,5833	0,9167	-0,25	0,5833	---	0,75	-0,625	0

P_n – доля экспертов, давших на вопрос отрицательный ответ. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем ниже по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

D_{p-n} – величина, определяемая следующей формулой: $[P_p - P_n]/[P_p + P_n]$. Данная величина меняется от -1 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

P_0 – доля экспертов, уклонившихся от определенного ответа на данный вопрос. Эта величина определяется как разница между единицей и суммой величин P_p и P_n. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем затруднительнее для экспертов из данной группы дать ответ на этот вопрос. Это затруднение включает выбор экспертов между нейтральным ответом и ответом «Затрудняюсь ответить».

Следует сказать, что большинство из данных характеристик сильно коррелированы (показатель P_0 не входит в эту обойму). Коэффициенты корреляции Пирсона превосходят 0,8. Случайное получение такой величины в предположении гипотезы о независимости практически нереально (шансы намного меньше, чем выбрать одну

черную песчинку из тонны белого песка)[2]. Поэтому в процессе дальнейшего исследования использовались такие показатели из приведенного списка, которые по тем или иным причинам были удобны для решения конкретных задач.

Рассмотрим, как строятся обобщенные индикаторы на примере использования показателя Pn. Этот индикатор крайне прост, его значения ясно интерпретируются, и он высоко коррелирован с другими индикаторами, что подтверждает его пригодность. Итак, если нам нужно характеризовать некоторое качество (характеристику) судебной власти, которой соответствует некоторый набор вопросов, то мы просто подсчитываем долю отрицательных ответов на все эти вопросы. Если мы хотим построить тот же индикатор для оценки качества некоторой группой экспертов, то мы подсчитываем долю отрицательных ответов на все эти вопросы только для экспертов из этой группы. Достоинство такого индикатора состоит в том, что он дает достаточно надежные значения даже для сравнительно небольшой группы экспертов (более двадцати человек).

Последнее, что нужно изложить, это проверку состоятельности отбора вопросов для каждой из четырнадцати характеристик. Проверка осуществлялась следующим образом. По некоторой достаточно однородной группе экспертов и по списку вопросов, связанных с определенной характеристикой, составляется матрица оцифрованных ответов этих экспертов на поставленные вопросы. Строкам матрицы соответствуют эксперты, а столбцам – вопросы. Эта числовая матрица подвергается анализу методом главных компонент. Если подбор вопросов правилен и однородно работает на исследуемую характеристику, то мы должны иметь факторное решение с первой главной компонентой, выделяющейся относительно остальных компонент, а факторные нагрузки вопросов на эту компоненту должны высоко коррелировать с введенными выше числовыми характеристиками – в частности, со средней оценкой или с P_n. В качестве однородной группы экспертов были выбраны российские судьи, отвечавшие на вопросы нашей экспертной анкеты. (Однородность группы обеспечивает надежность проводимой нами проверки,

[2] Понятно, что речь здесь идет о доверительной вероятности, показывающей значимость выявленной зависимости. Мы будем ниже говорить о зависимостях как о высокозначимых, если доверительная вероятность меньше 0,0001. Это значит, что шанс ошибиться, отвергая гипотезу о независимости, меньше, чем эта доверительная вероятность.

поскольку уменьшает вероятность появления артефактов.) Такие расчеты использовались и для контроля отдельных вопросов в наборах. Если в целом набор демонстрирует состоятельность, а отдельным вопросам набора соответствуют малые факторные нагрузки, то это свидетельствует о том, что такие вопросы не вписываются в набор, не работают на построение нужной нам шкалы. Таблица 1.3.4 содержит результаты проверки состоятельности наборов вопросов, по результатам которой проводилась оценка вопросов. Мы видим, что для всех восьми характеристик имеются приличные доли дисперсии, объясняемые первой главной компонентой, и корреляции. Все это свидетельствует в пользу состоятельности сформированных наборов вопросов.

Таблица 1.3.4

Результаты проверки состоятельности набора вопросов для первых восьми основных характеристик (столбцы, номера соответствуют номерам характеристик). Первая строка – доля объясненной дисперсии первой главной компонентой; вторая строка – корреляция между факторными нагрузками вопросов из набора и средней оценкой судебной власти, обеспечиваемой вопросами

Характеристика	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
% дисперсии	30,5	20,3	29,1	15,4	18,6	16,8	41,0	20,3
Корреляция	0,881	0,971	0,866	0,964	0,907	0,949	0,966	0,969

В то же время в некоторых наборах действительно выявились отдельные вопросы с низкими факторными нагрузками; возможность обойтись без этих вопросов подтверждалась и содержательным анализом. Такие вопросы были в результате исключены. Повторная проверка состоятельности уточненных наборов продемонстрировала еще более убедительный результат[3].

[3] Более подробно методика описана в Приложении.

Глава 2
Россия: микроанализ

В этом разделе мы рассмотрим результаты анализа ответов российских экспертов на вопросы анкеты. Основные данные находятся в Электронном приложении. Там можно найти частоты ответов на все вопросы анкеты в целом по всем экспертам и для отдельных профессиональных групп, а также характеристики для каждого вопроса, указанные в предыдущем разделе по всем экспертам.

2.1. Анализ отказов от ответа

Частоты выбора экспертами ответа «Затрудняюсь ответить» колеблются в широких пределах – от 0,5% до почти 60%. Среди вопросов, вызвавших наименьшее затруднение, такие вопросы, как (в скобках указана частота в процентах ответа «Затрудняюсь ответить»):

35. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения административных дел? (0,5).

56. В какой мере работа судебного аппарата, обеспечивающего функционирование судов и судей, влияет на отправление правосудия? (0,5).

5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей? (0,9).

6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые и социальные гарантии деятельности судей? (0,9).

73. В какой степени суды соблюдают принципы состязательности и равноправия сторон? (0,9).

1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость? (1,4).

15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества? (1,4).

Мы видим в приведенном списке вопросы разных типов – относящиеся как к формальной сфере, так и к неформальной, а также чисто практические вопросы. Теперь рассмотрим вопросы с максимальной частотой выбора ответа «Затрудняюсь ответить»:

53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве? (59,1).

52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве? (55,3).

37. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения конституционных дел? (52,1).

36. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения арбитражных дел? (38,1).

84. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в арбитражном процессе? (37,7).

В этом списке мы видим только вопросы, связанные с внеинституциональными аспектами правосудия. Отсюда естественно вытекает гипотеза о том, что затруднения с ответами могут объясняться типами вопросов (очевидно, например, что неделикатные вопросы, намекающие на коррупцию в судах, вызывают наибольшее замешательство). Гипотезу легко проверить, вычислив показатели распределения частоты ответа «Затрудняюсь ответить» для групп вопросов, ассоциированных с разными характеристиками правосудия. Результаты этих вычислений приведены в таблице. 2.1.1.

Как видно из таблицы 2.1.1, высказанная гипотеза подтверждается. Мы видим, что всякий раз, когда осмысленно сравнение, средняя частота ответа «Затрудняюсь ответить» выше для внеинституциональных аспектов, чем для соответствующих формально-институциональных. Особенно отчетливо это видно при сравнении характеристики 9 с характеристиками 10, 11 и 12.

Теперь обратимся к отдельным вопросам, вызвавшим затруднения у экспертов. Из таблицы П2.1 Приложения видно, что рекордсменами являются два вопроса, тематика которых связана с коррупцией. Наибольшие затруднения эти вопросы вызвали у судей – почти 80% экспертов этой группы воздержались от определенного ответа. Меньше всех колебания были свойственны правозащитникам. Больше подробностей можно увидеть на диаграмме рисунка 2.1.1.

Таблица 2.1.1

Показатели распределения частоты ответа «Затрудняюсь ответить» для групп вопросов, ассоциированных с разными характеристиками правосудия; mean – среднее значение; min – минимальное значение; max – максимальное значение; std – стандартное отклонение

№	Характеристика	mean	min	max	std
1	Формальный аспект независимости судов	3,31	0,9	11,2	3,38
2	Неформальный аспект независимости судов	4,59	0,9	11,3	3,90
3	Формальный аспект независимости судей	4,59	0,9	11,3	3,90
4	Неформальный аспект независимости судей	6,70	2,3	22,0	5,18
5	Формальный аспект доступности судов	5,71	0,5	15,3	4,10
6	Неформальный аспект доступности судов	15,80	0,5	59,1	20,03
7	Формальный аспект справедливости правосудия	7,51	2,3	16,2	5,25
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	10,82	0,5	25,5	8,04
9	Качество нормативного регулирования	4,85	0,9	15,3	4,28
10	Качество правоприменительной практики	12,26	0,9	37,7	11,06
11	Качество неформальных практик	9,16	1,4	24,7	6,72
12	Влияние сопряженных институтов	8,03	2,8	16,2	4,95
13	Обеспеченность судебной власти	19,37	0,5	52,1	21,00
14	Качество принятия судебных решений	7,93	2,8	15,2	5,29

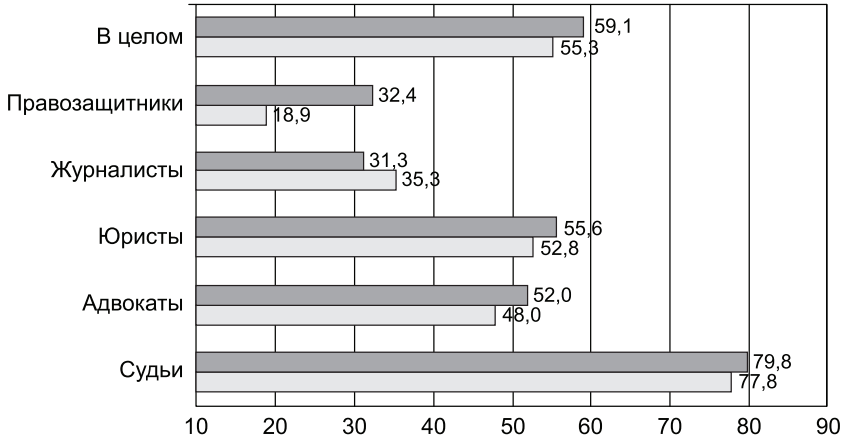


Рисунок. 2.1.1. Частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить» на вопросы экспертной анкеты 52 «Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?» и 53 «Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?» для всех экспертов и экспертов отдельных профессиональных групп

Следующие два вопроса, вызвавшие затруднения у экспертов, связаны с темой обеспеченности судьями разных видов судебных процессов. Интересно, что не все виды судебного процесса вызвали подобное затруднение. На диаграмме рисунка 2.1.2 можно видеть результаты сравнения. Наибольшие затруднения вызывает оценка арбитражного и конституционного процесса, что, видимо, объясняется недостаточным опытом наших экспертов в сфере взаимодействия с этими типами судов. Такая гипотеза подтверждается некоторыми свидетельствами. Первое – судьи, задействованные в нашем экспертном опросе, были из судов общей юрисдикции. Второе: при ответе на вопрос 36 о достаточности судей арбитражных судов опция «Затрудняюсь ответить» используется существенно реже, чем при ответе на такой же вопрос о конституционном правосудии. Третье свидетельство: это распределения частот выбора ответа «Затрудняюсь ответить» по профессиональным группам экспертов при ответах на вопросы 36

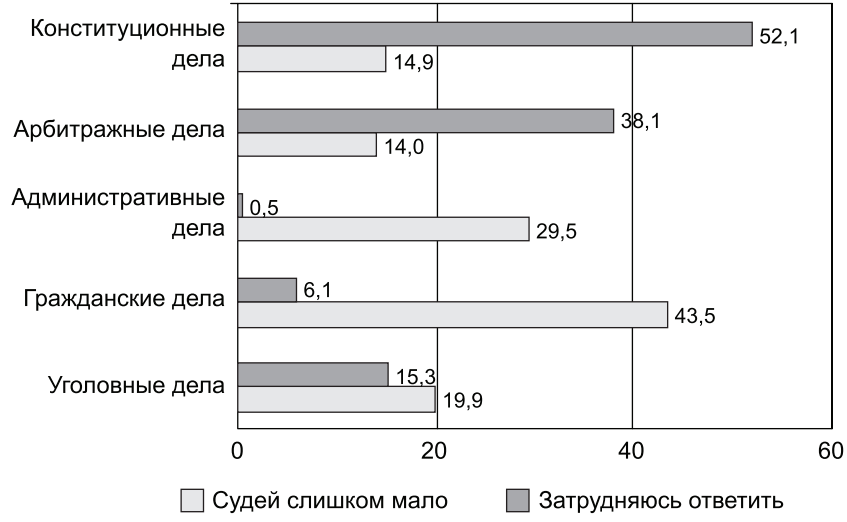


Рисунок 2.1.2. Частоты выбора ответов «Недостаточно, судей слишком мало, приходится долго ждать» и «Затрудняюсь ответить» в ответ на вопросы 33–37 вида «Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения ... дел?» для разного вида дел для всех экспертов и экспертов отдельных профессиональных групп

и 37. Обратившись к этим частотам, приведенным в таблице П2.1 Приложения, мы увидим, что в случае оценки арбитражных судов наблюдается отчетливое профессиональное расслоение, а в случае конституционного, столкновения с которым крайне редки, затруднения с ответами распределены более равномерно.

Если привлечь последний вопрос 84 из приведенного в начале параграфа списка вопросов с самыми высокими частотами выбора ответа «Затрудняюсь ответить», то мы получаем еще одно подкрепление наших рассуждений, поскольку этот вопрос связан также с арбитражным процессом.

Последний сюжет, который нам надо обсудить, весьма важен. Индексы, описанные в разделе 3.1, не учитывают информации о частоте выбора ответа «Затрудняюсь ответить». Насколько это может искажать конечную оценку? Для ответа на данный вопрос рассмотрим диаграмму рисунка 2.1.3. Мы видим на диаграмме рассеяния

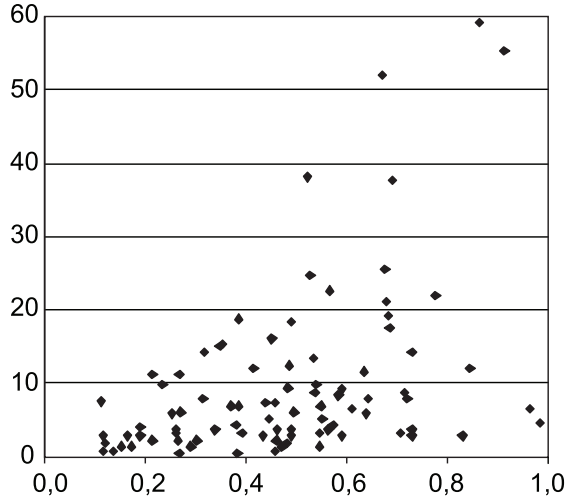


Рисунок 2.1.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс P_n (ось X) и частота (в процентах) выбора ответа «Затрудняюсь ответить» для всех вопросов анкеты

пять точек-вопросов с частотой выбора ответа «Затрудняюсь ответить», превосходящей 35%. Именно эти вопросы, которые могут быть отнесены к категории «выбросы», были изучены нами выше. Остальные точки-вопросы образуют колоколообразное поле. Для подавляющей части точек частота выбора ответа «Затрудняюсь ответить» не превосходит 20%. Форма поля естественна и приводит только к одному эффекту: значения индекса, близкие к 0,5, имеют несколько меньшую статистическую точность (большую погрешность). В целом, устойчивость оценки сохраняется.

2.2. Анализ вопросов, не ассоциированных с характеристиками

Пять вопросов (с номерами 21, 23, 43, 45, 46), не вошедших в списки вопросов, ассоциированных с четырнадцатью характеристиками, отражают, тем не менее, важные аспекты среды, в которой функционируют суды. Рассмотрим оценки, порождаемые ответами на эти вопросы, экспертов из различных профессиональных групп.

Таблица 2.2.1

Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 21 «В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?» в целом по всем экспертам и внутри профессиональных групп

Варианты ответов	Судьи	Адвокаты	Юристы	Журналисты	Правозащитники	В целом
1. В высокой степени	16,3	16,0	25,0	41,2	35,1	24,0
2. В достаточной степени	57,6	44,0	36,1	41,2	35,1	47,0
3. В низкой степени	18,5	24,0	27,8	5,9	18,9	18,9
4. Практически не востребована	4,3	16,0	11,1	11,8	10,8	8,8
5. Затрудняюсь ответить	3,3	0,0	0,0	0,0	0,0	1,4

Результаты подсчета частот ответов на вопрос 21 крайне любопытны и потому приводятся в таблице 2.2.1 в полном объеме.

Первое, что бросается в глаза, это почти полное отсутствие колебаний среди экспертов при ответе на вопрос об обществе. Крохотная доля выбора ответов «Затрудняюсь ответить» проявилась только среди судей. Остальные уверены, что знают об обществе все. Второе интересное обстоятельство – нет значимой статистической зависимости между выбором ответов на вопрос 21 и принадлежностью экспертов к разным профессиональным группам (доверительная вероятность равна 0,168). Третье наблюдение самое важное: эксперты уверены в довольно высокой востребованности гражданами информации о деятельности судебной власти. Однако граждане, по данным наших социологических опросов, не подтверждают эту уверенность. Следующая таблица 2.2.2 содержит результаты сравнения частот ответов на соответствующие вопросы для экспертов и респондентов выборки граждан.

Таблица 2.2.2

Сравнение частот выбора (в процентах) ответов на сходные вопросы о востребованности информации о судах в экспертном опросе и социологическом опросе на выборке граждан

Вопрос 21 экспертам: «В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?»		**Вопрос 12 анкеты для граждан:** «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?»	
Варианты ответов	**частоты ответов**	**частоты ответов**	**Варианты ответов**
1. В высокой степени	16,3	2,4	1. Очень интересуюсь
2. В достаточной степени	57,6	14,7	2. Интересуюсь, но не очень
3. В низкой степени	18,5	21,0	3. Интересуюсь в небольшой степени
4. Практически не востребована	4,3	58,2	4. Практически не интересуюсь
5. Затрудняюсь ответить	3,3	3,7	5. Затрудняюсь ответить

Мы видим разительное различие между мнениями экспертов и собственными сообщениями граждан о себе. Таким образом, мы видим, что ***уверенность экспертов в своем знании об обществе сопрягается с неадекватностью этого знания***.

Теперь перейдем к вопросу 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?». Этот вопрос не относится напрямую к судебной власти, но касается сопряженного института – исполнительного производства. Анализ сопряженностей между ответами и профессиональными группами не выявляет зависимости; доверительная вероятность достигает значения 0,755.

На диаграмме рисунка 2.2.1 приведены частоты ответов по всем экспертам, что состоятельно в силу зафиксированного отсутствия зависимости. Мы можем сделать следующие выводы: эксперты тяготеют к негативным оценкам (почти 70%) исполнительного производства, в этой оценке они довольно единодушны. И еще одно важное

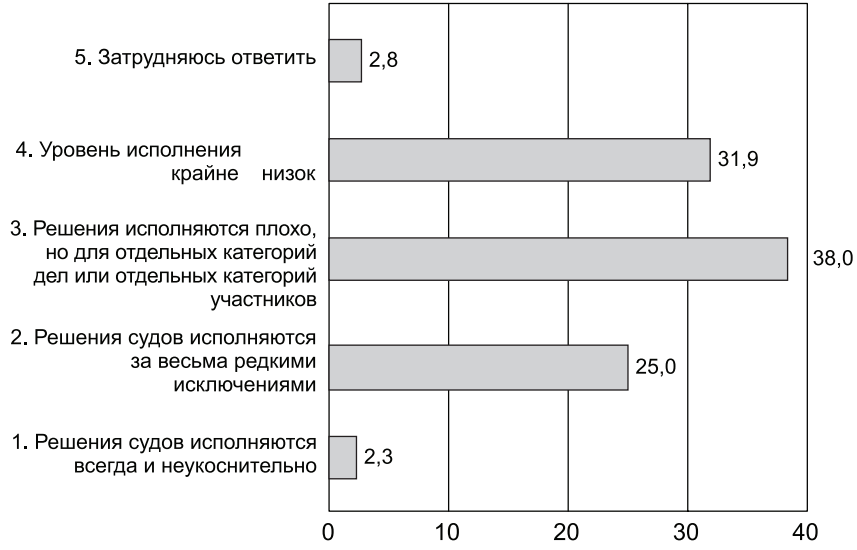


Рисунок 2.2.1. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?» для всех экспертов

обстоятельство, которое будет анализироваться ниже: почти 40% выбрали ответ 3, указывающий на то, что дефекты исполнительного производства структурированы, поскольку концентрируются в определенных зонах юридического поля, характеризующихся специфическими категориями дел и (или) участников.

Сходные тенденции проявляются и при анализе ответов на вопрос 43 экспертной анкеты «В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?». Разногласия между профессиональными группами имеются, но небольшие. Такой уровень разногласия обеспечивается, главным образом, выбором ответа 4 «В низкой степени является проблемой» адвокатами, из которых ни один не выбрал этот ответ. Общие частоты выбора ответов приведены ниже на диаграмме рисунка 2.2.2.

Мы видим снова, что более 40% экспертов выбирают ответ, указывающий на неоднородность юридического поля, что работает на подтверждение базовой Гипотезы 2.

Следующие два вопроса посвящены важной проблеме циркулирования общей информации о судах. Это вопросы 45 «В какой мере

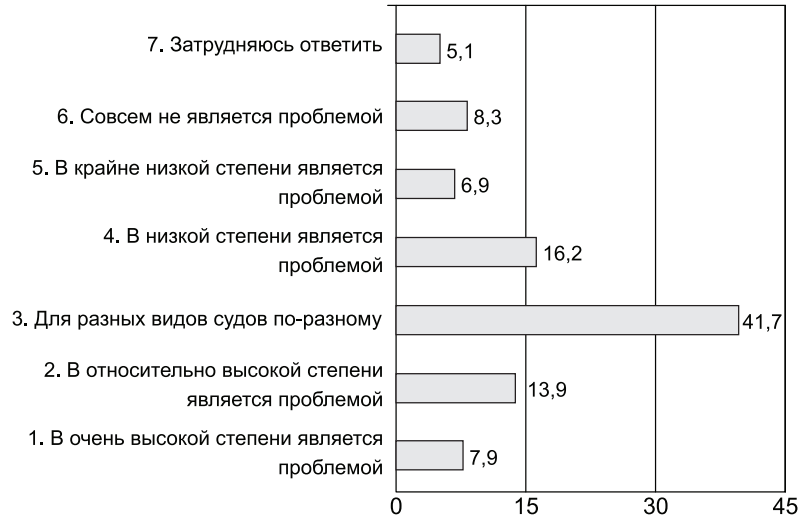


Рисунок 2.2.2. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 43 экспертной анкеты «В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?» для всех экспертов

Таблица 2.2.3

Сравнение частот выбора (в процентах) ответов на вопросы 45 «В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?» и 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?» о доступности информации о судах по ответам всех экспертов

Варианты ответов	Ответы на вопрос 45	Ответы на вопрос 46
1. Такая информация общедоступна в полном объеме, предусмотренном законом	7,9	6,0
2. Такая информация есть, но она неравномерна и несистематична, а доступ к ней непрост	38,6	26,0
3. Такая информация скудна и почти недоступна	44,7	48,8
4. Затрудняюсь ответить	8,8	19,1

для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?» и 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?». Ответы на оба вопроса также не показывают жестких различий между профессиональными группами. Исключение составляют журналисты, более драматично оценивающие недостатки доступа к информации. Воспользуемся тем, что список ответов на два анализируемых вопроса один и тот же, и сведем общие частоты ответов в одну таблицу.

Главный вывод, который следует из данных таблицы 2.2.3, таков: эксперты негативно оценивают доступность информации о судебных решениях и о судебной статистике.

2.3. Анализ вопросов, указывающих на специфичность судебной практики

В предыдущем разделе было упомянуто о теме выделения экспертами вариантов ответов, вроде ответа 3 «Решения исполняются плохо, но для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников» на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?». Данный ответ имеет в данном случае максимальную частоту выбора. Это важно, поскольку позволяет обратиться к проверке Гипотезы 2, сформулированной во Введении: *«Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия»*.

В экспертной анкете содержится 23 вопроса, имеющих в списке ответов вариант, включающий фрагмент «...для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников...». Данный фрагмент включался в вариант ответа именно тогда, когда составители анкеты предполагали, что обстоятельства и специфические особенности функционирования судебной власти сопряжены с такой возможностью. Эти возможности состояли, собственно, в разного рода нарушениях

нормальной работы судебной власти. Суть ответа в том, что подобные нарушения определяются не степенью их интенсивности, распределенной более или менее равномерно по всему судебному пространству, но, напротив, локализуются в некоторых специфических зонах. Поэтому ниже будем называть такого сорта ответы следующим образом: «ответы локализации».

Высказанные предположения вполне убедительно подтверждаются: более чем в трети случаев ответы локализации занимали первое место по частоте выбора. В подавляющем большинстве остальных случаев такой ответ оказывался вторым по популярности, причем часто с небольшим отрывом от ответа, занявшего по частоте выбора первое место. Если учесть общее число использования ответов рассматриваемого типа, явно превосходящее их вероятное количество при случайном выборе, то можно определенно сделать первый вывод: эксперты склоняются к указанию на наличие специфических ситуаций, в которых нарушается нормальное функционирование судебной власти.

Сделав такой вывод, можно переходить к следующей фазе анализа. Подсчитаем для каждого эксперта число случаев использования ответа локализации. Эта переменная, обозначим ее символом λ, по результатам подсчетов, принимает значения в интервале от 0 (таких экспертов только 4) до 18. Чем больше значение переменной λ, тем в большей степени эксперты придают значение эффекту локализации проблем судебной власти. Для проведения анализа с помощью таблиц сопряженности введем еще одну переменную Λ, принимающую всего три значения: значение 1, если λ меньше 5 (45,6% экспертов); 2, если λ располагается в интервале от 5 до 9 (36,4%); и значение 3, если λ больше 9 (18%). Переменная Λ имеет тот же смысл, что и λ.

Теперь рассмотрим взаимосвязи между последней переменной и ответами на некоторые вопросы, затрагивающие различные проблемы судебной власти, но не входящие в конструирование переменной λ. Ниже приводится таблица сопряженности между группами экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ, и вопросом анкеты 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?». Анализ сопряженности выявил высокозначимую зависимость.

Из таблицы 2.3.1 видна совершенно отчетливая зависимость в строках 1 и 3. Она указывает на то, что рост числа выборов экспертами

Таблица 2.3.1

Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?» внутри групп экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ

Варианты ответов	$\Lambda = 1$	$\Lambda = 2$	$\Lambda = 3$
1. Является в полной мере и соблюдается	39,4	11,5	2,6
2. Формально декларируется, но бывают отдельные нарушения, не одобряемые профессиональным сообществом	17,2	23,1	25,6
3. Формально декларируется, но нередко нарушается без каких-либо моральных санкций	13,1	32,1	43,6
4. Институт профессионально-этических норм и санкций в этой сфере отсутствует	8,1	10,3	5,1
5. Затрудняюсь ответить	22,2	23,1	23,1

ответов локализации сопряжен с ростом негативной оценки данного аспекта функционирования суда. Такая форма зависимости воспроизводится, когда данный вопрос заменяется на похожий вопрос 75 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в гражданском, административном и арбитражном процессе?». Подобные отчетливые зависимости встречаются, конечно, не всегда. Но довольно часто отчетливая зависимость проявляется локально – для тех вариантов ответа, которые соответствуют наиболее оптимистичному взгляду на судебную систему. Типичный пример приводится ниже на диаграмме рисунка 2.3.1 для вопроса 62 «В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?». В данном случае анализ сопряженностей выявил зависимость с доверительной вероятностью, равной 3,45E-05.

Мы видим более чем убедительную зависимость, подтверждающую выше сформулированную закономерность: рост числа выборов экспертами ответов локализации сопряжен с ростом негативной

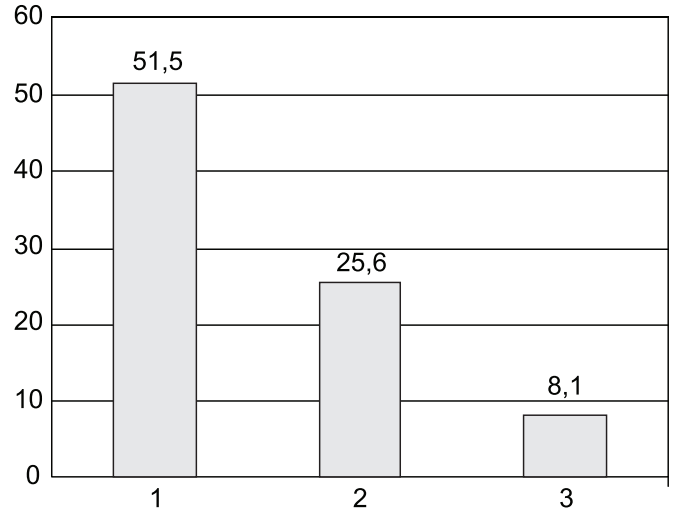


Рисунок 2.3.1. Частоты выбора (в процентах) ответа 1 «Действующие нормы в полной мере обеспечивают полное и всестороннее обоснование судебных решений» на вопрос 62 экспертной анкеты «В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?» среди трех групп экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ

оценки данного аспекта функционирования суда. Подобные зависимости, не менее убедительные, установлены и для других вопросов. В частности, это вопросы 69 «Какова судебная практика при рассмотрении дел по отказу органов дознания и следствия защищать нарушенные права гражданина (например, при обжаловании отказа в возбуждении дела)?» (доверительная вероятность равна 3,08E-07) и 75 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в гражданском, административном и арбитражном процессе?» (3,78E-07).

Последнюю проверку выявленной закономерности мы предпримем, вернувшись к числовой переменной λ. Подтверждением должно служить обнаружение отрицательной статистической зависимости между λ и средним оцифрованным значением ответов

по всем вопросам для каждого эксперта. Данная зависимость, хотя и не столь высокая, как выявленные раньше, была установлена: коэффициент линейной корреляции Пирсона равняется -0,228 при доверительной вероятности, равной 0,001.

Тем самым мы получаем подтверждение проверяемой гипотезы. Она будет проверяться и дальше с помощью анализа социологических данных. Однако задача состоит и в том, чтобы выявить эти зоны специфического функционирования судебной власти. Данные экспертизы позволяют приступить к решению и этой задачи.

В экспертной анкете имеется серия важных вопросов, в которых сравниваются различные виды судопроизводства. Это, например, вопросы 80–84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?», где на место многоточия подставляются пять различных видов судебного процесса. Это предоставляет возможность сравнения. Мы осуществим его с помощью следующего приема. В качестве исходных данных используем оцифрованные ответы всех экспертов на эти вопросы (см. таблицу 1.3.3 Части III). Затем для каждого вопроса вычислим средние значения внутри каждой профессиональной группы, а вслед за этим усредним полученные средние значения (полученные средние будем называть группированные средние). Такой подход позволяет избавиться отвлияния разной численности экспертов в разных профессиональных группах. Результат подсчетов представлен ниже на рисунке 2.3.2.

Мы видим на диаграмме явные различия между двумя группами видов судебного процесса. К первой группе относятся уголовный и административный процессы и дела об административных правонарушениях. Здесь мы видим значения группированных средних в районе -0,25. Вторую группу составляют арбитражный и гражданский процессы, которым приписываются значения группированных средних от -0,04 до -0,07, что существенно выше, чем в случае первой группы. Таким образом, процессы из второй группы оцениваются экспертами более позитивно, чем из первой. Интересно, что разделение пяти видов процессов на две приведенные группы имеет вполне ясный смысл. Во всех трех видах процессов первой группы одной из сторон тяжбы является власть[4]. Следовательно, ***участие власти в судебных процессах в качестве одной из сторон снижает состязательность и процессуальное***

[4] В случае уголовного процесса власть представлена обвинением в лице прокуратуры.

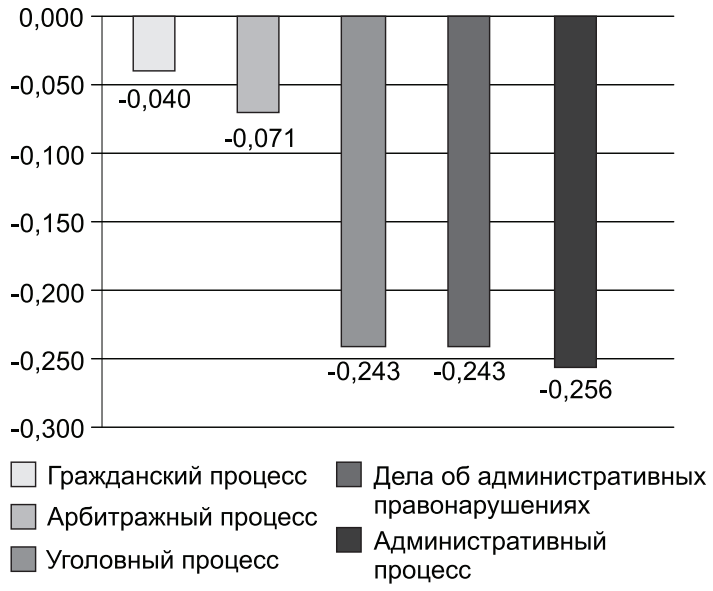


Рисунок 2.3.2. Группированные средние значения оцифрованных ответов по всем экспертам на вопросы 80–84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?» в разных видах процесса

равенство сторон. Тем самым мы выделяем один из признаков зоны судебного поля, в которой проявляется специфичность проблем функционирования судебной власти, о которой мы говорим в настоящем разделе.

2.4. Анализ вопросов, представляющих самостоятельный интерес

Вопросы анкеты образуют не только тематическое разнообразие, запланированное исследователями, но и разнообразие реакций (ответов) экспертов, представляющее особенности их установок, диспозиций о поле права, которое фиксируется нами во всевозможных

Таблица 2.4.1

Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 54 «Насколько эффективна помощь гражданам, обращающимся в суд, работников суда (например, помощников судей и работников секретариатов)?»

Варианты ответов	Судьи	Адвокаты	Юристы	Журналисты	Правозащитники
1. Такая помощь эффективна и положительно влияет на общее качество правосудия	37,4	4,0	11,1	11,8	0,0
2. Такая помощь не очень эффективна, но это не сказывается на общем качестве правосудия	23,1	24,0	27,8	29,4	35,1
3. Такая помощь совсем не эффективна, и это снижает общее качество правосудия	4,4	36,0	22,2	23,5	10,8
4. Такие возможности не предусмотрены формальными нормами	26,4	32,0	36,1	17,6	51,4
5. Затрудняюсь ответить	8,8	4,0	2,8	17,6	2,7

статистических показателях. Мы воспользуемся ими, чтобы выделять вопросы маргинальные (принимающие экстремальные значения) как способ поиска «особых точек» поля права. Частично эта работа уже осуществлялась в разделе 2.1 при анализе особенностей выбора ответа «Затрудняюсь ответить».

Мы начнем с анализа стандартных отклонений оцифрованных ответов на вопросы (см. раздел 1.3 Части III). Эта статистика может использоваться как индикатор раскола во мнениях между экспертами: чем больше значения стандартного отклонения, тем выше разброс оценок между экспертами (степень несогласия между ними). Рассмотрим сначала несколько вопросов с максимальными стандартными отклонениями. Рекордное значение (0,666) выявлено для вопроса 54.

Таблица 2.4.2

Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 72 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями социального статуса сторон?»

Варианты ответов	Судьи	Адвокаты	Юристы	Журналисты	Правозащитники
1. Бывает довольно часто	4,4	64,0	33,3	47,1	62,2
2. Бывает довольно редко	27,5	32,0	38,9	29,4	13,5
3. Такие решения практически исключены	60,4	4,0	22,2	5,9	18,9
4. Затрудняюсь ответить	7,7	0,0	5,6	17,6	5,4

Таблица 2.4.1 содержит частоты ответов на вопрос 54 для разных профессиональных групп. Мы видим, что разнообразие, причем весьма контрастное, проявляется в трех ответах. Начнем с наиболее примечательных и неожиданных контрастов при выборе ответа 4 «Такие возможности не предусмотрены формальными нормами». Этот вопрос отсылает к формальной стороне дела – оценке норм, связанных с оказанием помощи истцам и иным клиентам судов. Разброс в два раза между судьями и правозащитниками – теми агентами судебного поля, которые должны быть более других знакомы с затрагиваемой в вопросе проблемой – впечатляет. Он слишком велик, когда речь идет о том, что касается конкретной информированности о нормах. Однако надо учитывать, что отсутствие норм в данном варианте ответа может трактоваться респондентами как недостаток норм или несовершенство нормативного регулирования. Подтверждение этой гипотезе можно поискать следующим образом. Рассмотрим пять значений для каждой профессиональной группы экспертов индекса P_n (см. раздел 1.3), подсчитанного по всем вопросам, характеризующим формальный аспект справедливости правосудия. Сопоставим с этими пятью числами пять частот выбора ответа 4 «Такие возможности не предусмотрены формальными нормами» из таблицы 2.4.1 с помощью коэффициента корреляции Кендэла. Поскольку речь идет о малой выборке, то можно воспользоваться точными (неасимптотическими)

критериями[5]. Вычисления показывают, что гипотеза о зависимости высоко вероятна: ее шансы выше 95 из 100. Таким образом, высказанное предположение получает частное подтверждение. Следовательно, есть основания предполагать, что эксперты могут нередко пробелы в законах или низкое качество регулирования трактовать как отсутствие регулирования.

Теперь рассмотрим частоты выбора ответа 1 «Такая помощь эффективна и положительно влияет на общее качество правосудия». Мы видим в таблице 2.4.2, что оптимизму судей категорически противостоит пессимизм адвокатов и правозащитников. Две последние группы объединяет то обстоятельство, что оцениваемая в этом вопросе помощь клиентам в судах со стороны работников судов составляет конкуренцию услугам, предоставляемым адвокатами и правозащитниками. Интересно, что при выборе ответа 3 «Такая помощь совсем не эффективна, и это снижает общее качество правосудия» позиции судей и адвокатов симметрично меняются местами, а правозащитники не столь категоричны в негативной оценке, как адвокаты. Может быть, это означает, что их «ревность» не столь сильна, как у адвокатов.

Другой важный вопрос, вызывающий существенные разногласия между экспертами, что индицируется вторым по величине значением стандартного отклонения, равным 0,649, это вопрос 72 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями социального статуса сторон?». Мы видим в таблице 2.4.2, что снова позиции судей контрастно противостоят позициям адвокатов и юристов, к последним двум группам ближе и остальные группы. И снова позиции судей и адвокатов зеркально противоположны. Мы наблюдаем с регулярностью, что позиции судей в наибольшей степени противостоят позиции двух профессиональных групп, которые более других вовлечены в постоянную практику взаимодействия с судами.

Сопоставляя структуру размежевания оценок в двух только что проанализированных вопросах, мы можем сделать вывод, что руководствоваться социальным статусом сторон при вынесении судебных решений считается экспертами неправильным. В связи с этим уместно здесь отвлечься на анализ сходного соседнего вопроса 71 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются

[5] Кендэл М. Ранговые корреляции. – Зарубежные статистические исследования / Пер. с англ. М., «Статистика», 1975.

Таблица 2.4.3

Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 71 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями общественных интересов или общественной пользы?»

Варианты ответов	Судьи	Адвокаты	Юристы	Журналисты	Правозащитники
1. Бывает довольно часто	19,6	36,0	13,9	17,6	10,8
2. Бывает довольно редко	34,8	40,0	27,8	52,9	51,4
3. Такие решения практически исключены	32,6	4,0	36,1	11,8	32,4
4. Затрудняюсь ответить	13,0	20,0	22,2	17,6	5,4

соображениями общественных интересов или общественной пользы?». По замыслу это такой же вопрос относительного того, в какой степени судьи при вынесении суждений руководствуются посторонними соображениями, лежащими за пределами закона. Однако в данном случае реакция экспертов совершенно иная. Разница настолько разительна, что таблица частот (таблица 2.4.3) заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью.

Мы видим, что в данном случае, нет столь резких отличий между профессиональными группами, как это наблюдалось раньше, и (за исключением адвокатов) довольно амбивалентное распределение оценок по вариантам ответов. Такое ощущение, что эксперты различаются не только по поводу оценки судебной практики, но и в отношении того, следует ли признавать практику, затрагиваемую вопросом, позитивной или негативной. Коль скоро это так, то это дает интересную информацию о правовом сознании экспертов. Значимая часть их признает такую практику естественной.

Другая характеристика, которой мы воспользуемся, среднее значение оцифрованных ответов всех респондентов для всех вопросов – Ei (раздел 1.3), что позволит нам выделить вопросы-темы, представляющие и наиболее болезненные проблемы, и наиболее благополучные стороны функционирования судебной власти. Но прежде всего, рассмотрим, как соотносятся стандартное отклонение оцифрованных

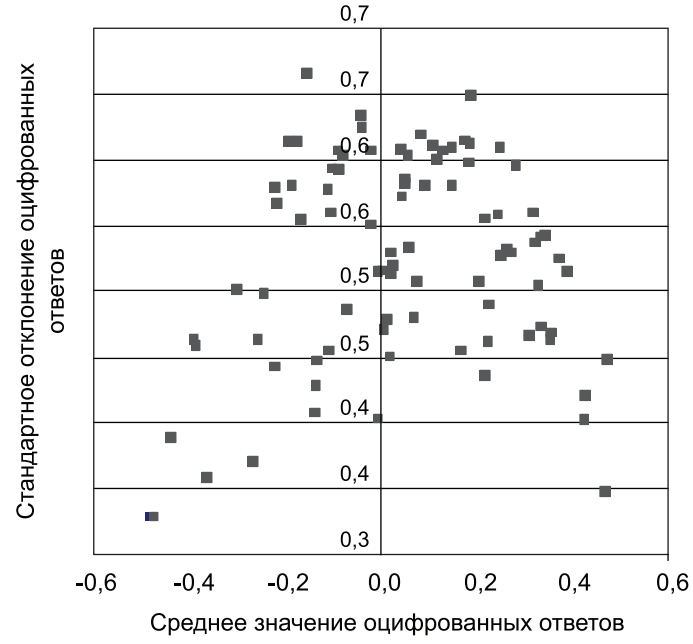


Рисунок 2.4.1. Диаграмма рассеяния двух переменных (одна точка – один вопрос анкеты): среднее значение оцифрованных ответов по всем экспертам (ось X), стандартное отклонение оцифрованных ответов по всем экспертам (ось Y)

ответов и среднее значение оцифрованных ответов. Графическое представление указанного соотношения приведено на диаграмме рисунка 2.4.1.

Мы видим на диаграмме рассеяния перевернутую U-образную статистическую зависимость ожидаемого характера. Стандартное отклонение становится меньше и варьируется в меньшем диапазоне для вопросов, располагающихся на полюсах шкалы среднего значения оцифрованных ответов. Для вопросов со средними, близкими к нулю, стандартное отклонение варьируют в более широком диапазоне, но оно не может быть достаточно низким. Это означает, что относительно вопросов с высокими и низкими средними эксперты достаточно единодушны.

Теперь рассмотрим вопросы с наименьшими средними значениями оцифрованных ответов. Это вопросы, касающиеся тех аспектов функционирования судебной власти, которые рассматриваются экспертами как наиболее проблемные. Вот список этих аспектов (указываются номера соответствующих вопросов и значения средних):

48. Обременительность расходов на услуги адвоката для обычного гражданина (-0,483).

52. Обременительность для обычного гражданина неофициальных затрат (подарков, взяток и т.п.) при участии в судебном разбирательстве (-0,472).

53. Обременительность для среднестатистического юридического лица неофициальных затрат (подарков, взяток и т.п.) при участии в судебном разбирательстве (-0,438).

46. Возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике (-0,390).

88. Традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ) (-0,387).

55. Качество бесплатной правовой помощи (-0,363).

Следом рассмотрим аналогичный список для наибольших значений средних. Соответствующие вопросы касаются аспектов функционирования судебной власти, оцениваемых экспертами как наиболее благополучные:

65. Ориентация судов при вынесении решений на практику вышестоящих судов (0,469).

15. Престижность профессии судьи внутри юридического сообщества (0,469).

6. Влияние на независимость судей социальных гарантий деятельности судей (0,428).

5. Влияние на независимость судей финансовых гарантий деятельности судей (0,425).

47. Частота обращения в суды людей для защиты своих прав (0,388).

30. Влияние норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти, на доступность правосудия (0,373).

Теперь проанализируем содержание двух приведенных выше списков. Чуть выше, в связи с вопросом 71 экспертной анкеты, разбирался случай относительного единодушия экспертов в связи с оценкой явления, неоднозначно оцениваемого экспертами. Вопрос 65 снова дает нам пример подобного явления. Обратимся к приведенной ниже диаграмме рисунка 2.4.2.

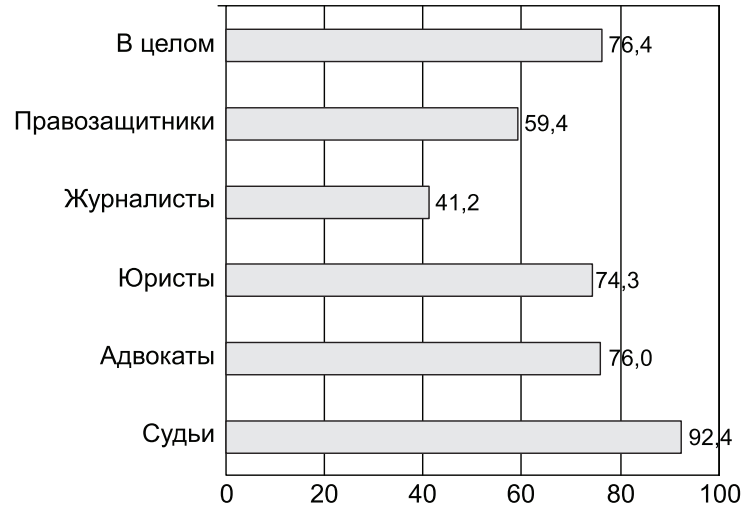


Рисунок 2.4.2. Суммы частот (в процентах) выбора ответов 1 «Ориентируются всегда и неукоснительно» и 2 «Ориентируются почти всегда» на вопрос 65 экспертной анкеты «В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?» для различных профессиональных групп и в целом для всех экспертов

Мы видим единодушие в позиции судей, которая появляется каждый раз, когда представители этой профессиональной группы в нашей выборке выражают позитивную оценку какого-либо аспекта функционирования судов. Из этого вытекает, прежде всего, что та ориентация на вышестоящие суды, которая затрагивается в вопросе 65, трактуется судьями как позитивное качество судейского корпуса. Что касается остальных профессиональных групп, дополнительный анализ показывает следующее. Мы видим, что большинство представителей этих профессиональных групп, так же как и судьи, рассматривают анализируемое нами явление как достаточно распространенное. Но оценка данного явления на групповом уровне амбивалентна: есть как те, кто разделяет позитивную оценку этого явления судьями, так и те, кто оценивает это явление негативно. Тем самым мы можем говорить о неустоявшемся, переходном состоянии правового сознания профессионального юридического сообщества,

в котором не сформировалась единая позиция относительно одного из важнейших аспектов процессуальной независимости судей и судебных решений.

Мы видим из первого списка, что он почти полностью состоит из вопросов, касающихся неформальных аспектов доступности правосудия. Единственное исключение в этом списке – вопрос 88 о традиции общественного контроля над работой судебной власти. В этом же списке имеются вопросы 52 и 53. Это означает, что проблемы коррупции эксперты относят к числу критических. Но констатируя такой вывод, мы должны учитывать, что оба эти вопроса вызвали у экспертов значительные затруднения: доля ответов «Затрудняюсь ответить» составляет 55 и 59%, соответственно, для обоих вопросов (главным образом, за счет судей).

Второй список представляется разнообразнее. Мы уже обсудили в нем специфический вопрос 65. Оставшиеся пять вопросов касаются четырех различных сюжетов. Некоторые из них допускают сравнение с данными, полученными в наших социологических опросах. С них мы и начнем.

Вопрос 15 касался такого важного сюжета, как престижность профессии судьи внутри юридического сообщества. Мы видим, что этот аспект представляется экспертам довольно благополучным. Около 70% экспертов считают, что профессия судьи котируется как «весьма престижная» и еще более 15% признают ее «вершиной юридической карьеры». Однако это благолепие, конечно, весьма относительно. Характерно, что среди судей самый позитивный ответ выбрали только 20,7%. Для сравнения: вопрос 16, касающийся престижности судейской профессии в оценке массового сознания, получил 12-е место по среднему оцифрованных вопросов со средним значением, равным 0,328. А теперь сравним с данными опросов. В оценках респондентов выборок граждан и предпринимателей судьи устойчиво занимают третье место в списке престижности юридических профессий. У предпринимателей они делят третье-четвертое места (с адвокатами), уступая нотариусам и прокурорам. А у граждан они пропускают вперед адвокатов и прокуроров. Если учесть, что соревнуются за лидерство непосредственные участники судебных разбирательств, то положение судей нельзя признать блестящим.

Теперь перейдем к вопросу 47 анкеты, которым экспертам предлагалось оценивать частоту обращения в суд граждан для защиты своих прав и интересов. Из соответствующей таблицы Приложения

мы видим, что более 28% экспертов полагают, что обращение в суд – «очень распространенная практика», и еще более 55% считают, что это «довольно распространенная практика». Более других проявляют оптимизм по поводу активности граждан судьи, а меньше других – правозащитники. А теперь сопоставим эти оценки с данными нашего опроса на выборке граждан. Установлено, что только 18,1% респондентов сами обращались когда-либо в суды для разрешения каких-то проблем и затем участвовали в соответствующих судебных разбирательствах[6]. Таким образом, мы снова убеждаемся, что ***агенты поля юстиции имеют довольно смутное представление о его клиентах***.

Вопросы 5 и 6 анкеты давали возможность экспертам высказать суждения о влиянии финансовых и социальных гарантий на независимость судей. Понятно, что мы обсуждаем эти вопросы потому, что они вошли в список тех вопросов, которые связаны с аспектами деятельности судов и судей, оцененные экспертами как наиболее благополучные. Мы видим из соответствующих таблиц Приложения, что, к примеру, по мнению 17,5% экспертов финансовые гарантии «полностью способствуют» независимости судей; и еще 53,9% экспертов дают оценку «в некоторой степени способствуют». Однако от обобщенной картины перейдем к сравнению разных экспертных групп. Для этого будем использовать групповые средние оцифрованных ответов для вопросов 5 и 6 (см. рисунок 2.4.3).

Из диаграммы этого рисунка мы видим, во-первых, что, за одним исключением (группа журналистов), эксперты различных групп статистически неразличимо оценивают действенность двух типов гарантий – социальных и финансовых. Это довольно странно, поскольку различна природа двух видов гарантий, а финансовые обрели функцию гарантий только после того, как сравнительно недавно заработная плата судей достигла достойного уровня. Во-вторых, мы видим очень высокий разброс средних для различных групп: максимум (судьи) более чем в пять раз превосходит минимум (правозащитники). Это требует объяснения.

Здесь мы сталкиваемся с интересным эффектом, выявленным нами в ходе глубинных интервью. Некоторые эксперты говорили нам примерно так: «Существенное повышение судейской зарплаты, вместо теоретически предполагаемого укрепления их независимости,

[6] Отметим, что репрезентативная российская выборка представляет не все население страны, а только правоспособных граждан в возрасте не менее 18 лет.

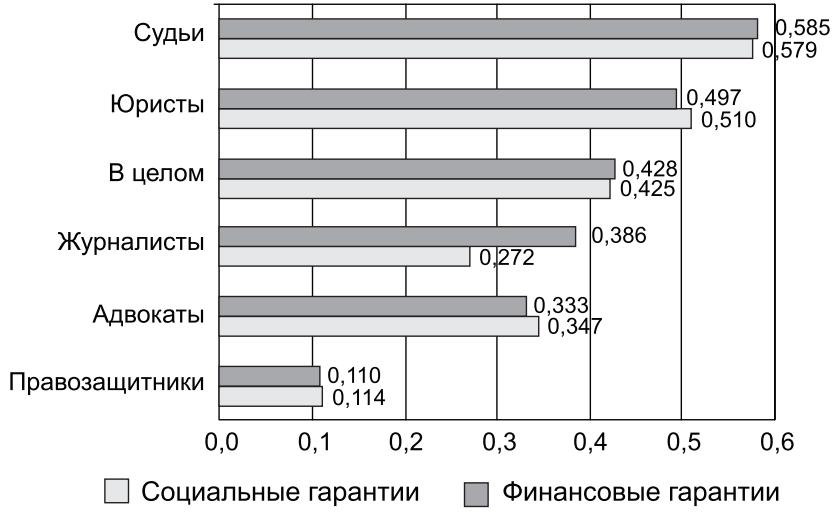


Рисунок 2.4.3. Средние значения оцифрованных ответов на вопросы экспертной анкеты 5 «Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?» и 6 «Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют социальные гарантии деятельности судей?» для различных профессиональных групп и в целом для всех экспертов

привело к еще большему их закрепощению». И тут нет никакого откровения. Ведь то же самое касается и социальных гарантий, о чем было известно довольно давно. Например, предоставление судьям квартиры может оборачиваться подарком самого разного качества, что делает тех, кто эти квартиры предоставляет, в определенной степени хозяевами судьбы многих судей. Подобным образом, утверждают эксперты, повышение зарплаты закрепило зависимость судей в связи со страхом потерять статус. Судьи нередко вынуждены встраиваться в бюрократическую судебную вертикаль и систематически подтверждать лояльность ей.

Бесспорно: социальные и финансовые гарантии трактуются обычно как одно из средств обеспечения независимости судей. Но в нашем случае это «лекарство» дает противоположный эффект. Объяснение такой загадки можно найти в идеях отцов «Второй кибернетики»

перуанских биологов Матураны и Варелы[7]. Они сформулировали следующий важный тезис: «Внешние воздействия на сложную адаптивную саморазвивающуюся систему ***не инструктивны***». Иными словами, воздействия не содержат в себе инструкции, согласно которой сложная система должна реагировать на эти воздействия. Поэтому сложные системы реагируют на внешние воздействия в соответствии со своей внутренней структурой. Следовательно, различные сложные системы могут по-разному реагировать на одно и то же внешнее воздействие. В нашем случае специфическая реакция судебного поля на повышение зарплаты судей объясняется тем, что судебная власть уже была бюрократически иерархизирована в такой степени, что это доминирующее свойство превратило повышение зарплаты судей в дополнительный рычаг воздействия на них.

Теперь вернемся к результатам анализа экспертных ответов на вопросы 5 и 6. Наши рассуждения позволяют выдвинуть следующую гипотезу, объясняющую полученный результат. Мы видим, что наиболее высокая оценка влияния гарантий на независимость судей принадлежит самим судьям и корпоративным юристам. Мы предполагаем, что позиция юристов в данном случае определяется, прежде всего, представлениями о должном, сформированными общепризнанными положениями о влиянии гарантий на независимость судей. Такое предположение подтверждается, в частности, низкой частотой выбора юристами ответов 4 «Скорее препятствуют независимости» и 5 «В высокой степени препятствуют независимости правосудия и судей» (2,8% и 0,0% соответственно, равным образом для обоих вопросов). Распределение частот ответов в группе судей весьма близко к тому, что выявлено для группы юристов. Но если в первом случае теоретические представления могли теснить при генерации ответов практические наблюдения, то в случае судей этот вариант кажется маловероятным. Скорее всего, речь в данном случае идет о влиянии корпоративной солидарности, побуждающей судей «лакировать» действительность. Это предположение будет неоднократно подтверждаться ниже. В случае ответов адвокатов и правозащитников практика становится доминирующей, что и приводит к низкой оценке, вызванной наблюдением специфической реакции судебного поля на воздействие гарантиями.

[7] Идеи Матураны и Варелы использовал Никлас Луман при построении своей теории социальных систем.

Нам осталось коснуться ответов экспертов на вопрос 30 о влиянии норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти, на доступность правосудия. Тут самое интересное – непосредственное попадание этого сюжета в список тех, что были оценены экспертами наиболее положительно. Это создает контраст попаданию в первый список наиболее негативных сюжетов нескольких вопросов о неформальных аспектах доступности правосудия. Следовательно, мы имеем пример высокого разрыва между формальным и неформальным аспектами одной из важных сторон функционирования судебной власти, что работает на Гипотезу 1, сформулированную в начале данного текста.

Глава 3
Россия: макроанализ

В этом разделе мы воспользуемся теми индексами, которые были описаны выше в параграфе 1.3 и Приложении. Наша главная цель – подтверждение Гипотезы 1, которую мы повторяем здесь целенаправленно и систематически:

Гипотеза 1. Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна.

3.1. Сопоставление оценок для разных экспертных групп

Прежде всего, обратимся к основным данным, которыми мы будем оперировать в этом разделе. Речь идет о данных вычисления индекса P_p (см. раздел 1.3), который вычислен по всем 14 критериям, приведенным в разделе 1.2, для каждой экспертной группы в отдельности. Таким образом, Pp есть в данном случае доля положительных ответов на все вопросы анкеты, связанные с каждым критерием, для каждой экспертной группы в отдельности. Результаты вычисления значений индексов приведены ниже в таблице 3.1.1 вместе с рангами этих значений. Наименьший ранг для каждой экспертной группы приписывается самому большому значению критерия, т.е. критерию, занявшему первое место по своему значению. Наибольший ранг приписывается наименьшему значению критерия. Этот критерий, следовательно, в данной экспертной группе соответствует наиболее проблемному аспекту функционирования судебной власти. Например, в группе судей видят больше всего проблем в неформальном

Индексы и ранги значений индексов критериев оценки работы
и по всем экспертам в целом. Чем выше значение индекса, тем выше
Чем ниже ранг значения индекса, тем выше качество работы суда

№	Характеристика	Судьи		Адвокаты	
		Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
1	Формальный аспект независимости судов	0,838	2	0,740	1
2	Неформальный аспект независимости судов	0,658	9	0,303	12
3	Формальный аспект независимости судей	0,763	4	0,585	4
4	Неформальный аспект независимости судей	0,696	8	0,386	8
5	Формальный аспект доступности судов	0,610	11	0,493	7
6	Неформальный аспект доступности судов	0,479	14	0,346	11
7	Формальный аспект справедливости правосудия	0,769	3	0,691	2
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	0,730	6	0,252	13
9	Качество норм, регулирующих работу судебной власти	0,752	5	0,642	3
10	Качество практики реализации норм	0,620	10	0,219	14
11	Качество неформальных практик	0,696	7	0,348	10
12	Степень влияния сопряженных институтов	0,551	13	0,358	9
13	Обеспеченность судов (по разным факторам)	0,560	12	0,513	6
14	Принятие решений судьями	0,841	1	0,560	5

Таблица 3.1.1

судебной власти среди отдельных профессиональных групп экспертов
качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов.
по данному критерию с точки зрения экспертов

Корпоративные юристы		Журналисты		Правозащитники		Вся выборка	
Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
0,818	1	0,659	2	0,609	1	0,733	1
0,338	12	0,364	10	0,291	11	0,391	10
0,700	2	0,591	5	0,502	5	0,628	4
0,459	8	0,435	8	0,393	8	0,474	8
0,511	7	0,500	7	0,432	7	0,509	7
0,347	11	0,281	14	0,299	10	0,350	13
0,576	5	0,644	3	0,500	6	0,636	3
0,290	13	0,299	12	0,251	13	0,364	12
0,658	3	0,676	1	0,542	4	0,654	2
0,220	14	0,294	13	0,207	14	0,312	14
0,410	9	0,395	9	0,353	9	0,440	9
0,381	10	0,335	11	0,286	12	0,382	11
0,563	6	0,630	4	0,568	2	0,567	6
0,615	4	0,544	6	0,551	3	0,622	5

аспекте доступности судов. А адвокаты, юристы и правозащитники видят больше всего проблем в качестве практики реализации норм. Из таблицы 3.1.1 можно усмотреть и другие частности. Например, самой благополучной зоной судьи считают принятие решений судьями (14-й критерий). А та же троица – адвокаты, юристы и правозащитники – видят наименьшее число проблем в формальном аспекте независимости судов. Таблица 3.1.1 показывает нам, что в оценке экспертными группами разных аспектов функционирования власти имеются как различия, так и определенные сходства. Наша задача в них разобраться. Начнем с различий. С этой целью для каждой экспертной группы и для всех экспертов в целом вычислим средние значения индексов по всем критериям. Это делается, чтобы избавиться от влияния различий в численности экспертных групп. Полученные средние характеризуют оценку качества функционирования судебной власти представителями каждой экспертной групп и всеми экспертами. Результаты вычислений приведены ниже на диаграмме рисунка 3.1.1.

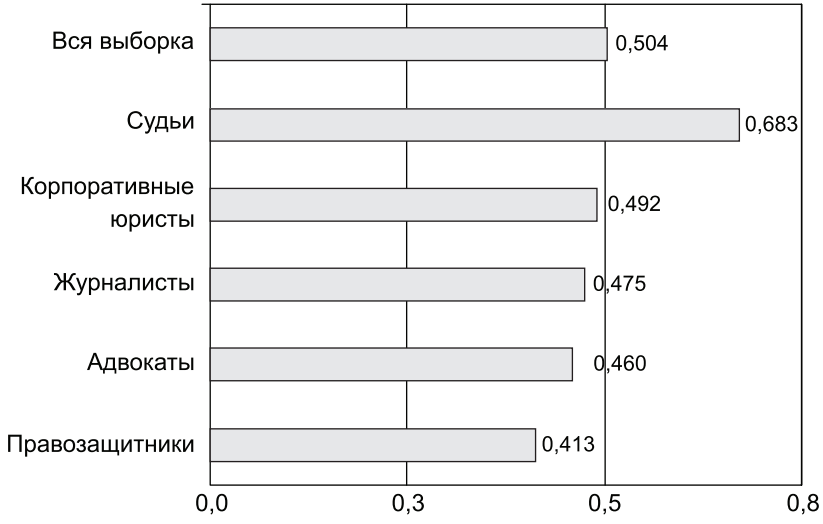


Рисунок 3.1.1. Усредненный по всем критериям индекс работы судебной власти внутри отдельных профессиональных групп и в целом по всем экспертам

Из диаграммы рисунка 3.1.1 видно, что судьи в своих оценках существенно сдвинуты в положительную сторону относительно остальных групп экспертов. Тут можно усмотреть предполагавшийся и ранее естественный мотив корпоративной защиты. На противоположном полюсе расположена группа правозащитников. Их сдвиг в сторону негативных оценок также понятен, поскольку по роду своей работы им приходится систематически сталкиваться с наиболее тяжелыми случаями нарушений прав граждан. Однако возникает вопрос о причинах наблюдаемых отличий. Возможны два принципиально различных объяснения. Первое – разные профессиональные группы имеют неодинаковые взгляды на функционирование судебной власти и иерархию проблем, выражаемую в значениях критериев; эти иерархии (структуры проблем) существенно различаются от группы к группе. Второе объяснение: структуры (иерархии) проблем в различных экспертных группах более или менее схожи; главные различия между группами состоят в различной оценке степени тяжести проблем. Огрубляя, можно сказать, что оценки разных групп сдвинуты в положительную (как у судей) или отрицательную (как у правозащитников) стороны шкал индексов.

Эти альтернативы могут быть легко проверены простым способом. Возьмем столбцы таблицы 3.1.1 для каждой группы (заодно и для всех экспертов), содержащие ранги значений критериев, и подсчитаем для этих шести столбцов коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Если все эти коэффициенты в совокупности достаточно велики, то мы имеем право выбрать вторую из перечисленных альтернатив, что, конечно, упрощает наш анализ. В противном случае, мы обязаны остановиться на первой альтернативе и анализировать разнообразие наблюдаемых структур (иерархий). Результаты вычислений ранговых корреляций приведены в таблицы 3.1.2.

Мы видим, что в таблицы 3.1.2 только одно значение ранговой корреляции слегка не дотягивает до пятипроцентного уровня. Да и то, речь идет о паре [судьи, правозащитники], различия внутри которой были видны и ранее. Слегка отклонившись от основной линии изложения, мы вынуждены прокомментировать этот результат. Прискорбно, что именно в представлениях этих двух групп – самые большие различия (хотя и не антагонистические). Ведь речь идет о двух отрядах (один – от власти, другой – от гражданского общества), решающих общую задачу: предоставление гражданам услуг справедливости.

Таблица 3.1.2

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между столбцами рангов из таблицы 3.1.1. Одной и двумя звездочками помечены корреляции, позволяющие отвергнуть гипотезу о независимости ранжировок на пяти- и однопроцентном уровнях соответственно

	Судьи	**Адвокаты**	**Юристы**	**Журналисты**	**Правозащитники**	**Все**
Судьи	1	0,605*	0,629*	0,616*	0,515	0,695**
Адвокаты	0,605*	1	0,965**	0,930**	0,890**	0,965**
Юристы	0,629*	0,965**	1	0,908**	0,925**	0,956**
Журналисты	0,616*	0,930**	0,908**	1	0,886**	0,978**
Правозащитники	0,515	0,890**	0,925**	0,886**	1	0,899**
Все	0,695**	0,965**	0,956**	0,978**	0,899**	1

Исходя из данных таблицы 3.1.2, мы видим, что имеем веские основания остановиться на второй из перечисленных выше альтернатив, что будет использовано ниже при анализе.

Еще одно забавное наблюдение из таблицы 3.1.2: самая высокая корреляция в таблице соответствует паре [все эксперты, журналисты]. Если позволить себе легкую спекуляцию (должен же кто-то иногда говорить о журналистах доброе слово), то допустим такой вывод: усредненную (общую) точку зрения лучше всех отражают журналисты.

3.2. Сопоставление критериев

Теперь мы можем перейти к сопоставлению различных критериев, которыми в данном исследовании описывается качество работы судебной власти в различных аспектах. Это подведет нас непосредственно к проверке гипотезы 1. Чтобы читатели не заподозрили нас в статистическом трюкачестве, мы воспользуемся двумя способами сопоставления критериев.

Но сначала несколько слов о том, каким образом мы можем судить в данном случае о правдоподобности гипотезы 1. Напомним, что среди четырнадцати критериев выделяется две группы. Первая – критерии, характеризующие внутренние формальные аспекты функционирования судов и судей, касающиеся качества соответствующего нормативного регулирования. Иногда мы описываем всю эту сферу термином «институциональный дизайн» – возможно, не полностью адекватным. Вторая – критерии, относящиеся к остальным аспектам функционирования судебной власти. Эти аспекты касаются либо функционирования институтов, сопряженных с судебной властью и влияющих на ее функционирование, либо относящиеся к неформальной сфере (включая неформальные институты). Если Гипотеза 1 верна, то мы увидим, что индексы критериев первой группы будут иметь в среднем более высокие значения, чем индексы критериев второй группы.

Теперь обратимся к диаграмме рисунка 3.2.1. На ней различные критерии сравниваются по значениям индекса, приведенного в последнем столбце таблицы 3.1.1. Будем анализировать результаты, представленные на рисунке 3.2.1 вместе с данными следующей диаграммы (3.2.2). Напомним, что в конце предыдущего параграфа мы пришли к заключению, что оценки экспертов различных профессиональных групп несколько сдвинуты друг относительно друга. Это может смазывать сравнение с помощью обычного среднего арифметического. Поскольку мы убедились в определенном сходстве структур оценок у разных экспертных групп, то можем воспользоваться другим способом сравнения критериев. Мы используем столбцы рангов индексов из таблицы 3.1.1 и усредним их по всем группам экспертов. На диаграмме рисунка 3.2.2 приведены результаты этих вычислений.

Сначала некоторые технические и частные комментарии к этому рисунку. Средний ранг, который использован сейчас для сравнения критериев, изменяется в промежутке от 1 до 14. Обратите внимание, что вычисленные нами средние ранги заполняют почти весь промежуток изменения (от 1,3 до 13,2). Это лишний раз говорит о том, что вычисление среднего ранга – в нашем случае адекватная процедура.

Однако для некоторых критериев разброс рангов может быть ощутимым. Выявим такие критерии с помощью совместного использования двух критериев. Первый – разница между максимальным и минимальным рангами: второй – та же разница, отнесенная к среднему рангу. По совокупности двух этих статистик выделяются

пять критериев, которые перечисляются ниже вместе со значениями двух примененных статистик:

– Формальный аспект справедливости правосудия (4; 1,09).
– Неформальный аспект справедливости правосудия (7; 0,61).
– Качество норм, регулирующих работу судебной власти(4; 1,33).
– Обеспеченность судов (по разным факторам) (10; 1,67).
– Принятие решений судьями (5; 1,25).

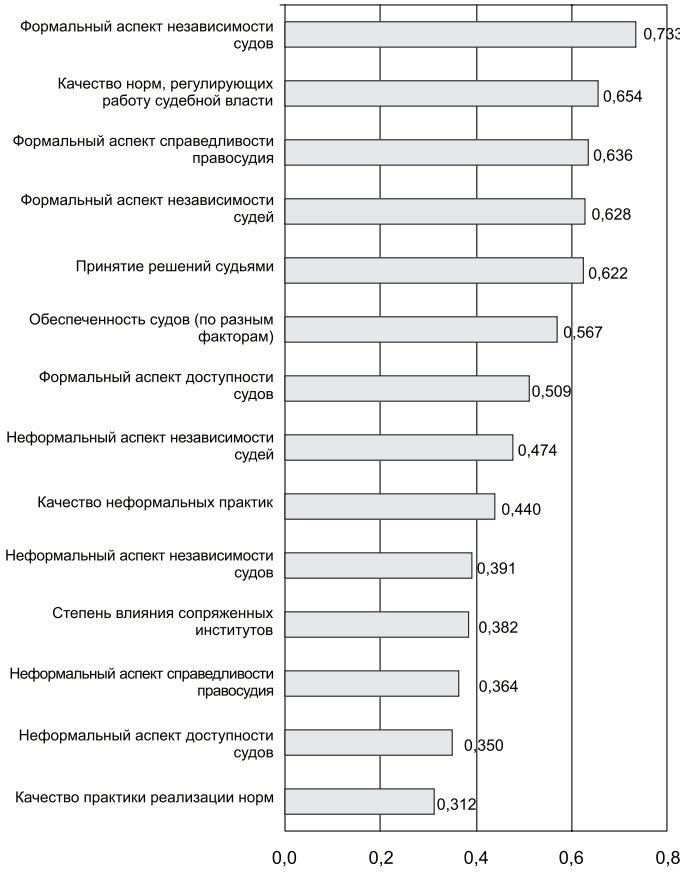


Рисунок 3.2.1. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам, полученные как среднее значения критерия по всем экспертам

Оценка «формального аспекта справедливости правосудия» проявила различия между группами адвокатов, которые отвели этому критерию второе место, и правозащитниками, среди которых тот же критерий занял шестое место. Впрочем, это различие не очень существенно. А вот «неформальный аспект справедливости правосудия» растащил оценки судей, присвоивших этому критерию шестое место, и трех групп – адвокатов, корпоративных юристов и правозащитников,

Рисунок 3.2.2. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам, полученные как среднее значения рангов индексов по пяти экспертным группам

дружно поставивших этот критерий на далекое 13-е место (журналисты поставили на 12-е место). Тут мы видим явное проявление корпоративного духа, побуждающего судей приукрашивать ситуацию. «Качество норм, регулирующих работу судебной власти», представители группы журналистов ставят на первое место, чему вряд ли стоит придавать значение в силу дружной позиции остальных групп, которые отвели этому критерию места с третьего по пятое.

Рекордный разрыв мы наблюдаем при оценке «обеспеченности судов». По мнению судей, ситуация почти трагическая, поскольку этот критерий поставлен ими на 12-е место. С судьями категорически не согласны правозащитники, отнесшие этот критерий на 2-е место (т.е. считая данный аспект весьма благополучным). Ситуация столь же курьезная, сколь велик разрыв между местами. Единственное утешение в том, что этот критерий не существенен для оценки проверяемой нами гипотезы. То же самое можно сказать и о последнем из отобранных нами критериев – «принятие решений судьями». Нас не удивит уже, что эксперты-судьи отвели этому критерию первое место, сочтя, что именно здесь самая благополучная зона функционирования судов. Вершина корпоративной этики! Иной точки зрения придерживаются журналисты, присвоившие данному критерию шестое место. Общее пятое место, отводимое всеми экспертами этому критерию, надо признать вполне достойной оценкой судебного корпуса.

Итак, мы увидели самый драматичный разрыв в оценках критерия «обеспеченность судов», но это обстоятельство не влияет на решение главной задачи – проверки Гипотезы 1.

3.3. Проверка Гипотезы 1

Вернемся к диаграммам рисунков 3.2.1 и 3.2.2. Используем их, чтобы построить таблицу, которая позволит сопоставить данные обеих диаграмм, с одной стороны, и списки критериев, относящихся к группе благополучных и проблемных качеств, с другой стороны. Для этого по данным обеих диаграмм мы отберем критерии (пригодные для проверки Гипотезы 1) из верхней семерки благополучных и нижней семерки проблемных. Из сопоставления исключаются критерии «Принятие решений судьями» и «Обеспеченность судов», поскольку они не имеют отношения к решаемой задаче по своему

Таблица 3.3.1

Сравнение списков критериев, распределенных по группам благополучных и проблемных, по данным диаграмм 3.2.1 и 3.2.2. Сохранено упорядочение критериев на диаграммах

Группа	Критерии, отобранные по средним значениям (и рангам)	Средние значения	Средние ранги
Благополучные критерии	1. Формальный аспект независимости судов	0,733	1,3
	9. Качество норм, регулирующих работу судебной власти	0,654	3,0
	7. Формальный аспект справедливости правосудия	0,636	3,7
	3. Формальный аспект независимости судей	0,628	4,0
	5. Формальный аспект доступности судов	0,509	4,0
Проблемные критерии	6. Неформальный аспект независимости судей	0,474	8,0
	11. Качество неформальных практик	0,440	8,8
	2. Неформальный аспект независимости судов	0,391	10,7
	12. Степень влияния сопряженных институтов	0,382	11,0
	8. Неформальный аспект справедливости правосудия	0,364	11,5
	6. Неформальный аспект доступности судов	0,350	12,2
	10. Качество практики реализации норм	0,312	13,2

содержанию. Но интересно другое: после исключения этих двух критериев оставшиеся упорядочены одинаково и по средним значениям, и по средним рангам. Это не математический артефакт, а свидетельство устойчивости наблюдаемых нами эффектов. Результаты

распределения критериев по двум группам содержатся в таблице 3.3.1. Фактически она в иной удобной форме представляет результаты диаграмм 3.2.1 и 3.2.2.

Самый главный факт, вытекающий из данных таблицы 3.3.1: мы видим, что список проблемных критериев полностью совпадает со списком критериев, характеризующих либо неформальные аспекты функционирования судов, либо влияние сопряженных институтов (внеинституциональные аспекты). Вместе с тем, список благополучных критериев полностью совпадает со списком критериев, характеризующих формальные аспекты функционирования судебной власти. То же самое утверждение можно сформулировать по-другому: значение индекса любого критерия, характеризующего формальные аспекты функционирования судебной власти, выше значения индекса любого критерия, характеризующего внеинституциональные аспекты. Тем самым ***Гипотеза 1 получает убедительное подтверждение***.

Рассмотрим данные таблицы 3.3.1 подробнее. Она позволяет сделать нам следующие частные выводы:

– наиболее проблемной зоной эксперты сочли практику реализации норм, регулирующих работу судебной власти и неформальный аспект доступности судов;

– из проблемных критериев внеинституционального толка наименее проблемным эксперты сочли «Неформальный аспект независимости судей»;

– наиболее благополучными аспектами функционирования судов эксперты определили «Формальный аспект независимости судов» и «Качество норм, регулирующих работу судебной власти»;

– в списке благоприятных аспектов наименее благоприятным эксперты определили «Формальный аспект доступности судов».

Теперь попробуем численно квалифицировать разрыв между формальными и неформальными аспектами функционирования судебной власти. Для этого сосредоточимся на четырех базовых аспектах функционирования судебной власти: независимость судов, независимость судей (судебных решений), доступность судов и справедливость правосудия. Каждый из этих аспектов характеризуется двумя критериями, описывающими формальную и неформальную стороны проявления данного аспекта. Воспользуемся индексом P_n для каждого критерия и внутри одного аспекта рассмотрим отношение этого индекса для неформального критерия относительно формального.

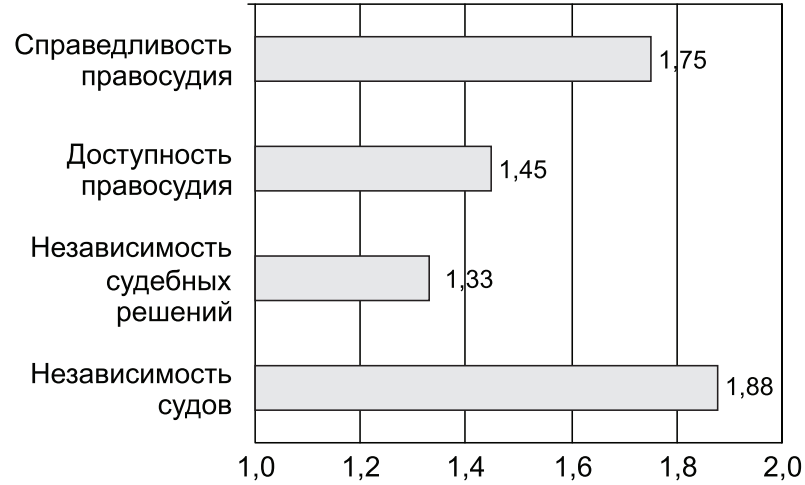


Рисунок 3.3.1. Значения индекса R_n для четырех базовых аспектов функционирования судебной власти

Обозначим этот индекс символом R_n. Его смысл предельно ясен: во сколько раз чаще эксперты выбирают отрицательные ответы в отношении неформальной стороны некоторого аспекта по сравнению с формальной стороной этого же аспекта.

Индекс R_n можно рассчитать отдельно для каждого из четырех аспектов по всем экспертам. Это позволит нам определить, в какой мере эксперты полагают неформальные критерии функционирования судов более проблемными по сравнению с формальными для каждого аспекта. Результаты таких расчетов приведены на рисунке 3.3.1.

Из диаграммы этого рисунка мы заключаем, что максимальный разрыв в проблемности неформальной и формальной сторон функционирования судебной власти достигается для независимости судов, а минимальный – для независимости судебных решений. Это различие между двумя типами независимости требует объяснения. Возможная гипотеза такова. Можно предположить, что оценки экспертов определяются не только личным опытом, но и дискурсом в отношении судебной власти. Мы установили при анализе дискурса (см. Электронное приложение к книге), что тема независимости

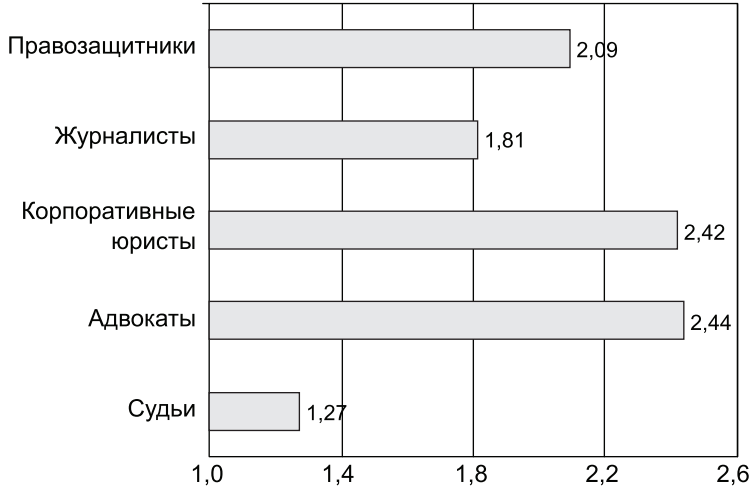


Рисунок 3.3.2. Значения индекса R_n в отношении независимости судов для пяти профессиональных групп экспертов

судов – самая популярная, в то время как процессуальная независимость судей обсуждается несопоставимо меньше. Возможно, что это обстоятельство влияет на полученные результаты. Конечно, данная гипотеза, несмотря на ее правдоподобность, нуждается в дополнительных подтверждениях.

Теперь для независимости судов рассчитаем индекс Rn отдельно для каждой экспертной группы, что позволит нам определить, в какой мере представители каждой из групп проблематизируют неформальную сторону этого аспекта функционирования судов по сравнению с формальным[8]. Рассмотрим результаты этих расчетов на диаграмме рисунка 3.3.2.

Мы видим на диаграмме этого рисунка, что более других проблематизируют разрыв между неформальным и формальным аспектами независимости судов адвокаты и корпоративные юристы: превышение частоты выбора негативных ответов почти в два с половиной раза.

[8] Мы выбрали именно независимость судов, поскольку чуть выше было установлено, что именно для этого аспекта деятельности судебной власти максимален разрыв между неформальным и формальным критериями.

Таблица 3.3.2

Значения индекса R_n для различных аспектов функционирования судебной власти в оценке разных профессиональных групп экспертов

Аспекты	Профессиональные группы				
	Судьи	Адвокаты	Корпоративные юристы	Журналисты	Правозащитники
Независимость судов	1,274	2,442	2,420	1,810	2,093
Независимость судей	1,096	1,516	1,525	1,359	1,277
Доступность судов	1,273	1,425	1,473	1,779	1,445
Справедливость правосудия	1,053	2,742	1,986	2,154	1,992

А судьи почти не признают существование такого разрыва в данной сфере. Тут, видимо, нуждается в объяснении отличие оценок правозащитников от единой позиции адвокатов и корпоративных юристов. Можно предположить, что основное различие лежит в сфере практик представителей этих групп. Возможно, что адвокаты и корпоративные юристы существенно чаще сталкиваются с неформальной стороной деятельности судов. Чтобы проанализировать эти различия, подробнее рассмотрим все четыре аспекта функционирования судебной власти через призму индекса R_n. Результаты представлены в таблице 3.3.2.

Похоже, что влияние практики представителей различных профессиональных групп экспертов действительно влияет на их оценки, что далее сказывается в наблюдаемых нами результатах вычисления различных индексов. Мы выше фактически разобрали эту гипотезу, для независимости судов и видим, что сохраняется то же самое соотношение между оценками правозащитников, с одной стороны, и адвокатов и корпоративных юристов – с другой. В случае доступности судов самой пессимистической оценкой характеризуются журналисты. Скорее всего, это объясняется тем, что из всех профессиональных

групп они больше всего страдают от неформальных ограничений по формально свободному доступу в зал суда.

Крайне любопытна последняя строчка. Дело, конечно, не в том, что судьи не разделяют пессимизма остальных экспертов в отношении разрыва между неформальным и формальным аспектами справедливости правосудия. Это неудивительно. Мы видели в первых трех строчках практически солидарную позицию адвокатов и корпоративных юристов. А в отношении справедливости правосудия их позиции резко разошлись. Если корпоративные юристы дают статистически неразличимые оценки вместе с журналистами и правозащитниками, то адвокаты остались в гордом пессимистическом одиночестве. В данном случае различие позиций между адвокатами и корпоративными юристами объясняется практически однозначно. Корпоративные юристы имеют дело с арбитражным процессом, реже – с административным. А адвокаты чаще работают в судах общей юрисдикции, сталкиваясь (чаще) с уголовным и (реже) с административным процессами. Но выше мы видели (см. рисунок 2.3.2) пример того, что процессуальная справедливость в оценках всех экспертов лучше обеспечивается в арбитражном процессе, по сравнению с уголовным или административным. Стало быть, адвокаты в своей практике чаще сталкиваются с нарушениями процессуальной справедливости, нежели корпоративные юристы. Тем самым мы получаем еще одно подтверждение Гипотезы 2.

3.4. Портреты[9] профессиональных групп экспертов

Мы завершим данный раздел, развив тему, возникшую в конце предыдущего параграфа в связи использованием индекса R_n для описания различий между разными профессиональными группами. Прежде всего, воспользуемся приемом выделения вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифрованных ответов (по пять вопросов), как это делалось в параграфе 2.4, применительно к каждой профессиональной группе, вернувшись тем самым к микроанализу. А затем снова обратимся к макроанализу, рассмотрев

[9] Этот термин используется здесь как метафора описания отдельных групп экспертов.

Таблица 3.4.1

Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы судей

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	**Индекс**	**Вопрос**	**Индекс**
63. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,713	36. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения арбитражных дел?	-0,300
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,661	55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,350
30. Каким образом нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на доступность правосудия?	0,658	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,465
40. В какой степени является проблемой при обращении в суд график его работы?	0,617	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,465
85. В какой степени состязательность и равноправие сторон являются естественной профессионально-этической нормой судебного сообщества?	0,605	53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,475

особенности профессиональных групп в терминах четырнадцати используемых нами критериев.

Мы видим из данных таблицы 3.4.1, что четыре из пяти позитивно оцененных судьями вопросов касаются собственно работы судов и судей. Вместе с тем, четыре из пяти максимально негативно

Таблица 3.4.2

Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы адвокатов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	**Индекс**	**Вопрос**	**Индекс**
47. Как часто люди обращаются в суды для защиты своих прав?	0,517	82. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в административном процессе?	-0,493
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,517	46. Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?	-0,515
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,462	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,558
16. В какой степени профессия судьи является уважаемой в общественном сознании?	0,350	19. Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судейской бюрократии?	-0,580
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,347	17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияние на судей?	-0,595

оцененных вопросов относятся к внешним по отношению к судьям и судам факторам. Сюда же относится, естественно, и вопрос о достаточном числе судей, ибо оно определяется за пределами судебной власти. Интересно, что в список негативно оцененных вопросов входят и два, касающихся неофициальных затрат клиентов. Возможно, что здесь коррупция, о которой, по существу, идет речь в вопросах,

Таблица 3.4.3

Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы корпоративных юристов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	**Индекс**	**Вопрос**	**Индекс**
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,510	67. Насколько охотно судьи пользуются возможностью встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	-0,542
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,510	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,554
6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые и социальные гарантии деятельности судей?	0,497	20. Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?	-0,598
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,467	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,604
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,458	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,618

трактуется как внешний «природный» фактор, что свойственно восприятию коррупции гражданами России[10]. Если такое предположение

[10] Тут снова уместно напомнить, что при ответе на два вопроса о коррупции эксперты – и судьи в первую очередь – очень часто уклонялись от ответа.

Таблица 3.4.4

Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы журналистов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	**Индекс**	**Вопрос**	**Индекс**
21. В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?	0,439	55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,551
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,434	45. В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?	-0,555
16. В какой степени профессия судьи является уважаемой в общественном сознании?	0,427	46. Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?	-0,583
30. Каким образом нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на доступность правосудия?	0,422	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,603
6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые и социальные гарантии деятельности судей?	0,386	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,706

справедливо, то снова появляются основания для заключения о том, что судьи при выборе ответов руководствуются в существенной мере корпоративными интересами. Однако ниже мы увидим, что они, во-первых, не одиноки, а во-вторых, корпоративный интерес – не единственное основание для такого ответа.

Таблица 3.4.5

Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы правозащитников

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	**Индекс**	**Вопрос**	**Индекс**
71. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями общественных интересов или общественной пользы?	0,426	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,553
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,418	17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияние на судей?	-0,571
21. В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?	0,316	41. Предусматривают ли нормы, регулирующие работу судов, возможность прибегать к помощи специальных консультантов – работников суда (например, помощников судей и работников канцелярий, секретариатов)?	-0,571
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,302	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,649
32. Каким образом на доступность правосудия влияют финансовое и материальное обеспечение (здания, связь и т.п.)?	0,293	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,649

Рассмотрим, что общего в определении благополучных или проблемных зон в различных профессиональных группах. Начнем

с позитивной стороны работы судов и судей. Во всех группах, кроме журналистов, в числе максимально позитивно оцененных обнаруживается вопрос 65, касающийся зависимости судебных решений от практики вышестоящих судов. Эксперты фиксируют, тем самым, наличие такой зависимости. Однако остается открытым вопрос: хорошо это или плохо (как это обсуждалось выше в параграфе 2.3). С одной стороны, такая зависимость способствует единству правоприменения, позволяет исправлять судебные ошибки. С другой стороны, такая зависимость препятствует самостоятельности судебных решений. Еще одно сходство обнаруживается между группами судей и журналистов: эксперты обеих групп высоко оценивают влияние на доступность правосудия норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти (вопрос 30). На этом исчерпываются сходства между группой судей и остальными группами. В остальном обнаруживаются отличия группы судей от остальных и сходства между последними.

Все четыре группы отмечают престижность судейской профессии (вопросы 15, 16) либо внутри юридического сообщества, либо в общественном мнении, либо и то, и другое (как адвокаты). Эта единая оценка тем более характерна, что она не поддержана подобными оценками судей. Они свою оценку престижности судейской профессии внутри юридического сообщества поместили на 13-е место, а в глазах общественного мнения – аж на 31-е. Подобная скромность требует объяснения. Ведь она вступает в противоречие не только с оценками остальных экспертов, но и с данными наших социологических опросов. Бизнесмены ставят суды на первое место по доверию среди всех властных и общественных институтов. Граждане ставят суды на первое место среди всех властных институтов. Но тут речь идет об институтах. Когда речь идет о самих судьях, ситуация меняется. В ответе на прямой вопрос: «Какой вид юридической деятельности. С вашей точки зрения, пользуется наибольшим уважением в нашей стране?», бизнесмены и граждане ставят судей на третье-четвертое место вслед за адвокатами, прокурорами, нотариусами. Причем на эту иерархию не влияет даже опыт общения с судом, что вполне естественно. Но выясняется одно крайне любопытное обстоятельство. Если мы посмотрим, как оценивают престиж судейской профессии в зависимости от типа используемых источников информации, то обнаруживается отчетливая зависимость: те респонденты, которые пользуются преимущественно профессиональной информацией о работе судов,

помещают судей на первое место. Особенно отчетливо это проявляется у предпринимателей. Отсюда напрашивается вывод относительно тенденции, доминирующей в СМИ («любительском» источнике информации) в отношении оценки судей: она преимущественно негативная. Понятно, что такая оценка оказывает влияние на диспозиции граждан. Следовательно, пытаясь объяснить низкую самооценку судьями престижа своей профессии в глазах общества, мы можем предположить с весомой долей уверенности, что судьи рефлексируют формируемое в СМИ представление о себе и учитывают его, вынося свои суждения при оценке на соответствующий вопрос экспертной анкеты. Впрочем, возможно и другое объяснение: завышенная самооценка приводит судей к высокой требовательности к окружающим, не находящей достаточного подтверждения. Это и приводит к наблюдаемому нами результату – сравнительно низкой оценке престижа своей профессии в глазах других.

Еще один фактор, объединяющий позитивные оценки трех групп, помимо групп судей и правозащитников, образован оценками гарантий независимости судей, как финансовых, так и социальных, в разных сочетаниях (вопросы 5 и 6). Судьи, впрочем, оценивают эти аспекты своей работы достаточно уважительно, отводя им 8-е и 9-е места. Правозащитники ставят их на 12-е и 14-е места. Видимо, они считают, что материальные стимулы не относятся к числу самых главных. Иные объяснения рассматривались выше. Тут, как представляется, следует отводить этим оценкам нужное место. Мы полагаем, что указанные позитивные оценки гарантий следует трактовать как оценку их нормативного наличия и масштаба. Иное дело – их конечный эффект. Выше уже упоминалось, что высокая зарплата судей в нынешних условиях, скорее, закрепляет их зависимость, нежели стимулирует независимость, как было установлено в глубинных интервью.

Теперь перейдем к сопоставлению рекордно негативных оценок проблем, затронутых вопросами экспертной анкеты. Первое, что бросается в глаза, это единая точка зрения на два вопроса, оценка которых объединяет все группы, кроме адвокатов. Один вопрос, номер 42, касается обременительности услуг адвокатов. Последние осознают это как проблему, но отводят ей лишь 65-е место. Другой вопрос, номер 52, формулируется так: «Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?» Тут, надо признать, адвокаты не попали в общую компанию по чисто формальному критерию: они поставили

эту проблему на шестое место по степени негативности. Поэтому мы вправе присоединить их оценку к оценкам остальных групп.

Поразительно, что, единодушно признав эту проблему как одну из самых критических, профессиональные группы не были столь же едины в реакции на прямой вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?». В пятерку поместили эту проблему лишь отважные корпоративные юристы. Адвокаты и правозащитники отвели коррупционному влиянию 81-е место, близкое к рекордной негативной пятерке. Журналисты присвоили коррупции 71-е место, а судьи – умеренное 54-е место. Разумно предположить, что различная реакция на фактически одну и ту же проблему объясняется различием формулировок. В случае вопроса 20 тема коррупции вводится так, что подразумеваются прямые участники этого безобразия: те, кто «коррупционно влияет» и кто поддается влиянию. В случае же вопроса 52 коррупция находится на фоне страдающего от него населения (большие издержки) в виде абстрактного зла. Понятно, что в этом случае признать явление и степень его негативности гораздо легче. Тем не менее, надо отдать должное объективности экспертов, внесших проблему, поставленную вопросом 52, в число наиболее критических. На этом важные общие черты групп заканчиваются и начинаются специфические черты.

Мы видим из таблицы 3.4.4, что журналисты, со свойственной им профессиональной непосредственностью, позитивнее всего оценивают собственную сферу деятельности: они полагают, что граждане крайне нуждаются в их информации. Точно так же к сфере корпоративного интереса относятся два негативно оцененных вопроса – 45 и 46, касающихся доступа к нужной журналистам информации. Поэтому можно предположить, что в оценках данной профессиональной группы также прослеживается корпоративный интерес.

К специфическим особенностям группы правозащитников нужно отнести негативную оценку ею обозначенной выше проблемы, представленной вопросом 88. Но если для прочих профессиональных групп признание этой проблемы – лишь хладнокровная констатация факта, то в случае правозащитников – очевидная самокритика, которая не была продемонстрирована другими группами.

Теперь вернемся к макроанализу и воспользуемся рангами индексов для отбора специфических черт профессиональных групп. В следующую таблицу мы будем отбирать критерии, специфические для той или иной группы в двух случаях. Первый случай: если некоторая

Таблица 3.4.6

«Портреты» профессиональных групп экспертов, построенные по рангам критериев внутри этих групп, выделяющихся в позитивную или негативную сторону по отношению к оценкам остальных групп

Профессиональные группы	Аспекты, оцениваемые контрастно позитивно	Аспекты, оцениваемые контрастно негативно
Судьи	Формальный аспект доступности судов Неформальный аспект справедливости правосудия Качество практики реализации норм Качество неформальных практик Принятие решений судьями	Обеспеченность судов (по разным факторам)
Адвокаты	*нет специфических черт*	*нет специфических черт*
Корпоративные юристы	*нет специфических черт*	Формальный аспект независимости судей
Журналисты	Качество норм, регулирующих работу судебной власти	*нет специфических черт*
Правозащитники	*нет специфических черт*	*нет специфических черт*

группа приписала критерию ранг индекса, существенно более низкий, чем все остальные группы; это означает, что данная группа оценивает данное качество контрастно положительнее остальных групп. Второй случай: если некоторая группа приписала критерию ранг индекса, существенно более высокий, чем все остальные группы; это означает, что данная группа оценивает это качество контрастно отрицательнее остальных групп.

Адвокаты и правозащитники в описании таблицы 3.4.6 не выделяются, ибо сходны между собой и отличаются от остальных групп более негативными оценками в целом. Журналисты благодушно настроены в отношении законов, регулирующих работу судебной власти, а корпоративные юристы положительнее других оценивают

ту часть норм, которые регулируют независимость судебных решений. Оба указанных специфических признака не поддаются немедленной интерпретации и нуждаются в дополнительном анализе.

На другом полюсе описания – яркий портрет группы судей. В нем интересно то, что они единственные негативно оценивают обеспеченность судов. Тут, как говорится, им виднее. Однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что они последние годы стали получать весьма достойную зарплату. Вместе с тем, судьи, в основном, переоценивают качество неформальной стороны работы судов, что характерно и нуждается в объяснении, к чему мы и перейдем.

Говоря о том, что ответы экспертов могут порождаться корпоративными интересами, мы не должны забывать, что неформальная корпоративная этика группы порождается единством специфических для этой группы практик. Отсюда следует, что на ответы могут влиять эти практики непосредственно, без отнесения к корпоративным интересам. Зафиксируем этот факт, чтобы вернуться к нему чуть позже, закрепив за ним название «Аргумент № 1».

Наш проект различными способами (включая данное экспертное исследование) подтверждает базовую Гипотезу 2: «Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия».

Если мы говорим об уголовных делах, то здесь главная проблема, как показывают данные статистики и наши глубинные интервью, – обвинительный уклон. Но он объясняется в большей степени влиянием сопряженных институтов и старым правосознанием, когда судьи рассматривают себя не как арбитры, а как часть единой «правоохранительной системы», «карающей машины». Если говорить о гражданском или административном процессах, то здесь доля дел, в которых наличествует внешний властный или корыстный интерес, очень невелика. Еще меньше доля судей, которые послушно и привычно разрешают подобные дела в угоду внешнему интересу. Как показывают глубинные интервью, нынешние возможности председателей судов позволяют влиять на распределение дел. Внешнее влияние, особенно политическое или административное, осуществляется именно через председателей судов, а те перераспределяют это влияние на судей, о которых известно, что они «решат правильно». Итак, доля судей, в деятельности которых проявляются кардинальные дефекты правосудия, довольно невысока. Это утверждение мы назовем «Аргумент № 2».

Наконец, «Аргумент № 3». Разные исследования в рамках нашего проекта подводят к заключению о влиянии СМИ на оценки граждан (и в частности, экспертов) в отношении судебной власти. Более того, СМИ почти не рассказывают о позитивных сторонах работы судебной власти, но, напротив, что вполне естественно, охотно сосредотачиваются на негативных проявлениях работы судов. Это создает определенные комплексы у судей и влияет на диспозиции в отношении судов у остальных. Во время экспертного анкетирования ряд судей агрессивно воспринимали сам факт анкетирования, рассматривая его как часть «нападок», и уж тем более неприязненно они воспринимали вопросы, которыми презюмировалось наличие коррупции в судах или иных «неприличных» аномалий. Это – типичное проявление социального комплекса.

Три приведенные аргумента позволяют взглянуть более широко и непредвзято на наблюдаемое нами различие в ответах судей и остальных групп экспертов. Аргументы № 1 и № 2 вместе позволяют предположить, что среди наших экспертов большинство составляли обычные судьи, вовлеченные в рутинную судебную практику и принимающие нормальные судебные решения в соответствии с формальными нормами и укоренившимися традициями и представлениями (если говорить об уголовном процессе). Им повезло, ибо они непричастны к той части судебной практики, которая порождена внешними влияниями на судебные решения. Практика таких судей порождает их экспертные оценки, которые сдвинуты в положительную сторону относительно оценок остальных групп.

Что касается упомянутых остальных групп экспертов, то на них, в свою очередь, влияет их практика. Журналисты, в соответствии со стандартами и миссией профессии накидываются на негативные явления. Правозащитники систематически имеют дело с жертвами сбоев правосудия (иные к ним не обращаются). Корпоративные юристы систематически убеждаются в том, как трудно противостоять власти в самых банальных ситуациях. А адвокаты часто видят процессуальных оппонентов не в прокурорах, а в судьях; по крайней мере,

справедливые решения воспринимаются (не только ими) как норма или собственная победа, а не достоинство суда и судьи, а несправедливость западает в душу и приобретает характер закономерности. И на всех них действует информационный фон, создаваемый СМИ.

Из этих рассуждений можно было бы сделать вывод о непригодности в данном случае экспертных оценок как метода в принципе. Однако этот вывод не верен. Во-первых, для того и вовлекаются в экспертизу эксперты с разным практическим опытом, чтобы учесть разнообразие позиций. Кроме того, и это главное, наши основные выводы относительно базовых гипотез делаются на основании того общего, что есть в оценках различных экспертов с различным опытом.

Глава 4
Изучение шести транзитных стран

Главным результатом предыдущего раздела стало подтверждение базовой Гипотезы 1 нашего исследования, согласно которой «для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна[11]». Однако на данный момент это сделано только по материалам анкетирования российских экспертов. На этом основании мы вправе предположить, что Гипотеза 1 выполняется именно для России, с ее собственной спецификой. Альтернативная гипотеза состоит в том, что важен факт трансформации судебной власти, а не особенности страны. Чтобы выбрать одну из этих альтернатив, в рамках нашего исследования описанное выше экспертное анкетирование было проведено еще в пяти странах (см. таблицу. 4.1).

Список стран, приведенных в таблице 4.1, включает пять транзитных стран и Чили, где сравнительно недавно произошла масштабная реформа судебной власти. Включение Чили позволит нам разрешить еще одну альтернативу: что существенно для справедливости Гипотезы 1, факт транзита или факт судебной реформы?

При анализе экспертных данных из шести стран использовалась та же самая методика, что и ранее. Естественно, что сравнивались между собой страны так же, как выше сравнивались профессиональные группы. Приведенный ниже анализ частично повторяет логику проводившегося выше анализа. Следует иметь в виду, что эксперты из Чили не смогли дать ответы на 11 вопросов с номерами 11, 36, 37, 49, 52, 53, 78, 82, 83, 84, 85. Это вопросы, которые либо не соответствуют

[11] Здесь понятие «институциональный дизайн» трактуется как вся сфера нормативного регулирования работы судебной власти.

Таблица 4.1

Список стран, охваченных экспертным анкетированием и число экспертов из каждой страны, заполнявших анкету

Страна	Число экспертов
Болгария	33
Чили	24
Латвия	33
Польша	37
Россия	217
Украина	33

судебной системе Чили (конкретнее – классификации видов судебных процессов), либо неуместны с точки зрения культуры, традиций, общепринятых неформальных практик[12]. Однако это обстоятельство не снижает качество нашего анализа и надежность выводов.

4.1. Сравнение стран на уровне вопросов. Проверка Гипотезы 2

Приложение содержит таблицы частот ответов на вопросы анкеты в целом по шести странам и отдельно для каждой страны, а также таблицу средних значений оцифрованных ответов по всем экспертам отдельно для каждой из шести стран.

Последней статистикой можно воспользоваться, чтобы осуществить «быструю разведку» – проверить самое важное: есть ли какое-то общее сходство между ответами российских экспертов и экспертов из остальных стран. Это можно сделать сопоставлением вектора средних значений оцифрованных ответов российских экспертов

[12] Следует иметь в виду, что Чили – самая европеизированная из латиноамериканских стран, с довольно эффективными институтами, с низкой коррупцией. Судебная реформа в этой стране имела причины, отличные от таковых в транзитных странах. Подробнее об этом можно узнать в докладе нашего проекта «Сравнительное описание трансформации судебной власти в шести странах»; его текст расположен в Электронном приложении.

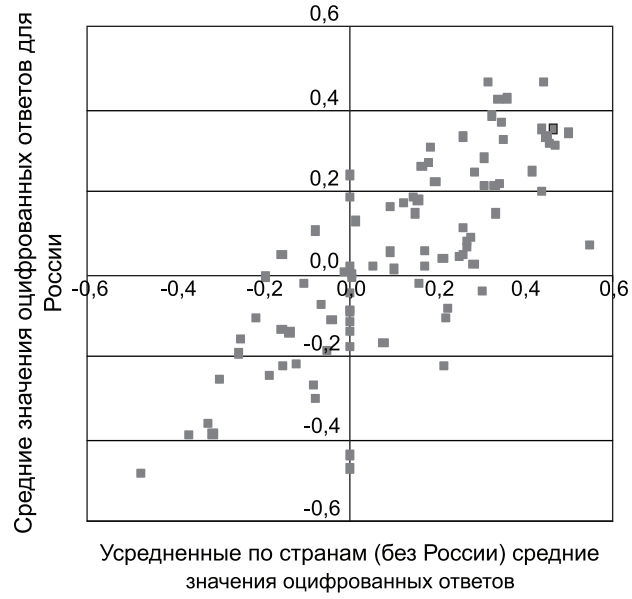


Рисунок 4.1.1. Диаграмма рассеяния двух переменных. Первая (ось X) – усредненные по пяти странам (без России) средние значения оцифрованных ответов. Вторая (ось Y) – средние значения оцифрованных ответов для России; одна точка соответствует одному вопросу

с вектором, полученным следующим образом. Берем средние значения оцифрованных ответов для остальных стран и усредняем их для каждого вопроса. Адекватность использования линейного коэффициента корреляции проверялась по форме приведенной ниже диаграммы рассеяния двух описанных переменных.

Мы видим на диаграмме рисунка 4.1.1 типичный пример облака точек, соответствующего линейной статистической зависимости. Значение вычисленного для двух указанных переменных коэффициента корреляции равно 0,819 при доверительной вероятности 8,52E-20, что соответствует весьма убедительной зависимости. Поскольку, как мы увидим ниже, Польша в ряду сравниваемых стран стоит несколько обособленно, то подобная проверка была дополнительно проведена без учета Польши. Кроме того, был проведен эксперимент с такими

Таблица 4.1.1

Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?» в целом по всем странам и внутри каждой из стран

Варианты ответов	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	Все
1. Решения судов исполняются всегда и неукоснительно	6,1	16,7	0,0	29,7	2,3	0,0	5,9
2. Решения судов исполняются за весьма редкими исключениями	33,3	66,7	45,5	70,3	25,0	6,1	33,0
3. Решения исполняются плохо, но для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников	39,4	8,3	36,4	0,0	38,0	45,5	33,0
4. Уровень исполнения крайне низок	9,1	4,2	15,2	0,0	31,9	45,5	24,7
5. Затрудняюсь ответить	12,1	4,2	3,0	0,0	2,8	3,0	3,5

же расчетами без учета Польши и Чили. Сколько-нибудь значимых изменений в конечный результат это не внесло. Таким образом, мы можем сказать, что ответы экспертов из России, с одной стороны, и из других стран, с другой стороны, несут сравнительно сходную информацию, что делает осмысленным более подробный анализ. Т.е. мы вправе ожидать наличие общих для всех стран закономерностей при существовании специфических различий.

Теперь сравним страны по ответам на некоторые вопросы, которые не вошли в списки вопросов, ассоциированных с критериями. Будут затронуты только те вопросы, для которых такое сравнение позволяет установить интересные и нужные нам факты.

Мы видим из данных таблицы 4.1.1 разделение стран на три пары. Первую образуют довольно благополучные Польша[13] и, чуть менее, Чили.

[13] Ниже мы проанализируем возможные причины плохо объяснимых различий между странами.

На противоположном полюсе мы видим братских Россию и Украину, которые характеризуются весьма высоким процентом выбора ответа 4 «Уровень исполнения крайне низок». Между ними середняки – Болгария и Латвия. Весьма логичное разделение на группы. Любопытно, что такое же разделение на пары сохраняется и для данных об ответах на вопрос 43 «В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?». Интересны также ответы на вопросы 45 и 46 о возможностях электронного доступа к информации о судах и судебной статистике. Здесь довольно благополучная Польша оказывается аутсайдером.

В разделе 2.3 вводилось понятие «ответ локализации», которым характеризовались ответы, указывающие на то, что некоторое свойство выполняется «...для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников...». В анкете 23 вопроса с ответами локализации. По ответам на эти вопросы строилась переменная λ – для каждого эксперта число случаев использования ответа локализации. Мы повторим этот прием для экспертов из других стран. Но для того, чтобы сделать сопоставимыми данные по Чили, мы ограничимся использованием 19 вопросов с ответами локализации. По результатам подсчетов, λ принимает значения в интервале от 0 (таких экспертов 36, между тем в России было только 4) до 16. Чем больше значение переменной λ, тем в большей степени эксперты придают значение эффекту локализации проблем судебной власти. Для дополнительного анализа с помощью таблиц сопряженности введем, как это было и выше, еще одну переменную Λ. Она принимает значение 1, если λ меньше 3 (34,7% экспертов), значение 2, если λ располагается в интервале от 3 до 7 (44,3%), и значение 3, если λ больше 7 (21%). Переменная Λ имеет тот же смысл, что и λ. Можно сказать так: чем выше значение Λ (или, что то же самое, λ), тем в большей степени эксперт представляет себе судебную власть как удовлетворяющую Гипотезе 2. Распределения величины Λ в разных странах приведены на рисунке 4.1.2.

При взгляде на диаграмму этого рисунка сразу бросается в глаза принципиальное отличие распределения величины Λ для Польши. Причем все остальные страны характеризуются статистически неразличимыми распределениями. Следовательно, эксперты из Польши пользуются ответами локализации несопоставимо реже, чем эксперты из других стран. 19 анализировавшихся вопросов с ответами локализации только в шести вопросах этот ответ использовался хотя бы одним экспертом. Вот тематика этих вопросов (с указанием

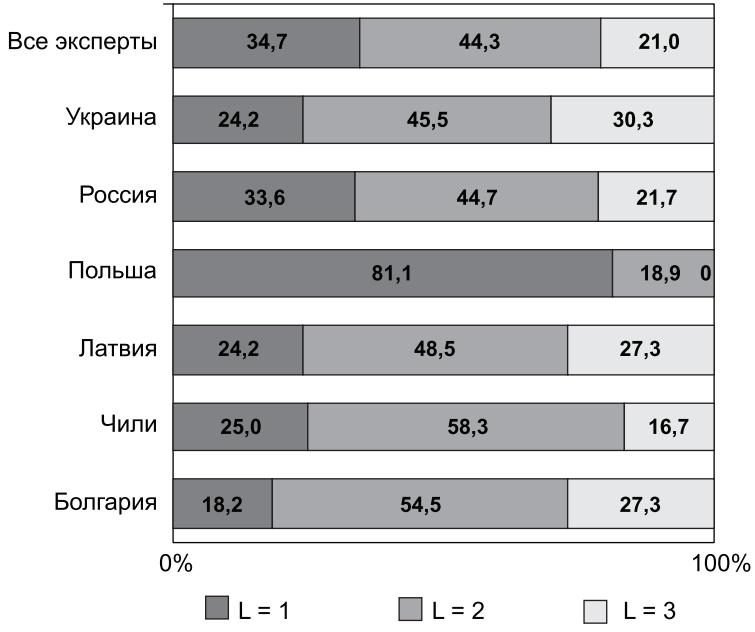


Рисунок 4.1.2. Распределение величины для экспертов каждой из стран и по всем экспертам в целом

номера вопроса – в скобках в начале строки – и частоты выбора ответа локализации – в конце в скобках):

– (18) существование практики проведения совместных обсуждений по применению норм закона между судьями и представителями институтов, сопряженных с судебной властью (56,8%);

– (24) руководствуются ли суды при вынесении решений соображениями этнической принадлежности, принадлежности к национальным меньшинствам, сторон (5,4%);

– (25) руководствуются ли суды при вынесении решений соображениями социальной принадлежности и статуса участников процесса (5,4%);

– (65) ориентация судов при вынесении решений на практику вышестоящих судов (2,7%);

– (86) использование затягивания рассмотрения дел судами в качестве инструмента нарушения права на доступ к правосудию (45,9%);

Таблица 4.1.2

Частоты выбора (в процентах) ответов на вопросы 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?» внутри группы болгарских экспертов, соотнесенные с различными значениями переменной Λ

Варианты ответов	Λ = 1	Λ = 2	Λ = 3
1. Является в полной мере и соблюдается	100,0	5,6	0,0
2. Формально декларируется, но бывают отдельные нарушения, не одобряемые профессиональным сообществом	0,0	44,4	55,6
3. Формально декларируется, но нередко нарушается без каких-либо моральных санкций	0,0	11,1	22,2
4. Институт профессионально-этических норм и санкций в этой сфере отсутствует	0,0	0,0	11,1
5. Затрудняюсь ответить	0,0	38,9	11,1

– (87) использование затягивания рассмотрения дел институтами, сопряженными с судом (следствие, прокуратура...), в качестве инструмента нарушения права на доступ к правосудию (18,9%).

Очевидно, что в этом списке вопросами 24, 25 и 65 можно пренебречь, невысокие проценты выбора ответов локализации на эти вопросы можно отнести к случайным отклонениям от нуля. А вот оставшиеся три вопроса, вполне возможно, характеризуют особенности судебной системы, традиций и неформальных практик в Польше. Характерно, что частоты выбора ответа локализации на вопросы 18 и 86 существенно выше среди польских экспертов, нежели среди экспертов других стран. Но, с учетом трех специфических исключений, в случае Польши эффект локализации не является распространенным так, как это было зафиксировано для России и как это фиксируется сейчас для остальных четырех стран. Следует вспомнить, что переменная Λ конструировалась для проверки Гипотезы 2. В связи с этим возникает предположение, согласно которому данная гипотеза не пригодна для Польши.

Однако продолжим работу с переменной Λ. Как и выше, в разделе 2.3, обратимся к ответам экспертов разных стран на вопрос 74, исключая из рассмотрения Польшу. Только в одной стране обнаруживается зависимость ответов на этот вопрос от переменной Λ такая же, как в России, – это Болгария. При нынешнем анализе данные зависимости близки и весьма значимы.

Как видно из содержимого таблицы 4.1.2, наблюдается более чем отчетливая зависимость ответов болгарских экспертов на вопрос 74 от того, насколько они убеждены, говоря введенным нами языком, в справедливости Гипотезы 2. Причем форма этой зависимости такая же, как мы видели выше в таблице 2.3.1, но более контрастная. Особенно это проявляется в частотах выбора ответа 1. Итак, можно сказать, что адекватность Гипотезы 2 для юридических пространств Болгарии и России подтверждается в равной мере с помощью анализа ответов на вопрос 74, но не подтверждается для Чили, Латвии и Украины. В параграфе 2.3 подобная проверка осуществлялась также и на вопросах 62, 69, 75. При обращении к этим вопросам при изучении стран в двух последних случаях снова проявилась идентичность Болгарии и России, остальные три страны снова оказались нечувствительны к этому методу проверки Гипотезы 2.

Перейдем к другому инструменту проверки Гипотезы 2 – это сравнение разных видов процессов с помощью вопросов 80–84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?», где на место многоточия подставляются пять различных видов судебного процесса. Если мы обратимся к соответствующим строкам таблицы П3.2 Приложения, то увидим следующее. Польша снова благополучна: средние оцифрованные ответы колеблются в интервале от 0,755 до 0,910. Данные по Чили позволяют сравнить только уголовный и хозяйственный процессы; да и то уголовный процесс оказывается более состязательным, что противоположно российским данным, приведенным на диаграмме рисунка 2.3.2[14]. В Литве хуже других арбитражный процесс, а в Болгарии – уголовный, но зато сравнительно состязательны административный процесс и дела об административных правонарушениях.

[14] Читатель наверняка обратит внимание, что числа на диаграмме рисунка 2.3.2 не совпадают с числами в российском столбце таблицы П3.2 против вопросов 80–84. В этом нет ничего удивительного, поскольку в параграфе 2.3 используются группированные средние, позволяющие избегать влияния численности группы судей. В таблице же П3.2 содержатся обычные средние по всем экспертам страны.

Обе страны также не напоминают Россию. А вот Украина ближе всех к России (в сравнении с данными диаграммы рисунка 2.3.2). Единственное отличие – сравнительное благополучие административного процесса.

Еще раз вспомним: Гипотеза 2 говорит о том, что дефекты, проблемы судебной власти не распределены случайно-хаотически, статистически однородно по судебному пространству, но, напротив, структурированы и концентрируются в определенных зонах, обладающих определенными характеристиками – юридическими, социальными, проблемными, ситуативными и т.п. Мы видели выше, что в случае России это подтверждалось весьма отчетливо и различными способами, подкреплялось социологическими результатами. Разумно предположить, что в странах, где дефекты судебной власти значительны, Гипотеза 2 действует по-разному, проявляясь разными способами в зависимости от судебной системы, культуры, традиций, истории развития и трансформации судебной власти. Похоже, что именно это мы наблюдаем, когда при разных способах тестирования Гипотезы 2 выявляем сходство России то с Болгарией, то с Украиной. Думается также, что наблюдение достаточно тонких эффектов, в которых проявляется действие Гипотезы 2, возможно при количестве экспертов, сопоставимом с тем, которое имелось в случае России. По крайней мере, один вывод мы можем сделать с достаточной степенью уверенности: распределение величины Λ, продемонстрированное на рисунке 3.1.2, показывает, что ***Гипотеза 2 не актуальна для Польши, но действует в разной степени и разными способами в остальных странах***.

4.2. Макроанализ. Проверка Гипотез 1 и 3

Теперь мы перейдем к макроанализу результатов экспертиз, проведенных в шести странах. Воспользуемся теми же индексами, что применялись в разделе 3 настоящей главы при анализе российских данных. Ниже приведены две таблицы. Первая (4.2.1) содержит значения индекса P_p (см. раздел 1.3 Части III), вычисленного по всем 14 критериям для каждой страны в отдельности и для всех экспертов вместе. Вторая таблица (4.2.2) содержит ранги значений индекса для каждой страны в отдельности. Теперь мы будем работать с этими данными.

Беглый взгляд на таблицы 4.2.1 и 4.2.2 подводит к следующим предварительным выводам. Во-первых, в целом сохраняется (за единственным исключением для Польши) тенденция, работающая на Гипотезу 1 нашего исследования: значения индекса выше для критериев, характеризующих формально-нормативную сторону функционирования судебной власти, и ниже для критериев, отражающих внеинституциональные аспекты работы судебной власти. Во-вторых, явно выделяется в положительную сторону Польша. Последнее различие иллюстрируется диаграммой рисунка 4.2.1, на которой каждой стране приписано среднее значение всех индексов по всем критериям (среднее по столбцам таблицы 4.2.1).

Значения индекса P_p по четырнадцати критериям работы судебной власти для каждой страны в отдельности и по всем экспертам в целом. Чем выше значения индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов

Таблица 4.2.1

№	Критерий	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	В целом
1	Формальный аспект независимости судов	0,702	0,714	0,723	0,963	0,733	0,731	0,748
2	Неформальный аспект независимости судов	0,435	0,551	0,562	0,751	0,390	0,354	0,454
3	Формальный аспект независимости судей	0,679	0,641	0,654	0,797	0,627	0,588	0,648
4	Неформальный аспект независимости судей	0,486	0,596	0,559	0,787	0,465	0,466	0,521
5	Формальный аспект доступности судов	0,511	0,590	0,534	0,739	0,494	0,554	0,543
6	Неформальный аспект доступности судов	0,448	0,485	0,471	0,504	0,344	0,338	0,395
7	Формальный аспект справедливости правосудия	0,688	0,720	0,760	0,795	0,666	0,848	0,696
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	0,428	0,493	0,552	0,811	0,473	0,403	0,453
9	Качество нормативного регулирования	0,629	0,643	0,649	0,872	0,678	0,676	0,674
10	Качество правоприменительной практики	0,403	0,458	0,446	0,828	0,400	0,364	0,405
11	Качество неформальных практик	0,488	0,608	0,554	0,750	0,514	0,449	0,506
12	Влияние сопряженных институтов	0,370	0,568	0,461	0,677	0,432	0,319	0,431
13	Обеспеченность судебной власти	0,419	0,521	0,455	0,851	0,566	0,459	0,555
14	Качество принятия судебных решений	0,580	0,672	0,693	0,868	0,685	0,712	0,666

Мы видим на диаграмме этого рисунка резкое отличие Польши от остальных стран, образующих компактную, статистически не различимую группу по значению использованной статистики. Может возникнуть гипотеза, что эксперты из Польши просто завышали оценки при ответах, руководствуясь «чувством национальной гордости». Но, как увидим ниже, есть и качественные отличия в ответах из Польши. Тем более необходимо сопоставление структуры значений индексов для разных стран так, как это делалось выше в параграфе 3.1. Сходным образом мы воспользуемся сопоставлением столбцов таблицы 4.2.2 с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмена. Результаты расчетов приведены в таблице 4.2.3.

Мы видим из данных таблицы 4.2.3, что пять стран из шести (без Польши) демонстрируют хорошую согласованность ранжировок на доверительном уровне ниже однопроцентного. Выделяется Польша. Правда, любопытно, что она демонстрирует структуру проблем (но не уровень проблемности), похожую более всего на российскую и, чуть меньше, на украинскую. Эти неожиданные сходства будут изучены позже.

А сейчас мы можем констатировать, что в целом согласованность между ранжировками вполне достаточна, чтобы применять те статистические приемы, которые применялись в параграфе 3.2. Поэтому начнем с сопоставления индексов критериев (последний столбец

Ранги значений индексов критериев оценки работы судебной власти
Чем ниже ранг значение индекса, тем выше качество работы суда

№	Критерий	Болгария
1	Формальный аспект независимости судов	1
2	Неформальный аспект независимости судов	10
3	Формальный аспект независимости судей	3
4	Неформальный аспект независимости судей	8
5	Формальный аспект доступности судов	6
6	Неформальный аспект доступности судов	9
7	Формальный аспект справедливости правосудия	2
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	11
9	Качество нормативного регулирования.	4
10	Качество правоприменительной практики	13
11	Качество неформальных практик	7
12	Влияние сопряженных институтов	14
13	Обеспеченность судебной власти	12
14	Качество принятия судебных решений	5

таблицы 4.2.1) на диаграмме рисунка 4.2.2. Мы видим иерархию критериев, довольно близкую той, что наблюдали отдельно для России на диаграмме рисунка 3.2.2. Так же, как и в параграфе 3.2, мы тут же переходим к средним рангам и на диаграмме рисунка 4.2.3 приводим данные последнего столбца таблицы 4.2.3.

Сравнивая диаграммы рисунков 4.2.2 и 4.2.3 с диаграммами рисунков 3.2.2 и 3.2.3, мы можем обратить внимание на то, что разброс значений индексов и усредненных рангов индексов для стран несколько меньше, чем в российском варианте. Это неудивительно, поскольку разнообразие оценок экспертов из разных стран все-таки выше, чем разнообразие оценок российских экспертов из разных экспертных

Таблица 4.2.2

для каждой страны в отдельности и по всем экспертам в целом.
по данному критерию с точки зрения экспертов

Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	В среднем
2	2	1	1	2	1,45
10	6	10	13	12	10,45
5	4	7	5	5	4,45
7	7	9	10	7	8,00
8	10	12	8	6	8,09
13	11	14	14	13	12,18
1	1	8	4	1	3,27
12	9	6	9	10	10,36
4	5	2	3	4	3,45
14	14	5	12	11	12,18
6	8	11	7	9	8,36
9	12	13	11	14	11,64
11	13	4	6	8	7,64
3	3	3	2	3	3,45

Таблица 4.2.3

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между столбцами-ранжировками из таблицы 4.2.2. Одной и двумя звездочками помечены корреляции, позволяющие отвергнуть гипотезу о независимости ранжировок на пяти- и однопроцентном уровнях соответственно

	Болгария	**Чили**	**Латвия**	**Польша**	**Россия**	**Украина**	**Все**
Болгария	1,000	0,868**	0,877**	0,358	0,758**	0,877**	0,833**
Чили	0,868**	1,000	0,886**	0,371	0,837**	0,859**	0,886**
Латвия	0,877**	0,886**	1,000	0,380	0,688**	0,785**	0,785**
Польша	0,358	0,371	0,380	1,000	0,714**	0,613*	0,635*
Россия	0,758**	0,837**	0,688**	0,714**	1,000	0,899**	0,930**
Украина	0,877**	0,859**	0,785**	0,613*	0,899**	1,000	0,947**
Все	0,833**	0,886**	0,785**	0,635*	0,930**	0,947**	1,000

групп. Существенно и влияние оценок польских экспертов. Мы уже видели, что Польша в их оценках имеет определенные структурные отличия. Интересно выглядит иерархия усредненных рангов на диаграмме рисунка 4.2.3. Довольно отчетливо просматриваются три группы критериев с малыми, средними и высокими средними рангами. Наконец, есть еще одно отличие. Иерархии критериев по российским данным удовлетворяли следующему жесткому условию (выполнявшемуся и для индексов, и для средних по странам рангов индексов): значение индекса любого критерия, характеризующего формальные аспекты функционирования судебной власти, выше значения индекса любого критерия, характеризующего внеинституциональные аспекты. В случае данных из шести рассматриваемых стран это условие нарушается одной инверсией – правда, только для рангов и при очень малой разнице между соответствующими средними рангами. Поэтому этим исключением можно пренебречь.

Теперь, следуя использованной выше методике, мы сводим данные обеих диаграмм в единую таблицу, подобную таблице 3.3.1. При формировании таблицы 4.2.4 по данным диаграмм рисунков 4.2.2

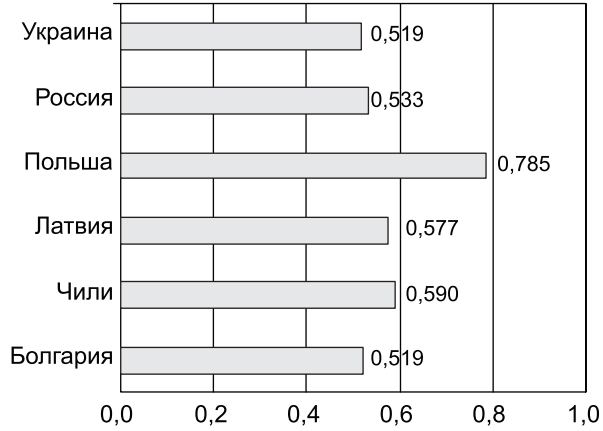


Рисунок. 4.2.1. Средние по всем критериям значения индексов для всех шести стран

и 4.2.3 отбираются критерии (пригодные для проверки Гипотезы 1) из верхней семерки благополучных и нижней семерки проблемных. Напоминаем, что при этом из сравнения в такой таблице исключены два критерия: «Обеспеченность судебной власти» и «Качество принятия судебных решений». В таблице сохраняется иерархия значений индексов и средних по странам рангов значений индексов.

Таблица 4.2.4 позволяет увидеть, что имеются три небольшие инверсии относительно упорядочений значений индексов на российских данных. Кроме того, в ячейках таблицы, соответствующих проблемным критериям, имеется одна несущественная инверсия при сравнении иерархий проблемных критериев для значений индексов и для средних по странам рангов значений индексов.

Все замеченные различия между иерархиями критериев отдельно для России и для шести стран вместе единичны и несущественны. Поэтому мы вправе утверждать, что Гипотеза 1 получает важное подтверждение для случая совокупности шести стран.

Теперь, по аналогии с индексом R, введенным в параграфе 3.3, определим индекс S для четырех базовых аспектов функционирования судебной власти – независимость судов и судей, доступность и справедливость правосудия. Он вычисляется как отношения доли положительных ответов на вопросы о формально-нормативной стороне каждого аспекта к доле положительных ответов на вопросы

Рисунок 4.2.2. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам шести стран, полученные как среднее значения критерия по всем экспертам. Чем больше значение индекса, тем более благополучную картину фиксирует соответствующий критерий

Рисунок 4.2.3. Усредненные по странам ранги индексов критериев работы судебной власти. Чем меньше средний ранг, тем более благополучную картину фиксирует соответствующий критерий

Таблица 4.2.4

Сравнение списков критериев, распределенных по группам благополучных и проблемных (по данным диаграмм рисунков 4.2.2 и 4.2.3). Сохранено упорядочение критериев на диаграммах

	Критерии, отобранные по средним значениям	**Критерии, отобранные по средним рангам**
Благополучные критерии	Формальный аспект независимости судов Формальный аспект справедливости правосудия Качество норм, регулирующих работу судебной власти Формальный аспект независимости судей Формальный аспект доступности судов	Формальный аспект независимости судов Формальный аспект справедливости правосудия Качество норм, регулирующих работу судебной власти Формальный аспект независимости судей Формальный аспект доступности судов
Проблемные критерии	Неформальный аспект независимости судей Качество неформальных практик Неформальный аспект независимости судов Неформальный аспект справедливости правосудия Степень влияния сопряженных институтов Качество практики реализации норм Неформальный аспект доступности судов	Неформальный аспект независимости судей Качество неформальных практик Неформальный аспект справедливости правосудия Неформальный аспект независимости судов Степень влияния сопряженных институтов Качество практики реализации норм Неформальный аспект доступности судов

о неформальной стороне того же аспекта. Иными словами: S показывает, во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной. Вычислим индекс S для каждой страны и для каждого из четырех базовых аспектов. Результаты вычислений представлены для всех шести стран на диаграмме рисунка 4.2.4. Ниже, для упрощения терминологии, будем использовать термин «разрыв» для соотношения между формальным и неформальным аспектами функционирования судебной власти, которое индицируется индексом S.

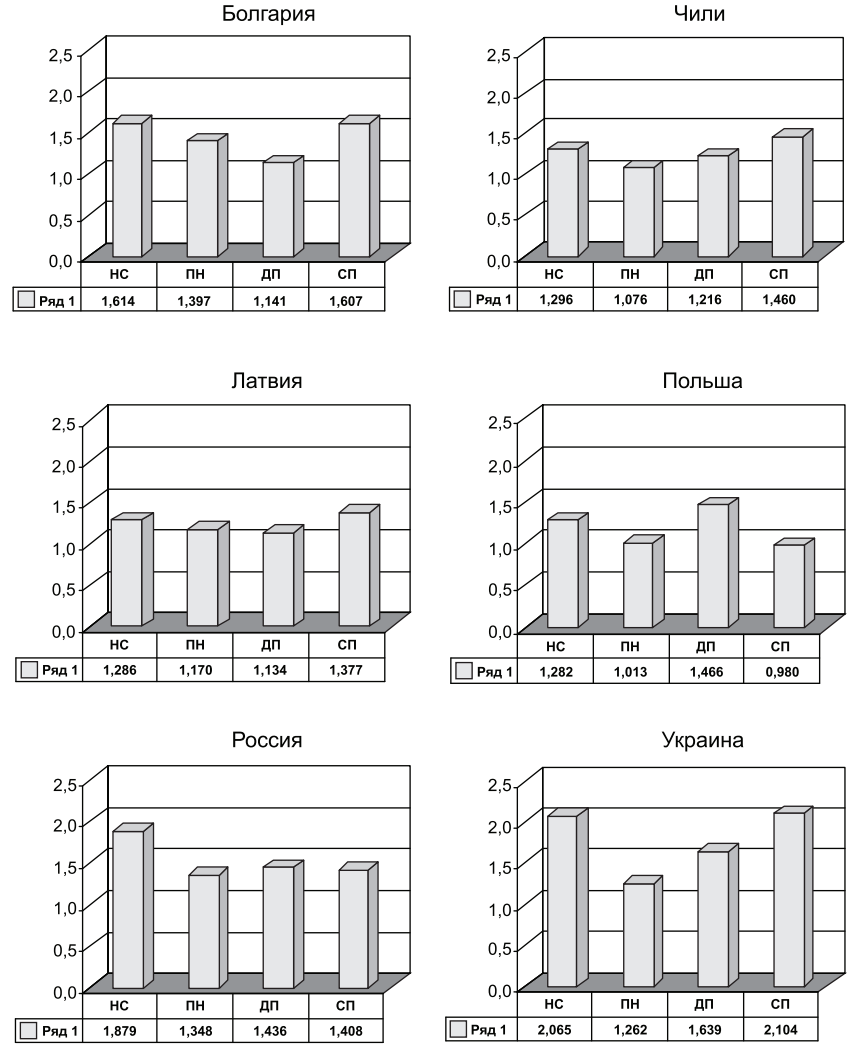
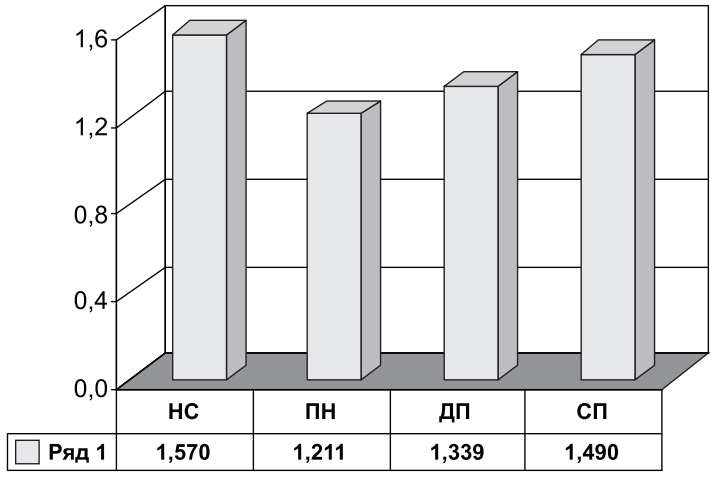


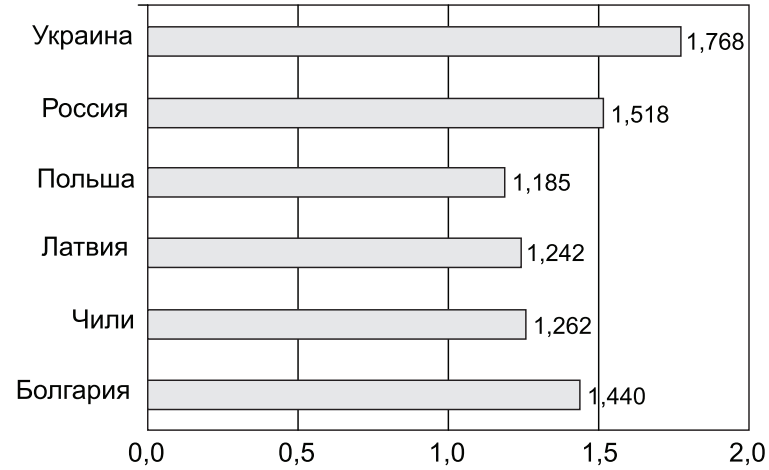
Рисунок 4.2.4. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной) для шести сравниваемых стран по четырем базовым аспектам работы судебной власти: НС – независимость суда, ПН – процессуальная независимость судей, ДП – доступность правосудия, СП – справедливость правосудия



Рисунка 4.2.5. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной), усредненного по шести сравниваемым странам для четырех базовых аспектов работы судебной власти: НС – независимость суда; ПН – процессуальная независимость судей; ДП – доступность правосудия; СП – справедливость правосудия

Мы видим из диаграммы этого рисунка, что шесть изучаемых стран весьма логично различаются по степени разрыва. Он наименьший для Польши, затем для Чили и Латвии. Далее следует Болгария. Самый высокий разрыв демонстрирует Украина. Россия уступает ей не очень много. Наши знания об этих странах дают основания предполагать, что фиксируемая степень разрыва для страны корреспондируется со степенью продвинутости трансформации судебной власти в том смысле, который определяется соответствием неформальных правил формальным нормам.

Другое наблюдение, которое позволяют сделать диаграммы рисунка 4.2.5, касается структурных различий. Мы видим, что в большинстве случаев для одной страны более высокие разрывы фиксируются для независимости суда и справедливости правосудия. Исключением является, что уже стало привычным, Польша. Переведем оба наблюдения в графическую форму.



Рисунка 4.2.6. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной) для шести сравниваемых стран в среднем по всем четырем базовым аспектам работы судебной власти вместе: НС – независимость суда; ПН – процессуальная независимость судей; ДП – доступность правосудия; СП – справедливость правосудия

Индексы, приписанные на диаграмме рисунка 4.2.5 четырем базовым аспектам функционирования судебной власти, получены из значений индексов, отображенных на рисунке 4.2.4, усреднением этих значений по шести странам. Мы видим, что максимальный разрыв свойственен независимости судов и справедливости правосудия. Интересно, что сходную картину можно наблюдать отдельно для России на диаграмме рисунка 3.3.1.

Сходным образом индексы на диаграмме рисунка 4.2.6 получены для каждой страны усреднением статистики R по четырем аспектам. Мы видим, как Польша, Латвия и Чили образуют группу стран с невысоким разрывом. Следом идут Болгария и Россия. Самый большой разрыв у Украины.

Нам осталось проанализировать несколько обобщенных критериев функционирования судебной власти: «Качество нормативного регулирования», «Качество правоприменительной практики»,

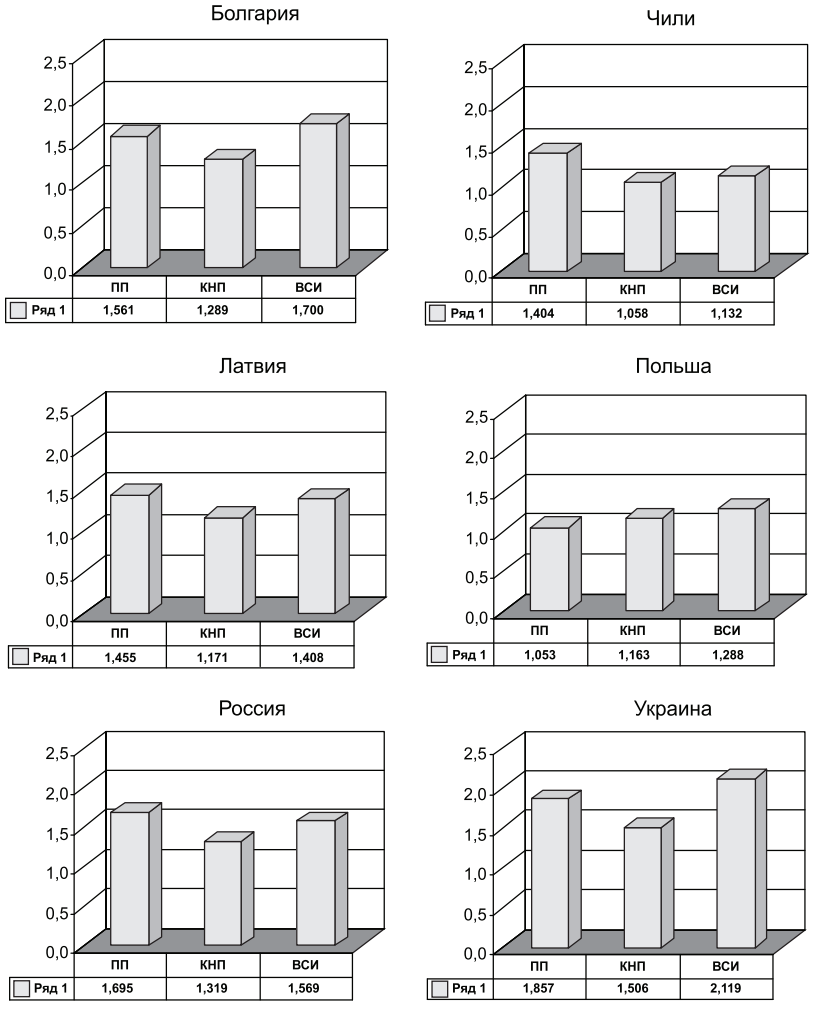


Рисунок 4.2.7. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают качество нормативного регулирования по сравнению с остальными обобщенными критериями), полученного усреднением по шести сравниваемым странам, по трем обобщенным критериям работы судебной власти: ПП – правоприменительная практика; КНП – качество неформальных практик; ВСИ – влияние сопряженных институтов

«Качество неформальных практик» и «Влияние сопряженных институтов». Мы воспользуемся тем же приемом, что и выше, основанном на использовании статистики S. На этот раз будем сопоставлять с ее помощью три последних критерия с критерием «Качество нормативного регулирования». Это означает, например, что для каждой из шести стран будем вычислять, во сколько раз чаще эксперты одной страны используют положительные ответы при ответе на вопросы о нормативном регулировании по сравнению с использованием положительных ответов при ответе на вопросы о правоприменительной практике. Затем точно так же мы проведем подобное сопоставление с неформальными практиками и с влиянием сопряженных институтов. В результате каждая страна будет описана тремя числами. Итоги этих вычислений представлены на диаграммах рисунка 4.2.7. Предварительно заметим, что качество нормативного регулирования оцениваются всеми странами, кроме Польши значениями индекса, варьирующимся в очень узком диапазоне от 0,629 (Болгария) до 0,678 (Россия). Польше ее эксперты выставили оценки, обеспечившие значение индекса, равное 0,872 (см. таблицу 4.2.1). При этом ранги индексов варьируются от 5 (Латвия) до 3 (Россия). У Польши этот индекс имеет почетный ранг 2 (см. таблицу 4.2.2).

А теперь обратимся к диаграммам рисунка 4.2.7. Первое, что бросается в глаза, – это распределение стран на группы, близкое тому, что мы наблюдали благодаря данным рисунков 4.2.4 и 4.2.6: Польша и Чили выделяются невысокой величиной разрыва, близкого к единице; следующую группу образуют Латвия, Болгария и Россия; и потом снова обособленно – Украина с самыми высокими разрывами. Затем обращает на себя внимание сходство структур значений индексов R у разных стран (за исключением Польши): везде качество неформальных практик характеризуется меньшим разрывом, чем у двух остальных критериев.

Если усреднить по странам значения индекса R, то выяснится следующее: минимальное среднее будет у качества неформальных практик (1,251), затем следует правоприменительная практика (1,504), и самое высокое значение, впрочем, с небольшим разрывом, у влияния сопряженных институтов (1,536). Тем самым мы получаем подтверждение Гипотезы 3. Ведь проблема правоприменительной практики – тема весьма обсуждаемая, она на слуху. А о влиянии сопряженных институтов говорят крайне мало, но если говорят, то в контексте отдельных случаев или типовых патологий вроде «телефонного права».

И тем не менее, мы обнаруживаем, что влияние сопряженных институтов занимает первое место из трех.

Однако обольщаться преждевременно. Нельзя исключать, что мы имеем здесь дело со своеобразным проявлением корпоративного инстинкта, согласно которому судьи-эксперты используют ответы на вопросы о влиянии сопряженных институтов как опцию, с помощью которой можно переложить ответственность за проблемы судебной власти с нее на внешние факторы. Конечно, мы не задаем вопросы, подталкивающие к этому, вроде: «Кто больше виноват в проблемах судебной власти, сами судьи, представители других органов власти или общество?» Но факт есть факт, такая поведенческая опция существует, а потому мы должны проверить, насколько ее использование вносит вклад в объяснение полученного результата.

Вот возможный вариант проверки: если такой корпоративный эффект действует, то на уровень разрыва для влияния сопряженных институтов должна была бы влиять доля судей среди экспертов одной страны. Однако это предположение не подтверждается расчетами. Это не опровергает полностью выдвинутую версию, но делает ее менее правдоподобной. Тем не менее, влияние субъективных мешающих факторов на конечный результат следует учитывать. Например, низкий результат для неформальных практик может объясняться не их реально низким влиянием, а свойствами массового сознания, которое просто недооценивает влияния неформальных практик по сравнению с формальными нормами. Экспертное мнение также может быть подвержено этому предрассудку. Но все-таки одного примера Украины достаточно, чтобы понимать, что полученное нами подтверждение Гипотезы 3 не может быть отнесено к числу артефактов.

4.3. Портреты стран

В заключение мы проанализируем индивидуальные особенности каждой из стран, ставших объектом нашего исследования. Начнем с приема, использованного выше, – с отбора вопросов с наибольшим и наименьшим средним индексом. Ниже мы проанализируем содержимое пяти таблиц для пяти стран (Россия описана в разделах 2 и 3), устройство всех таблиц одинаково. Для их формирования отдельно

для каждой страны вопросы анкеты сортировались по возрастанию среднего по всем экспертам данной страны значения оцифровки ответов (средняя оцифровка вопроса). Затем отбирались вопросы с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок, числом от пяти до восьми в каждой группе, в зависимости от особенностей распределений средних на хвостах распределений. Наименьшие значения индицировали вопросы, задевающие наиболее проблемные аспекты функционирования судебной власти страны, а наибольшие значения средней оцифровки указывали на вопросы, соответствующие тем аспектам работы судебной власти, которые эксперты данной страны расценивали как наиболее благополучные. Таким образом, мы намерены описывать каждую страну по списку самых тяжелых проблем и самых благополучных сторон работы. Для этого каждая таблица имеет два раздела: первый раздел содержит список «проблемных» вопросов»; второй – список «благополучных» вопросов. Каждый вопрос представлен в списке своим номером, формулировкой и в правом столбце средней по экспертам страны оцифровкой ответов. В списках сохранено упорядочение вопросов по возрастанию (сверху вниз) средних оцифровок ответов.

Мы увидим ниже, что иногда эти списки содержат вопросы, касающиеся очень важных сторон функционирования судебной власти. Тогда мы будем отвлекаться, чтобы сравнить по таким вопросам наши шесть стран между собой.

Начнем с Болгарии. Верхний список содержит шесть вопросов. Особняком стоит первый из этих вопросов, с наименьшим значением средней оцифровки. Это вопрос 41, касающийся нормативного регулирования консультативной помощи в суде. Это единственный из вопросов в первом списке, касающийся формально-нормативной стороны функционирования судов. Мы видим, что эксперты из Болгарии указывают своими ответами на важный, с их точки зрения, пробел в регулировании. Если обратиться к таблице П3.2 Приложения, к ее строке с номером 41, то мы увидим, что этот аспект нормативного регулирования во всех странах оценивается ниже нулевой отметки (вторая по «отрицательности» – Польша). Не исключено, что эксперты из Болгарии подошли к данной проблеме наиболее самокритично.

Отдельную группу в первом списке проблемных вопросов образуют два вопроса с номерами 52 и 53; оба вопроса фактически посвящены коррупции в судах. Характерно, что оба эти вопроса наличествуют в аналогичных списках для Латвии и Украины. В разделе 2.4

Таблица 4.3.1

Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Болгарии. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
41. Предусматривают ли нормы, регулирующие работу судов, возможность прибегать к помощи специальных консультантов – работников суда (например, помощников судей и работников канцелярий, секретариатов)?	-0,731
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,598
17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?	-0,583
46. Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?	-0,500
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,471
10. В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?	-0,457
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,473
12. В какой мере правосознание судейского корпуса влияет на независимость конкретных судей?	0,577
59. В какой степени состязательность и равенство сторон гарантируются нормами, регулирующими судебный процесс?	0,578
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,595
57. Предусмотрена ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	0,621

аналогичный список для России также содержит оба эти вопроса. Напомним, что эксперты из Чили на этот вопрос не отвечали, сочтя его бессмысленным для судов своей страны.

Естественно поставить вопрос, в какой мере ответы на вопросы о коррупции разных стран являются объективными. Такая постановка вопроса вполне обоснована, учитывая деликатность вопроса и разнообразие возможных реакций на такую деликатность. Мы видели это на примере российских судей, которые в большинстве своем отказывались отвечать на «неприличные» вопросы. Попробуем ответить на этот вопрос с помощью сопоставления индексов наших вопросов с международными рейтингами коррупционности стран. Один из самых известных рейтингов ежегодно публикуется международной организацией Transparency International. Это так называемый «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perception Index), который определяется по методике, агрегирующей данные различных социологических опросов и других исследований, результатом которых становится сравнение стран по уровню коррупции[15]. Значения индекса присваиваются таким образом, что чем меньше коррупция в стране, тем выше значение индекса.

Прежде всего, мы сопоставим для шести стран значения Индекса восприятия коррупции со значениями, которые получены усреднением по вопросам 52 и 53 индексов, представленных в таблице П3.2, которыми мы пользуемся сейчас при анализе особенностей стран. Т.е. для каждой страны мы выводим, если можно так выразиться, среднюю «обременительность взятки» и для граждан, и для организаций. Следующий рисунок 4.3.1 представляет диаграмму рассеяния для двух описанных переменных.

Формальное сопоставление двух рядов значений, представленных на приведенной диаграмме, с помощью коэффициента ранговой корреляции Кендэла дает значение коэффициента, равное 0,4, а доверительная вероятность, определенная по точному критерию, равна 0,242. Это может подтолкнуть к отклонению гипотезы о наличии зависимости между двумя переменными. Однако диаграмма рассеяния своим интересным видом препятствует этой поспешности. Расположение точек-стран на диаграмме в целом указывает на наличие положитель-

[15] Информацию о методике подсчета Индекса восприятия коррупции, а также других международных рейтингов, которые мы будем ниже использовать, можно найти в докладе Фонда ИНДЕМ «Разнообразие стран, разнообразие коррупции» на сайте Фонда ИНДЕМ.

Рисунок 4.3.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс восприятия коррупции (TI) за 2008 г. – ось X; среднее средних оцифровок ответов экспертов каждой страны ответов для вопросов 52 и 53 – ось Y

ной статистической зависимости. Значение доверительной вероятности, подталкивающее к принятию гипотезы о независимости, определяется небольшим числом наблюдений. Но дело не только в этом. Предлагается рассмотреть на диаграмме рассеяния две группы точек. Первая группа – Украина, Болгария и Латвия – лежат на прямой, демонстрирующей положительную линейную зависимость между уровнем коррупции и усредненными оцифровками ответов на вопросы 52 и 53. Тогда вторую группу образуют Россия и Польша. Они совместно демонстрируют ту же зависимость, что и три первые точки-страны, но сдвинутую выше. Такой сдвиг может иметь довольно правдоподобное объяснение: эксперты из России и Польши дают оценки, приукрашивающие реальное положение дел. На диаграмме рисунка 4.3.1 читатели видят две стрелки; каждая из них имеет своим началом точку-страну второй группы, каждая параллельна вертикальной оси; каждая

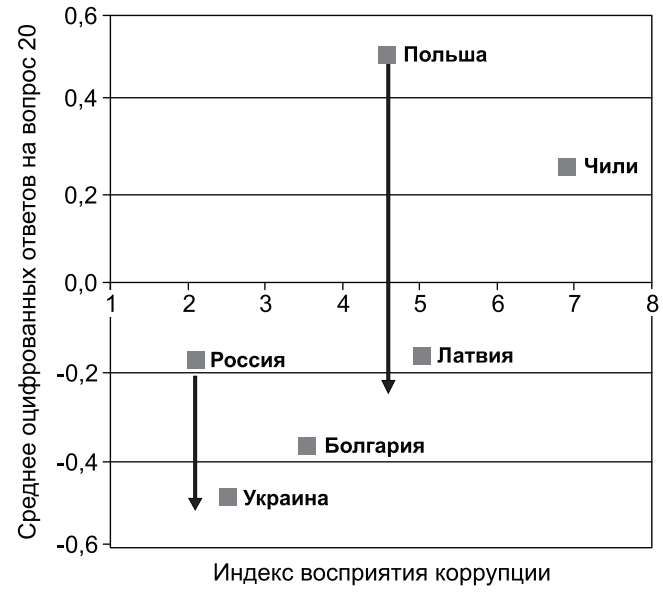


Рисунок 4.3.2. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс восприятия коррупции (TI) за 2008 г. – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 20 – ось Y

имеет своим концом воображаемую точку на прямой, соответствующей зависимости, образованной тремя точками-странами первой группы. Мы можем предполагать, что если бы эксперты из России и Польши давали ответы на вопросы 52 и 53, более точно отражающие ситуацию, то мы получили бы практически идеальную линейную зависимость.

Следует сразу подчеркнуть: это только гипотеза, которую подтвердить трудно. Но несколько проверок мы все-таки проведем. Первая такова: в анкете был вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?». Рассмотрим диаграмму рассеяния, подобную диаграмме рисунка 4.3.1, в которой вертикальная ось будет соответствовать средней по экспертам каждой страны оцифровке ответов на вопрос 20 (рисунок 4.3.2). Тут еще важно, что тогда на диаграмме появляется точка, соответствующая Чили. Кроме того, этот вопрос входит в набор наиболее проблемных вопросов для Украины

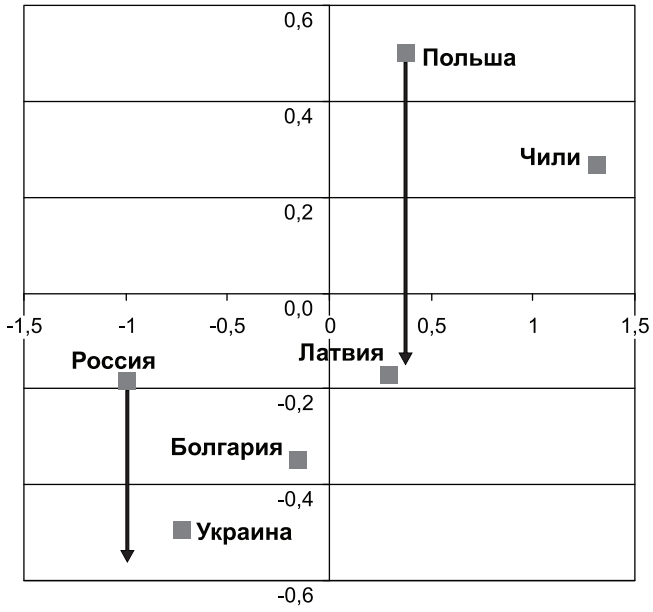


Рисунок 4.3.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Контроль над коррупцией» за 2008 г. (Всемирный банк) – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?» – ось Y

В данном случае расчеты дают нам значение рангового коэффициента корреляции Кендэла, равное 0,467, при доверительной вероятности, определенной по точному критерию, равной 0,136. Наши предположения подтверждаются: доверительная вероятность уменьшилась при появлении новой точки. Важно, что точка «Чили» легла на зависимость, ранее заданную тремя точками первой группы. А в остальном картина осталась такая же, что и на диаграмме рисунка 4.3.1. Тем самым мы получаем косвенное подтверждение выдвинутой выше гипотезы о том, что эксперты России и Польши приукрашивают коррупционную действительность своих стран (либо, конечно, обладают заниженными требованиями по сравнению с экспертами других государств, что дает тот же эффект). Подтверждение

основано на замене пары вопросов 52 и 53 вопросом 20 на ту же тему коррупции.

Следующая проверка основана на предположении, согласно которому наблюдаемые нами эффекты определяются выбранным способом измерения коррупции – Индексом восприятия коррупции. Чтобы проверить это подозрение, заменим в диаграмме рисунка 4.3.2 переменную, соответствующую оси X. Вместо Индекса восприятия коррупции воспользуемся индексами, которые ежегодно представляет Всемирный Банк в своем проекте «World Governance Indicators» (WGI). Задача проекта – присвоить странам индекс эффективности государственного управления, который определяется агрегированием частных индексов, представляющих различные аспекты управления. Один из таких частных индексов называется «Контроль над коррупцией». Диаграмма рисунка 4.3.3 представляет результат такой замены одного индекса коррупции на другой.

Мы снова видим ту же картину. Единственное различие – по индексу коррупции Всемирного банка Польша чуть приличнее Латвии, а по версии TI – чуть хуже. Таким образом, мы видим, что наблюдаемые эффекты не зависят от выбора индекса измерения коррупции.

Последняя проверка, которую мы здесь предложим, должна откликнуться на другое потенциальное возражение. Ведь речь идет, можно сказать, только о коррупции, причем международный индекс касается коррупции вообще, а наши средние оцифровки – коррупции в судах. Поэтому необходимо отойти от темы коррупции и рассмотреть иной сюжет. Воспользуемся для этого вопросом 17 «Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияние на судей?» и средними для каждой страны оцифровками ответов на этот вопрос. (Кстати, данный вопрос также входит в число наиболее проблемных вопросов и для Болгарии, и для Украины.) С этой величиной мы сопоставим значения для тех же стран другого индекса – «Rule of Law»[16] из того же исследования WGI Всемирного банка. Естественно полагать, что порядок, устанавливаемый посредством Rule of Law, противоречит политическому или административному вмешательству в работу судов и судей, что и должно отражаться

[16] Мы полагаем, что адекватных коротких переводов этого важного термина не существует. Самый удачный – «Верховенство права». Ближе всего толкование (не перевод) примерно такое: «Управление посредством универсальных законов по сравнению с управлением посредством конкретных директив».

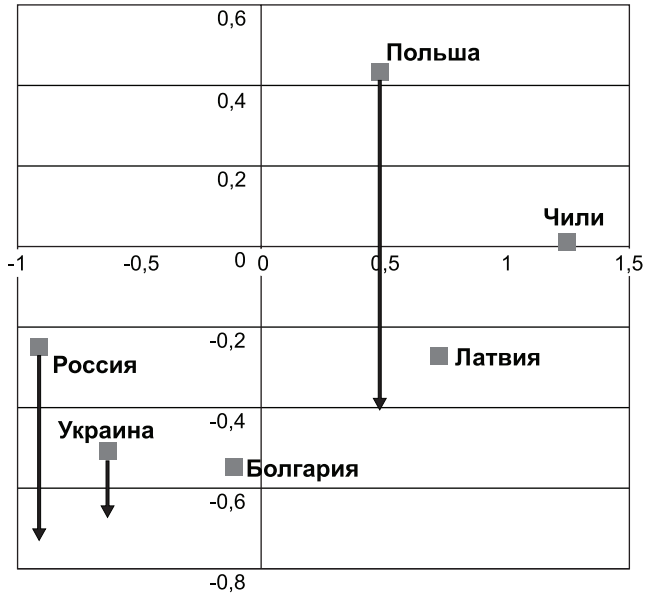


Рисунок 4.3.4. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Rule of Law» за 2008 г. (Всемирный банк) – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 17 «Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?» – ось Y

на соответствующей диаграмме рассеяния, которую читатели найдут на следующем рисунке 4.3.4.

Мы видим на диаграмме такую же картину сдвига точек, соответствующих Польше и России, вверх в направлении более позитивных оценок. Единственное отличие от предыдущих конфигураций точек (было бы странно и подозрительно, если бы никаких отличий не было) состоит в том, что точка «Украина» сдвинулась несколько вверх, но не так решительно, как Россия и Польша. Итак, мы получили несколько подтверждений гипотезы о том, что оценки России и Польши сдвинуты в сторону констатации более благополучного положения дел, нежели это есть на самом деле. Мы не вдаемся в причины такого сдвига, они могут быть разными. В частности – прямое

намерение продемонстрировать более благополучную ситуацию; другой вариант – более низкий «стандарт качества». Как бы то ни было, мы вернемся к этому факту в заключительном разделе, чтобы показать, что этот сдвиг не влияет на наши основные выводы.

Уже упоминалось выше, что изучавшийся только что вопрос 17 входит в шестерку наиболее проблемных вопросов для Болгарии. Мы убедились сейчас, что этот вопрос корреспондируется со степенью осуществления в стране принципа «Rule of Law» в той его части, которая касается независимости судов. Неудивительно, что в эту же шестерку вопросов входит вопрос 10 «В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?», посвященный той же теме. Тем самым можно сказать, что болгарские эксперты видят главную проблему судебной власти в ее независимости, сопряженной с разного рода влияниями на судей – в первую очередь, коррупционными.

Последний вопрос шестерки проблемных вопросов для Болгарии – вопрос 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?». Есть гипотеза, которая объясняет сочетание проблемы электронного доступа с проблемами независимости, а также высокие требования к своей судебной власти, выражаемые в негативных оценках, присваиваемых болгарскими экспертами своей судебной власти. Можно предположить, что такие оценки и их структура вызваны высокой требовательностью, порожденной устремлениями болгарской элиты в Европу (Евросоюз). Это предположение подтверждается и вторым набором вопросов, относящихся к благоприятным аспектам функционирования судебной власти. Они ориентированы на проблемы независимости суда, европейских стандартов права. Четыре из пятерки вопросов касаются формальных аспектов, и только один (12-й вопрос) – неформального: правосознания судейского корпуса, которое оценивается болгарскими экспертами весьма позитивно. По этому аспекту Болгария лидирует, и с существенным отрывом.

Теперь перейдем к анализу содержимого таблицы 4.3.2, содержащей списки проблемных и благополучных вопросов для Чили.

Список шести проблемных вопросов в приведенной таблице довольно разрозненный. Он задевает следующие проблемы: дороговизна адвокатских услуг, недостаточная численность судей, слабая ориентация на международное право, низкое качество бесплатной правовой помощи. Эксперты из Чили указывают также и на негативное влияние

Таблица 4.3.2

Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Чили. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,403
68. Насколько охотно судьи используют при вынесении судебных решений практику международных судов?	-0,359
35. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения административных дел?	-0,330
34. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения гражданских дел?	-0,281
55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,280
29. В какой мере предшествующая работа судьи влияет на принимаемые им решения?	-0,267
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
26. В какой мере судьи проявляют самостоятельность мышления при принятии решений?	0,382
64. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами подзаконных актов?	0,382
59. В какой степени состязательность и равенство сторон гарантируются нормами, регулирующими судебный процесс?	0,384
62. В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?	0,387
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,391
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,446
63. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,457
23. Каков уровень исполнения судебных решений?	0,530

Таблица 4.3.3

Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Латвии. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,443
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,439
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,438
19. Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судейской бюрократии?	-0,388
34. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения гражданских дел?	-0,376
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
64. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами подзаконных актов?	0,505
26. В какой мере судьи проявляют самостоятельность мышления при принятии решений?	0,513
56. В какой мере работа судебного аппарата, обеспечивающего функционирование судов и судей, влияет на отправление правосудия?	0,522
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,597
44. В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе через сеть Интернет) к информации о расположении судов и графике их работы?	0,722

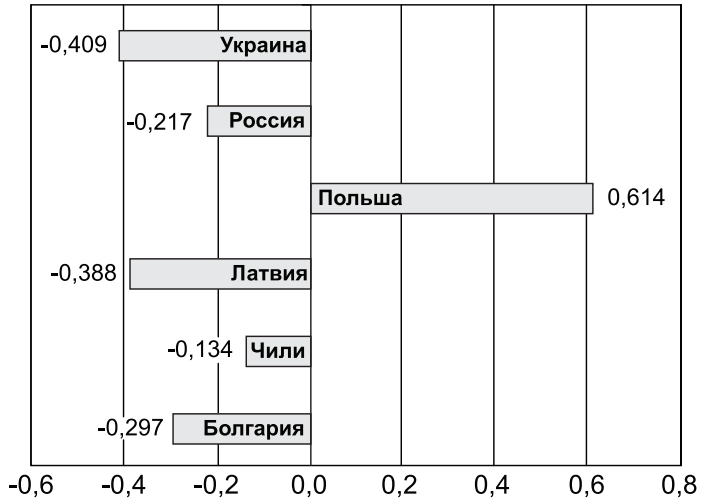


Рисунок 4.3.5. Средние для каждой страны оцифровки ответов на вопрос 19 «Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судейской бюрократии?»

предшествующей работы судьи. Интересно, что на ту же проблему сетуют эксперты из Латвии и Болгарии, а вот эксперты из России или Украины оценивают эту проблему нейтрально.

Наиболее положительным аспектом чилийские эксперты назвали уровень исполнения судебных решений (вопрос 23). В не меньшей степени положительно оценивают этот аспект польские эксперты. И обе страны существенно выделяются по сравнению с остальными. Другие положительные аспекты также разрозненны и не определяют какой-либо специфики судебной власти Чили, которая могла бы быть зафиксирована универсальным инструментом наподобие экспертной анкеты.

Теперь рассмотрим два списка вопросов для Латвии из таблицы 4.3.3. В списке пяти наиболее проблемных вопросов мы видим, прежде всего, два вопроса (52 и 53) об обременительности взяток. К ним по величине индекса примыкает проблема величины затрат на услуги адвокатов. Далее следует пара вопросов, один из которых – снова вопрос о дефиците судей.

Наконец, в список входит важная проблема негативного влияния на судей судейской бюрократии. Поскольку, как показывают наши глубинные интервью, эта проблема крайне важна для России, рассмотрим ее проблематичность для всех шести стран на диаграмме рисунка 4.3.5. Интересно, что для всех стран, кроме Польши, средняя оцифровка проблемы, связанной с вопросом 19, ниже нуля. Т.е. в той или иной степени данная проблема негативно влияет на правосудие в этих странах. Более того, любопытно, что это распространяется и на Чили – страну, которая превосходит в указанном наборе всех по индексу «Rule of Low». Польша, составляющая исключение, выделяется крайне существенно, что снова заставляет подумать о завышении оценок польскими экспертами. Следует отметить также значение средней оцифровки для России, выводящее ее на третье призовое место вслед за лидером-Польшей и сдержанными экспертами Чили. При этом Россия почти в два раза превосходит Литву с судебной властью, которую международные рейтинги ставят много выше России. Подозрение – то же самое.

В наборе шести наиболее проблемных вопросов для Польши (таблица 4.3.4) снова встречаются вопрос 46 (проблема электронного доступа к судебной статистике), как в болгарском списке (и российском, следует добавить); вопрос 48 (расходы на услуги адвоката), как в случаях всех стран, кроме Болгарии, которой, видимо, повезло в этом случае; 68 (готовность судей использовать практику международных судов), как и в Чили; 88 (отсутствие традиции гражданского контроля), как и в России. Два вопроса определяют индивидуальное лицо главных проблем Польши. Во-первых, это вопрос 57 (наличие норм, предусматривающих возможность учитывать практику международных судов). Во-вторых, вопрос 54 (эффективность помощи гражданам со стороны работников суда).

Список благополучных аспектов в случае Польши включает набор вопросов, отражающих как формальные, так и неформальные стороны функционирования судов. Характерны очень высокие значения средних оцифровок и узкий диапазон их варьирования, что делает этот набор практически случайным.

Список проблемных аспектов в случае Украины (таблица 4.3.5) содержит вопросы 48, 52 и 53, которые, как мы видели, входят в списки еще трех-четырех стран. Наличие в списке вопроса 17 (неформальное политическое и административное влияние на судей) роднит Украину с Болгарией. Один вопрос 20 представляет специфичность

Таблица 4.3.4

Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Польши. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
46. Существует ли возможность доступа (в том числе электронного) к судебной статистике?	-0,672
88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,656
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,581
54. Насколько эффективна помощь гражданам, обращающимся в суд, работников суда (например, помощников судей и работников секретариатов)?	-0,579
68. Насколько охотно судьи используют при вынесении судебных решений практику международных судов?	-0,564
57. Предусмотрены ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	-0,476
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
10. В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?	0,905
81. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в гражданском процессе?	0,910
74. В какой степени соблюдение принципов состязательности иравноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?	0,917
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,917
63. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,917

Таблица 4.3.5

Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Украины. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,705
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,614
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,595
17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияние на судей?	-0,500
20. Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?	-0,485
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
62. В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?	0,500
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,503
24. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями этнической принадлежности, принадлежности к национальным меньшинствам, сторон?	0,515
3. Каким образом нормы, регулирующие принятие решений судьями, влияют на независимость (самостоятельность) судей?	0,552
57. Предусмотрены ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	0,785

Украины. За исключением вопроса 48, все остальные вопросы объединяются единой темой коррупции. Список благополучных вопросов не выделяется какой-либо отчетливой тенденцией.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие заключения. Во-первых, списки проблемных вопросов в большей степени и более осмысленно характеризуют страны, чем списки благополучных вопросов, которые выглядят не столь систематично. Во-вторых, списки проблемных вопросов содержат позиции, общие для ряда стран. Так, вопрос 48 (дороговизна услуг адвокатов) касается проблемы, важной для пяти стран (исключение – Болгария). Вопросы 52 и 53, касающиеся коррупции, входят в списки проблем четырех стран (исключения – Чили и Польша). В-третьих, главная тема проблемных списков – коррупция и неформальное влияние на судей.

Теперь для продолжения сравнения стран перейдем с уровня вопросов на уровень индексов. Нам нужно сравнить страны между собой, выделив для каждой из них те характеристики, которые выделяют их и по величине, и в сравнении с другими странами. Для этого мы используем следующий прием. Возьмем в качестве исходных данных значения индекса Pp по всем четырнадцати критериям для каждой страны в отдельности (см. таблицу 4.2.1). Для каждой страны подсчитаем среднее арифметическое значение всех индексов по четырнадцати критериям и стандартное отклонение тех же четырнадцати чисел. Получим шесть пар средних и отклонений. Затем для каждой страны в отдельности (т.е. для столбцов таблицы 4.2.1) преобразуем значения четырнадцати значений индекса Pp этой страны, вычтя из каждого значения среднее арифметическое индексов этой страны и поделив полученную разницу на стандартное отклонение. Такое преобразование называется стандартизирующим, потому что в результате мы приписываем критериям такие значения, что страны становятся сопоставимыми между собой. Новые значения характеризуют критерии внутри каждой страны не в абсолютном выражении, а в относительном. Они определяют направление и степень отклонения данного критерия относительно среднего значения индексов для данной страны, а отклонение от среднего меряется в единых единицах стандартного отклонения для каждой страны. Полученные таким образом стандартизированные значения индекса Pp собраны в приведенной ниже таблице 4.3.6.

Для дополнительного пояснения сути проделанного преобразования приведем пример результата его применения. Сравним Латвию

и Польшу по второму критерию – Неформальный аспект независимости судов. В таблице 4.2.1 мы находим, что по этому критерию Латвия уступает Польше (значения индекса Pp равны, соответственно, 0,723 и 0,963). А в таблице 4.3.6 мы обнаруживаем, что Польша уступает Латвии (соответственно, -0,318 и -0,144). Во втором случае мы видим, что польские эксперты ставят неформальный аспект независимости судов ниже относительно среднего уровня значений индексов для Польши, чем эксперты из Латвии при оценке своих судов.

Для построения портретов стран в каждой строке таблицы 4.3.6 мы выделим по две страны с наибольшими значениями стандартизированного индекса и по две страны с наименьшими значениями. Иногда, когда это обусловлено значениями в таблице, мы будем вместо пары отмечать одно значение, или даже ни одного. Затем выделенные критерии будем использовать как «краски» в портретах стран. Таким образом, если в портрет страны попадает, в положительном или отрицательном смысле, некоторый критерий, то он попадает туда потому, что имеет достаточно большое или маленькое значение по сравнению со значениями того же критерия у других стран. Теперь рассмотрим образованную таким образом «галерею».

Болгария. Ее позитивными чертами является независимость – и судов, и судей с их решениями. Отрицательные черты в портрете – влияние сопряженных институтов и обеспеченность судов.

Чили. Специфические черты ее портрета связаны с теми критериями, которые отрицательно характеризуют все страны. В трех случаях Чили оказывается наименее плохой, и соответствующие критерии образуют позитивную часть портрета: неформальный аспект независимости судей, формальный аспект доступности правосудия и качество неформальных практик. В двух случаях чилийские эксперты рисуют негативный портрет своей страны мрачнее других: неформальный аспект справедливости правосудия и качество правоприменительной практики.

Латвия. Сходным образом сформирован и портрет этой страны. По сравнению с другими странами ее положительно выделяют неформальные аспекты независимости судов и справедливости правосудия, а отрицательно – формальный аспект доступности судов и обеспеченность судебной власти.

Польша обладает наиболее богатым набором «красок». Положительные стороны ее портрета включают: независимость судов в целом, неформальные аспекты независимости судей и справедливости

правосудия, качество правоприменительной практики и обеспеченность судебной власти. Столь же тщательно прописана и негативная сторона портрета, включающая формальный аспект независимости судей, доступность судов в целом, формальный аспект справедливости правосудия и качество неформальных практик.

Россия (как и Болгария) прорисована наиболее скупо. Ее положительная черта – лишь обеспеченность судов, а отрицательные – неформальные аспекты независимости судов и судей.

Украина имеет портрет несколько более подробный. Она лучше всех оценивает свой формальный аспект справедливости правосудия и доступности судов. Хуже экспертов в других странах украинские

Стандартизированные значения индекса P_p для каждой страны
Чем выше значение индекса, тем выше качество работы суда

№	Критерий	Болгария
1	Формальный аспект независимости судов	1,591
2	Неформальный аспект независимости судов	-0,730
3	Формальный аспект независимости судей	1,391
4	Неформальный аспект независимости судей	-0,287
5	Формальный аспект доступности судов	-0,070
6	Неформальный аспект доступности судов	-0,617
7	Формальный аспект справедливости правосудия	1,470
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	-0,791
9	Качество нормативного регулирования	0,957
10	Качество правоприменительной практики	-1,009
11	Качество неформальных практик	-0,270
12	Влияние сопряженных институтов	0,370
13	Обеспеченность судебной власти	0,419
14	Качество принятия судебных решений	0,580

эксперты оценивают следующие негативные черты правосудия страны: неформальный аспект независимости судов, качество неформальных практик и влияние сопряженных институтов.

Следует обратить внимание на то, что две «краски» оказались не использованными в портретах: качество нормативного регулирования и качество принятия судебных решений. По этим критериям эксперты всех стран оценили свои страны как довольно благополучные.

Мы завершим сравнение стран на макроуровне попыткой создать их коллективный портрет – точнее, обобщить и визуализировать сходства-различия между ними, выраженные четырнадцатью критериями. В качестве числового выражения мы будем использовать

Таблица 4.3.6

в отдельности по четырнадцати критериям работы судебной власти.
по данному критерию с точки зрения экспертов

Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина
1,494	1,404	1,664	1,587	1,254
-0,470	-0,144	-0,318	-1,135	-0,976
0,614	0,740	0,112	0,746	0,408
0,072	-0,173	0,019	-0,540	-0,314
0,000	-0,413	-0,430	-0,310	0,207
-1,265	-1,019	-2,626	-1,500	-1,071
1,566	1,760	0,093	1,056	1,947
-1,169	-0,240	0,243	-0,476	-0,686
0,639	0,692	0,813	1,151	0,929
-1,590	-1,260	0,402	-1,056	-0,917
0,217	-0,221	-0,327	-0,151	-0,414
0,568	0,461	0,677	0,432	0,319
0,521	0,455	0,851	0,566	0,459
0,672	0,693	0,868	0,685	0,712

Рисунок 4.3.6. Диаграмма, представляющая структуру сходств-различий между странами, выявленную на основании сравнения иерархий критериев работы судебных властей стран

ранги индексов этих критериев, которые были представлены ранее в таблице 4.2.2. Выбор именно рангов обусловлен выявленными нами выше особенностями работы экспертов отдельных стран, которые затрудняют работу со значениями индексов для сравнения стран друг с другом. Прибегая к рангам индексов мы тем самым сопоставляем страны по тому, как они выстраивают иерархию (упорядочение, ранжирование) критериев от благополучных к проблемным. Две страны похожи, если они сходным образом упорядочивают критерии; страны тем более различны, чем больше различаются упорядочения критериев. Тут важно также понимать, что такое сравнение стран осуществляется на основании «экспертной самооценки», а не каких-либо показателей, которым мы вправе придать статус объективных. Можно сказать иначе: мы сравниваем публично отчуждаемую рефлексию экспертов состояния судебной власти своих стран.

На рисунке 4.3.6 представлена диаграмма, на которой точки-страны расположены следующим образом. Близко находящиеся точки-страны характеризуются сходными иерархиями критериев, далеко

расположенным точкам-странам соответствуют страны с различающимися иерархиями критериев. Чем больше различаются иерархии, тем дальше друг от друга на диаграмме точки-страны[17].

На этой диаграмме мы видим сравнительно компактную группу из четырех стран: Болгария, Украина, Чили и Россия. По вертикальной оси от них отделяется Латвия, а по горизонтальной – Польша. Два дополнительных наблюдения, довольно интересных. Первое: факт вхождения Чили в указанную выше группу четырех стран. Второе: ближе всех к Польше оказывается Россия. Еще раз необходимо подчеркнуть, что здесь сходство-различие состоит не в степени тяжести проблем или величественности достижений, а в структуре этих проблем или достижений. Очень важно, с данной точки зрения, место, занимаемое Чили. Это дает нам основание предполагать, что Гипотеза 1 может быть распространена по своему действию на страны, претерпевающие не обязательно транзит в целом, но лишь серьезную трансформацию судебной власти. Однако это пока лишь гипотеза, формулируемая на основании полученных данных и их анализа. Ее подтверждение может быть получено только при охвате подобным исследованием большой группы стран.

[17] Приведенная на диаграмме рисунка 4.3.6 конфигурация точек-стран получена нами применением статистической процедуры неметрического многомерного шкалирования (см., например, Справочник по прикладной статистике. В 2-х т. Т. 2: Пер. с англ. / Под ред. Э. Ллойда, У.Ледермана, С.А. Айвазяна, Ю.Н.Тюрина. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 240–299). Использовалась стандартная процедура пакета SPSS. В качестве матрицы различий между ранжировками применялась метрика L1 между векторами ранжировок (сумма абсолютных значений разницы рангов). В остальном режим вычислений был стандартный.

Глава 5
Обсуждение полученных результатов и основные выводы

Мы делим этот раздел на три неравные части. Первая часть – верификация некоторых ранее сделанных заключений. В основном, это будет касаться заключений из четвертой главы. Для этого будут привлечены данные некоторых сравнительных исследований по различным странам, в которых затрагивается судебная власть. Вторая часть – обсуждение отдельных результатов. И третья часть – собственно основные выводы, которые, на наш взгляд, диктует наше исследование.

5.1. Субъективность экспертных оценок и надежность выводов

В этом параграфе мы начнем использовать два источника данных, содержащих результаты двух организаций – World Bank и Freedom House. Первая организация ежегодно публикует рейтинги стран (охватываются практически все страны мира), касающиеся различных аспектов государственного управления, включая рейтинг «Rule of Low», описывающий, как следует из названия, уровень обеспечения судебной властью (и мы обязаны добавить – сопряженными с ней институтами) верховенства права в стране. Вторая организация в рамках проекта «Nations in transit» также ежегодно публикует рейтинги демократичности транзитных стран, среди которых есть рейтинг «Judicial Framework and Independence Rating». Сразу отметим,

что на совокупности транзитных стран эти рейтинги связаны очень высокой линейной статистической зависимостью, характеризуемой коэффициентом корреляции, равным -0,96 (знак минус от разнонаправленности рейтингов).

Прежде всего, обратимся к нашей гипотезе о завышении экспертами некоторых стран оценок состояния судебной власти в своих странах. Фактически в разделе 4.3 мы уже начали верификацию с помощью международных индексов (см. рисунки 4.3.3, 4.3.4 и связанный с ними текст). Тогда мы делали это в рамках анализа особенностей различных стран на уровне микроанализа. Сейчас мы завершим эту работу на уровне макроанализа, обратившись к индексу «Judicial Framework and Independence Rating» американской организации Freedom House. В этом рейтинге главное – независимость судебной власти как один из важнейших атрибутов демократии. Это обстоятельство позволяет нам сопоставить данные Freedom House с нашими обобщенными экспертными оценками по странам. Мы будем использовать наш критерий «Неформальный аспект независимости судов». Причин тому две. Первая – в отношении формального аспекта независимости судов все изучаемые здесь страны примерно равны (Польша, как обычно, выделяется). Вторая – рейтинги Freedom House строятся на основе экспертных оценок. Но эксперты, как правило, давая подобные оценки, ориентируются больше на практику, нежели на качество норм. Насколько наши предположения верны, показывает диаграмма приведенного ниже рисунка 5.1.1. Обратите внимание, что на диаграмме отсутствует точка «Чили», поскольку Freedom House изучает лишь транзитные страны.

Мы видим на диаграмме знакомую уже картину: оценки экспертов из Польши и России сдвинуты в положительную сторону. Тем самым наша гипотеза, высказанная в предыдущем параграфе, подтверждается. Из раздела 3 мы уже знаем, что российские данные сдвинуты, в основном, за счет группы экспертов-судей (см. рисунок 3.1.1). Отдельный анализ данных, полученных от польских экспертов, также позволяет выделить компактную группу экспертов, чьи оценки сдвинуты по отношению к остальным польским экспертам. Эта группа составляет примерно 16% от всех польских экспертов. В нее входят только судьи, занятые в судах общей юрисдикции со стажем не ниже среднего. Их оценки весьма сходны, что может объясняться, как и в случае с российскими судьями, корпоративной позицией. Следует отметить, что для обеих стран принадлежность

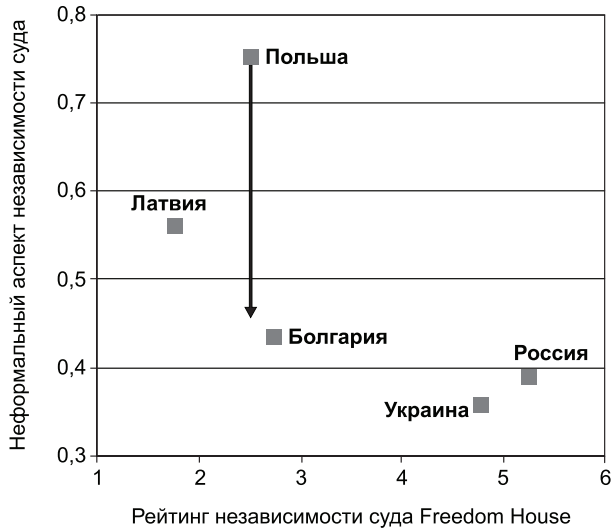


Рисунок 5.1.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Judicial Framework and Independence Rating» (Freedom House) за 2008 г. – ось X; Индекс «Неформальный аспект независимости суда» по пяти странам – ось Y

судейскому корпусу не полностью (но в основной части) объясняет наблюдаемый нами сдвиг в оценках при сравнениях с международными индексами.

Итак, мы с высокой степенью достоверности можем говорить о наличии групп экспертов, разных профессий или из разных стран, которые дают сдвинутые оценки. Мы проверяли достоверность сдвига в сторону позитивных оценок. И вправе предполагать, что тщательный анализ может выявить и систематические верифицируемые сдвиги в сторону негативных оценок. Правда, поверхностный взгляд таких явных сдвигов не обнаруживает на групповом уровне. На индивидуальном уровне – пожалуйста. Например, среди польских экспертов легко выявляется единственный эксперт-диссидент, дающий резко заниженные оценки по сравнению с остальными.

В любом случае, мы обязаны обсудить важный вопрос: насколько выявленные сдвиги влияют на наши выводы, на результаты проверки базовых гипотез. Мы считаем: ***такое влияние отсутствует***, и ниже обосновываем это утверждение.

Если вернуться в начало текста к формулировкам наших базовых гипотез, то нетрудно установить, что ***объектом нашего изучения является судебная власть*** как институт в широком смысле, во всех его взаимосвязях и проявлениях, формальных и неформальных, в процессе трансформации. Экспертные оценки и, следовательно, эксперты, группы экспертов, образованные по профессиональному признаку или из разных стран, – это инструмент изучения нашего объекта. Наше внимание к инструменту – экспертам и группам экспертов – оправдано в силу специфичности инструмента и в силу порождаемой этой специфичностью субъективностью получаемых «результатов измерения», которую мы должны осознавать и учитывать. Любой ответ эксперта на вопрос, относящийся к некоторому объекту, характеризует и объект, и эксперта. Но это обстоятельство позволяет нам в ходе исследования формировать представления об экспертах и их группах, через них оценивать и сравнивать между собой страны, не забывая, естественно, о субъективности оценок. Коль скоро экспертные оценки разнообразны, то мы не могли пройти мимо изучения этого разнообразия. Все это наличествовало в приведенном выше анализе. Но все это «вторичный», хотя и весьма интересный, продукт нашего исследования. Завершая эту линию рассуждений и желая быть предельно точными, мы так сформулируем наше отношение к полученным выше выводам, касающимся описания и сопоставления стран в предыдущем разделе. Следует помнить, что когда мы оцениваем или сравниваем страны, мы фактически оцениваем и сравниваем оценки групп экспертов из этих стран. Поэтому результаты таких описаний и сопоставлений должны восприниматься с учетом наличия субъективной компоненты, которую мы также постарались описать.

Вернемся к «первичному продукту», к объекту нашего исследования. В нем мы описываем суды посредством набора критериев. Важно обратить внимание на то, что все три базовые гипотезы, приведенные в начале данного текста, либо сформулированы в терминах соотношений между критериями, либо допускают верификацию с помощью соотношений между критериями или соотношений между ответами на разные вопросы.

Последний факт очень важен, поскольку он соотносится с главной (в данном случае) особенностью психологии экспертной работы. В процессе заполнения экспертной анкеты эксперт непосредственно взаимодействует с вопросами анкеты, выбирая ответы на них.

Субъективность ответов эксперта проявляется, главным образом, двумя способами. Первый: объективная субъективность опыта. Эта субъективность полезна. Именно для того, чтобы ее учесть и аккумулировать, необходимо разнообразие экспертов и групп экспертов. Второй – оценочная субъективность. Она проявляется в том, что эксперт, отвечая на вопросы анкеты, воспроизводит систематический сдвиг оценок в позитивную (как мы зафиксировали) или негативную стороны. Нам не важно происхождение этого сдвига. Он существует и систематически влияет на оценки (ответы). Но самое главное следующее. ***Эксперт***, систематически воспроизводя при ответах свойственную ему в той или иной степени оценочную субъективность, ***не контролирует, в подавляющей массе, соотношения между своими ответами на разные вопросы***[18]. Именно поэтому мы наблюдали сходство структур (упорядочений) индексов критериев у экспертов из разных групп (см. рисунки 3.2.2 и 4.2.3). То же самое касается и наблюдавшихся нами соотношений между вопросами или небольшими группами вопросов (см., например, параграф 2.3). Все это означает, что фигурирующие в данных, выявляемые нами статистически надежные соотношения между ответами экспертов несут более объективную информацию, чем сами ответы. Но именно на таких соотношениях основаны наши гипотезы и (или) их проверка. Тем самым ***наши выводы, прежде всего касающиеся достоверности выдвинутых базовых гипотез, не страдают от наблюдаемой и описываемой нами субъективности экспертных оценок***.

5.2. Поле права в соотношении с другими субполями власти

Для дальнейшей верификации полученных нами результатов мы снова подключим к нашему исследованию упомянутые выше результаты проекта Всемирного банка «World Governance Indicators»

[18] В качестве любопытной аналогии можно привести следующий эффект. Люди в своей речи обычно контролируют ее содержание: суждения, оценки и т.п. (исключения – психические аномалии или крайнее возбуждение). Но они не в состоянии контролировать используемые ими в речи метафоры (которые также по своей роли выполняют функцию взаимосвязей между понятиями, смыслами). См., например: Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем, М.: Едиториал УРСС, 2004.

Таблица 5.2.1

Перечень рейтингов программы WGI Всемирного банка. Приведены применяемый здесь код рейтинга, его английское название и русский перевод названия

Код	Русский перевод	Оригинальное название
VaA	Право голоса и подотчетность	Voice and Accountability
PSaAV	Политическая стабильность и ненасилие	Political Stability & Absence of Violence/Terrorism
GE	Эффективность управления	Government Effectiveness
RQ	Качество регулирования	Regulatory Quality
RoL	Верховенство права	Rule of Law
CoC	Способность ограничивать коррупцию	Control of Corruption

(далее – WGI). В рамках этого проекта Всемирный банк ежегодно, начиная с 1996 г., определяет и публикует значения шести рейтингов-индикаторов-индексов более чем для двухсот стран мира[19]. Каждый из индексов по специальной методике определяется по совокупности международных сравнительных исследований, проводящихся различными национальными и международными организациями, на основании опросов и экспертных оценок предпринимателей, экспертов и т.п. Следует иметь в виду, что на протяжении всего проекта происходили определенные изменения в названиях и трактовках индикаторов. Приведенная ниже таблица содержит перечень этих рейтингов в той редакции, которая используется в последние годы.

Каждый индикатор откалиброван таким образом, чтобы он изменялся в диапазоне от -2,5 (наихудшее качество) до 2,5 (наилучшее качество). Ниже всем шести индикаторам даны более подробные разъяснения.

[19] Об этих индикаторах можно прочитать в цитировавшемся выше докладе Фонда ИНДЕМ «Разнообразие стран и разнообразие коррупции». Но лучше прибегнуть к первоисточникам: D. Kaufmann, A. Kraay, and P. Zoido-Lobatón. Aggregating Governance Indicators (World Bank Policy Research Working Paper 2195), October 1999. D. Kaufmann, A. Kraay, and P. Zoido-Lobatón/ Governance Matters (World Bank Policy Research Working Paper 2196), October 1999.

1. ***Право голоса и подотчетность*** – используются оценки развитости гражданских свобод, ответственности властей перед избирателями, прозрачности механизмов управления, демократичности избирательной системы и т.п.
2. ***Политическая стабильность и ненасилие*** – рассматриваются различные аспекты стабильности-нестабильности, включая террористические угрозы, этнические вопросы, социальную сферу и т.п.
3. ***Эффективность управления*** – учитываются характеристики принятия и реализации решений, структурные характеристики управления (персонал, чиновничество, его структура, ротация и пр.).
4. ***Качество регулирования*** – здесь учитываются необоснованное вторжение государства в нетипичные для него сферы деятельности и контроля, а также конкуренция, банковская система, ценовой контроль и т.п. в той мере, в какой они определяются государством.
5. ***Верховенство права*** – оценка соответствия принципам и институтам правового государства экономической (главным образом) деятельности и ее государственного регулирования.
6. ***Способность ограничивать коррупцию*** – обобщаются данные значительного числа исследований по оценке уровня коррупции в различных странах.

Трактовка данного набора индикаторов затруднена с социологической или институциональной точек зрения. Если говорить об индикаторе, который интересует нас в первую очередь, то ясно, к примеру, что верховенство права обеспечивается не только одним институтом судебной власти. Уровень коррупции, если говорить только о власти, зависит от совокупного действия различных властных институтов. Второй индикатор – «Политическая стабильность и ненасилие» – вообще относится не столько к функционированию власти, а к результирующей внешних обстоятельств и множества внутренних факторов, из которых эффективность властных институтов – лишь одна из частностей. Учитывая все это, мы решили использовать для социологической трактовки этих индикаторов категорию поля по Бурдье. С первым индикатором мы будем ассоциировать поле политики, с третьим – поле исполнительной власти, с четвертым – поле законотворчества, с пятым – поле права, а для последнего введем понятие «поле коррупции».

Отправной точкой нашего анализа мы сделаем результат естественной попытки проверить, насколько тесно взаимосвязаны между собой все шесть индикаторов. Понятно, что результат будет зависеть от набора стран. Поскольку мы изучаем, в основном, транзитные страны, то мы проделаем это для соответствующей выборки стран для данных WGI 2008 г.[20] Ниже в таблице 5.2.2 приводятся значения линейных коэффициентов корреляции для всех пар индикаторов.

Мы видим, что значения коэффициентов очень велики, доверительные вероятности таковы, что отклонение гипотезы о независимости сопряжено с ошибкой, вероятность которой описывается исчезающе малой величиной. Диаграммы рассеяния между переменными, связанными с индикаторами указывают на наличие линейных зависимостей или монотонных зависимостей, слабо отличающихся от линейных. Может возникнуть предположение, что все шесть индикаторов измеряют почти одно и то же. Но это поспешное предположение.

Дело в том, что все шесть переменных из таблицы 5.2.2 связаны сложными структурными соотношениями, которые не выявляются при простейшем корреляционном анализе. Тому есть три формальные причины: первая – каждая парная взаимосвязь рассматривается изолированно от других; вторая – корреляционные зависимости симметричны и не указывают на причинные взаимосвязи. Третья причина – самая важная. Конкретная корреляционная зависимость, фиксируемая при анализе, может оказаться ложной корреляцией. Это означает, что существует некоторая третья переменная, влияющая одновременно на две первые и определяющая наблюдаемую корреляционную зависимость между первыми двумя переменными. Забегая вперед, приведем пример из нашего анализа. Мы видим из таблицы 5.2.2, что между переменными CoC и PSaAV имеется корреляция, равная 0,687, – вполне почтенная корреляция, подталкивающая

[20] Эта выборка стран включала следующие страны: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан. Кроме того, к этим странам была добавлена Португалия, которая очень часто становилась ориентиром развития для российской политической элиты. Тем более, что Португалия проходила процесс транзита – правда, раньше. Кроме того, по совокупности значений индикаторов эта страна очень близка наиболее продвинутым транзитным странам.

Таблица 5.2.2

Коэффициенты линейной корреляции между индикаторами исследования WGI Всемирного банка 2008 г. по транзитным странам

	VaA	PSaAV	GE	RQ	RoL	CoC
VaA	1,000	0,630	0,872	0,930	0,915	0,916
PSaAV	0,630	1,000	0,677	0,568	0,738	0,687
GE	0,872	0,677	1,000	0,910	0,950	0,932
RQ	0,930	0,568	0,910	1,000	0,910	0,883
RoL	0,915	0,738	0,950	0,910	1,000	0,966
C0C	0,916	0,687	0,932	0,883	0,966	1,000

к выводу, что чем выше стабильность, тем меньше коррупция (или наоборот – чем меньше коррупция, тем выше стабильность). Однако если с помощью специальной статистической техники, о которой речь пойдет ниже, ввести в анализ переменную RoL, т.е. рассмотреть, какова взаимосвязь между CoC и PSaAV при разных значениях RoL, то выяснится, что корреляция между CoC и PSaAV падает до значения -0,147, т.е. до статистически незначимого значения, позволяющего сделать вывод об отсутствии непосредственного взаимовлияния между CoC и PSaAV. Вместо этого мы можем сделать следующий вывод: чем выше верховенство права, тем, в среднем, меньше коррупция (или выше способность ограничивать коррупцию) и тем выше стабильность. Это влияние и обуславливает непосредственно наблюдаемую корреляцию между CoC и PSaAV.

В этом примере переменная RoL называется *контролирующей переменной*, а вычисленная при учете ее влияния корреляция между CoC и PSaAV называется частной корреляцией; сама техника, позволяющая исследовать влияние одних переменных на корреляции между другими, называется *метод частных корреляций*[21]. Он славен

[21] Метод частных корреляций позволяет рассматривать сразу несколько контролирующих переменных. Но в нашем случае это не продуктивно. Так, в рассмотренном нами примере любое добавление к RoL какой-либо другой переменной в качестве контролирующей не приводит к существенно новой картине зависимости между CoC и PSaAV. Поэтому мы будем применять метод частных корреляций только в части влияния одной контролирующей переменной на корреляции между остальными. Кроме того, метод работает, когда фиксируемые связи близки к линейным.

тем, что не только позволяет выявлять ложные корреляции, как корреляция между CoC и PSaAV, но и устанавливать направление выявленных зависимостей. В нашем примере верховенство права в большей степени влияет на коррупцию, нежели наоборот, хотя некоторое обратное влияние тоже существует.

Наш пример показывает, как контролирующая переменная может повлиять на высокую корреляцию между переменными, уменьшив ее до незначительной частной корреляции. Если бы мы в нашем примере в качестве контролирующей переменной взяли VaA вместо RoL, то частная корреляция оказалась бы почти такой же, как исходная прямая корреляция между CoC и PSaAV. Т.е. в данном примере переменная RoL влияет на связь между CoC и PSaAV и сами переменные CoC и PSaAV, а переменная VaA – не влияет. Иными словами: переменная RoL лучше переменной VaA объясняет переменные CoC и PSaAV и связь между ними. Это дает подсказку, как различать шесть исследуемых переменных по их влиянию на остальные. Соответствующая статистическая техника исследования частных корреляций, развитая в ходе нашего проекта, описана в Приложении. Из всех описанных там конструкций, мы воспользуемся только последней – величиной ξ. Она характеризует степень влияния одной из переменных в некотором наборе на остальные переменные этого набора и взаимосвязи между этими остальными переменными. Величина ξ меняется в интервале от -1 до 1. Если величина ξ_i больше 0, то можно говорить, в определенном статистическом смысле, что i-я переменная влияет на все остальные переменные и связи между ними тем больше, чем больше величина ξ_i, чем ближе ее значение к 1. Если величина ξ_i меньше 0, то можно говорить, что i-я переменная не только не влияет на остальные переменные, но и «зашумляет» связи между ними. Иными словами, в статистическом смысле, значение величины ξ_i определяет место i-й переменной в системе причинно-следственных связей совокупности исследуемых переменных.

После этих комментариев обратимся к диаграмме рисунка 5.2.1. На нем представлена диаграмма-«профиль» значений величины ξ_i – вектора, каждая компонента которого соответствует одному из рейтингов проекта WGI. Рейтинги расположены на рисунке в порядке,

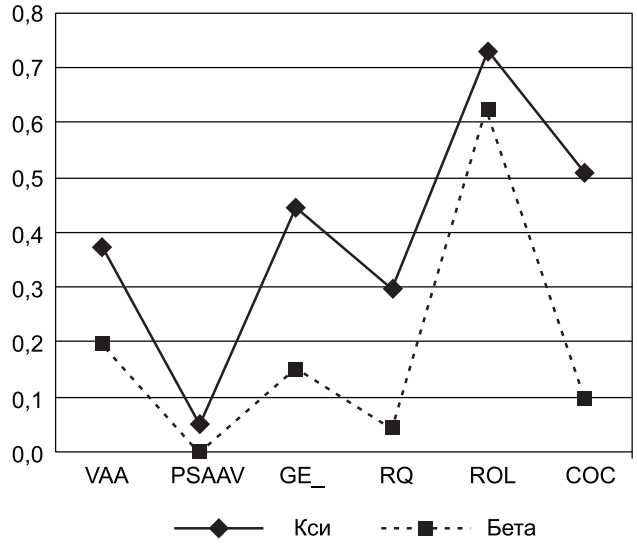


Рисунок 5.2.1. «Профиль» значений переменных ξ и β, характеризующих влияние рейтингов WGI на остальные по данным 2008 г.

который задан структурой данных, предложенных на сайте Всемирного банка. Для сравнения на той же диаграмме приведен профиль переменной β (см. Приложение).

Данные, демонстрируемые диаграммой рисунка 5.2.1, весьма вдохновляющие. Чтобы убедиться в их надежности, сопоставим профили величины ξ за несколько лет. Это сопоставление осуществлено для 2000, 2003, 2006 и 2008 гг. на диаграмме рисунка 5.2.2.

Мы видим на диаграмме рисунка 5.2.2, что четыре различных года, разделяемых апофеозом террористического противостояния, повторяют полностью тенденции, характеризующие соотношения между рейтингами WGI. У нас есть все основания утверждать, что выявленные соотношения являются не артефактом или случайно проявленной картиной, а устойчивой фундаментальной тенденцией. Тут, что важно, нет различия между интерпретацией данных диаграмм 5.2.1 или 5.2.2.

Итак, первое, что важно зафиксировать, хотя это не имеет прямого отношения к проверяемым гипотезам: из шести полей, охватываемых рейтингами WGI, доминирующим по влиянию на остальные является поле права. Иными словами, ***главное, что определяет***

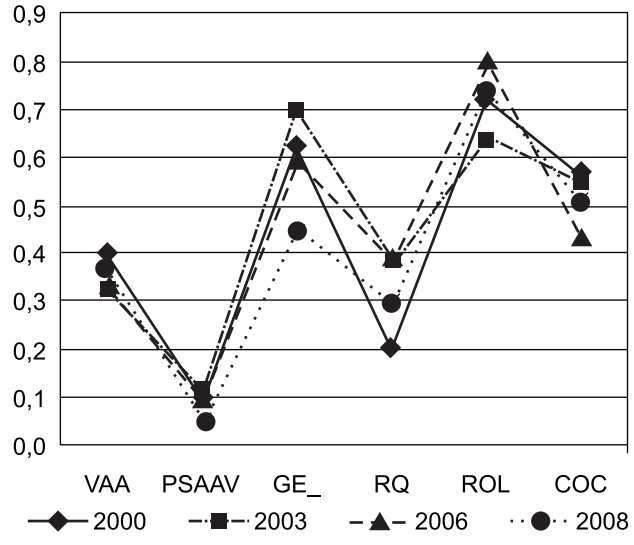


Рисунок 5.2.2. Профили значений переменной ξ, характеризующей влияние рейтингов WGI на остальные по данным за четыре года

различия между транзитными странами, – степень верховенства права. Это, бесспорно, существенно с точки зрения объекта нашего проекта. Тут интересно и то, что, как уже упоминалось выше, рейтинги наподобие индексов WGI характеризуют, прежде всего, неформальные аспекты функционирования судебной власти. И здесь существенно положение в профиле (профилях) рейтинга RQ – «качество регулирования». Именно этот рейтинг характеризует формальные аспекты общего поля власти. Мы видим, что этому рейтингу соответствуют низкие значения переменной ξ. Тем самым оказывается, что неформальные, скорее всего, аспекты функционирования судебной власти, являются более определяющим фактором для функционирования субполей власти, чем качество нормативного регулирования.

Конечно, мы должны иметь в виду, что рейтинг RQ характеризует качество регулирования не судебной власти, а, в первую очередь, экономических институтов. Бесспорно, что переменная RoL может трактоваться достаточно широко, и эта трактовка не обязана существенно корреспондироваться с какими-либо аспектами функционирования судебной власти, рассматриваемыми в нашем проекте.

Но, как бы то ни было, мы видим: «Rule of Low» – определяющее субполе власти, в большей степени влияющее на все остальные, нежели остальные на него. А качество регулирования – некая не самая важная посредственность[22], скорее подверженная влиянию, нежели определяющая все прочее. Тем самым у нас есть основания для предположения, согласно которому ***состояние судебной власти во всей ее полноте, включая неформальные аспекты, много важнее, чем состояние законодательства***. Возможно, что Гипотеза 1 нашего исследования, описывает лишь частный случай некоторой более общей закономерности, которая и проявляется, в частности, в результатах, полученных при анализе частных корреляций между рейтингами WGI. Очень важно: расчеты показывают, что то же самое соотношение между RQ и RoL сохраняется при изменении выборки стран. Нами это проверено на выборке западных стран с устоявшейся демократией, на выборке азиатских и исламских стран и на выборке всех стран, охваченных исследованием WGI, за те же четыре года – 2000, 2003, 2006, 2008. Тот же результат дает не только анализ статических значений индексов, но и их изменений во времени. Таким образом, есть все основания считать полученный результат весьма доказательной и важной верификацией Гипотезы 1 на данных совершенно иной природы.

Было бы просто трудно обойти комментариями другие интересные факты, извлекаемые из диаграмм 5.2.1 и 5.2.2. Поражает, что лелеемая многими политиками и гражданами стабильность (рейтинг PSaAV) оказывается всего лишь следствием иных обстоятельств (состояний субполей), но совсем не условием для чего бы то ни было. Но это тема для иного исследования. Другое наблюдение: важность контроля над коррупцией (иначе – уровня коррупции) как субполя, влияющего на остальные. Наконец, в ряду других факторов, влияющих на прочие, располагается эффективность исполнительной власти, конкурирующая по уровню влияния с коррупцией, но весомо уступающая верховенству права. И последнее: состояние политической конкуренции (рейтинг VAA) оказывается столь же посредственно нейтральным, как и качество регулирования. И это тоже факт, чреватый отдельным исследованием, выходящим за рамки нашего проекта.

[22] Термин «посредственность» используется здесь не в уничижительном, а, скорее, «геометрическом» смысле, отсылающем к таким коннотациям, как «середина», «посредник».

Вот что поразительно и что, бесспорно, необходимо отметить в первую очередь. Полученные по рейтингам WGI результаты вступают в полное противоречие с идеологией и практикой модернизационных транзитных проектов. В них судебная власть – сугубо вспомогательный институт. Основное внимание уделяется новым законам и их качеству (мы видели выше, какое посредственное место занимает субполе законодательства), политической конкуренции (тот же комментарий) и исполнительной власти (уступающей существенно по влиянию судебной власти, как видно из результатов нашего анализа). И вот что парадоксально, если обратиться к проведенному нами анализу частных корреляций рейтингов WGI на выборке западных демократических стран, то обнаружится, что эффективность исполнительной власти (GE) сравнивается по уровню посредственности (в районе нуля) с качеством нормативного регулирования и уровнем политической конкуренции (VAA). Лидируют два субполя – права и коррупции[23].

Все перечисленное навевает некоторые мысли по поводу стандартных стратегий модернизации. Главным признаком тоталитарных и авторитарных режимов является доминирование вертикальных систем отношений, среди которых выстраивание «вертикалей власти» – лишь частный случай. Любые горизонтальные системы отношений оказываются врагами вертикалей. Любые властные институты выстраиваются или искажаются таким образом, чтобы обслуживать вертикальные системы отношения – прежде всего, отношения властного доминирования по вертикали. Это касается и судебной власти. Именно такова была советская судебная власть, встроенная в тоталитарную вертикаль. Современная демократическая судебная власть организована совершенно по-другому именно потому, что она

[23] Летом 1998 г. в Париже состоялась международная конференция по проблемам коррупции, инициированная европейскими организациями и Всемирным банком. На заключительном заседании российская делегация (все трое – из Фонда ИНДЕМ) выступила со следующим заявлением, обращенным к международным финансовым институтам: «Вы регулярно предоставляете разного рода кредиты нашей стране, за что мы вам благодарны. Предоставление этих кредитов сопровождается перечнем некоторых условий их предоставления, что вполне естественно. Однако, насколько нам известно, ни разу среди этих условий не содержалось требование снижения коррупции. Между тем, всем нам понятно, что коррупция делает ваши кредиты мало эффективными. Намерены ли Вы продолжать подобную практику?» К нашему удовлетворению, это обращение повлекло некоторые последствия. Однако оно, как сейчас ясно, было неполным. Мы ничего не сказали тогда про судебную власть. Не понимали еще.

настроена на обслуживание горизонтальных отношений, особенно в сфере предпринимательства. Такая возможность обеспечивается позицией судебной власти в качестве посредника. Причем посредничество осуществляется не только между фирмами или между гражданами, но также между другими органами власти, с одной стороны, и фирмами или гражданами – с другой. Тем самым независимый судпосредник «горизонтализирует» отношения между органами власти и гражданами или юридическими лицами.

Обычно полагают критерием успешности транзитных модернизационных проектов повышение эффективности управления, в первую очередь, экономикой. Однако представленные здесь соображения подталкивают к предположению иного толка: самое главное в транзитных модернизационных проектах – перестройка институтов с обеспечения вертикальных отношений на обеспечение горизонтальных отношений. Но из всех институтов власти именно судебная власть отвечает за это качественное принципиальное изменение. Данный факт, как следует из предлагаемого объяснения, выдвигает на первое место по влиятельности именно поле права. То обстоятельство, что в паре с полем права в лидерах влиятельности выступает поле коррупции, подкрепляет предлагаемое объяснение. Ведь коррупция внедряет горизонтальные неформальные отношения там, где неэффективны вертикальные формальные отношения. (Но, компенсируя дефекты управления, коррупция разлагает как управление, так и другие институты.)

5.3. Основные выводы

Начнем с наиболее важных методических выводов. В целом мы рискнем утверждать, что разработанный и использованный в данном экспертном исследовании инструментарий (анкета и процедуры анализа) продемонстрировал надежность и продуктивность. Тот факт, что он позволяет выявлять как общие тенденции, так и специфические особенности при сравнении стран, дает основания предполагать, что этот инструментарий будет эффективен и при сравнении состояния судебной власти одной страны в разные годы. Такой вывод опирается на следующее рассуждение: когда мы сравниваем различные транзитные страны, то фиксируем не только различия в культурах или

судебных системах, но и разные фазы транзита. Наш вывод означает, что ***данный инструментарий может использоваться при мониторинге состояния судебной власти***. Конечно, для этого необходима небольшая коррекция тех недоработок, которые были выявлены в ходе исследования, о чем пойдет речь дальше.

За исключением нескольких вопросов эксперты не испытывают затруднений при ответах на вопросы. Средний уровень использования ответа «Затрудняюсь ответить» не оказывает значимого влияния на точность наших выводов. Вместе с тем, есть несколько вопросов, которые могут неоднозначно пониматься экспертами (вроде вопроса 71). Эти вопросы нуждаются либо в корректировке, либо в замене. Однако их число не велико, а используемый методический инструментарий нивелирует их возможное искажающее влияние. Зафиксированы эффекты сдвига оценок для отдельных групп экспертов. Но дополнительный анализ показывает, что с помощью адекватных статистических методов этот сдвиг компенсируется и наши выводы относительно базовых проверяемых гипотез не подвержены влиянию таких сдвигов.

Когда вопросы касаются не судебной власти, а общества, эксперты склонны выдавать желаемое положение дел за действительное. Такой эффект зафиксирован, в частности, при ответах на вопрос 21 о востребованности обществом информации о работе судов. Но этот вопрос не вошел в какие-либо группы вопросов, связанные с построениями индексов. Также российские эксперты переоценивают, относительно полученных нами социологических данных, интенсивность обращения граждан в суд (вопрос 47). В целом, можно утверждать, что агенты поля юстиции имеют довольно смутное представление о клиентах поля юстиции.

Главный вывод: ***исследование подтвердило справедливость трех базовых гипотез, сформулированных в начале текста***. Об этом свидетельствуют и данные исследования, и верификация наших выводов с помощью данных международной статистики. Важно также, что сходным образом гипотезы подтверждаются как на российских данных, так и на данных экспертов из других транзитных стран. Тем самым мы вправе предполагать, что наши гипотезы справедливы для стран, претерпевающих глубокую трансформацию судебной власти.

Наше исследование позволяет не только проверить базовые гипотезы, но и выявить особенности их реализации. Ниже мы перечислим наиболее важные из них.

Гипотеза 1: «Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна». Рассмотрим критерии работы судебной власти, выделяющиеся с точки зрения экспертов:

– наиболее проблемной зоной эксперты сочли практику реализации норм, регулирующих работу судебной власти и неформальный аспект доступности судов;

– из проблемных критериев внеинституционального толка наименее проблемным эксперты сочли «Неформальный аспект независимости судей»;

– наиболее благополучными аспектами функционирования судов эксперты определили «Формальный аспект независимости судов» и «Качество норм, регулирующих работу судебной власти»;

– в списке благоприятных аспектов наименее благоприятным эксперты определили «Формальный аспект доступности судов».

Если говорить о разрывах между формальными и неформальными аспектами работы судебной власти, то наиболее высокие разрывы фиксируются для независимости суда и справедливости правосудия. Интересно также, что фиксируемая степень разрыва для страны корреспондируется со степенью продвинутости трансформации судебной власти в том смысле, который определяется соответствием неформальных правил формальным нормам.

Гипотеза 2. «Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия».

Наше исследование позволило достаточно убедительно выявить одну из зон внешнего интереса (влияния): ***участие власти в судебных процессах в качестве одной из сторон снижает состязательность и процессуальное равенство сторон***. Тем самым мы выделяем один

из признаков зоны судебного поля, в которой проявляется специфичность проблем функционирования судебной власти. Однако возможно существование и других зон, выявление которых требует дополнительных исследований. Это вытекает из того, что в странах, где дефекты судебной власти значительны, Гипотеза 2 действует поразному, проявляясь разными способами в зависимости от судебной системы, культуры, традиций, истории развития и трансформации судебной власти. Но есть и общее для многих стран. Это коррупционное влияние, отмеченное как важная проблема экспертами большинства стран.

Гипотеза 3. «Сопряженные с судебной властью институты в большинстве своем оказывают на ее функционирование существенное, недооцениваемое влияние, снижают качество правосудия и искажают цели трансформации судебной власти».

Поскольку речь идет о гипотезах, относящихся ко всему проекту, то различные стороны данной гипотезы проверялись и в других исследованиях проекта. В своем экспертном исследовании мы должны были подтвердить значимость влияния сопряженных институтов на функционирование судебной власти (по оценкам экспертов, конечно). Тут еще нужно учитывать то обстоятельство, что проблема, к примеру, правоприменительной практики – тема весьма обсуждаемая, она на слуху. А о влиянии сопряженных институтов говорят крайне мало, но если и говорят, то в контексте отдельных случаев или типовых патологий вроде «телефонного права». Тем не менее, мы обнаруживаем, что влияние сопряженных институтов занимает первое место среди трех обобщенных критериев, характеризующих внеинституциональные факторы работы судебной власти: «Качества неформальных практик», «Правоприменительная практика» и «Влияния сопряженных институтов», когда мы сопоставляем оценки этих критериев с оценкой критерия «Качество нормативного регулирования».

Сравнение стран между собой с помощью выделения индексов, наиболее контрастно характеризующих позитивные и негативные стороны функционирования судебных властей этих стран, проявило весьма важную и показательную тенденцию. А именно: страны сравнительно благополучные (Чили, Латвия Польша) чаще содержат в списке позитивных свойств те, которые характеризуются критериями, относящимися к неформальным, внеинституциональным аспектам.

А среди негативных сторон встречаются формальные аспекты. Для менее благополучных стран (Болгария, Россия, Украина) верна противоположная тенденция. Этот вывод крайне важен, поэтому мы попробуем его подкрепить.

Для этого мы снова обратимся к данным проекта Всемирного Банка WGI за 2008 г. Возьмем список развитых демократических стран европейской культуры[24] и подсчитаем для них средние значения шести индексов, рассматривавшихся выше (таблица 5.2.1). Этот набор средних значений будем рассматривать как некоторый эталон. Затем рассчитаем для наших шести стран значения величин, имеющих смысл расстояния до эталона (среднее значение шести – по числу индексов – абсолютных значений разницы между эталонным значением индекса и значением индекса для данной страны). После этого (для удобства применения традиционной числовой интуиции) мы полученные числа вычтем из константы, равной 2,5 (напомним, что таково максимальное значение всех индексов WGI). Последнюю величину мы будем рассматривать как меру «продвинутости» страны по пути модернизации. Назовем ее «Близость к европейскому стандарту». Чем больше ее значение, тем ближе страна к построенному нами эталону, европейскому стандарту, тем дальше она (страна) продвинулась по пути модернизации (в духе вестернизации).

Далее мы сопоставим новую построенную нами величину с некоторыми критериями работы судебной власти, определявшимися нами с помощью экспертных оценок в данном исследовании. Обратимся сначала к рисунку 5.3.1. На диаграмме рассеяния рисунка по оси Y отложены значения близости к европейскому стандарту – чем выше на диаграмме страна, тем ближе к стандарту. Мы видим, что явным лидером является Чили, затем тесной парой движутся Латвия с Польшей, потом отстает Болгария, в некотором отрыве от нее Украина, и замыкает колонну Россия. По горизонтальной оси отложены значения индекса «Качество нормативного регулирования»; использована его стандартизированная форма (см. параграф 4.3 и таблицу 4.3.6). Это связано с тем, что исходная форма данного индекса практически не различает страны, за исключением Польши, выделяющейся как обычно.

[24] Мы включили в этот список следующие страны: Австралия, Австрия, Канада, Дания, Финляндия, Германия, Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания. Эти страны характеризуются тем, что значения всех индексов для них близки к единице или выше.

Рисунок 5.3.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Качество нормативного регулирования» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

На диаграмме рисунка 5.3.1 отчетливо просматривается линейная отрицательная статистическая зависимость. Сопоставление упорядочений значений указывает только на одну инверсию по сравнению с полным совпадением упорядочений. Применение точного критерия позволяет установить, что в такой ситуации отклонение гипотезы о независимости чревато ошибкой с вероятностью меньше одной сотой. Теперь о самой статистической закономерности: мы видим, что ***чем ближе страна к европейскому стандарту, тем ниже эксперты страны оценивают качество нормативного регулирования работы судебной власти***.

Данный факт может иметь различные объяснения. Но сравнение этих объяснений будет уместнее делать, рассмотрев еще две диаграммы рассеяния, приведенные на двух следующих рисунках.

На диаграммах рассеяния рисунков 5.3.2 и 5.3.3 вертикальная ось соответствует той же переменной, что и на диаграмме рисунка 5.3.1, – «Близость к европейскому стандарту».

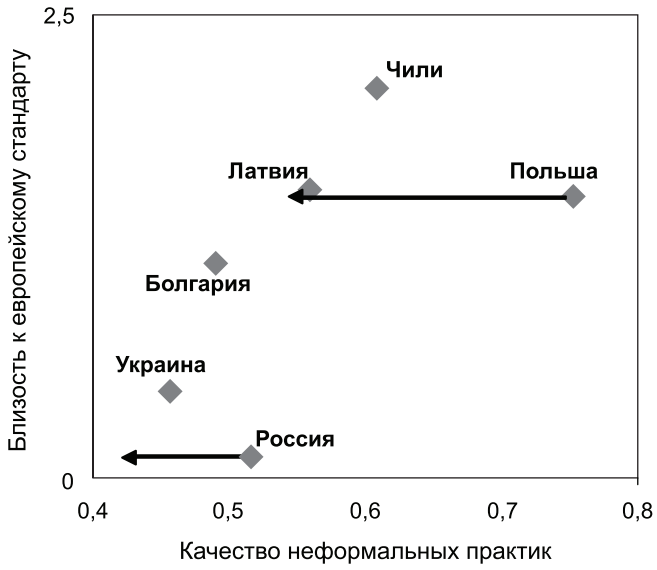


Рисунок 5.3.2. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Качество неформальных практик» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

По горизонтальной оси отложены два других критерия, используемых в нашем исследовании. Оба критерия – «Качество неформальных практик» и «Влияние сопряженных институтов» представлены индексами вида P_p (частота выбора положительного ответа). Но эти критерии уже касаются внеинституциональных факторов. Поэтому на диаграммах рассеяния мы наблюдаем другую статистическую зависимость – линейную положительную. Это означает следующее: чем ближе страна к европейскому стандарту, тем позитивнее оценивают эксперты этих стран влияние на работу судебной власти неформальных практик и сопряженных институтов.

На обеих диаграммах мы видим тот же эффект положительного сдвига оценок экспертов из Польши и России, который фиксировался раньше (сравните с рисунками 4.3.2, 4.3.3, 4.3.4, 5.1.1). Возможный сдвиг помечен стрелками так же, как и на перечисленных рисунках.

Теперь вернемся к возможным вариантам объяснения наблюдаемых эффектов. Их два: субъективное и объективное объяснения.

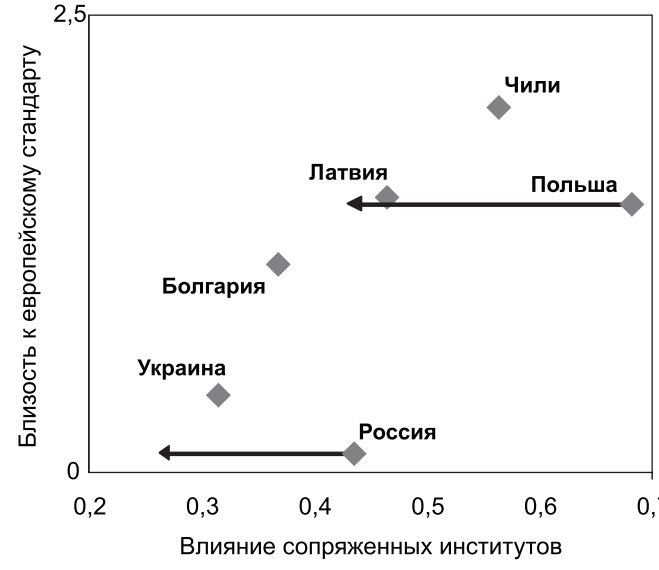


Рисунок 5.3.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Влияние сопряженных институтов» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

Субъективное состоит в следующем. Закономерность, представленную на рисунке 5.3.1, можно объяснить тем, что эксперты из стран, близких к европейскому стандарту, имеют более высокие требования к законодательству, а потому оценивают его с большей требовательностью, что приводит к снижению оценок. Но если такое объяснение справедливо, то эксперты должны были бы со столь же высокой требовательностью относиться к неформальным практикам и влиянию сопряженных институтов. Из этого следовало бы, что на диаграммах рисунков 5.3.2 и 5.3.3 мы наблюдали бы такие же положительные зависимости, что и на диаграмме рисунка 5.3.1. Однако этого не происходит. Значит, субъективное объяснение не работает.

Поэтому мы обратимся ко второму объяснению, объективному. Оно предполагает, что экспертные оценки в целом отражают ситуацию в своих странах, независимо от сдвига в оценках, который, как обсуждалось выше, не влияет на соотношение оценок. А ведь именно оно проявляется в различиях закономерностей, положительной

и отрицательных, которые мы наблюдаем на диаграмме рисунка 5.3.1, с одной стороны, и диаграммах рисунков 5.3.2 и 5.3.3 – с другой[25]. Но совмещая эффекты, проявляющиеся на всех трех диаграммах, мы должны сформулировать следующий вывод.

В ходе продвижения процесса модернизации и, тем самым, по мере приближения страны к европейскому стандарту меняется соотношение между институциональными и внеинституциональными факторами, определяющими качество работы судебной власти. Для ранних стадий характерна концентрация на качестве законодательства, которое обесценивается негативным влиянием неформальных практик и сопряженных институтов. На более продвинутых стадиях недостатки законодательства компенсируются внеинституциональными факторами[26].

Этот вывод крайне важен. Ведь он влечет множество практических следствий. Именно поэтому он нуждается в дальнейших подкреплениях.

Теперь кратко сформулируем рекомендации, вытекающие из полученных результатов, которые могли бы использоваться при разработке стратегий модернизации и при планировании трансформации судебной власти.

1. Несомненно, что судебная власть – ключевой институт в процессе модернизации. Эффективность ее работы в первую очередь определяет работу других институтов. Между тем, при транзите главным образом концентрируются на институтах политической конкуренции, экономических институтах и исполнительной власти. Судебная власть рассматривается как служебный второстепенный институт. В итоге слабость судебной власти становится проблемой для налаживания работы остальных институтов. Представляется настоятельно необходимым ставить реформу судебной власти в число

[25] Если вместо «Качества неформальных практик» и «Влияния сопряженных институтов» рассмотреть построенные на их основе статистики S (см. рисунок 4.2.7), которые показывают разрыв между этими индикаторами и индикатором «Качество нормативного регулирования», то результат будет тот же. Более того, нивелируется сдвиг Польши (останется только сдвиг России).

[26] На одном из экспертных обсуждений результатов нашего проекта в Институте современного развития Т.Г. Морщакова заметила, что немецкие юристы довольно низко оценивают качество законодательства, регулирующего работу судебной власти в своей стране, но считают, что традиции, неформальные практики и правосознание легко компенсируют дефекты или пробелы.

ключевых приоритетов стратегии модернизации. Это не умаляет значение прочих институтов. Несомненно, к примеру, что реальная политическая конкуренция способствует формированию судебной власти как независимого института. Речь о том, чтобы восстановить дисбаланс, возникающий из-за ослабленного внимания к судебной власти.

2. Трансформацию судебной власти необходимо мыслить как преобразование поля права в целом. В первую очередь, это означает, что институциональные преобразования судебной власти должны идти синхронно с модернизацией сопряженных с ней институтов. Это касается, прежде всего, прокуратуры, адвокатуры, милиции (следствия, дознания), исполнительного производства. Такие преобразования должны происходить не только синхронно, но и согласованно.

В порядке иллюстрации: в России параллельно трансформации судебной власти не реформировалась прокуратура; с некоторым запозданием вводился институт исполнительного производства. Позднее трансформации прокуратуры были несистемны, конъюнктурны и никак не корреспондировались с изменениями, происходившими в судебной власти.

3. Та же посылка, что лежит в основе предыдущего тезиса, порождает еще одно важное следствие. Трансформация судебной власти должна включать в качестве важной части влияние на правосознание, неформальные практики, традиции. Возможные инструменты – образование, пресса, искусство[27], деятельность общественных организаций. Специальное внимание должно быть обращено на правосознание представителей судебного корпуса.

4. Отдельный комплекс мер (в случае России) должен быть предназначен для снижения административного и политического влияния на принятие судебных решений (независимость судей). Здесь наиболее действенным инструментом является политическая конкуренция.

[27] Можно в качестве примера указать на важную роль, которую сыграло кино в изменении установок белых американцев в отношении афроамериканцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга закончена и выводы сформулированы. Можно было бы попрощаться с читателями. Но хочется добавить в конце несколько слов.

Первое. Мы не считаем, что закончили с анализом наших социологических данных. В первую очередь, это касается данных социологических опросов. В первую очередь, это касается анализа практики. Новые результаты нашего анализа, развивающие и продолжающие представленные в данной книге, будут появляться в журнальных статьях или интернет-публикациях.

Второе. Хотя наше исследование довольно масштабно, оно далеко не исчерпывающе. По мере возможностей мы намерены продолжать разрабатывать линию социологии права. Есть одна тема, крайне важная, но не нашедшая достойного отражения в нашей работе. Это тема справедливости. В наших исследованиях она возникает, но не систематично, как того заслуживает. Со времен Аристотеля справедливость рассматривается как главная доблесть государственных институтов, оправдывающая их существование. «Производить справедливость» – их главная задача, и в первую очередь это касается судебной власти. Именно в этом смысле она является базовым государственным институтом. Но тут дело не только в практике производства справедливости. Общество-государство получает шанс на нормальное функционирование, когда реализуется соответствие между спросом на справедливость со стороны общества и предложением справедливости со стороны властных институтов. Однако это не только проблема «производства», но и проблема единства представлений о справедливости у обеих сторон.

Мы крайне мало знаем о том и другом. Более того, функционирование общества-государства очень редко рассматривается с этой точки зрения. Между тем, наши исследования неоднократно убеждали нас: граждане в гораздо большей степени ждут от власти справедливости, нежели технической результативности. В противовес этому общепринятый дискурс относительно работы власти у нас в стране

преисполнен обсуждением провалов в результативности, в то время как тема справедливости игнорируется. Не исключено, что в этом проявляется эффект отторжения темы, ранее монополизированной советской идеологией, а также представления о непримиримом конфликте между свободой и справедливостью. Последнее же – суть следствие предельного упрощения (если не вульгаризации) как понятий «свобода» и «справедливость», так и вариантов их сосуществования, взаимодействия. Об этом свидетельствует разнообразный опыт западных демократий. Современные представления об этом взаимодействии больше концентрируются на взаимном обусловливании, нежели на конфликте. Итак, здесь мы видим следующий важнейший рубеж, который должны преодолеть наши исследования.

В-третьих, мы не считаем, что реализованный в наших исследованиях подход к проблеме, структура тематизации изучаемого предметного поля, методические приемы и т.п., единственно верны, уместны, эффективны. Такие представления не соответствовали бы ни логике науки, ни сложности объекта исследования. Мы считаем, что социология права у нас в стране непропорционально мала по масштабам исследований по сравнению с важностью, актуальностью проблем и необыкновенно интересной предметной сферой. Потому мы были бы рады увидеть новые, конкурирующие с нашими, исследования, подходы, методы. Также мы открыты как к сотрудничеству, так и к профессиональной критике.

Использованная литература

1. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Введение в общую теорию. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2001.
2. Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2010.
3. Варданянц Г.К. Социологическая теория права. М.: Академический проект, 2007.
4. Гречин А.С. Социология правового сознания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
5. Кендэл М. Ранговые корреляции. Зарубежные статистические исследования / Пер. с англ. М.: Статистика, 1975.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Леони Б. Свобода и закон / Пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2008.
8. Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. М.: 2001.
9. Определение факторов, влияющих на эффективность предоставления услуг по безопасности от преступных посягательств. М.: ИНДЕМ, 2006.
10. Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
11. Сатаров. Г.А. Социальный интеллект и динамика диспозиций. М.: Фонд ИНДЕМ, 2003.
12. Сатаров Г.А. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007, № 4.
13. Социологическое исследование по изучению отношения граждан Российской Федерации к деятельности органов судебной власти. М.: Центр Социального Прогнозирования, 2005.
14. Справочник по прикладной статистике. В 2 т. Т. 2: Пер. с англ. / под ред. Э. Ллойда, У. Ледермана, С.А. Айвазяна, Ю.Н. Тюрина. М.: Финансы и статистика, 1990.

15. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного / Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
16. Ясюкова Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008.
17. Kaufmann D., Kraay A., and Zoido-Lobatón P. Aggregating Governance Indicators (World Bank Policy Research Working Paper 2195). October 1999.
18. Kaufmann D., Kraay A., and Zoido-Lobatón P. Governance Matters (World Bank Policy Research Working Paper 2196). October 1999.

Состав Электронного приложения

Адрес: http://www.indem.ru/Proj/SudRef/indexR.htm

Раздел 1. Эволюция судоустройства и других аспектов регулирования работы судебной власти в России

Общая характеристика советского правосудия

Судебная реформа на переломе эпох

Трансформация судов в постсоветской России

О судоустройстве в Российской Федерации

Правовой статус судей

Конституционный суд в Российской Федерации: факторы, снижающие степень независимости

Региональная конституционная юстиция

Исследование тенденций развития гражданского и арбитражного процессов Российской Федерации с 1992 г. по настоящее время

Проблемы административной юстиции

Альтернативное разрешение споров

Средства альтернативного разрешения споров в сфере массовой информации

Судебная реформа в России в области уголовного судопроизводства

Функционирование института исполнительного производства в Российской Федерации

Эволюция института прокуратуры с 2003 по 2008 гг. и его взаимодействие с органами судебной власти

Раздел 2. Исследование функционирования судебной власти социологическими методами

Обзор социологических исследований судов в СССР, выполненных в период с середины 60-х гг. XX века до конца 1991 г.

Обзор социологических исследований судебной власти России, выполненных в период с конца 1991 г. по настоящий момент

Доклад о результатах глубинных интервью с экспертами о состоянии судов и права в СССР (от «застоя» до распада)

Доклад о результатах проведения глубинных интервью с экспертами о состоянии права, судебной власти и ее трансформации в Российской Федерации

Доклад о результатах проведения фокус-групп среди граждан и предпринимателей

Доклад о результатах социологических опросов граждан и предпринимателей

Приложения к докладу о результатах социологических опросов граждан и предпринимателей

Доклад о результатах экспертной оценки качества правосудия и работы судебной власти в России и других странах

Приложения к докладу о результатах экспертной оценки качества правосудия и работы судебной власти в России и других странах

Раздел 3. Дополнительные работы и исследования

Доклад о результатах сопоставления проблем судебной власти в ряде стран, осуществлявших трансформацию судебной власти

Исследование возможностей судебной статистики

Доклад о результатах тематического анализа собранного корпуса текстов газетных публикаций по проблемам судебной власти

Доклад о результатах анализа метафорики корпусов текстов газетных публикаций в сравнении с другими корпусами текстов, собранными в процессе применения качественных социологических методов

Результат анализа ряда судебных процессов («анализ кейзов») для иллюстрации выявленных особенностей российского правосудия

Аналитический обзор научной литературы по тематике проекта

Для заметок

Для заметок

Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н.

Социологическое исследование российской судебной власти

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор – Фофанова Н.М.
Корректор – Капитонов Д.М.
Художник – Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка – Гургуца М.Б.

ISBN 978-5-87857-171-5

Сдано в набор 18.04.2010. Подписано в печать 21.06.2010.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Усл.-п.л. 33,5. Тираж 500 экз.
Заказ № .

НОРМА

Издательство «Норма»
192102, г. Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
Тел. (812) 712-67-73

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография Наука»
199034, г. Санкт-Петербург, 9 линия В.О., д. 12/28
Тел. (812) 323-5027